

Абхазский государственный университет
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа

ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ СУДЕБ
УСТНАЯ ИСТОРИЯ ДЕТЕЙ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ ВОЙНЫ

АГУ, АБИГИ
Сухум, 2020

ББК 63.3(5Абх) 6 - 68

УДК 82 – 94

В64

Издание рекомендовано учебно-методическим советом Абхазского государственного университета и утверждено Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И.Гулиа

Автор-составитель: Возба С.З.

***Научный редактор:
Доктор исторических наук, проф. Щеглова Т.К.***

***Рецензент:
Доктор исторических наук, проф. Авидзба А.Ф.***

ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ СУДЕБ. Устная история детей грузино-абхазской войны... / С.З. Возба. Сухум, 2020 г. – 472 с. + 16 ил.

г/р 978 – 5 – 111 – 59 – 11019

В издании публикуются оригинальные устные истории пятидесяти пяти «детей войны»; рассказывается о том, как дети и подростки были вовлечены в войну, и как она их затронула. С помощью методов Устной истории реконструируется коллективная память «детей войны». В представленных материалах содержатся ценные психологические зарисовки, позволяющие глубже понять и оценить происходившие события. Воспоминания очевидцев войны – это сильные, страшные, противоречивые истории, они невольно заставляют переосмыслить некоторые страницы истории грузино-абхазской войны.

Книга адресована исследователям, занимающимся историей грузино-абхазской войны и вопросами устной истории, а также широкому кругу читателей.

От автора-составителя

История человечества в основном написана кровью. Тысячи лет племена, народы, царства и целые империи воевали, и воевали они друг с другом. Многие из древних цивилизаций известны нам сегодня тем, что они были весьма успешны в своих военных начинаниях, расширяя свои территории с помощью насилия. XX век стал свидетелем двух мировых войн. После холодной войны каждый регион мира был охвачен войнами.

За последние 60 лет произошло много изменений в методах ведения войны. Появились новые виды оружия. Число войн между двумя или более государствами (межгосударственные конфликты) постепенно уменьшилось после окончания Второй мировой войны, и почти все вооруженные конфликты, происходящие сегодня, являются гражданскими (или внутригосударственными) конфликтами. Во многих войнах почти нет разделения между гражданской жизнью и полем битвы. Большинство конфликтов, имевших место во время холодной войны, имели геополитический элемент из-за участия либо Соединенных Штатов, либо бывшего СССР (или обеих мировых держав). Окончание холодной войны не принесло мира. Однако она изменила некоторые характеристики войны, устранив во многих случаях геополитический элемент и заменив его другими характеристиками. В основном, возникшие «новые» конфликты являлись гражданскими войнами и зачастую оказывали дестабилизирующее влияние на ситуацию в различных регионах. Одной из характеристик «новых войн» был высокий уровень жертв среди гражданского населения. Молодые люди стали жертвами и участниками войн. Это один из многих факторов, который повлиял на опыт детей и их участие в военной жизни.

Мы нечасто задаемся вопросом: как война влияет на детей и подростков? Что-нибудь изменилось в роли детей в войне за по-

следние сто лет? Что заставляет молодых людей, а порой и детей, идти на войну, и что дети могут сделать для того, чтобы способствовать миру?

Данная работа посвящена теме «Дети и война». Войны всегда оказывали большое влияние на детей. Ведь каждый аспект их жизни находился под угрозой. Многие родители, в основном отцы, в период войны погибают. Родных ранят или убивают. О многих друзьях дети никогда больше не услышат, либо не увидят их. Школы разрушены, люди покидают свои дома. Несомненно, война для детей наполнена болью и неуверенностью.

Прежде чем начну свое повествование о жизни детей в тылу и на войне, хотелось бы окунуть вас в те недалекие времена начала 90-х годов. Более 27 лет отделяет нас от той кровопролитной войны, которая коснулась каждого из нас. Мир заговорил о маленькой стране, о которой ранее почти не слышал. 14 августа 1992 года госсовет Грузии ввел свои войска на территорию Абхазии. Многие могут задаться вопросом: что это было? Война или конфликт? В развитии грузино-абхазских отношений было несколько этапов, характеризовавшихся столкновениями национальных и государственных интересов этих народов. Апогеем этого противостояния стала грузино-абхазская война.

На 14 августа 1992 г. было назначено заседание Верховного Совета Абхазии для обсуждения проекта федеративного договора с Грузией (договор об основах взаимоотношений между Республикой Абхазия и Республикой Грузия). Статьи этого документа говорили о Грузии и Абхазии как о суверенных государствах. Но в то же время государственное объединение этих республик предполагало установление федеративных отношений. К примеру, в статье 3 говорилось: «Республика Абхазия добровольно объединяется с Республикой Грузия и обладает на своей территории всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, кроме тех полномочий, которые отнесены Конституциями Грузии и Абхазии к ведению Республики Грузия»¹. Однако в день планируемого заседания Верховного Совета Абхазии были введены войска на территорию Абхазии. В 12:00 был

¹ Шамба Т.М. Проект договора об основах взаимоотношений между Республикой Абхазия и Республикой Грузия // Абхазия. 1992, №23 (июнь).

нанесен ракетно-бомбовый удар по мирным жителям г. Сухума. Так началась война ...

В течение тринадцати месяцев шла война, уничтожались памятники культуры, была разграблена вся экономическая инфраструктура республики. Сотни тысяч людей вынуждены были бежать из Абхазии. Как отмечает С. Шамба, «Абхазия была поставлена в условия, когда единственной возможностью самосохранения стало вооруженное сопротивление агрессору»¹. Война принесла много разрушений, жертв, без вести пропавших, инвалидов, сирот. Согласно подсчетам Специальной правительственной комиссии Абхазии, общий материальный ущерб, нанесенный войной Республике Абхазия составил 11,3 миллиардов долларов США².

Грузино-абхазская война – не просто страница истории Абхазии – это история человеческих жизней, судеб людей. Война не может обойти стороной никого, она касается всех и каждого. Война – это то, что наиболее четко определяет, кто мы есть. Ведь судьба каждого человека – есть отражение судьбы страны.

В повести М.А.Шолохова «Судьба человека» рассказывает о том, как Андрей, потеряв все, остался жить ради Ванюшки, который был совсем один. М.А.Шолохов так описывает чувства взрослого мужчины, потерявшего все и приобретшего новую жизнь, смысл жизни: «Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное – уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное – не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...»³.

При подготовке данной работы использовался метод устной истории. Он важен тем, что раскрываются те аспекты истории, которые нельзя больше нигде обнаружить. В исторической науке становление устной истории как самостоятельного научного направления произошло во многом благодаря школе «Анналов».

¹ Шамба С. Переговорный процесс: надежды и разочарования//Абхазия – Грузия: Препятствия на пути к миру. – Сухум, 2000. С.4–12.

² Шамба О.Б. Экономический ущерб, нанесенный войной 1992–1993 гг. // Фейзба Я.Р., Шамба О.Б. Национальная экономика Абхазии. – Сухум, 2000. С. 51–53.

³ Шолохов М.А. «Судьба человека». С. 17.

Ее представители обозначили новую проблематику истории – изучение человека во всех его проявлениях. К примеру, Люсьен Февр (1878–1956) и Марк Блок (1886–1944) – общепризнанные основатели школы «Анналов», или новой исторической науки, настаивали на расширении территории истории.

Февр, например, писал: «Каждая эпоха создает свое представление об историческом прошлом. У нее свой Рим и свои Афины, свое Средневековье и свой Ренессанс». Февр отмечал, что история не пишется в «башнях из слоновой кости» – ее создают люди, принадлежащие к своему обществу, они ее реконструируют и интерпретируют¹.

В центре внимания устной истории находится человек как производная и источник исторического процесса. Почему был использован данный метод при исследовании темы «Дети войны»? Устная история – это метод проведения исторических исследований посредством записанных интервью между рассказчиком с личным опытом исторически значимых событий и хорошо информированным интервьюером с целью добавления к исторической записи. Устные истории могут использоваться вместе с другими первичными источниками, а также вторичными источниками для получения понимания истории. Устные рассказы о войне оцениваются историками как важный источник понимания знания и восприятия исторического события отменно взятым человеком.

«Устная история – это не только инструмент или метод», – пишет Гари Окихиро, – это также теория истории, которая утверждает, что простой народ и обездоленные имеют историю и что эта история должна быть написана»².

В нашем случае был использован данный метод, чтобы рассказать истории и судьбы людей во время грузино-абхазской войны. В представленном исследовании акцент дается на самую уязвимую часть населения – детей.

¹ Новая историческая наука; Школа «Анналов» (I и II поколения). – URL: https://studme.org/77634/istoriya/novaya_istoricheskaya_nauka_shkola_annalov_pokoleniya (дата обращения: 20.07.2019).

² One of the five strands of the 1993 International Conference on Oral History was devoted to intergenerational history; the VIII International Conference, Siena, Lucca, Italy, pp. 1061-1143.

Жизненный мир детей в годы войны представляется нам как совокупность устойчивых поведенческих моделей, установок и эмоционально-психологических реакций на воздействия внешней среды.

В данной книге рассказывается о том, как дети и подростки были вовлечены в войну, и как она их затронула. Делается это с помощью историй об отдельных детях и подростках. В книге иллюстрируются и обсуждаются различные способы воздействия войны на детей и молодежь. Детей часто называют «будущим страны». Но какое будущее ждет страну, если большинство ее населения знало только войну? Что происходит с этими детьми и их будущим, когда они лишены условий и установок, которые являются главным обликом для их физического, психологического и умственного развития? Что произойдет, если они не смогут расти в безопасных условиях и не будут иметь доступа к образовательным и медицинским учреждениям? Ведь большинство детей пытается просто выжить во время и после войн.

... Для начала постараемся определиться с термином «дети войны».

До сих пор термины «дети» и «молодежь» использовались без четкого определения возраста. Мало кто из нас назвал бы 8-летнего мальчика или девочку не ребенком. Но когда и в каком возрасте ребенок становится взрослым? И какие критерии мы используем для этого? В большинстве стран дети юридически становятся взрослыми с 18-летнего возраста. Представления о том, что такое «детство» и «взрослая жизнь», широко расходятся в разных обществах. Понимание детства как времени невинности и игры – лишь сравнительно недавняя конструкция. Во времена Средневековья в Европе не было детства, была только фаза младенчества, когда существовала физическая зависимость, после которой те, кто сегодня считаются детьми, вступили в (расширенную) фазу взрослой жизни.

Полезная, хотя и довольно упрощенная модель представлена Крисом Дженксом в его книге «Детство: критические концепции в социологии» в 1996 году¹. В ней различаются два противоре-

¹ Jenks C. Chikdhood Critical Concepts in Sociology. V.I. London, Routledge, 2005.

чивых понятия детства: «Дионисийский» и «Аполлонический»¹. В западном мире до двадцатого века люди придерживались более «Дионисийского» взгляда на детство, но изменения произошли в течение прошлого века на «Аполлоническое». Концепция детства во многих незападных странах, вероятно, ближе к перспективе Диониса, чем к Аполлону, хотя следует осторожно использовать эти западные концепции в незападных условиях. Однако можно наблюдать определенный уровень «аполлонизации», происходящий во многих развивающихся странах, отчасти в результате деятельности западных международных организаций, таких как ООН.

Например, Организация Объединенных Наций использует следующие термины:

- Child: 0–17 years
- Adolescent: 10–19 years
- Teenager: 13–19 years
- Young adult: 20–24 years
- Youth: 15–24 years

Ребенок (несовершеннолетний): 0–17 лет

- Подросток: 10–19 лет
- Подросток (тинэйджер): 13–19 лет
- Совершеннолетний молодой человек: 20–24 лет
- Молодые люди: в возрасте 15–24 лет

---

¹ Аполлоническая и Дионисийская концепции получили философское объяснение в работе Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». Основа этих концепций заложена в двух греческих божествах искусства в Др. Греции – Аполлоне и Дионисе. Аполлон и Дионис – это разные миры: мир сновидения и мир опьянения. Аполлоническое (А.) начало – это чувство меры, самоограничение, свобода от диких порывов, мудрый покой бога – творца образов; дионисийское (Д.) – первобытный хаос и ужас. Если Аполлон – это разумное начало, то Дионис – начало инстинктивное. То есть отношение человека к миру, по Ницше, состоит из двух форм, которые удобно выразить аналогиями сна и опьянения. Если сон обманывает человека иллюзией красоты, порядка и совершенства, то опьянение заставляет его сбросить цепи изоляции и непосредственно слиться с «первоединым». Аполлоническое и Дионисийское. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/86/Аполлоническое//Дионисийское (дата обращения: 27.07.2019).

Таким образом, по данным ООН 15–16-летний человек является одновременно ребенком, подростком и юношей¹.

Многие страны также проводят черту в отношении молодежи в возрасте, когда они попадают под категорию «совершеннолетие». Таким возрастом во многих странах считается 18 лет, и как только человек проходит этот возраст, он считается взрослым. Однако определение термина «молодежь» часто разнится в разных странах, в зависимости от конкретных социально-культурных, институциональных, экономических и политических факторов².

Согласно Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 года, дети имеют право на охрану здоровья, чистую питьевую воду, образование и т.д. Его почти всеобщая поддержка предполагает, что в настоящее время существует общая для всего мира точка зрения на права детей. Как указано в Декларации прав ребенка, «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения»³.

На сегодняшний день международное право становится все более эффективным инструментом защиты прав детей, затронутых конфликтами. Оно используется практиками, политиками в интервенционных и пропагандистских целях. К примеру, Международный Союз спасения детей, основанный еще в 1920 году, после того как Эглантина Джебб и ее сестра Дороти Бакстон основали первую организацию спасения детей в 1919 году в Соединенном Королевстве, сформулировали Женевскую декларацию в 1923 году. Год спустя, в 1924 году, Лига Наций (предшественница ООН) приняла Декларацию о правах ребенка, которая была основана на Женевской декларации. В ней содержалось пять статей, из которых статья 3

---

¹ War and children: a reference handbook / Kendra E. Dupuy and Krijn Peters; foreword by Ishmael Beah. USA. P. 33.

² The United Nations. – URL: <https://www.un.org/development/desa/youth/what-we-do/faq.html> (дата обращения: 24.07.2019).

³ Конвенция о правах ребенка. – URL: https://www.psy-expert.ru/prava_detei/конвенция-о-правах-ребенка/ (дата обращения: 10.04.2019).

имеет отношение к конфликтным ситуациям, в которой говорится, что «ребенок должен первым получать помощь в трудные времена»¹.

Эта предложенная читателю книга содержит стихи детей, переживших войну. Многие из них потеряли своих родителей в результате войны. Они боролись и борются с горем по сей день, одновременно оказывая поддержку своим младшим братьям и сестрам. Женевские конвенции и дополнительные протоколы к ним составляют основу Международного гуманитарного права. Еще в 1959 г. Организация Объединенных Наций сформулировала Декларацию Организации Объединенных Наций о правах ребенка, развивая и расширяя Декларацию 1924 года. Как отмечалось выше, в принципе 8 подтверждается, что «ребенок во всех обстоятельствах должен быть в числе первых, кто получает защиту и помощь».

Дополнительные протоколы I и II 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года касаются защиты жертв международных и немеждународных вооруженных конфликтов и включают конкретные статьи, касающиеся детей. Например, статья 77 дополнительного протокола I: защита детей гласит, что «стороны в конфликте принимают все возможные меры для того, чтобы дети, не достигшие 15-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях и, в частности, ... они воздерживаются от вербовки их в свои Вооруженные силы. В дополнительном протоколе II, охватывающем большинство конфликтов и войн, вышеуказанное более четко сформулировано в статье 4 «Основные гарантии»: «дети, не достигшие 15-летнего возраста, не подлежат вербовке в Вооруженные силы или группы и не допускаются к участию в военных действиях. В более общем плане в нем говорится, что «детям должны предоставляться уход и помощь, в которых они нуждаются». Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 года – результат десятилетних переговоров и их разработки – является самой широко подписанной и ратифицированной конвенцией

---

¹ War and children: a reference handbook / Kendra E. Dupuy and Krijn Peters; foreword by Ishmael Beah. USA. P.15.

12¹, и в ней излагаются гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права детей. Три статьи имеют особое значение для ситуаций вооруженных конфликтов: статья 38 – «Вооруженные конфликты»; статья 39 – «Реабилитационная помощь»; статья 40 – «Отправление правосудия в отношении несовершеннолетних». Статья 38 касается обязательств государств-участников по международному гуманитарному праву в отношении детей в ситуациях вооруженного конфликта².

В статье 1 Комитета ООН по правам ребенка (United Nations Committee on the Rights of the Child) говорится, что «для целей настоящей Конвенции под ребенком понимается каждое человеческое существо в возрасте до восемнадцати лет, если по закону, применимому к ребенку, совершеннолетие не наступает раньше». Африканская хартия прав и благосостояния ребенка 1990 года не предусматривает этого исключения: для целей Хартии «ребенком является каждый человек в возрасте до 18 лет» (Статья 2)³. Таким образом, в соответствии с африканской хартией для лиц в возрасте до 18 лет, но старше 15 лет не существует (юридического) способа вербовки или участия в военных действиях. Большинство африканских стран подписало и ратифицировало Хартию.

Международная организация труда (МОТ) является специализированным учреждением Организации Объединенных Наций, занимающимся вопросами труда. Она была основана в 1919 году и имеет штаб-квартиру в Женеве, Швейцария. В 1999 году она приняла Конвенцию МОТ №182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда». Статья 3 этой Конвенции имеет отношение к детям, непосредственно вовлеченным в конфликт в качестве комбатантов⁴.

---

¹ The United Nations. – URL: http://www.unicef.org/crc/index_30197.html (дата обращения: 3.04.2019).

² War and children: a reference handbook / Kendra E. Dupuy and Krijn Peters; foreword by Ishmael Beah. P.16.

³ Ibid. P.16.

⁴ The International Labour Organization. – URL: <http://www.ilo.org/>.

Многие считали, что Конвенция прав ребенка ООН не в полной мере защищает права ребенка (в возрасте до 18 лет) в том, что касается вербовки в Вооруженные силы. Поэтому в 2000 году был принят Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, который делает практически невозможной (легальную) добровольную вербовку лиц в возрасте от 15 до 18 лет (Статьи 2 и 3). Кроме того, в статье 4 говорится, что «вооруженные группы, отличные от Вооруженных сил государства, ни при каких обстоятельствах не должны вербовать или использовать в военных действиях лица моложе 18 лет»¹.

Исходя из Конвенции прав человека, права детей должны быть защищены. Но на практике права детей нарушаются во всем мире; и в мирное время, и особенно во время войны. Хотя повстанческие организации не подписали эти конвенции, они должны соблюдать условия прав и свобод детей.

Нет никаких сомнений в том, что война и вооруженные конфликты оказывают огромное воздействие на детей и молодежь. Около 357 миллионов детей живут в странах, затронутых вооруженными конфликтами, и именно они в наибольшей степени страдают от последствий войны, насилия и геноцида².

Права детей и молодежи, а также обязательства государств и международного сообщества в конфликтных ситуациях достаточно четко оговорены в соответствующих документах, однако осуществление и защита этих прав по-прежнему являются слишком ограниченными. Большинство пострадавших от войны групп населения, как правило, принадлежит к беднейшим социальным слоям, часто в сельских местностях и небольших городах. Однако дети, как представляется, особенно уязвимы перед лицом насилия³.

В Абхазии мной было проведено репрезентативное исследование опыта 55 пострадавших от войны. Участники опроса – 33

¹ The United Nations. – URL: <http://www.un.org/>. The International Labour Organization. – URL: <http://www.ilo.org/>. (дата обращения: 5/04/2019).

² Facts and figures. – URL: <https://www.warchildholland.org/facts-and-figures/>(дата обращения: 7.04.2019).

³ Displaced Children: Psychological Theory and Practice from the Field // NEIL BOOTHBY *Journal of Refugee Studies* Vol. 5. No. 2 1992.

женщины и 22 мужчины, жители нашей страны. Во время грузино-абхазской войны они были в возрасте от 2 до 16 лет. Эти открытые интервью, которые сопровождались набором вопросов, проходили в разных районах Абхазии.

Война на многих детях сказывается не только в физическом отношении, она влияет и на их психическое здоровье. Воздействие насилия и социально-экономических лишений, вызванных войной, таких как отсутствие одежды, соответствующего питания, жилья, медикаментов и доступа к образованию, может привести к негативным психологическим последствиям для детей и подростков. Такие травмирующие переживания часто проявляются в поведении детей и вызывают чувство отчужденности, страха, бессилия, печали, повышают уровень тревоги, депрессии и посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР)¹. В свою очередь симптомы ПТСР включают бессонницу и кошмары, агрессию, неспособность сосредоточиться в школе, вызывают чувство вины и беспокойства.

Взрослые могут жить в условиях чрезвычайного положения и при необходимости на пайках. С детьми все по-другому. Уже давно признано, что отсутствие основных продуктов питания, витаминов в раннем детстве могут в будущем вызвать вредные для здоровья последствия, в том числе возможны и длительные психические отклонения. Условия войны через неизбежное разрушение семейной жизни лишают детей естественного фона для эмоционального и умственного развития².

Голод, холод, страх мучили детей всю войну. Почти все респонденты вспоминают о том, как им не доставало еды, особенно хотелось хлеба, сладостей, как и любому ребенку.

Софа Джопуа: «Нам было тяжело, ... у нас выбора не было, лишь бы желудок был полный, чтобы чувства голода не было...».

Тимур Аршба: «Я из Ткуарчала приехал. Понятно, что дети мечтают покушать хлеб. Меня спустили в столовую, я начал есть хлеб, я его столько поел, что икать начал...».

Ада Адлейба: «Три месяца мы были в городе Ткуарчале в оккупации, а я очень люблю хлеб, я так его люблю». Когда попали в

¹ Ulrich Laaser et al., "Public Health and Peace". Croatian Medical Journal, 43, no. 2 (2002). Pp. 107–113.

² War and Children. by Freud Anna Burlingham, Dorothy T. Medical War Books, New York, 1943. P. 11.

Сочи, рассказывает Ада, было там кафе: «...Мы просили хлеба, и мы съели много хлеба, мама боялась, что нам станет плохо, потому что мы не могли остановиться... Для нас это было самым вкусным, наверное, вообще, что может быть. И этот вкус хлеба я не забуду, он был самым вкусным в этом кафе аэропорта».

К сожалению, результаты психологических расстройств у многих детей являются долгосрочными и трудноразрешимыми. В свою очередь они могут приводить к негативным моделям поведения¹.

Реальная опасность заключается не в том, что ребенок, невольно оказавшийся в водовороте войны, будет шокирован происходящим. Опасность заключается в том, что происходящие во внешнем мире разрушения могут встретить очень реальную агрессивность, которая бушует внутри ребенка². Дети должны быть защищены от примитивных ужасов войны не потому, что ужасы и злодеяния настолько страшны для них, а потому, что мы хотим, чтобы они на этом решающем этапе своего развития преодолели свои примитивные желания, дистанцировались от своих собственных страстей – детской природы (уничтожение, разрушение)³.

Душевно-психологическое состояние детей, переживших оккупацию, блокаду в Восточной Абхазии, оккупацию в Сухуме, отличалось от состояния детей, находящихся в Западной Абхазии. Физические и душевные нагрузки несли в себе разрушающее, негативное воздействие на психику подрастающего поколения. Кроме того, у детей появился новый опыт переживаний, связанный с совершением антигуманных действий, противоречащих человеческой природе, морали и нравственности. Дети с Восточного фронта постоянно находились в состоянии опасности, тревоги, страха. Рассказы «детей войны», живших во время войны на линии фронта в блокадном городе Ткурачале, отлича-

¹ David Satcher, Sharon Friel, and Ruth Bell, “Natural and Manmade Disasters and Mental Health”. Journal of the American Medical Association, 298, no. 21 (2007). PP. 2540 – 2542.

² War and Children. by Freud Anna Burlingham, Dorothy T. Medical War Books, New York, 1943. P. 24.

³ Ibid. P.24.

ются трагическим характером. Обстрелы, бомбежки – это то, к чему они привыкли. **Мадина Джопуа** вспоминает: «Такое мышление было: нас отправляют туда, где не стреляют, туда где спокойствие... Все стремились туда (вертолет. – **Авт.**), я думала там, наверное, спасение... Мне стало легче. Что там (Ткуарчал. – **Авт.**) видела, что здесь (Гудаута. – **Авт.**) увидела. Увидела родных, ожила».

Война так повлияла на девочку, что она стала заикаться от страха. **М. Джопуа** вспоминает: «Помню день, когда мы сидели в вертолет. Было большое скопление людей, крики, детский плач. Это было в декабре. Папа с нами был, все ожидали вертолет в Акуарчапан. Люди ждали вертолет на поле. И когда он прилетел, все гурьбой пытались в него сесть, спастись. Помню, как рядом со мной стоял солдат, и он пустил автоматную очередь. Я испугалась. Какое-то время из-за этого я стала заикаться. Это обнаружилось, когда мы приехали в Пицунду. Но потом постепенно речь восстановилась».

А **Мадина Чолокуа** так описала свое нахождение в оккупированном Сухуме: «Самый страшный эпизод был, когда в наш дом попал снаряд, в соседний подъезд. Но мы, к счастью, в квартире не находились. Мы были в подвале, где провели 90 процентов всего военного времени. Мы уже знали, когда будет затишье, когда будут бомбежки. Во время затишья мы поднимались в квартиру. Если слышали, что кружат самолеты – значит будут бомбить. И в этот момент мы всегда спускались в подвал.

Подвал у нас достаточно сухой и высокий, матрасы спустили из квартиры, но точно не кровати. Я помню бабушек, соседей, которые по ряду причин оставались одни дома и никуда не уехали. Помню, как мы кучками собирались в подвале. Штабелями, бывало, спали. Находились там до самого конца. Больше находились в подвалах. Света ведь не было. И мы старались, чтобы нас не видели гвардейцы. Мы всегда очень тихо сидели, лишний раз не шумели. И у нас подвальные окна были занавешены чем-то, фанеры поставили, вход в подвал с внутренней стороны завалили мусором, чтобы не было соблазна посмотреть – есть там кто-то или нет. То есть там все было завалено.

Запомнила навсегда, как мы однажды решили разрисовать наши стены в подвале. Чтобы как-то было веселее. А кто-то умел

рисовать, даже не знаю кто это был. Все эти рисунки до сих остались в подвале. Нарисовали открытое окно, из которого видно море, пальмы, попугаи сидят, а на потолке у нас были звезды» (Цитируется без изменений).

Алхас Каджая так вспоминает свои первые дни в школе: «Когда в школу пришли, уже не до школы было. Что школа, мы уже войну видели. И поведение было не как у ребенка. Мы то ходили, то не ходили. Родителям не до этого было. Школа полупустая была. Какие-то уроки были, какие-то нет. Я уже пытался по-своему маме помогать, послевоенное время плохое было, и мандарины надо было собирать, на границу ехать. И в Сочи даже, бывало, ездил, граница закрыта была. Помню: как раз мать не пускала, а я через забор перелез, в Сочи поехал, продал мандарины, 12–13-летний ребенок. Купил какие-то продукты. Мама моя сидела и плакала, когда я вернулся. Думала о том, что отправила меня одного, не зная, приеду или нет. Но когда увидела, что жив, здоров и еще с продуктами, еще больше плакать начала. Время было тяжелым. Война заставила быстрее повзрослеть, больше увидеть еще и в послевоенные годы. Это все и повлияло».

Как отмечает детский психоаналитик Анна Фрейд, в первые годы жизни дети борются с собственными желаниями оградиться от людей, которые беспокоят или разочаровывают их, или которые оскорбляют их детские чувства каким-то другим образом. Им очень тяжело бороться с происходящими вокруг них вещами. Кого-то убивают, кого-то ранят¹.

Из воспоминаний **Алхаса Манаргия**: «Была не то что ненависть, не то что зло. Он приходит убивать не только тебя, вообще, всех: твою маму, твоего отца, всех твоих двоюродных сестер, братьев, племянников, дядь, тетя, всех твоих соседей, он всех хочет убить. А почему, только лишь по одной простой причине, что ты здесь живешь? А он не хочет, чтобы ты здесь жил, это не то что ненависть, это что-то другое, наверное».

Включение детей в школьную жизнь протекало в условиях разрухи, огромного дефицита питания, помещений, плохой их

¹ War and Children. By Freud Anna, Burlingham, Dorothy T. Medical War Books, New York, 1943. P. 24.

освещенности и отопления, отсутствия всего самого необходимого для организации учебного процесса – канцелярских принадлежностей, тетрадей, учебников и т.д.

Многие дети наравне со взрослыми включились в решение проблем. Детям свойственно стремление вытеснить негативные переживания и опыт и сконцентрироваться на чем-то позитивном. Они пытались по-своему отвлечься, и играли в различные игры. Практически у всех детей «нашей» войны была одна игра – «войнушки».

Как вспоминает **Алхас Каджая**: «У мальчиков была задача блиндаж делать. Был такой овраг рядом с домом, и мы всегда разными путями ходили, чтобы тропинка не была вытоптана. И все это делали играючи. Играли в войну. Так как наш дом был первым, туда поднимались вместе с дядей вояки. Когда они приходили, мы чистили им автоматы, патроны перезаряжали. Это я до войны умел делать».

Однако война затрагивает психическое здоровье не только детей, но и взрослых, ухаживающих за детьми. К такой категории относятся родители, учителя. Во время конфликта уровень насилия в семье, как жестокое обращение с детьми, может возрасти, поскольку травмы и физическое насилие, с которыми люди сталкиваются в обществе, могут стать причиной дальнейшего насилия в семье¹. Негативные последствия войны на психическое и физическое здоровье усугубляются сокращением или полным прекращением оказания медицинской помощи. Развал системы здравоохранения в стране, где идет война, означает невозможность лечения заболеваний или оказания какой-либо помощи против их вспышки, в то время как потеря доходов в результате войны не позволяет семьям для больных или раненых детей приобретать лекарства. Как мы понимаем, существует нехватка медицинского персонала и медикаментов.

Но прежде чем мы более подробно рассмотрим истории детей войны, важно понять, что большинство детей и молодых людей в зонах конфликтов не становятся солдатами или бойцами.

---

¹ Jane Salvage “Collateral Damage”: The Impact of War on the Health of Women and Children in Iraq,” Midwifery, 2007. PP.8-12.

Такие дети в равной степени становятся втянуты в конфликт; многие покидают свои дома, чтобы, например, жить с родственниками в более безопасных районах или даже за пределами пострадавшей от войны страны в качестве беженцев.

Конечно, важную роль играют также личные факторы, такие как характер ребенка и его способность преодолевать сложные жизненные ситуации, которые часто называют «стойкостью». При этом важно понимать, что война не оказывает одинакового воздействия на всех детей и молодежь, поскольку молодежь не является однородной категорией, как отмечалось выше. Война затрагивает различные группы молодежи по-разному, в зависимости от широкого спектра характеристик, таких как динамика конфликта (то есть, каким образом ведется война и где происходят боевые действия) и социально-экономическое положение разных групп молодежи в обществе. Часто вооруженные конфликты, войны затрагивают девочек не так, как мальчиков. Это гендерные последствия конфликта. Война также может влиять на детей младшего возраста иначе, чем на детей старшего возраста, а также на детей из городских и сельских районов.

Хочется отметить, что во время обстрелов, бомбовых атак дети пытаются абстрагироваться от всего. Блокируют свой страх. Как отмечает Анна Фрейд, «в этом нет ничего странного. Так как они стараются избежать реальной опасности и настоящего страха. Они отказываются от своего контакта с реальностью. Играя, дети стараются избавиться от страха, создают свой детский мир. В детском возрасте у детей целый перечень страхов, они боятся полицейских, жуков, грома, молнии, темных мест. И воздушный налет – это просто новый символ старых страхов»¹.

Вспоминает свои детские военные годы **Астанда Касландзия**: «Я играла всегда, я играла даже тогда, когда папа умер, я пыталась... Я такой человек, я не могу показывать на людях слезы. Если я переживаю, этого никто не должен видеть. Я пыталась игрой как-то эти слезы компенсировать. Я, конечно, играла в куклы, но мы с братом также играли в войнушки, убивали друг друга, потом кто-то кого-нибудь спасал».

¹ War and Children. By Freud Anna Burlingham, Dorothy T. Medical War Books, New York, 1943. P. 31.

Из воспоминаний тогда 10-летней девочки **Изольды Берулава**: «Где-то оставалась надежда, что это вот-вот закончится. Но не заканчивалось. Все это тянулось. Месяц за месяцем проходил. И когда напротив дома (ул. Чанба, г. Сухум. – С.В.) разместили позиции с пушками, это тоже было большим стрессом. Ты первый раз видишь пушки, первый раз видишь как стреляют, и всю ночь это не прекращается. Это кошмар просто. И это происходило каждый день. Первое время ты не спишь, а потом ты к этому привыкаешь, к этому гулу, грохоту.

Помню, как началась бомбежка, света не было, мы сидели в кухне, открылась дверь, мы не увидели. Заполз сосед, он был на улице и проходил просто мимо нашего дома, и тут бомбежка началась. Ему же надо было где-то скрыться. И вот тогда ты точно понимаешь, что творится, что эта война, что это ужасно. И просто без конца, и каждый день надеешься на то, что это закончится... Сны о войне не снились, и по сей день не снятся. Наверное, просто мы тогда пережили все ужасы. С одной стороны, и рада, нет страха какого-то психологического, и не дай Бог. Все прошло, вот тогда пережили. Когда приезжаешь в деревню, видишь этот дом, который был полон людьми, вспоминаешь все мероприятия, которые проходили в деревне, были у нас дома. Я просто понимаю, что это кануло куда-то в лету, и причина всему этому – война».

Вспоминает **Тимур Аршба**: «Помню, как сегодня, звук «кродила» Ми – 24. Он взял разворот над Атарой Абхазской (рядом с Кутолом), потом – боевую стойку, чтобы выпустить ракеты, и начал бомбить наше село. Это было так страшно, такой звук специфический был, когда вылетали ракеты, страшный звук. Прямо школу начал бомбить. Но у них, видать, была информация, что в школе группируются формирования, там, конечно, их не было. Деревню хотели сжечь полностью. Это была их задача. Это в первый день, а на второй день мы у речки соорудили блиндаж. Положили сверху шпалы, засыпали землей, сверху ветками замаскировали. Решили, когда вертолет будет появляться, мы будем там прятаться.

... Как сегодня помню, в очередной раз он залетел, они так низко летали, что можно было голову поднять и увидеть, кто там сидит. И дверь еще боковая открыта.

Смешной случай был, мы как раз сидели и мацони с хлебом кушали. Когда услышали звук вертолета, берем эти тарелки и бежим в лес, мы ведь не соображали, тем более дети. Только потом мы поняли, что тарелки ни к чему.

Мы перепрыгнули через забор, брат запрыгнул в какую-то яму и руки на голову положил и лежит. Он был в белой футболке, я был в зеленой. Я запрыгнул туда и вижу, что он в белой футболке и его могут увидеть, и я сверху лег на него и закрыл его. Мы понимали, что они могли сделать все, что угодно. Вот так я лежал и медленно поднимаю голову, как раз он над нами пролетал. Дверь открыта, как сегодня его лицо помню. Ноги его свисают, он сидит на полу, пулемет у него, очки, на нем тельняшка на ляпочках, и он видит нас. Так низко они летали, что нас видели. Когда нас увидел, начал смеяться. Не знаю, что у него в голове было в этот момент. “Ну, абхазские дети прячутся от нас”. И когда я его увидел, тихонько голову убрал, и думаю, сейчас что-то произойдет. Я ведь не знаю, он мог просто взять и расстрелять нас. Но этого, к счастью, не произошло. Они взяли разворот над Атарой и начали бомбить саму деревню. То есть им было безразлично куда. Просто забрасывали. Были жертвы, начали погибать ребята. Стали привозить в дома. Все начало погружаться во мрак».

Урегулирование многих конфликтов и войн может занять годы или даже десятилетия. Лишь с подписанием мирного соглашения между враждующими сторонами наступает мир. Но что такое мир? Мир – это просто отсутствие войны? Термин «мир» как просто отсутствие вооруженного конфликта и прямого насилия называется негативным миром. В 2002 году бывший заместитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по вопросам разоружения заявил: «Мир – это не просто прекращение боевых действий; это динамичное управление человеческим, политическим и экономическим развитием и изменениями ненасильственными средствами»¹.

Но как мы понимаем, окончание войны не всегда означает конец насилия и не означает, что проблемы, приведшие к на-

¹ Jayantha Dhanapala “Making Peace Last: Disarmament as an Essential Element,” speech given for the DPI/NGO Conference at the United Nations on 10 September 2002. – URL: <http://www.wwan.cn/disarmament/HomePage/HR/docs/2002/2002Sep10NewYork.pdf>. (дата обращения: 7.04.2019).

чалу войны, были решены. Конфликт может возобновиться после многих лет отсутствия боевых действий, и мирные соглашения не смогут разделить воюющие стороны. Даже когда борьба не возобновляется, в постконфликтной обстановке возникает много новых вопросов, которые непосредственно затрагивают, в частности, детей, молодежь и их интересы. Послевоенный период может стать решением возможностей для того, чтобы приступить к ликвидации ущерба, причиненного войной, а также к устранению коренных причин войны. Он также может стать периодом больших трудностей для многих людей.

Дети в Абхазии, как и во многих конфликтных зонах, были затронуты процессом перехода от войны к миру. Вывести ребенка из войны – это один из важнейших шагов послевоенного периода.

Очевидно, что роль образования в строительстве мира является важной. Теоретически образование может играть решающую роль в привитии людям навыков для поиска работы и других возможностей получения дохода, видов деятельности, которые способствуют экономическому росту. Это является основой так называемой «теории человеческого капитала», которая подчеркивает важность уровня квалификации работников для их производительности и, таким образом, для экономического роста страны¹.

Прекращение конфликта, либо войны выдвигает на передний план новые проблемы, такие как предоставление социальных услуг, возвращение людей в разрушенные дома и восстановление общества в целом. Как отмечалось выше, дети и молодежь могут реагировать на войну по-разному. К примеру, одни бегут и активно ищут средства к существованию, в то время как другие могут принять решение участвовать в конфликте в качестве детей-одиночек или молодых комбатантов. Такой же сценарий касается и постконфликтной ситуации, когда одни дети становятся пассивными получателями помощи (если они вообще получают какую-либо поддержку), а другие активно участвуют в восстановлении своей страны. Однако чаще всего дети и молодежь не

¹ Joop Hartog “Human Capital as an Instrument of Analysis For the Economics of Education”, European Journal of Education, 35, no. 1 2000. PP. 7 – 20.

имеют или имеют весьма ограниченный выбор в военное время и во время послевоенного восстановления.

Хотя политика и практика, как правило, рассматриваются как разные миры, они тесно взаимосвязаны в том, что касается вмешательства в интересы детей, пострадавших от войны. Соответствующая политика может заложить основу для качественного развития таких детей. Например, государственный план охраны психического здоровья и связанная с ним политика поддержки детей могут помочь обеспечить всестороннюю поддержку, на которую имеют право дети, пострадавшие в результате войны. Поэтому крайне важно создать условия для проведения надлежащей политики в отношении таких детей, в рамках практических усилий по обеспечению благополучия детей¹.

Требуются систематические усилия по укреплению потенциала в области охраны психического здоровья. Поскольку во многих зонах военных действий наблюдается хроническая нехватка специалистов-психологов, важным приоритетом является развитие местных навыков оказания помощи серьезно пострадавшим детям. Во многих странах, затронутых конфликтами и войнами, имеется относительно большое число клинических психологов и психиатров, которые оказывают услуги детям, серьезно пострадавшим от войны. Этого в Абхазии не было во время и после войны. Особую ценность составляют исследования, в которых систематически сравнивалась бы траектория развития детей, получивших или не получивших конкретную помощь².

Некоторые западные психологи, тронутые изображениями пострадавших от войны детей, но не имеющие никакого опыта работы в зонах боевых действий, могут ездить в зоны боевых действий в надежде сделать что-то хорошее. На самом деле, чтобы помочь, необходимы понимание контекста, осведомленность о потенциальных проблемах. Это является одним из первых шагов на пути к их решению, чтобы непреднамеренно не нанести вреда детям, пострадавшим в результате войны.

---

¹ Children and Armed Conflict: Interventions for Supporting War-Affected Children. Michael G. Wessells P.7. – URL: <http://dx.doi.org/10.1037/rap0000227>. (дата обращения: 5.04.2019).

² Ibid.

Однако, как практика показывает, такие инициативы, связанные с охраной психического здоровья, игнорировались в основном в послевоенное время, предоставлялись слишком поздно или слишком медленно, либо их вообще не было. Большинство исследований показало, что психологические последствия воздушных налетов на детей были менее серьезными, чем можно было ожидать, и в целом были связаны либо с разлукой с родителями, либо с беспокойством, передаваемым от родителей во время бомбардировок¹.

Самое страшное заключается в том, что первые годы жизни ребенка закладывают основу для будущего роста его организма. С момента зачатия до трехлетнего возраста, ребенок нуждается в питании, защите и стимуляции для здорового развития мозга. Последние достижения в области нейронауки дают новые данные о развитии мозга ребенка за это время. В результате в первые годы жизни мозг младенцев формирует новые связи с удивительной скоростью. В процессе формирования мозга нейронные связи формируются генами и жизненным опытом, а именно правильным питанием, защитой и стимуляцией от разговоров, игр и чутким вниманием со стороны лиц, обеспечивающих уход. Такое сочетание природы и воспитания создает основу будущего ребенка². 250 миллионов детей в возрасте до пяти лет в странах с низким и средним уровнем дохода рискуют не реализовать свой потенциал развития из-за крайней нищеты и отставания в росте.

Например, частое или продолжительное воздействие экстремального стресса может вызвать системы биологического реагирования, которые без буфера защиты от взрослого человека создают токсический стресс, который может помешать развитию мозга. По мере взросления ребенка токсический стресс может предвещать физические, психические и поведенческие проблемы во взрослом возрасте.

Бездействие чревато высокими издержками и долгосрочными последствиями для здоровья, счастья и потенциального заработка этих детей по мере того, как они становятся взрослыми.

¹ Burbury W. M. 'The Effects of Evacuation and of Air Raids on City Children', British Medical Journal. Nov. 8, 1941. P.640.

² The challenge. – URL: <https://www.unicef.org/early-childhood-development> (дата обращения: 14.04.2019).

Вышеназванное также способствует возникновению глобальных циклов нищеты, неравенства и социальной изоляции. Среди групп детей, пострадавших от войны, обычно наблюдались серьезные психологические и поведенческие нарушения¹.

После войны психотерапевт Шпренгель, работавший в одной из детских деревень Германии, назвал группу детей, «полностью вырванными из родных мест». Эта группа состояла из детей в возрасте от восьми до одиннадцати лет, потерявших обоих родителей в дошкольные годы. Клинические наблюдения, однако, дают общее представление о влиянии военных условий и травм на психологическое благополучие детей и их развитие. Эти наблюдения показывают, что существует разница между последствиями воздействия острой и хронической травмы. Острая стрессовая реакция представляет собой обычную шоковую реакцию, которая следует за воздействием очень стрессового события. Обычно она длится всего несколько дней и характеризуется выраженными признаками сильного беспокойства. Если травма достаточно сильна, это может привести к необратимым психологическим рубцам, особенно когда дети теряют родителей и/или семью в целом. Однако, когда травма носит спорадический характер и переживается в присутствии родителей, родственников или других знакомых членов общества, страх и беспокойство, которые испытывают большинство детей, как представляется, исчезают довольно быстро². Насилие, и жестокое обращение могут повлиять на физическое и психическое здоровье ребенка в краткосрочной и долгосрочной перспективе, ослабить его способность к обучению и общению с окружающими, повлиять на его переход во взрослую жизнь с негативными последствиями в более позднем возрасте. Хроническая опасность диктует необходимость корректировки развития. Может показаться, что дети «привыкают» к этому, но хроническая опасность может иметь далеко идущие последствия для ребенка. К ним относятся хронический посттравматический стрессовый синдром, изменения личности и значительные изменения в моделях поведения и убеж-

¹ Displaced Children: Psychological Theory and Practice from the Field// Journal of Refugee Studies Vol. 5. No. 2 1992. – URL: <https://academic.oup.com/jrs/article/5/2/106/1543745> (дата обращения: 05.04.2019).

² Ibid.

дениях, чтобы в какой-то степени почувствовать постоянную опасность. Этот процесс, скорее всего, произойдет тогда, когда опасность исходит от социальных факторов, которые разрушают повседневную социальную реальность, как это происходит во время войны или когда район проживания ребенка становится объектом хронического насилия, особенно гражданской войны или восстания¹.

Практикующими специалистами и исследователями, работающими с детьми, получившими острые травмы и находящимися в условиях относительной социальной стабильности, было предложено несколько подходов к лечению (поведенческий, психоаналитический, кризис-интервенционный)². Ими описывается формат интервью один на один, целью которого является оказание немедленной помощи ребенку, ставшему свидетелем смерти одного из родителей. Авторы используют проективный рисунок и рассказывают истории, чтобы помочь ребенку пережить травмирующий опыт, описать его «худший момент» и получить определенную степень контроля над тревожным событием,³ обсуждают преимущества групповых занятий в случае с большим числом детей, подвергшихся тому же травмирующему событию. Групповые занятия включали рисование, рассказы историй, ролевые игры и другие мероприятия, способствующие свободному выражению страхов и преодолению последствий травм. Цель обоих подходов заключается в том, чтобы вернуть пострадавших детей к функционированию на уровне, предшествующем травме, посредством структурированных возможностей для обсуждения и лучшего понимания их страхов и опыта. Выбор терапии – это успокаивающая терапия, как говорит Гарбарино: «Ты снова в безопасности, все вернулось в нормальное русло»⁴.

---

¹ Garbarino J. 'Children and Youth in War Zones; Coping with the Consequences'. 1990. P. 10.

² Displaced Children: Psychological Theory and Practice from the Field// *Journal of Refugee Studies* Vol. 5. No. 2 1992 P.10. – URL: <https://academic.oup.com/jrs/article/5/2/106/1543745> (дата обращения: 05.04.2019).

³ GALANTE R. and FOA, D. 'An Epidemiological Study of Psychic Trauma and Treatment Effectiveness for Children after a Natural Disaster,' *Journal of the American Academy of Child Psychiatry*. 1986 PP. 25–57.

⁴ Garbarino J. 'Children and Youth in War Zones; 1990. P. 10.

Дети, страдающие от недоедания в результате войны, страдают как от задержки физического, так и психического развития, возникают также когнитивные и эмоциональные нарушения.¹ Дети, оставшиеся без попечения родителей и живущие в рамках, вырванных из родных мест, социальных групп, часто вынуждены менять свое существующее мировоззрение с тем, чтобы осмыслить свои новые реалии. Чем дольше они живут в условиях опасности и невзгод, тем больше вероятность того, что их личность, поведение и нравственные чувства будут изменены в ходе этого процесса. Они требуют большего, чем просто успокоение. Вместо этого инициативы по охране психического здоровья в этих условиях должны мобилизовать имеющиеся людские и финансовые ресурсы для поддержки усилий сообщества по созданию более позитивной социальной реальности для детей. Укрепление и восстановление первичных отношений детей с родителями, семьями, общинами, а в некоторых случаях и с их более крупными этническими группами является приоритетной задачей. Хотя индивидуальные подходы могут быть полезны и в этих контекстах, основное внимание в инициативах по охране психического здоровья должно быть направлено на семью и общество, а не на отдельных детей.

Интересна теория устойчивости человеческого развития в поддержку усилий по интеграции моделей, знаний и приложений, связанных с адаптацией и развитием детей и их семей. Теория устойчивости появилась еще в 1970 году после десятилетий наблюдений, исследований и практики, связанных с воздействием травмы и стресса на функции и развитие отдельных лиц и семей². Теории об изменениях в адаптации человека были глубоко сформированы идеями Дарвина и Фрейда в XIX веке о естественном отборе и личности, соответственно. XX век был отмечен глобальными бедствиями, затронувшим десятки миллионов детей и семей во всем мире.

¹ Garbarino J. 'Children and Youth in War Zones; Coping with the Consequences'. 1990. P. 10.

² Ann S. Masten. Resilience Theory and Research on Children and Families: Past, Present, and Promise// Journal of Family theory and Review P.13.

Происходившие события вдохновили врачей и ученых на поиск лучшего понимания того, как бедствия угрожают адаптации человека и что можно сделать для снижения риска или поддержки восстановления. Вскоре были запущены учебные курсы для лиц и семей, пострадавших от последствий травматических потерь, насилия, разлуки, травм, пыток, бездомности и других последствий – экономических, природных и политических катастроф¹.

Первые ученые-первопроходцы в области исследования устойчивости детей и семьи пришли к выводу о важности понимания факторов, способствующих позитивной адаптации или смягчению последствий риска или неблагоприятных явлений.

Систематическое исследование индивидуальной устойчивости возникло в клинических науках, связанных с влиянием неблагоприятных факторов на психическое здоровье и развитие, под руководством исследователей в поисках понимания происхождения и этиологии проблем психического здоровья². В число этих исследователей входили Энтони (Энтони и Кохлер, 1987 год)³, Гармези (1983 год)⁴, Мерфи (Мерфи и Мориарти, 1976 год)⁵, Раттер⁶. Эти влиятельные ученые признали важность по-

---

¹ Masten, A. S., Narayan, A. J., Silverman, W. K., Osofsky, J. D. Children in war and disaster. In *Handbook of child psychology and developmental science*. 2015. (PP. 1–42). Hoboken, NJ: Wiley. – URL: <https://doi.org/10.1002/9781118963418.childpsy418> (дата обращения: 10.11.2019).

² *Ordinary magic: Resilience in development*. New York, NY: Guilford Press. <https://doi.org/10.1002/imhj.21625> (дата обращения: 10.11.2019).

³ *The invulnerable child*. New York, NY: Guilford Press. – URL: <https://doi.org/10.1007/BF01537394> (дата обращения: 12.11.2019).

⁴ Garnezy N. Stressors of childhood. In N. Garnezy & M. Rutter (Eds.), *Stress, coping, and development in children*. New York, NY: McGraw-Hill. 1983. PP. 43–84.

⁵ Murphy L. B., & Moriarty, A. E. *Vulnerability, coping and growth from infancy to adolescence*. New Haven, CT: Yale University Press. 1976.

National Academies of Sciences, Engineering, & Medicine. *Parenting matters: Supporting parents of children ages 0–8*. Washington, DC: National Academies Press. – URL: <https://doi.org/10.17226/2188> (дата обращения: 12.11.2019).

⁶ Rutter M. Psychosocial resilience and protective mechanisms. *American Journal of Orthopsychiatry*. 1987. PP. 316–331. – URL: <https://doi.org/10.1111/j.1939-0025.1987.tb03541> (дата обращения: 12.11.2019).

разительного разнообразия в адаптивном функционировании и образе жизни молодых людей, которые считаются «подверженными риску» в силу их семейного или генетического прошлого, подверженности травмам и/или бедности.

Отдельные тематические исследования показали, что на преодоление и адаптацию должны оказывать влияние не только факторы риска и патологические процессы, но и факторы импортного характера. Сначала такие явления описывались как неуязвимость или стрессоустойчивость, но в конечном итоге ведущие исследователи остановились на понятии устойчивости, чтобы в широком смысле этого слова обратиться к изучению возможностей, процессов или результатов, обозначенных желательной адаптацией в контексте риска или трудностей, связанных с нарушениями функционирования или проблемами адаптации. Первые известные исследователи, изучавшие устойчивость, знали друг друга и развивали свои идеи путем диалога, презентаций, публикаций.¹

На концепции устойчивости семьи сильное влияние оказали теории, которыми руководствовалась семейная терапия, в дополнение к концепциям индивидуальной устойчивости и стрессовых исследований семейной жизни². Влиятельные ученые сыграли ключевую роль во внедрении концепции устойчивости в теорию и практику семьи, поскольку многое было сделано для индивидуально ориентированных исследований устойчивости. Среди этих ученых были МакКаббинс и Джей М. Паттерсон.

Устойчивость как концепция рассматривается и определяется как черта, процесс, результат или модель образа жизни или широкая концептуальная область, охватывающая все эти идеи³.

¹ Masten A. S. *Ordinary magic: Resilience in development*. New York, NY: Guilford Press. 2014. – URL: <https://doi.org/10.1002/imhj.21625> (дата обращения: 10.11.2019).

² Henry, C. S., Morris, A. S., & Harrist, A. W. Family resilience: Moving into the third wave. *Family Relations*. 2015. PP. 22–43. – URL: <https://doi.org/10.1111/fare.12106> (дата обращения: 11.11.2019).

³ Leckman, J. F., Panter-Brick, C., & Salah, R. (Eds.). *Pathways to peace: The transformative power of children and families*. 2014. – URL: <http://dx.doi.org/10.7551/mitpress/9780262027984.001.000> (дата обращения: 10.12.2019).

По мнению одних исследователей, устойчивость определяется как черта, сходная с чертами личности или семьи; другие рассматривают устойчивость как предполагаемую способность к адаптации к неблагоприятным факторам. Исходя из последнего, устойчивость основывалась на двух наблюдаемых критериях: вызовы (риски, стрессы или тяготы), с которыми сталкивается ребенок или семья и которые представляют значительную угрозу для его благополучия или функционирования, и позитивной адаптации (насколько хорошо человек или семья справляется по установленным критериям), обычно оцениваются по показателям хорошей функции или компетенции в развитии человека или семьи¹.

Одним из важных выводов, вытекающих из этой системы, является то, что устойчивость не должна рассматриваться как единственная или стабильная характеристика, поскольку она является результатом динамичного взаимодействия, охватывающего многие процессы в рамках различных систем. Устойчивость ребенка или семьи распределяется по уровням и взаимодействующим системам, включая взаимоотношения². Устойчивость ребенка в определенный момент времени будет зависеть от ресурсов и поддержки, имеющихся в распоряжении ребенка в рамках многих процессов как внутри самого ребенка, так и между ним и многочисленными системами, с которыми он взаимодействует. Взрослые, ухаживающие за детьми, вероятно, будут играть существенную роль в этом качестве.

Теория привязанности предполагает, что полная адаптивная система, возникает в течение первого года жизни, когда младенцы взаимодействуют со своими опекунами. Младенцы формируют особую связь с опекунами, которая служит для физической и эмоциональной защиты маленького ребенка и

---

¹ Masten A. S., & Cicchetti, D. Resilience in development: Progress and transformation. In D. Cicchetti (Ed.), *Developmental psychopathology* (3rd ed., Vol. 4. 2016. PP. 271–333). New York, NY: Wiley. – URL: <https://doi.org/10.1002/9781119125556.devpsy406>

² Masten A. S., & Monn, A. R. Child and family resilience: A call for integrated science, practice, and professional training. *Family Relations*. 2015. PP. 5–21. – URL: <https://doi.org/10.1111/fare.12103>.

получения защиты от опекуна (опекунов). Как только система организуется, угрозы, воспринимаемые любой стороной привязанности, активируют поведение привязанности, например, стремление к близости и поиск и/или предоставление комфорта.

Одной из основных ролей родителей во времена потрясений или бедствий является поддержание или восстановление семейных правил и распорядка, которые обеспечивают чувство сплоченности, стабильности и благополучия в трудной жизненной ситуации. После серьезных потрясений, вызванных миграцией, войной, распадом или смертью в семье, может возникнуть необходимость в восстановлении новых семейных порядков.

Помимо облегчения повседневной жизни и проведения ритуалов в семье, родители также выступают в качестве внешних регуляторов или «сорегуляторов» – возбуждения, эмоций и поведения детей, пока они не научатся регулировать себя¹. Например, родители успокаивают и стимулируют своих маленьких детей, ограничивают их агрессию, усиливают самоконтроль и помогают им выражать разочарование или эмоции социально приемлемыми способами. В рискованных или хаотичных для воспитания детей ситуациях, таких как нищета или большие кумулятивные трудности, совместное регулирование со стороны родителей может быть особенно важным². В течение десятилетий теория и исследования того, как дети и семьи по отдельности и вместе адаптируются к неблагоприятным условиям жизни, играли ведущую роль в формировании науки устойчивости человека.

Дети, конечно, всегда были втянуты в войну. Обычно у них нет иного выбора, кроме как испытать как минимум те же ужасы, что и их родители, будь то жертвы или даже комбатанты. И

¹ Beeghly M., & Tronick, E. Early resilience in the context of parent–infant relationships: A social developmental perspective. *Current Problems in Pediatric and Adolescent Health Care*. 2011. PP. 197–201. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.cppeds.2011.02.005>

² Herbers, J. E., Cutuli, J. J., Supkoff, L. M., Narayan, A. J., & Masten, A. S. Parenting and co-regulation: Adaptive systems for competence in children experiencing homelessness. *American Journal of Orthopsychiatry*. 2014. PP. 420–430. – URL: <https://doi.org/10.1037/h0099843>.

дети всегда были особенно уязвимы. Когда запасы продовольствия заканчиваются, больше всего страдают дети, поскольку их растущие организмы нуждаются в стабильном снабжении основными питательными веществами. В случае загрязнения источников водоснабжения именно дети в наименьшей степени защищены от опасностей, связанных с болезнями. И травма, вызванная насилием и жестокой смертью, эмоционально затронула поколения молодых людей на протяжении всей их дальнейшей жизни, как отмечалось выше. Когда взрослые размышляют о своем военном опыте, дети делают то же самое в своей игре. Игры на военную тему – это часть их жизни. Кирпичи они используют как бомбы, играют в войнушки, играют в поезда, так как чувствуют шум вертолетов¹. Одна из моих героинь – **Софа Джопуа** вспоминает: «Играли почему-то мы в войнушки. Нам было интересно играть в это, но всегда спор был у нас, кто грузины, кто абхазы. Мы решили так, один день одни грузины, другой день абхазы – другие, и так менялись. И помню, вечерами, пока теплые дни были, все мамы пытались побыстрее накормить нас, искупать, чтобы обсуждать то, что происходило. Они всегда переговаривались, обсуждали эту тему. И мы в этот период не шумели. Я вот сейчас даже наблюдаю, дети, когда собираются, когда мы, мамы, собираемся и как дети начинают шуметь. Тогда такого не было. Мы, наверное, все-таки четко понимали, что лишний раз заставлять нервничать нельзя. Мы не давали повода. Просто в тот момент мы резко и быстро повзрослели. Хотя нам было по 12, по 10, по 13 лет».

Из воспоминаний **Джансуха Лазба**: «Сами в войнушки играли, гранатами у нас были мандарины, апельсины. Тема войны и войнушек продолжалась несколько лет».

Один из героев книги **Тимур Аршба**, которому во время войны было 12 лет, так вспоминает свою первую встречу после долгой разлуки с родителями: «Мы из Акурачапан летели в Бамбору. Я первый раз в жизни увидел вертолет, аэродром. Когда приземлились, не знали куда идти. Я и две сестры. Женщина одна гупская нам помогла. Она взяла нас за руку, и говорит: «Пойдемте!». С аэродрома, когда выезжали, досмотр проводился, нас остано-

¹ War and Children. By Freud Anna Burlingham, Dorothy T. Medical War Books, New York, 1943. P. 68.

вили. Смотрю, какой-то бородатый мужик в военной форме зашел, посмотрел. Видно было, что кого-то ищет. Спустился и уходит, дверь закрывается. А сестры мои сидели сзади меня, и одна из них кричать начала: «Стойте, стойте, это папа, папа!». А я его не узнал, он бороду отпустил, его невозможно было узнать. Он через окно машины их увидел, они стали его звать. Он забегает, там такая картина была. Я не могу передать. Слезы у мужчины, это невозможно передать. А мой отец, по нашим традициям, никогда не показывал эмоции.

Когда мы приехали в пансионат, в центре Гудауты, было такое ощущение, что мы из какой-то пустоты приехали в какой-то шум. Вокруг вооруженные люди в камуфляже. Это был октябрь, только освободили Гагру и все были на позитиве. Там праздник. Я не понимаю, что происходит, будто я контуженный. Поднимаемся наверх, открывается дверь, мама меня увидела. У нее истерика началась, плачет, возле меня бегают, щупают меня. Иду дальше, отец сидит. Я его не узнал, он был в военной форме цвета хаки. Когда я зашел, я думал какой-то русский солдат сидит с бородой. Он встает, идет ко мне, берет меня на руки, и у него слезы идут. Я никогда не видел, чтобы у него слезы шли. Этого я никогда не забуду...».

Другая история, которой поделилась **Эсма Пилия**. Во время войны ей было 14 лет. Так она описывает свою первую встречу с отцом после долгого расставания. «Я помню 5 сентября, потому что с 14 августа я не видела ни мамы, ни папы, ни брата. Вообще не знала, что с ними, где они (плачет). И вот 5 сентября кто-то приехал к нам, я не помню кто, то ли дядя, то ли кто-то из братьев, и говорит, что сегодня Чичович должен прилететь из Гудауты на вертолете. Никто этому не поверил, а я ходила весь день и говорила: «Вы знаете, он прилетит, я это чувствую» (плачет). И где-то через некоторое время приезжает машина, и мне говорят: «Эсма, отец приехал». Я помню момент, когда меня уже привезли в здание горсовета Ткварчельского. Я сижу в какой-то комнатке и жду, когда я увижу папу. А там собрался народ, стоят вокруг папы, естественно, и спрашивают, что там, что происходит. Не помню, сколько я его ждала, но достаточно долго. В итоге открывается дверь, и из конференц-зала папу завели в какую-то маленькую комнату, а я иду сквозь эту толпу, у меня уже слезы текут, я не

вижу папы, я только кричу: «Папа, папа, ты где?» (плачет). И тут наконец-то я его увидела. Он меня обнял и отвернулся от меня. Я поняла, что ему очень тяжело, он тоже в этот момент плачет... Когда я увидела папу, я, наверное, успокоилась все-таки».

Еще одна проблема, связанная с войной, заключается в том, что возникает напряженность между тем, что дети думают о войне, и тем, что общество хочет, чтобы они думали. Взрослые изучают последствия войны, и то, как она влияет на детей; дети воспринимают войну как «нормальную» часть своей жизни¹. Война имеет много значений и может восприниматься по-разному. Травмы, причиненные войной, могут оказывать коварное и психологически жестокое воздействие на детей; воспоминания могут стираться с возрастом или подвергаться манипуляциям со стороны правительств и отдельных лиц. Однако эти впечатления составляют важную часть того, как дети переживают войну.

Эти воспоминания описывают опыт детства, но были написаны спустя десятилетия после описываемых событий. Воспоминания, написанные ретроспективно, создают проблемы для историков, использующих их в качестве источника фактов, которые могут быть неточно или намеренно переформулированы. Но именно потому, что тексты были написаны ретроспективно, они отражают то, что авторы запомнили и решили включить в свои рассказы, и, таким образом, раскрывают многое об отношении и ценностях, значениях, которые авторы приписали своему юношескому опыту. Таким образом, хотя эти истории могут предоставить историку лишь неопровержимые доказательства того, «что на самом деле произошло», они действительно представляют собой прекрасный ресурс для изучения того, как мужчины и женщины этого поколения понимали их. В рассказах о военном прошлом проявляется сегодняшнее понимание и оценка событий.

Для того, чтобы понять, как устроен мозг человека, а именно ребенка, хочется отметить, что существуют различные типы памяти, которыми мы обладаем. К примеру, эпизодические воспоминания наиболее важны для понимания наших детских воспоминаний. Создавая **эпизодическую память**, требуется

---

¹ Children and war: a historical anthology / edited by James Marten. P. 27.

связывать различные детали событий, когда это произошло и где, как себя чувствовали и кто был там.

Совсем вроде бы не имея воспоминаний, очень маленькие дети помнят многое, как взрослые. В раннем детстве нейронные структуры, имеющие решающее значение для памяти, включаются в работу: гиппокамп, который, грубо говоря, отвечает за хранение новых воспоминаний; и префронтальная кора, которая отвечает за извлечение этих воспоминаний. Но эти нервные области и их соединительные пути все еще развиваются. И они захватывают только часть настоящего, когда оно проходит мимо.

У детей до трех лет формируются «эмоциональные воспоминания». Так, ученые полагают, что эмоциональные воспоминания могут храниться в миндалине мозга, которая всю работу уже у новорожденных¹. Эмоциональная память – память на пережитые чувства. Эмоциональная память – важнейшее условие нравственного развития человека².

У ребенка 3–4-летнего возраста логическая память имеется в сравнительно элементарных формах и достигает нормального уровня развития лишь в подростковом возрасте. Непроизвольная память часто касается тяжелых событий. Мозг ребенка в семилетнем возрасте равен 90% мозга взрослого. Со временем произвольное запоминание, присущее детям, превращается в произвольное³. Получается, что воспоминания из детства считаются самыми прочными. Так как именно в детском возрасте память острее, а впечатления насыщеннее и глубже.

Конечно, изучая мир детей, необходимо понимать, что нет ничего постоянного. Ученые, изучающие развитие детей, часто обсуждают отдельно области развития – физическое, когнитивное и психосоциальное. Тем не менее эти области развития всег-

¹ Отличия детской памяти от взрослой. – URL: <http://www.parents.ru/article/chetyre-otlichiya-detskoj-pamyati-ot-vzrosloj/> (дата обращения: 14.07.2019).

² <https://psixologiya.org/obshhaya/pamyat/1647-osobennosti-pamyati-kak-psixologicheskogo-proczessa-diplom.html>.

³ Критерии классификации памяти. – URL: http://www.nnre.ru/nauchnaja_literatura_prochee/superpamjat_intensiv_trening_dlja_razvitija_pamjati/p2.php. (дата обращения: 14.07.2019).

да взаимосвязаны на протяжении всей жизни. Развитие – это единый процесс. Оно динамично и характеризуется непрерывным изменением, активностью или прогрессом¹.

Теория когнитивного развития Пиаже (1936) объясняет, как ребенок конструирует ментальную модель мира. Ученый не соглашался с идеей, что интеллект является фиксированной чертой, и рассматривал когнитивное развитие как процесс, который происходит за счет биологического созревания и взаимодействия с окружающей средой. До работы Пиаже в психологии считалось, что дети просто меньше понимают, чем взрослые. Пиаже показал, что маленькие дети мыслят поразительно по-разному по сравнению со взрослыми. Для Пиаже когнитивное развитие было прогрессивной реорганизацией психических процессов в результате биологического созревания и опыта окружающей среды. Дети конструируют понимание окружающего мира, а затем испытывают несоответствия между тем, что они уже знают, и тем, что они обнаруживают в своем окружении². Вспоминает тогда еще 16-летняя **Илона Цкуа**: «...Помню эти неповторимые ощущения. И после этого тоже ничего хорошего не было, двое моих братьев погибли. Но эта первая боль, когда я впервые увидела своих братьев умерших, и я не могу их поднять. Это была самая первая трагедия в моей жизни...».

Далее **Илона** продолжает: «... Я почувствовала, что я постарела в этот момент, не повзрослела, а постарела. Война, конечно, сильно пошатнула психику и восприятие. Я не знаю, с чем сравнить. У меня есть подруга Нона, мы с ней постоянно вместе находились, и вместе поступали в университет, мне было 18-19 лет. В основном все однокурсники пришли после школы. И вот они все шутили, они прямо детьми были. Над всем шутили, хохотали. Мы не могли понять, что происходит, нам неинтересно было с ними разговаривать. Реабилитационный период был важен для нас всех, но у нас этого не было. Тема войны длилась у нас, наверное, лет 15. Настолько ты стареешь от этого всего, что в

¹ Recalling childhood memories: An instructional approach using grounded theory. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/c9a9/845687d7c7933225454ac0f18e7db9dc219d.pdf> (дата обращения: 16.07.2019).

² Jean Piaget's Theory of Cognitive Development. – URL: <https://www.simplypsychology.org/piaget.html> (дата обращения: 21.07.2019).

18 лет я себя чувствовала сорокалетней женщиной. Неинтересно было со своими ровесниками. У нас не было никакой молодости, самые вкусные периоды жизни мы пропустили. Война у многих психику деформировала. Конечно, было и хорошее, но оно быстро закончилось. Об этом я и говорить не хочу».

Разумеется, война затронула детей во всех отношениях. Многие из нас не могли получить образование во время войны, а многие и после. Многие вынуждены были покинуть свои дома, потеряли своих родителей, стали инвалидами. Еще долго после окончания войны жизни детей не могли достигнуть того потенциала, который они имели до начала войны.

Во многих воспоминаниях говорится о том, как отцы оставляют свои семьи и уходят на войну, многие не возвращаются. Часто уезжали братья, дяди, дедушки, бабушки и другие родственники. Дети помнят, что пропали без вести их отцы, братья и опасаются за свою безопасность, вспоминают о трудностях выживания без мужчин. В их рассказах описывается ряд семейных несчастий.

Многие рассказывают о семьях, покинувших свои дома в результате боевых действий. Вспоминает **Астанда Касландзия**: «Три месяца я не видела ни маму, ни папу. Мой папа, Эдик Касландзия, воевал. Мама находилась с моим старшим братом в Очамчырской стороне. И, конечно же, были свои переживания, очень близко к сердцу принимала все это, переживала по-своему. Но, наверное, больше переживаний я переносила после войны. Потому что я выросла, некоторые моменты все четче становились в голове, и я понимала, какие трудности придется нам преодолеть вместе с моей мамой, потому что мой отец погиб в Мартовском наступлении. 16 марта его не стало. Очень было сложно, потому что мать моя одна с двумя маленькими детьми, которых нужно ставить на ноги. Без какой-либо поддержки со стороны государства к тому времени. Было тяжело. Очень было сложно наблюдать за людьми, которые все были одеты в черный цвет, у всех какое-то горе в семье. Даже когда встречались мои сверстники, у нас была одна тема: у кого кто погиб. То есть никаких радостей в течение седьмого, восьмого класса, я не помню. Постоянно были слезы. То после войны кто-то погибал – в результате этой войны было много подры-

вов. ... Постоянно передо мной была эта черная полоса, которая никак не заканчивается».

В 1993 году, Генеральная Ассамблея обратилась с просьбой о назначении эксперта для проведения всеобъемлющего исследования по вопросу о воздействии конфликтов на детей. За два года до этого распался Советский Союз, положив конец почти пятидесятилетней напряженности между США и СССР и их союзниками. Окончание этого так называемого периода холодной войны породило надежды на то, что мир будет двигаться к глобальному миру. Но случилось обратное. Количество конфликтов, как отмечалось выше, увеличилось, и примерно в 1995 году в различных частях мира было 30 крупных вооруженных конфликтов. Эти конфликты, происходившие главным образом внутри самих государств, имели разрушительные последствия для благосостояния всего населения, включая детей.

Еще 8 июня 1994 года г-жа Граца Машел подготовила исследование по вопросу о воздействии вооруженных конфликтов на детей, в соответствии с резолюцией 48/47 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года. А уже в 1996 году Граца Машел (эксперт Генерального секретаря и бывший министр образования Мозамбика) выступила в Генеральной Ассамблее ООН с докладом под названием «Воздействие вооруженных конфликтов на детей», в котором она описывала губительное воздействие войн на детей.

Машел сформулировала в своем докладе рекомендации в пяти областях: 1) участие детей в вооруженных конфликтах; 2) укрепление превентивных мер; 3) актуальность и адекватность существующих стандартов; 4) меры, необходимые для улучшения защиты детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами; 5) меры, необходимые для содействия физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами¹. Главным результатом ООН стало то, что были собраны мнения и рекомендации 1700 детей и молодых людей из 92 стран².

¹ Graca Machel “The Impact of Armed Conflict on Children” 1996. – URL: <http://www.unicef.org/graca/> (дата обращения: 30.04.2019).

² Children and armed conflict. – URL: <https://childrenandarmedconflict.un.org/ru/about-us/the-machel-reports/> (дата обращения: 30.04.2019).

Многое изменилось, многого удалось добиться и многому научились, но этого недостаточно! Сегодня миллионы детей и молодых людей по-прежнему становятся жертвами войны, несмотря на расширение наших знаний о передовой практике сведения к минимуму последствий войны для молодежи, несмотря на договоры и соглашения, направленные на оказание помощи в военное время. Мир в ребенке победил войну.

Данное исследование пытается показать, что значит писать историю с точки зрения ребенка, пережившего войну. Когда я начинала, я задавалась вопросом, считается ли опыт детей «реальной» историей. В какой-то момент осознала, что надо работать над тем, что тебя действительно волнует. За прошедшие годы услышала много жизненных историй детей. Эту книгу я посвящаю всем детям, пережившим войну, они постоянно напоминают мне, как дети смотрят на мир.

14 августа 1992 года для основной части населения нашей страны начинался как обычный день. Многие не знали, что скоро будет украдено их детство. Вряд ли есть семья, которой не коснулась эта война, и моя семья не стала исключением.

На войне дети страдали не меньше, чем взрослые. Война изменила их жизни. Многие дети разучились плакать, им надо было молчать, чтобы никто их не услышал. Война многих воспитала. Многие дети во время войны потеряли своих родных людей. Некоторые наравне со взрослыми сражались на войне, прибавляли себе год-два и уходили на фронт.

У каждого из нас есть своя память о пережитом, каждый из моих героев делится частичкой своей души, своими сокровенными воспоминаниями. Герои моей книги в прошлом дети, а сегодня взрослые люди...

Впервые идея о том, чтобы начать собирать истории детей возникла еще в студенческие годы. Так как я сама являюсь ребенком войны, знаю точно: тот, кто ее пережил, никогда не захочет начать новую войну... Помню, как на одной из лекций мы коснулись темы роли детей во время войны. Мы познакомились с историей одной маленькой девочки – Златы из Сараево (Босния). Эта девочка из другой далекой страны рассказывала в своем «Дневнике надежды» о своем детстве, о своих переживаниях

во время войны. Свой дневник Злата начала вести еще в 1991 году. Под взрывы бомб она писала о том, что видела и чувствовала. Помню, как нас эта история сильно задела. Все мы были «детьми войны», и каждого из нас она по-своему коснулась.

Как писала Злата в своем «Дневнике надежды», война забрала у нее беззаботное детство и в один миг она стала взрослой. Ее мир моделей, поп-звезд перестал существовать, и наступило время слез, горя, печали, уныния. Мне особо запомнились ее слова о том, что политики – это «дети». И как дети они играют с людьми, как с живыми игрушками. Наверное, ее слова в этом дневнике заставили меня задуматься и о нашем украденном детстве. Спустя 27 лет со дня окончания войны, бывает, общаясь со сверстниками, либо с теми, кто был постарше во время войны, узнаешь и об их мыслях, воспоминаниях, боли. Отголоски войны доходят до нас и по сей день. До недавнего времени я не хотела вспоминать о войне. И долгое время думала, что я многое забыла. Наши воспоминания оказались глубоко запрятаны в нашем сознании. Однако воспоминания имеют свойство возвращаться. Есть эпизоды, которые врезались мне в память, и никогда, наверное, не забудутся. Война украла у нас наше беззаботное детство, у наших родителей – молодость.

Вчерашние дети, игравшие в футбол, ловитки, казаки-разбойники, в одночасье повзрослели. Многие стали солдатами, быстро привыкшими к крови и грязи. Но войны когда-нибудь заканчиваются и надо возвращаться к мирной жизни. Но как? Как возвратиться, имея за душой груз воспоминаний. Ты – часть потерянного поколения, и с этим тебе предстоит прожить остаток жизни. Проблема, которая затрагивает нас всех. Выжившие, но покалеченные психологически. Сколько их, самых обыкновенных мальчиков, пришедших с войны, вместе со своей незаживающей болью и живущих среди нас?

Меня часто волновал вопрос, почему никто не вспоминает о детях войны, ведь многие из них перенесли жизненную трагедию.

Детская память сохранила смутный образ «моей» войны.

Хочу начать свой рассказ с первого дня войны, когда в моей жизни и в жизни моей семьи изменилось все.

14 августа мы с мамой и братом возвращались из деревни Хоби (Грузия). Я представительница смешанной семьи (отец –

абхаз, мать – мегрелка). Отец находился по работе в Финляндии. Нам с братом было по пять лет, не все понимали. Но есть эпизоды, которые четко врезались в память, никогда их не забуду. Особенно запомнились первые дни войны. На автобусе подъехали к месту, где находится нынешнее Министерство обороны (район гостиницы «Айтар»), а мы живем в первой трехэтажке. Вышли из автобуса, а вокруг много людей, машин, все куда-то бегут. Наш сосед дядя Коля кричит: «Эля, куда вы приехали? Война началась». Мы, конечно, с братом Саидом ничего не поняли, но эти слова четко врезались мне в память: «Война началась». Никогда не забуду мамины потерянные глаза.

Помню, как у соседей в ванне прятались, на случай если начнется обстрел. Но так долго не могло продолжаться, и мама решила отвести нас к дяде Вахо, который жил в районе Турбазы. Запомнилось, как мы бежали по железной дороге, и мама просила опустить головы и придерживала их рукой. Помню свист пуль над головой. Хотя страха не испытывала, наверное, в силу возраста. Для меня это было чем-то новым, непонятным.

Мне особо запомнился день, когда мы покидали Сухум. Помню много людей на берегу, панику. Нас было шестеро: мама со мной и братом, тетя с двоюродными братом и сестрой. Мы стояли на пирсе и не знали, что делать, как уехать. Сегодня, спустя столько лет, вспоминаю этот день, становится страшно. Черное, бушующее море, и мы, дети, среди этой суеты, криков, непоминаящие что происходит. Особенно запомнился шторм, так как меня пытались несколько раз посадить на корабль с лодки. А так как не было мест на корабле, нас шестерых посадили в шлюз. Это было маленькое пространство, клетчатые матрасы и помню, как там было безумно душно. Наш корабль прибыл в Сочи. И только спустя пару дней, мы добрались до Туапсе. На какое-то время мы разместились в пансионате для беженцев. И чтобы прокормить нас, мама и тетя пекли сладости и продавали на Туапсинском рынке. Я часто задавала вопрос «детям войны»: «Чего вам не хватало из еды?». И каждый раз невольно вспоминала о шашлыке, который нам обещал местный житель, но так и не дал попробовать. До сих пор вспоминаю это! Уже позже, после окончания войны, жизнь понемногу стала налаживаться. Мы как дети войны получали помощь от международной гуманитарной орга-

низации «Первичная помощь»¹. По словам бывшей сотрудницы международной организации «Первичная помощь» Риты Басария, «в программе поддержки задействованы были следующие группы населения:

- беременные женщины;
- дети от 0 до 12 месяцев;
- дети школьного возраста;
- родильные дома.

Программа была нацелена на удовлетворение продовольственных и гигиенических нужд данной категории населения ввиду тяжелой жизненной ситуации, в которой оказались люди после окончания войны 1992–1993 гг. Программа работала во всех районах Абхазии в сотрудничестве с администрациями районов, районными больницами и родильными домами. Пунктами раздачи были родильные дома, больницы, поликлиники районов и др.

Дети до 1 года, мамы и беременные ежемесячно получали следующий набор продуктов и гигиенических принадлежностей:

- сухое молоко;
- печенье с высоким содержанием белков и витаминов;
- подсолнечное масло;
- мука;
- пеленки;
- стиральное мыло;
- подгузники.

В школы отправлялся следующий набор:

- сухое молоко;
  - печенье с высоким содержанием белков и витаминов.
- в родильные дома:
- пеленки;
  - стиральное мыло;
  - подгузники.

Это была существенная поддержка, т.к. в этот период данная категория не обслуживалась ни одной другой организацией».

---

¹ Международная организация «Первичная помощь» *Première Urgence Internationale* оказывает поддержку людям, пострадавшим в результате стихийных бедствий, войн и экономического кризиса. Данная организация осуществляла свою деятельность на территории Абхазии с 1994 по 1997 гг.

Я никогда не забуду вкус печенья и сухого молока. До сих пор его ощущаю. Но сегодня, спустя 27 лет, если вы меня спросите, что не дает мне покоя, скажу вам: искалеченные судьбы наших родителей (а кто-то их потерял во время войны), которые отдали лучшие годы своей жизни, чтобы поставить нас на ноги, дать образование. А сегодня многие из них потеряли свое здоровье, а некоторых и вовсе нет.

Война искалечила судьбы многих людей. Многие семьи были разделены, оказались по обе стороны баррикад.

Родители наши пытались огородить нас от плохого, но это такой момент, когда твой мир вдруг в один миг рушится. Очень остро ощущаешь несправедливость и ужасы войны. Война перечеркнула все, что мы любили и чем были наполнены наши мирные дни. Уже многих нет с нами, но живет память о них.

Часто я слышала из уст взрослых: «Только бы не было войны». Это был явный завет поколений. Война повлияла на жизнь каждого из нас. Жизнь у детей поделилась на «до» и «после» войны. **Алиса Матуа:** «Не хотелось это признавать, но по-другому не может быть у детей Абхазии. Не только у меня, скорее всего, у всех сознательных детей. У меня в памяти осталось безоблачное, сказочное детство и жизнь довоенная. И эта война, хотя нас родители и старались ограждать, но тем не менее мы очень повзрослели. Я сужу по себе, по своим сестрам, насколько мы старались помочь, влились в хозяйское дело. Рано стали взрослыми. У моего поколения детство было украдено».

Татьяна Хишба: «...Моя семья поделилась на “до” и “после”. Если бы не война, не ушли бы рано мои дедушка с бабушкой. У моей бабушки, папиной мамы, из-за того, что ее сын не вернулся, отказали ноги на нервной почве. Она очень плохо ходила на костылях, и на почве этого, конечно, пошли дальше болезни. Ей было 62, когда ее не стало, хотя она была сильной женщиной. Мы остались без них. Без отца, дедушек, бабушек. У нас была большая семья и вдруг всего этого не стало. Мы остались одни».

Таким образом, выбор начальной временной границы очевиден. День начала войны для каждого ребенка разделит жизнь на «до» и «после». Рассказы детей позволяют нам осмыслить их становление, раннее взросление.

Аслан Габелая: «Не было отца, и я всегда должен был быть ответственным в семье несмотря на то что был ребенком. Мне кажется, я с детства взрослый, во всяком случае, окружающие меня люди так говорят».

Война принесла большие потери детям. Они являлись главными жертвами этой ситуации. Вся инфраструктура была разрушена, школы, университет, многие лишились своих домов. Для некоторых детей окончание войны положило конец продолжительному периоду страха, смятения и разлучения. Для других это привело к значительным потрясениям, когда они вернулись в города и семьи, которые едва помнили. В настоящее время нет точных данных о количестве детей, затронутых грузино-абхазской войной, так как во время войны не велось статистики. К несчастью, имеющиеся доказательства показывают насколько ужасающими были последствия войны для детей.

Ромео Черкезия: «Сама война на меня не повлияла, на меня повлияли последствия войны. Война закончилась и длилась год. Оказывается, во время войны у нас было все хорошо. После войны все стало плохо. Мы – дети. У нас не было ничего. Объясню почему, дети хотят игрушки, но никаких игрушек не было. Война закончилась. А сколько пуль было вокруг! Мы специально одевали куртки, где много карманов, и собирали пули. Мы все вместе ходили. Хотя нас предупреждали, что может быть много мин. Я помню, как мы сами находили мины, кричали и звали старших. А потом взрослые взрывали. Мы собирали гильзы, мы находили черепа. На сопке, в кустах находили черепа людей. Мы собирали гильзы. Есть зеленые гильзы и золотистые. Они считались дефицитными. Для нас это были игрушки...

Еще нам более старшие делали автомат из дощечек. Надо было камеру от колес резать, ее натягиваешь, посередине палка, натягиваешь и держишь. Наши пальцы были всегда черные. Все это были наши игрушки... Каждый из нас в послевоенное время и по сей день ощущает последствия войны. Тяготы, заботы. Уверен, если бы не война, у нас бы была более беззаботная жизнь».

Даур Кове: «Сегодня на 20-летних мы смотрим как на детей, которых надо оберегать, лишь бы ничего не сделали. А те 20-летние пошли воевать, они ушли далеко вперед. Они прошли реаль-

ную войну. Шли на смерть. Вот наше поколение – это то, которое увидело и помнит ту войну. Мы ее как-то ощутили, потрогали чуть со стороны. Дай Бог, чтобы это не повторилось, это очень тяжело. А последствия мы еще ощутим впереди. Сегодня мы говорим о демографических ямах, я думаю, мы еще почувствуем то, что произошло».

Несмотря на то что война закончилась, эпизоды войны постоянно в нашей памяти. Нужно понимать всем взрослым, которые затевают войны, что детство с войной несовместимо.

В этой книге собраны 55 детских судеб. Память детей – главный герой этого дневника. История рядом с нами, мы – ее вершители. Эти 55 голосов врежутся вам в память, так как не могут оставить равнодушным никого. 55 судеб – лишь частичка истории, которая окружает нас. Хочется говорить, кричать о том, что войны уничтожают, калечат судьбы маленьких детей. И ведь неважно, дети на фронте или в тылу. Они внутри войны.

В заключение хотелось бы отметить, что при публикации текстов сохранена лексика, фонетические особенности речи респондентов.

Выражаю искреннюю признательность информантам, благодаря которым материал, представленный в сборнике, был записан и опубликован в данном издании.

Устная история (oral history) и военная антропология: точки взаимодействия в материалах интервью «Детей войны»

Устная история является признанным направлением исторических исследований в мировой научной практике¹. Oral history, оформившись как самостоятельное явление, имеет на современном этапе организационную структуру в виде Международной Ассоциации устной истории (International Oral History Association - IOHA), в которую входят национальные организации, например, Ассоциация устной истории США (1967), Устная история Великобритании и т.д. Национальные организации существуют в большинстве стран мира. Наднациональные и национальные ассоциации, как и другие Международные ассоциации, созданные по направлениям исторических исследований, например, Международная ассоциация по экономической истории, опираются на разветвленную сеть научных центров, созданных при университетских кафедрах, при библиотеках и государственных архивохранилищах, а в Великобритании даже в «нескольких университетах работают факультеты устной истории» (Шивон Уоррингтон). И только в государствах постсоветского пространства устная история все еще подвергается критике за отсутствие объективности и достоверности. Данная ситуация отражает устойчивость позитивизма в исторической науке постсоветских государств, который в истории исторической науки сыграл как положительную, так и негативную роль.

---

¹ Щеглова Т.К. Устная история: учебное пособие. Барнаул, АлтГПА, 2011. – 364 с.; Щеглова Т.К.. Становление и развитие российской устной истории (oralhistory) в 1980-2010 годы в контексте общественно-политической и научной жизни России и в сравнении с международными традициями устной истории / Т. К. Щеглова // Устная история (Oralhistory) в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сборник научных статей / Алтайский государственный педагогический университет; отв. ред. Т. К. Щеглова. – Барнаул, 2017. С. 60-106.

Главные претензии к позитивизму состоят в том, что «позитивизм в исторической науке обслуживал интересы политической истории, наиболее востребованной в XIX в. (да и в XX в. тоже) в связи с потребностью формирования национально-государственной идентичности»¹, который привел историческую науку к истории государства, а не общества.

В России это преубеждение удалось преодолеть. В последние годы материалы устной истории стали признавать в источниковедении как самостоятельную видовую группу документов личного происхождения. Действительно, любой исторический источник дает важную информацию, если его при интерпретации подвергать внешней и внутренней критике. Примером является использование статистических источников. Статистика, так же как и материалы устной истории, создается людьми. В государствах с жесткой вертикалью власти, когда нижестоящие администрации финансируются верхнестоящими органами власти, статистика не может не лукавить, если нижестоящие не хотят лишиться финансирования. Такие же особенности существуют у делопроизводственных документов. Именно условия создания документов должны учитываться при использовании любого документа в исторических исследованиях. Так же как внешняя критика источников устной истории (материалов интервью) предполагает учитывать и социальный, и профессиональный, и иной статус носителя исторической памяти; важно учитывать и текущую историческую ситуацию, и атмосферу в обществе, как факторы, влияющие на оценку описываемых респондентами событий.

Независимо от того, к какому уровню документов относятся используемые источники, к уровню сферы государственной жизнедеятельности (статистика, делопроизводственные или нормативно-законодательные источники) или к уровню жизнедеятельности социальных страт общества (дневники, письма, мемуары, устные исторические источники – материалы интервью, нарративы и т.д.) при их интерпретации в научных работах нужно опираться на научно-методические требования источниковедения. Первый уровень документов часто называют в устной

¹ Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 685.

истории как «история сверху вниз», второй уровень часто называют как «история снизу вверх». В современных государственных архивохранилищах преобладают документы, отражающие государственную историю во всех ее проявлениях, – экономику, политику, социальную, конфессиональную, этническую и иную жизнь. Устная история создает новые документы, отражающие жизнь не способного или не озабоченного документированием «жизни внизу» в контексте той или иной государственной политики «безмолвного большинства».

В зарубежной и отечественной историографии устной истории часто носителей исторической информации называют «немотствующее» или «безгласое» («безгласное») большинство. В любых войнах массовыми участниками поневоле как раз и становятся «немотствующее население» - мирные жители двух воюющих сторон, среди которых преобладают дети и женщины, не оставляющие после себя источниковую информацию в виде сводок с фронта или делопроизводственных документов об обеспечении их питанием, жилищем, одеждой, медицинскими препаратами и т.д. И если жизнедеятельность армии и флота во многих войнах и конфликтах так или иначе организуется государством, оставляя после себя письменные документы, то мирное население, являясь, по сути дела, жертвами и заложниками военных конфликтов остается без письменных фиксаций их жизнедеятельности. Именно устная история, как источник и метод изучения исторической памяти участников и очевидцев событий, связанных с войнами и вооруженными конфликтами, способна восполнить этот пробел. И в этом смысле документы личного происхождения, в т.ч. материалы устной истории, при соблюдении требований внешней и внутренней критики являются равноправными среди прочих видов или типов источников, в т.ч. статистических, делопроизводственных, законодательных. Они позволяют реконструировать прошлое в полном объеме.

Таким образом, признание устной истории, как самостоятельного направления исторической науки, связано с антропологизацией научного знания, в т.ч. исторического знания. Но на современном этапе устная история дополнительно признается еще как источник и метод других направлений так называемой «новой истории», которая возникла в результате гуманистического и антропологического переворота, произошедшего в ми-

ровой исторической науке в середине XX столетия. Известный российский историк Л.П. Репина так охарактеризовала ситуацию: «Во многих науках на первый план вместо закономерностей и регулярностей вышло изучение индивидуального, уникального, случайного. Вновь изменилось соотношение между такими различными типами знания, как знание научное, религиозное, эстетическое, усилились движения антисциентической направленности, ушли в прошлое классические идеалы науки»¹. Среди направлений новой истории, активно использующих устную историю как метод изучения исторической памяти, наряду с такими направлениями и субдисциплинами, как история повседневности, локальная история, гендерная история, имагология, больших достижений в изучении психологии войны и исторической памяти о войне достигла военная антропология, которая оформилась на рубеже 1990-х и 2000-х годов, благодаря известному историку Е.С.Сенявской.

В представленном издании, где устная история сопрягается с военной антропологией, размещены материалы интервью самой беспомощной категории участников – детей войны. Военная антропология как новая междисциплинарная отрасль науки, интегрируя достижения, предметные области и исследовательский инструментарий военной психологии, социологии, педагогики, истории, культурологии, медицины и других дисциплин, изучает человека в условиях войны². Объектом изучения военной антропологии являются человек и общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов и войн. В предлагаемом издании внимание уделяется не «человеку воюющему», его повседневной жизни в боевых условиях, а прежде всего, самой не-

¹ Репина, Л.П. Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М. : ИВИ, 1998. – 282 с.; Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с., с. 3

² Сенявская Е. С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Минского университета: 2016. № 1–2. С. 14–25., с. 14; Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология: ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития: М.: РОССПЭН, 2002. С. 5–22., с. 13; Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке : Ист. опыт России / Е. С. Сенявская. – М. : РОССПЭН, 1999. С. 382.

защищенной категории «гражданского» мирного общества – детям и различным аспектам их жизни.

Акцентуация детей в интервью на жизненных стратегиях поведения в рухнувшем для них в один день окружающем мире обращает внимание исследователей на еще одно сформировавшееся в последнее время направление – «антропология экстремальности» (Щеглова Т.К.), которая в значительной степени базируется на устной истории, т.к. государственные архивохранилища содержат ограниченные и по числу, и по качеству письменные документы о бытовой жизни рядового человека в чрезвычайных условиях. Именно жизненные истории детей (life story) содержат источниковую информацию о повседневности и бытовом устройстве на уровне семьи в полосе боевых действий или в местах эвакуации. Через эмпирический опыт рассказчиков исследователю предоставляется возможность выявить адаптационные хозяйственно-бытовые практики по обеспечению всех членов семьи пищей, жилищем и одеждой, то, что в социальной антропологии и этнологии называется «системой жизнеобеспечения». Большое значение для исследователей имеет информация, на основе которой ими могут реконструироваться базовые элементы системы жизнеобеспечения семьи, такие как жилище, пища, одежда, обувь и т.д.

Устные свидетельства, предлагаемые ученому миру создателем «детских документов» о войне, являются историческими источниками по питанию детей, «ассортименту» повседневной пищи, по значению тех или иных продуктов, по изменению их роли в повседневном питании. Например, обращает на себя внимание вытеснение хлеба кукурузой, то, что в «антропологии экстремальности» называется «заместительными технологиями» повседневного поведения людей в затруднительных условиях¹. Об этом говорится чуть ли не в каждом интервью. Достаточно привести несколько цитат: «Кукуруза ведь сырая была, мы ее су-

---

¹ Щеглова Т.К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930-50-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции: монография / Т.К. Щеглова. Баранул: Алт ГПУ, 2018. 508 с.: ил.; Щеглова Т.К. Антропология экстремальности: рыболовство и рыба в системе жизнеобеспечения земледельческого русского населения юга Западной Сибири в контексте исторических событий 1930-1950-х гг. // Мир Большого Алтая 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 48–66.

шили на солнышке, а потом пропускали через мясорубку. Лепешки делали, мамалыгу варили, мы и чай пили без сахара» (Элисо Сангулия); «Кукурузу вручную крутили, без сахара, без соли ели. Мамалыгу без ничего ели... Все заканчивалось...» (Анжела Чантурия), «Сырую кукурузу срывали, крутили через мясорубку, жарили как муку, но она такую изжогу давала. До сих пор вспоминаю это ощущение» (Элисо Ажиба). Кукуруза, заняв центральное место в системе питания семьи в условиях войны, вытеснила хлеб из базовых продуктов на периферию питания. Такие тенденции характерны для всех обществ и культур, попадавших в экстремальные условия жизнедеятельности. В документированных интервью это проявляется перманентно: «Хлеба не хватало. Этого запаха хлеба не хватало. Когда прилетели в гудаутскую сторону и увидели хлеб, стали нюхать и целовать хлеб... Мы его в руках держали, и не хотели чтоб крошки рассыпались. Даже до сих пор крошки не высыпаю, все собираю» (Анжела Чантурия), или: «Знаете, чего мне не хватало больше всего...[в эвакуации]? Хлеба. Я очень люблю хлеб, мамалыгу особо не люблю... Хлеба четыре месяца не кушал. Когда в Теберде приземлились... Нас в детском саду поселили. Просто хлебом с чаем напоили. Я запомнил этот вкус навсегда» (Лаша Лакрба).

Устные исторические источники дают информацию и об обеспечении семей, попавших в эпицентр военных действий, другими базовыми элементами жизнеобеспечения, например, жилищем, когда, по свидетельству респондентов, «квартира была непригодна для жилья, вся разбитая, и на балкон тоже снаряд попал. Мы спали прямо на полу первое время... (Лаша Лакрба), а потом, потихоньку начали обживать». Или находить способы замены обуви и одежды: «Помню, когда пешком шли, ботинки разорвались, ведь ходила постоянно. Я целлофаном обматывала ногу, и так их надевала» (Анжела Чантурия).

Но самой сложной темой «антропологии экстремальности» является изучение социальной и психологической адаптации человека к «виду» и «запаху» войны. Замена устной истории как методу исследований с целью создания источников по социально-психологической адаптации не существует. В устных свидетельствах содержится источниковый материал и об эмоциональном восприятии военных событий, и осознание произошедшего, и восприятие смерти или вида убитых, решения вопросов о за-

хоронениях, о переакцентуации с детских эмоций на факторы взросления и т.п. «Взгляд снизу» на историю как в прямом смысле взгляда детей с их роста и возраста на проблемы, которые не все взрослые выдерживают, демонстрируют скрытые адаптационные возможности детского возраста, вступающие в действие защитные силы детской психики при восприятии страшной «изнанки» войны, трансформацию их эмоций, жизненных установок и ценностей. Все эти факторы в совокупности помогают понять и цену побед, и факторы, способствующие тому или иному ходу боевых действий, факторы, помогающие эмоционально преодолеть негативное воздействие войны, и перейти к мирной жизни.

В заключение необходимо подчеркнуть, что устная история разработала и предоставляет историкам технологии получения и документирования новой источниковой информации из исторической памяти участников или очевидцев исторического прошлого, их интерпретации. Устный историк выступает не только потребителем, но и создателем исторических источников. И в отличие от традиционной работы с готовыми архивными материалами сам создает источниковую базу, не отказываясь и включая в свои исследования другие виды и типы источников. Создаваемые новые исторические источники отражают «историю снизу» через «взгляд изнутри» описываемых событий, содержат оценку атмосферы эпохи, ощущений и возможностей человека в контексте тех или иных исторических процессов, которые во многом инициируются сверху. И сверху же оцениваются через учебные пособия и официальную историографию, которые чаще бывают ангажированными и идеологизированными, чем устная история общества.

*Д.и.н., проф.
Татьяна Кирилловна Щеглова*

Илона Цкуа,
сотрудница АБИГИ

С.В.: Здравствуйте. Представьтесь, пожалуйста, скажите, сколько вам было лет, когда началась война, и где вы находились?

И.Ц.: Меня зовут Цкуа Илона. 14 августа мне исполнилось 16 лет, и я находилась в селе Нижняя Эшера. Узнала о войне от братьев. Сначала никто не поверил в это. Мы с сестрой решили, пока все шумят, происходит эта паника, пойдём на море. Пока мы купались, над нами появились два вертолётa, а они летели так низко, посмотрели, что рядом с нами никого не было, и улетели. А потом, уже через некоторое время мы узнали, что обстреляли пляж МВО или ПВО.

Мы еще пытались пошутить, мама, говорим, они даже пожалели потратить на нас патроны. Но когда появились танки, еще больше паники стало. Все прятались, но из домов никто не уезжал, все надеялись, что это не надолго. Но когда начался обстрел Гумисты, мы бегали, прятались в разных местах. Потом мы уехали в Дурипш к бабушкиной сестре.

С.В.: Пока вы в Эшере находились, что вам запомнилось?

И.Ц.: Была паника, куда не прятались, казалось, что везде нас видят. Рядом с домом моего дедушки – гора Верещагина, и оттуда открывается вид на море. Там стояло два больших корабля. А нам же всё интересно было. Сейчас понимаю, что враги наблюдали за нами. Нас было где-то человек 30. И, наверное, им не совсем видно было, кто там – дети, взрослые, старики? Они и стрельнули. С нами была моя тетя Лариса Авидзба, Кочубея Авидзба жена. И когда они выстрелили, этот снаряд в гору попал. От удара осколок от камня угодил в спину тете. Она решила, что ее ранило. Как потом тётя рассказывала, она подумала, что в нее осколок попал, и что она должна умереть. Легла и через

некоторое время уснула. Её тоже мы полдня искали, потом из этого у нас родился анекдот.

С.В.: Вы ведь были подростком, ребенком, был ли у вас страх?

И.Ц.: Дети того времени и сейчас – это большая разница. В 16 лет, сейчас, они очень взрослые, очень рассудительные, всё понимают. На тот момент в 16 лет я была совсем ребенком, в войнушки я играла только со своими братьями. У меня было пятеро братьев, и я у них одна сестра. В войнушки мы играли дома с палками. Единственное, когда я увидела брата с автоматом и в военной форме, тогда я чуточку испугалась. Спрашиваю его, зачем тебе автомат, а он мне отвечает: «Ну а как, в меня будут стрелять, я же защищаться должен».

С.В.: То есть полного осознания, что идет война у вас не было? Когда оно пришло?

И.Ц.: Мы до последнего сопротивлялись, мама, тети мои. Когда нам говорили тетины сыновья, всё собирайтесь, уезжайте, помню, тётя отвечала: «Как я уеду, вас оставляю. Со мной уедете». А у них был один ответ: «Мама, ты что, с ума сошла, как мы поедем, кто воевать будет?».

Я все думала, что это как события 1989–1991 годов. Они длились недолго, а потом прекращались. Я думала, сейчас пошумят, пошумят, и все закончится. Но когда появились первые жертвы, разрушения, пришло осознание, что это надолго. У нас очень много грузин жили в Эшере, и тут они все начали собирать вещи и уезжать. Конечно, грузины, надо отдать им должное, как соседи, как друзья, были хорошими. Но в ходе войны все выяснилось. Есть в Эшере мельзаводские дома на берегу моря. Стоят пятиэтажка и четырехэтажка, которые в основном заселены грузинами. Настолько было тесное общение, что никто не ожидал, что так могло быть. Буквально за два или три дня до начала войны соседки-женщины (грузинки) вышли в этот район мельзавода, и начинают подметать, приезжают с цветами, начинают генеральную уборку двора. А соседка мегрелка (муж абхазец) у них спросила, к чему убирают это все, они не ответили. Предложила свою помощь, думала, что к свадьбе готовятся. Они сказали, просто убирают, и не нужна помощь. Видать, не хотели говорить, потому что муж абхазец.

Потом уже в ходе войны в квартирах грузинских были найдены листки с расписанием маршрута гвардейцев. В этих листках было расписано, за сколько дней они должны пройти всю Абхазию, какого числа, в каком городе они должны оказаться. Там у нас огромный завод стоял, начальниками в основном были грузины. У них у всех были эти планы. И это всё когда обнародовали, было больно. Были теплые добрососедские отношения, и тут понимаешь: грош цена этой дружбе, и всему тому, что между нами было. Вроде, родные семьи, а в итоге за спиной такое сделали. Но, видать, они тоже не понимали, что будут такие жертвы или не ожидали сопротивления.

С.В.: Грузинские семьи, которые проживали в Эшере, покинули Абхазию?

И.Ц.: Все покинули. Остались в Эшере в основном бабушки, чьи сыновья находились в России, которые вообще отношения не имеют к войне, и никто их не трогал.

С.В.: Какой для вас был самый страшный эпизод, когда вы находились в Эшере?

И.Ц.: Самый страшный эпизод в моей жизни и первая моя боль – это когда погибли мои братья. Когда у тебя все живы, ты особо не ощущаешь боли. Самое страшное наступило с их утратой. У меня в один день погибли два брата. Когда началась война, мой брат Астамур Эзугбая состоял в Абхазской гвардии. (Полк внутренних войск. – Авт.). На тот момент его часть находилась в селе Охурей. Так получилось, что они не могли выехать, их блокировали. Они вели бои вплоть до 25 декабря. Три родных брата Астамура тоже находились на войне, но на других позициях. Это Алмасхан, Давид и Вовка. И когда ситуация затянулась, кто-то смог выбраться из Охурей, нам сообщили, что Астамур живой. Так, старший брат Дато решил поехать за Астамуром, собрал команду своих друзей и они на вертолете полетели в Охурей. Туда перебрасывали десант. Братья встретились, их взяли в окружение. Дом стоял в таком месте, что вокруг не было ни кустов, ничего, практически стоял в поле. Их окружили, и первым убили Дато, который за младшим братом поехал. Ребята начали кричать: «Дато убили». Когда Астамур услышал, его остановить, удержать было невозможно. Человек в состоянии шока, наверное, силу имеет нереальную. Ребята находились под обстрелом,

он выскочил, и его убили. Одного из них мертвым взяли в плен, с ними там погиб Даур Воуба – афонский парень. Потом обмен сделали, и их привезли 2 января. Их убили 25 декабря.

Ранее меня насильно отправили в Гагру, я находилась в пансионате «Энергетик» и оттуда меня забрали. Когда приехала в Эшеру, я увидела эти открытые ворота. Помню эти неповторимые ощущения. И после этого тоже ничего хорошего не было, двое моих братьев погибли, Астамур и Дато. Но эта первая боль, когда я впервые увидела своих братьев умерших, и я не могу их поднять. Это была самая первая трагедия в моей жизни.

С.В.: А вы почувствовали, что повзрослели в этот момент?

И.Ц.: Я почувствовала, что я постарела в этот момент, не повзрослела, а постарела. Война, конечно, сильно пошатнула психику и восприятие. Я не знаю, с чем сравнить. У меня есть подруга Нона, мы с ней постоянно вместе находились, и вместе поступали в университет. Мне было 18–19 лет. В основном все однокурсники пришли после школы. И вот они все шутили, что-то говорили, они, прямо, детьми были. Над всем шутили, хохотали. Мы не могли понять, что происходит, нам неинтересно было с ними разговаривать. Реабилитационный период был важен для нас всех, но у нас его не было. Тема войны длилась у нас, наверное, лет 15. Настолько ты старшеешь от этого всего, что в 18 лет я себя чувствовала сорокалетней женщиной. Неинтересно было со своими ровесниками. У нас не было никакой молодости, самые вкусные периоды жизни мы пропустили. Война у многих психику деформировала. Конечно, было и хорошее, но оно быстро закончилось. Об этом я и говорить не хочу.

С.В.: Может, вы хотели что-то пожелать сегодняшним нашим детям?

И.Ц.: Мирного неба над головой. Это не просто красивые слова, они имеют большой смысл. Когда ребёнок не знает, что такое война, не понимает, что он слышит, читает, смотрит по телевизору. Ведь на словах невозможно это ощутить, лишь только прочувствовав. Война – это страшное слово.

С.В.: Война имеет вкус?

И.Ц.: Война со вкусом горечи.

С.В.: Спасибо большое.

24.04.2017 г.

Илона Ханагуа,

к.ф.н., доцент кафедры истории и теории МО
Абхазского государственного университета

Хочется, чтобы молодежь была другая, как до войны. Я могу разделить свое время до и после. До войны мы были такие зелененькие. Сейчас, что молодежь знает, мы не знали. Мы жили на доверии, были ответственными, и друг к другу подло никогда не относились. У меня был большой класс, и по сей день мы встречаемся. Мы всегда вспоминаем довоенные годы, послевоенные никто не хочет вспоминать. Я заканчивала школу, не весь же класс был, некоторые уехали, кто-то, как я, остался. Нас было единицы, и в основном, многих не было здесь, в Ткуарчале. Но в любом случае никто из нас не хочет вспоминать события после войны, все вспоминаем, что было в 5-6 классе.

С.В.: Считаете ли вы, что повзрослели во время войны?

И.Х.: Я считаю, что даже постарела. Такое ощущение было, что я все знаю. Я не ощущала себя маленькой, когда мне 15 лет исполнилось в ноябре. Это был мой первый день рождения, который мы не отметили, как я хотела. Каждый год мама отмечала нам дни рождения, чтобы мы запоминали их. Этот я запомнила на всю жизнь.

С.В.: Считаете ли вы, что вы были лишены детства, юности?

И.Х.: То, что я получила до войны, было как-то восполнено. Я не страдаю тем, что я не имела детства, сейчас дети наши не видят войны, но не имеют детства. Во что мы играли, во что мы верили, какие у нас были ценности и идеи, у них этого нет. Мне их иногда жалко, хотя они смотрят и говорят, какие вы отсталые были. Наоборот, не побегают, не упадут, коленки не разобьют, они сидят в телефонах в парках, на лавочках или в кафе. У меня не было такого детства, и я ни о чем не жалею. Война за один год

у меня украли это детство, подростковый период, но я не жалею. Я все восполнила теми 14 годами, которые были до войны.

С.В.: Как вы думаете, какое лицо у войны?

И.Х.: Подлое, грязное, обманчивое; везде лукавят, даже правители. Ты смотришь и ждешь, война закончится, война – это предательство.

С.В.: Что бы вы хотели пожелать детям войны, вашему поколению?

И.Х.: Я желаю, чтобы у тех, кто пережил в моем возрасте войну, кто чуть меньше меня, больше никогда их внуки, правнуки не видели войны. И то, что мы пережили, пусть будет каким-то страшным сном. Надо об этом говорить, пусть это будет как рассказ своим внукам, которые тоже должны знать, что была такая война, что была бабушка, которая пережила все это.

С.В.: Какие у вас страхи остались?

И.Х.: Страх потерять близких. Боюсь садиться в самолет, слышать гул вертолетов и самолетов. На гул вертолета, самолета мы привыкли хоть минутку останавливаться, сесть или упасть, нас папа так учил, чтоб не бежать, не метаться по двору, или спрятаться где-то в углу. Этот страх у меня остался, где бы я не услышала самолет, я просто стою, потом, конечно, меня отпускает, я осознаю, где я нахожусь, я иду дальше.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало во время войны?

И.Х.: Свободы, мира. Так хотелось спать спокойно, и не бояться. Я этого больше всего хотела. Проснуться, чтоб мама сказала: «Не встаете? Вы опаздываете в школу». Очень хотелось это услышать. Но, к сожалению, этого не было. Мы знали, что мы встанем, и начнется бомбежка.

С.В.: Несмотря на то что шла война, бомбежки происходили, смерти были, вы оставались детьми. Как вы проводили время, во что вы играли, чем себя занимали?

И.Х.: Мы читали книги. У нас же рядом с домом библиотеку разбомбили, мы пошли с сестрами и книжки брали домой. Те, что у нас дома были, мы все перечитали, а это ведь новые. Старшая сестра филологический факультет заканчивала, другая – историко-юридический факультет. Вот мы пошли втроем: набрали себе книжек, и с радостью читали. Мы ни во что не

играли, если честно. По соседству взрослые жили, у них детей не было. Это был секционный дом. Он полностью опустел, и было там много беженцев. Сестра младшая, на три года младше меня, садилась рядом с нами и читала книги.

С.В.: Как вы помогали своим родителям?

И.Х.: В огороде, по дому. У нас двухэтажный дом. Мы радовались, если кто-то то приходил, сразу что имели вытаскивали. Они уйдут – мы убирали. Нас четверо сестер, сидели ждали, кто еще придет. Раньше телефонов не было, письма писали друг другу. Однокурсницы моей сестры жили в Гудауте, я то никого не имела, и им письма приходили. Однажды пришло письмо от девочки Анкваб, она писала из села Хуапа. Их бомбили один раз, и это было в Гудауте. Она писала, какие были у нее переживания в этот момент. Все ее эмоции передавались через слова в письме. Мы даже ощущали, что она перенесла. Она говорит, один раз эту бомбежку видела, а у нас каждый день бомбили. Сестра ответное письмо ей написала и передала через женщину, которая пришла к нам домой. После войны гудаутская подруга рассказывала моей сестре, как ей было тяжело пережить эту бомбежку.

С.В.: Что касается питания, хватало вам его?

И.Х.: Да, нам дядя очень помогал. Скот имели дядя с тетей, закрутки у нас были, на какое-то время хватило.

С.В.: Какое у вас самое радостное воспоминание?

И.Х.: День победы. Я плакала, можно сказать, рыдала. Когда снаряды падали, мы тоже плакали, но это было совсем по-другому. Я кричала, я не знаю, что я кричала, мы все кричали. Друг друга не слышали, потому что стреляли, грохотали. Вот 30 сентября – День Победы, а первого октября лишь до нас, до Ткуарчала дошла весть. Я думала, нас захватили, потому что так стреляли. Выйти не могла из комнаты, кричала, и потом услышала мамин голос: «Аиааира хгеит», и все, я села на кровать и стала плакать. Сестра забежала, все плакали, радовались, обнимались. Мы думали, что завтра, значит, будем жить, я могу поспать, было ощущение, что я проснусь и будет все хорошо.

С.В.: Можете сравнить еще с какими-то чувствами, которые в вашей жизни произошли?

И.Х.: Это чувство Дня Победы ни с чем не могу сравнить. В тот момент, что я ощущала, не могу передать. Дети родились – это большое счастье, я замуж вышла – счастьем нет границ, но то, что я тогда испытывала, я больше не испытывала никогда. Я плакала и кричала не своим голосом. Мама говорит, я твой голос не узнала. Так же мои сестры. Я не знаю, почему мы так кричали, хотели все выплеснуть, идешь и плачешь, радуешься. Нам, видать, хотелось освободиться от чего-то, я пока не могу сравнить это ни с чем.

С.В.: Что вам помогало выжить?

И.Х.: Надежда, что скоро закончится война. Потому что вчера, кто приходил, многих нет. Они говорили, не бойся, вот-вот скоро все закончится. Они нас видели, и им нас было жалко, мы же были девочками. Мы их кормили, кофе варили.

С.В.: Часто снились вам сны о войне?

И.Х.: Нет, я не помню. Из военной жизни не снилось ничего. Не знаю, как моим сестрам, а мне – нет.

С.В.: Для вас один день войны – целая вечность или как один миг?

И.Х.: Целая вечность, мигом ничего не пролетало. Каждый день был такой большой. Сейчас года летят очень быстро, не успеешь что-то сделать и день закончился. Мы жили от снаряда до снаряда. День не заканчивался, целая вечность.

С.В.: Могли бы вы описать самый запомнившийся момент во время войны?

И.Х.: Самый запомнившийся страшный момент был, когда упал вертолет. Это был стресс для всей нашей семьи. Я очень не хотела никуда уезжать, и мои сестры тоже. Но когда мы подготовились к отъезду, мама пришла с рынка, кричит, что с нами случилось, спасибо Богу, что я вас не отправила. Было страшно, что люди в вертолете погибли. Она стояла на коленях, и говорила Богу спасибо, что нас не отправила. И ещё запомнился тот момент, когда слышала, сколько детей, беременных женщин погибло. Рассказывали, как мужчина детей посадил, жена не поместилась, и он их обратно вывел. То есть такое счастье было для них, заново родиться. Это очень запоминающийся момент. А так, конечно, каждый момент запоминался. Каждый радовался, что остался жив.

С.В.: Что первое приходит вам в голову, когда слышите слово «война»?

И.Х.: Первое – это страх умереть, голод. Я ведь не только о себе говорю. Люди, которые жили на шахте, их отрезало от Ткуарчала во время войны. Зимой мы не могли туда попасть, никто из города не мог повезти им еду. Выпало столько снега, что не могли до них доехать, довести еду. Люди там гибли каждые десять минут, наверное, от голода. Это ужасно. Голод испытывать страшно, снаряд ты не чувствуешь, умираешь – и все, а тут ты знаешь, что ты умираешь, нет воды, еды, ничего. Они там и кошек, и собак ели, и то все вымерло. Ни собак, ни кошек не осталось.

С.В.: О чем больше всего мечтали во время войны?

И.Х.: В первую очередь, чтоб закончилась война, и была мечта поступить в АГУ. Потому что мои сестры там учились, и им надо было продолжать, а я хотела поступить. Я очень хотела поступить на немецкое отделение, после того как начала изучать немецкий язык в 6 классе. Если был бы английский, пошла бы на английское отделение. Мне просто нравился иностранный язык, а у нас в Ткуарчалской школе был немецкий, и я мечтала поступить. Во время войны я, естественно, потеряла год учебы, обратно села в 10 класс. После войны немецкого языка уже не было, так как преподавателя не было. Своими силами заказывала книжки, потом с репетиторами занималась в Сухуме. Так и поступила в АГУ.

С.В.: Илона, как вы думаете, какой вкус у войны?

И.Х.: Горький, очень горький.

С.В.: Вы часто вспоминаете о войне?

И.Х.: Приходится иногда. Особенно, когда детям перевозжу что-то про конфликт на немецкий, я сама тоже это вспоминаю, но детям не говорю.

С.В.: Как вы думаете, нужно говорить детям об этом?

И.Х.: Мне кажется, нужно. Я не права в том, что своим детям не рассказываю всех моментов, которые пережила, они должны это прочувствовать. Но чтобы, не дай бог, это было с ними. Даже моим студентам, которые родились после войны, рассказываю. Я как ветеран, когда постарею, тоже буду рассказывать об этой проклятой войне. Мне кажется, каждый ребенок должен знать, что люди пережили.

20.08.2018 г.

Анжела Чантурия,
стилист АГТРК

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

А.Ч.: Чантурия Анжела Рудиковна. Работаю на Абхазском телевидении.

С.В.: Сколько вам было лет, когда началась война?

А.Ч.: Мне было 15 лет, когда началась война. Я жила в Сухуме, на Новом районе.

С.В.: Как слышали о войне?

А.Ч.: Вертолеты летать начали, бомбить нашу 16-этажку на Новом районе. Был ужасный страх, сердце сильно колотилось. Мы бежали сверху вниз, с 16-го этажа. Даже говорить не могу. Со мной были мама и сестра. Тетки, соседи – все бежали и кричали. Взрывы. Такое мы видели лишь в фильмах про Отечественную войну. И огромные дырища на доме, на крыше.

В тот день, 14 августа, у мамы был день рождения. Думали, будем справлять, стол накрыли, гостей ждали, а тут война началась. Мы думали, придут и уйдут – как в 1989 году¹. Сели за стол, и тут папа вбегает, глаза огромные. Зашли, кричит. Пошел взял оружие, сел в свою машину, и уехал. А сверху на него соседи смотрели, злые такие. Поехал на Красный мост, и три дня там стоял. В первый день пришел, переоделся. У него голос пропал. Он нервничал, что у абхазов не было оружия, ничего не было. Были лишь охотничьи. Первый танк он взял с Бесиком Квициния. На Новом районе он жил, бедный (тоже умер). Папа такой радостный пришел, говорит, первый танк взяли, Бесик тоже помог.

¹ 1988–1989 гг. Абхазия была охвачена беспорядками. С октября 1988 г. по апрель 1989 г. лидеры неформальных движений Грузии провели 6 разрешенных и 28 несанкционированных митингов, в том числе в Абхазии. «Сов. Россия» № 53 от 15 марта 1991 г.

... Мы начали собирать вещи, чтобы в гудаутскую сторону поехать. А сестра младшая, когда война началась, находилась в Адзбюже. Там же ужасы творились. Папа, когда услышал, что там творится, с ума сходить начал. Думал, что убили дочку. Мы находились в Сухуме до 2 ноября. Помню, потому что в этот день был папин день рождения. А до этого они (грузины) дергали отца, приезжали. Первый раз, помню, как за ним приехали мхедрионовцы. Нашим соседом был Архиеашвили Каха, отца предал. На 11 этаже жил. Мы сверху смотрели. Он идет впереди, а сзади «пазики», их машины военные, танк. Папу забирать пришли. Заехали во двор, зашли домой в своих повязках. Я это все видела. Папу вывели, начали допрашивать: где, чем занимался. Естественно, папа ничего не говорил. Они все перевернули в доме. Потом на 16 этаж поднялись, и к тете моей зашли. Папа же разведкой занимался, и местные грузины его предали. Начали пытаться папу. Они на меня смотрят, подошли, окружили меня, говорят, такая девочка красивая, как она до сих пор здесь, схватить хотели меня. А в этот момент грузинка-соседка услышала, что за папой пришли, она успела просто. Подбежала, меня схватила и говорит: «Это моя дочка, не трогайте ее». И сразу увела меня к себе, спрятала. Папа побледнел, чуть ли не в обморок падал. Схватили его, и на Красный мост привезли. Там у них штаб был, начали избивать его. Ужас, что с ним сделали, пытали. Спрашивали, что он в 1989 году делал. Мингрелец-сосед услышал, что его избивают, и насильно его отобрал. Потом начали стрелять вокруг дома. Это первый раз, когда его взяли, привезли его домой. Он был весь бледный. Он пешком с Красного моста на район пришел, весь в крови, опухший. Маме сказал: «Давай, Света, забирай детей. Здесь вас убьют». Месяц мы ходили на Маяк, чтобы улететь. Мама надевала на меня платок (как на бабушку), чтоб меня не тронули. И вот, в один из дней вертолет с Гудаутской стороны летел в Ткуарчал. Мама мегрельский еще знала. Мы шли, и папа украдкой за нами шел. За ним тоже следили. Папа издали смотрел за нами. Мы кое-как в вертолет сели. Мама начала упрашивать папу, чтобы он с нами полетел. Все плакали. Никогда не забуду его взгляд. Бедный, глазами полными слез он смотрел на нас. Так мы сели в вертолет,

который прилетел из Гудауты. И все. После этого ничего не слышали о нем. Папа без вести пропал, и до сих пор мы ничего не знаем о его судьбе.

Он говорил своим: «Когда меня будут брать, я себя не отдам». У него граната была с собой, предупреждал, что взорвет себя. Второй раз, когда пришли за ним, их пятнадцать человек было.

Так получилось, что он дома находился, зашел в ванну, чтоб умыться. Он был в майке. Стук в дверь, открывает, подумал кто-то из соседей. Он не ожидал, что это были мхедрионовцы. В масках зашли и забрали его. Он не успел взять свою гранату. Она лежала в ванной, под кафелем. Это уже по рассказам соседей.

В лифт зашел, говорят, и Владик Шакая. Увидел и спрашивает: «Куда вы его ведете, оставьте его». А один из них спрашивает: «Ты нас узнал?». Он ответил: «Да». Его предупредили, если что-то скажет, пуля в лоб полетит. И так они прошли мимо него, вывезли. Куда, никто не знает.

С.В.: Вы последний раз видели отца, когда вылетали?

А.Ч.: Мы полетели в сторону Ткуарчала и там находились до Латской трагедии. Мы тоже в этот вертолет должны были сесть, но хорошо, что не сели. После этого мы месяц там были, и где-то в марте вылетели.

С.В.: У кого вы находились в Ткуарчале ?

А.Ч.: У маминого родного брата. Там было много беженцев.

С.В.: Сколько вас было человек в доме?

А.Ч.: Человек 30, наверное, в доме. Кукурузу вручную крутили, без сахара, без соли ели. Мамальгу без ничего ели. Сацибели уже заканчивалась. Больше ничего не было. И тётинины закрутки уже заканчивались. Все заканчивалось. Нам пришлось вылетать. Вертолеты ведь обстреливались. У нас были сильный страх вылетать.

С.В.: Можете рассказать о самом страшном эпизоде?

А.Ч.: Самое страшное было, когда мы в Кутоле находились. Там был самый разгар войны, дышать не давали, бомбили постоянно. Семья моего дяди Заура Чантурия там находилась. Его старший сын, 15 лет, и средний, 12 лет, тоже воевали рядом с отцом. Дяде моему Зауру Чантурия было 33 года, у него было три сына и дочка младшая.

С.В.: Где вы прятались?

А.Ч.: Мы, в подвале. Окопы еще вырыли, и там прятались. Сильная бомбежка была, почти все погибли. Все коровы лежали мертвыми.

Самый страшный эпизод был, когда мы перелетали из Нового района в Ткуарчал. Обстреливать начали вертолет, еле остались живыми. Вот это страх был. И когда в окопах сидели, я голову высунула, и «Градом» начали стрелять, все же свистит. Пуля мимо меня пролетела, чуть в голову не попала. Тетя меня схватила и потащила назад, и я упала.

С.В.: Сколько вас было человек в окопах?

А.Ч.: Нас было человек 15. Помню, как мы шли через лес. Помню момент, солдат говорит: «Снайпер стреляет, ложитесь», и мы, как в Отечественной войне, прямо лицом в грязь упали. Мы лежали там, и не шевелились. Боялись, что стрелять будут. Ночью передвигались. Двое-трое солдат нас сопровождали. Помню, когда пешком шли, ботинки разорвались, ведь ходила постоянно. Я целлофаном обматывала ногу и так их надевала.

С.В.: Было много детей?

А.Ч.: Было много детей, и трех- и четырехлетние были. Бывало и на голодный желудок ложились спать. Когда мы перелетели в гудаутскую сторону, мы увидели свет. Было такое ощущение, что мы оказались в другом измерении. Ткуарчал и Гудаута были две большие разницы. Мы как будто в рай прилетели. Потом нас посадили в красивой огромной столовой, для нас было все дико.

С.В.: Как вы встретили День Победы?

А.Ч.: Не знаю даже как описать, это были слезы радости. В этот момент тоже переживали. Мы ведь не знали, где папа. Мы надеялись, что приедем домой и найдем его, хотя в глубине души знали, что его нет. Думали, может его где-то держат. И это все. Надежда была какая-то.

Когда война закончилась, мы на третий день в Сухум поехали. Это так жутко было. Трупы везде были, запах, мухи летают, не забуду никогда. Потом мы в Ткуарчал и в Кутол поехать решили. По дороге столько трупов было, и свиньи их ели. Запах трупов никогда не забуду. И после войны кушать нечего было. Мама бедная не знала что делать. Денег не было,

все закончилось. Какие-то макароны нашла, и эти макароны мы варили несколько дней. Мы начали трофей собирать в грузинских квартирах. Из колес сделали тачку. Мы воду носили, купаться нечем было, и на 14 этаж поднимали, лифт не работал. Пить нечего, стирать нечем было. Как-то так выжили, не знаю как.

С.В.: Как долго это продолжалось?

А.Ч.: Месяц где-то. Потом дядя сказал, что квартиру нашел, там столько еды, нам хватит. И туда нас взял. Нашу квартиру закрыли, пошли к дяде жить. Там мы долго находились. Мама стала ездить на Псоу, как это делали наши женщины после войны. Мандарины начала носить, бедная. Больная вся была. Покупала немного сахара, чтоб нам хватило. Как-то так перебивались. И в школу ходили. Тяжело было, но что делать.

С.В.: Считаете ли вы, что ваше детство было украдено?

А.Ч.: Да.

С.В.: Вы считаете, что во время войны вы повзрослели?

А.Ч.: Да. Моя жизнь перевернулась на 90 градусов. Если бы не война, я была бы другим человеком. У меня была мечта: поступить в музыкальное училище. Папа говорил, что это мое. Я безумно любила музыку, классику, фортепиано. Со школы приходила, садилась за пианино и начинала играть. Папа приходил на перерыв с работы, садился на диван и слушал с удовольствием, как я играла. Он мне говорил, что когда я закончу 9 классов, он меня отправит в консерваторию. Я себя представляла на сцене: то, что буду петь на сцене, как оперная певица. Это мне нравилось очень, музыку сочиняла, пела. 25 лет как война закончилась, и я вообще за пианино не сажусь. Душа болит, не могу сесть и играть. Из-за отца. Почему все так получилось? Такая ностальгия, так хочется сесть и сыграть. Освободиться надо. Мама на этой почве, бедная, заболела и умерла. Эта война оставила такое пятно, такую тяжесть в душе. Будто это война для нас началась. Так жили дружно, папа всех собирал, всех братьев и сестер. Всегда говорил, друг друга надо любить, ценить, быть сплоченными. Это у нас до сих пор осталось, папино воспитание. Его очень не хватает. На папу мы как на бога смотрели. Все пострадали. Его не стало и все.

С.В.: Чего больше всего хотели, когда в Ткуарчале находились?

А.Ч.: Очень хотелось, чтоб война закончилась. Хлеба не хватало. Этого запаха хлеба не хватало. Когда прилетели в гудаутскую сторону и увидели хлеб, стали нюхать и целовать хлеб. Так не хватало хлеба. Мы его в руках держали, и не хотели чтоб крошки рассыпались. Даже до сих пор крошки не высыпаю, все собираю.

С.В.: Часто вспоминаете бомбежки?

А.Ч.: Каждый вечер. Такого не было, чтоб я не вспоминала про войну, про папу. До сих пор это у меня как фильм – все прокручивается.

С.В.: С чем ассоциируется война?

А.Ч.: Когда стрельбу слышу, начинает сердце колотиться. Сегодня поезд проезжал, и мне казалось, что вертолет летит. Страх остался.

Вспоминаю момент, когда мы находились в Кутоле и начался обстрел. Моя тетя стояла у дерева, в одной руке держала дочку, а другой начала копать яму. Когда закончили стрельбу, мы удивлялись, как она умудрилась это сделать. Нас много детей было, и мы постоянно прятались в подвалах, в окопах. Шифер закрывался, и сидели там целыми днями, пока не стемнеет. Этот грохот, звук до марта месяца был.

С.В.: Что помогало выжить?

А.Ч.: Дух наш, вера.

С.В.: Почему 14 декабря не улетели?

А.Ч.: Повезло, что переполнено было, потом от страха боялись лететь. Бывало, целыми днями ничего не ели. Во время войны и желудок начал болеть, и сердце. Было и такое, что неделю ничего не ели. И тогда улетели в Гудауту. Мама переживала сильно, не знала, что делать. И продавать что, нечего было продавать.

С.В.: Что вам первое приходит в голову, когда вы слышите слово «война»?

А.Ч.: Ассоциация с папой. Папа конечно. Эта боль.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

А.Ч.: Горький.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

А.Ч.: Да, часто. Это больная тема для меня.

С.В.: Как вы думаете, какое лицо у войны?

А.Ч.: Очень грустное.

С.В.: Что вам сегодня не дает покоя?

А.Ч. Отец, конечно. В душе у меня сидит, что нет его, что кости не нашли, что не похоронили как надо было. Он душу отдавал за Абхазию.

С.В.: Вы верите в то, что найдут его останки?

А.Ч.: Да, вера есть, что мы найдем, с божьей помощью.

С.В.: Если бы у вас была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы им хотели пожелать?

А.Ч.: Друг друга любить, ценить, плохое не желать, уважать друг друга. Сердце, чтоб доброе было.

07.08.2018 г.

Лаша Лакрба,
сотрудник правоохранительных
органов Республики Абхазия

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

Л.Л.: Лаша Лакрба.

С.В.: Расскажите немного о себе, чем занимаетесь?

Л.Л.: Я на данный момент офицер службы госбезопасности, состою на военной службе.

С.В.: Скажите, сколько вам было лет, когда началась война, и где она вас застала?

Л.Л.: Во время войны мне исполнилось 14 лет. К концу войны – 15 лет, то есть я успел справить два дня рождения. Когда началась война, я находился на каникулах у бабушки в селе Тамыше. Моя семья, мои родители, старшие братья находились в Сухуме. То есть четыре месяца мои родители не знали, что вообще со мной происходит.

Когда война началась, вся моя семья из Сухума переехала в Гудауту. Мой отец и два старших брата прошли всю войну. Средний брат погиб в 18 лет.

С.В.: Как вы узнали, что началась война?

Л.Л.: Мы купались на речке с ребятами местными. Смотрю, тети плачут, говорят, война началась. Наши дяди тут же поехали, встретили грузинские танки в Тамыше. Выстрелов не было, но взрослые уже понимали, что произошло. А мы, дети, еще не могли понять серьезность этой ситуации, продолжали дальше играть, купаться.

Мой дом находится в Тамыше, от трассы в сторону гор. Там, где стояли наши дома, проходила линия фронта. Перед нашими домами были окопы. Наш поселок называется Нахбоу, там Габлиевцы живут. Запомнил особо второй день. Домой забежал мой друг Чана Пилия (мы все детство провели вместе). У него в

руках был топор и аммонал, аммонал – это взрывчатка. Единственное, что смогли найти, такую взрывчатку. Он мне дал аммонал с фитилём, и говорит, если увидишь грузина, зажги – и взрывавай. Я первый раз в жизни это увидел, но сказал, хорошо. Он говорит мне, пошли в лес, бедная бабушка начала кричать, куда вы собрались. Она уже старая была, бедная, тоже всей серьёзности происходившего не понимала. Я говорю, в лес. Дядьки были в лесу, с ружьями, некоторые оружие вообще не имели. Был сильный хаос. Помню, как летали вертолеты. Они летали так низко, что было видно пилотов.

Помню лицо одного пилота, окно открыто было, колёса вертолёта касались верхушки кукурузы. Вот так он низко летал и рассматривал. Становилось все опаснее там находится, и меня отправили в Джгярду. Там жила бабушкина сестра, отца двоюродные братья – Адзынбовцы. Гашик Адзымба был комиссаром Восточного фронта, я у него находился в Джгярде. Его младший брат, бедный Тимур (герой Абхазии) погиб в Лабре. Я там находился, но периодически сбегал из Джгярды в Тамыш, прибежал, потом меня дяди вылавливали. Хотел воевать, я считал себя уже не маленьким. Хотя сейчас я понимаю, что 14 лет – это небольшой возраст.

С.В.: Было ли у вас чувство страха? Что вы ощущали, когда слышали слово война? Что вы в этот момент испытывали?

Л.Л.: На самом деле, просто в силу возраста, в 14 лет, столько ведь не соображаешь. Эту войну я осознал у Гашика дома, когда погиб его двоюродный брат Алхас Когония. Присутствовал на похоронах. Я ощутил серьёзность всего происходящего. Ты видишь человека, он приходил к тебе, играл с тобой, давал автомат почистить, вернувшись с позиций, а тут его нет. Потом не стало родного брата Гашика. И вот тогда, на самом деле, серьёзно почувствовал, что происходит. На самом деле, пошли смерти близких и родных.

С.В.: Именно с потерей близких вы поняли, что это что-то серьёзное?

Л.Л.: Да, в начале войны казалось, что где-то там постреляют, и нас не коснется ничего. Так все воспринималось. Потом уже всю эту серьёзность увидели. Там, помню, находился Гена

Адзынба с младшим сыном Алясом, а его жена со старшим находилась в Гудауте. И вот она на вертолете прилетела через Ткуарчал за сыном. Она в Гудауте встречалась с моей матерью, которая тоже меня искала. Она решила меня взять с собой. И вот через Ткуарчал, Северный Кавказ мы полетели в Теберду, а потом в Гудауту. Так наша семья воссоединилась. В Гудауте открыли десятую школу. Я начал учиться. Честно говоря, кто именно сказал, что в больницу нужно ходить, я не помню. У меня два старших брата воевали, отец. Все были на войне, и мне казалось, что я должен какое-то участие в ней принять, что-то должен сделать. Я был самым младшим в семье, и просто сидеть дома не мог. Я начал ходить в больницу, помогать. Мама тоже ходила в больницу, мыла носилки, раненых, помогала чем могла.

Запомнился особенно момент, когда вертолёт приземлился, и привезли Тимура Бигвава, он еще пел песню с «криком мешвилле». Когда его привезли, он был живой, но на второй день умер. Он был высоким, не помещался на носилках. Мы его с трудом завезли в реанимацию. На лифте не смогли поднять, так как он не помещался. Он, бедный, был без сознания, практически не дышал. К утру умер, несчастный. Ранение было очень тяжёлым, впечатление очень неизгладимое осталось.

Когда я зашел в морг, там лежало четыре свертка, на которых были написаны имена. Это были останки сгоревших в танке (в Яштухе произошло). Этого никогда не забуду: когда на одних носилках в морге просто вот так свертки лежат с именами.

С.В.: Как долго в госпитале вы находились?

Л.Л.: Несколько месяцев, я даже не помню толком сейчас.

С.В.: Вы до конца были там?

Л.Л.: Да, до взятия, но когда началось не помню.

С.В.: Вас было много там?

Л.Л.: Помню, были ребята, был Даур Кове. С Дауром дружим с детства, и еще там встретились. Я помню момент во время войны, когда Гудауту бомбили, я у Даура дома находился. Я очень за мать начал переживать, так как бомбы в нашей стороне упали. Когда это произошло, я решил пойти к маме, чтоб она увидела, что со мной всё в порядке. Когда я вышел, вся Гудаута бежала в сторону взрывов. Я один против движения бежал.

С.В.: Какой для вас был самый страшный эпизод, который врезался в память, о чем вы часто вспоминаете?

Л.Л.: Наверное, вот эти свертки, когда я увидел и понял, насколько человека можно вообще испепелить, просто он может вообще исчезнуть. У меня осталось такое впечатление, пока мы в госпитале находились. Сколько раз мы в морг спускались, видели несчастных покойников.

С.В.: Свои ощущения помните, когда вы первый раз увидели мертвеца?

Л.Л.: Ничего хорошего. Просто уже понимал, чем дальше – со временем ты черствеешь и начинаешь осознавать, что происходит.

С.В.: Задумывались ли вы о том, в какой момент вы повзрослели, и связано ли было это с войной?

Л.Л.: Ну, наверное, связано всё-таки с войной. Когда старших нет, ты один там находишься. Взрослые мужики на фронте. Ты начинаешь принимать самостоятельно многие решения, самостоятельно свое поведение формируешь. Я никогда не забуду. Артур (старший брат) занимался каратэ, у него был чёрный пояс. Так, во время войны открыли секцию каратэ в школе для детей. Ну, я и пошел. Я пошёл, честно говоря, чтобы время проводить. Артур серьёзно к этому относился. Когда он узнал, что я занимаюсь, решил посмотреть мои тренировки. Помню, как он меня сильно поругал и сказал: «Ты не тренируешься, не учишься и другим не даёшь. Не ходи туда, либо занимайся». После этого я более серьёзно стал к вещам относиться.

С.В.: Есть какие-нибудь эпизоды, которые вам запомнились в госпитале?

Л.Л.: Когда привезли моего двоюродного брата (Анатолий Лакрба) в операционную, я находился там. Я присутствовал на операции и помогал. Хотя я был пацаном. При взятии Сухума его пулемет «поймал», ему в руку три пули попали, раздробили кость, и у него на мясе висела рука. Когда его привезли в госпиталь, ему пытались руку сохранить. Он недавно умер, несчастный. Когда ему делали операцию, людей не хватало. А я как раз у двери стоял, и врач мне говорит, иди сюда, будешь помогать. И вот, я руку брата держал, а они зашивали. Потом ему аппарат

Елизарова поставили. Я стоял и помогал, что-то подавал, держал. Хотя тогда мне было 14 лет.

С.В.: В этот момент помните свои ощущения?

Л.Л.: Я боялся ошибиться, чтобы не навредить. Я понимал, что это очень ответственно. Ему так и не смогли руку сохранить. Война закончилась, потом и в Москву брата отправили. Пытались аппаратом Елизарова ему руку восстановить после войны, но она отмерла. Так он и жил, бедный, а потом умер, к сожалению.

С.В.: А школу продолжали посещать?

Л.Л.: Да, но занятий в школе практически не было. Помню ещё нашу учительницу Виолетту Клиевскую. Она нам преподавала. Когда школа закончилась, летом мы практически всё время проводили в больнице в 1993 году. Она, бедная, ушла на фронт и погибла при взятии Сухума.

Помню один курьёзный момент, связанный с больницей. Гудгутский морг находился рядом с госпиталем, и там погиб один армянин старичок (эшерский) от снаряда. Не помню, с кем я был, нас попросили спустить его в морг, а он, несчастный, голый лежал, просто простыней накрытый. Когда мы покатали каталку, ветер подул, и простыню унесло. Помню, как мы бегали за этой простыней.

С.В.: То есть в таком возрасте вы видели и плохую сторону?

Л.Л.: В войне хорошую сторону, если честно, тяжело увидеть.

С.В.: Несмотря на то что шла война, вы помогли, вы находились там наравне со взрослыми, но вы ведь продолжали оставаться детьми, подростками. Чем вы себя отвлекали?

Л.Л.: Я даже не помню, во что мы играли и играли ли вообще, между нами были разговоры лишь о войне.

С.В.: Как долго после окончания боевых действий вы говорили о войне?

Л.Л.: На самом деле, мы всё-таки дети войны. Мы пришли после войны в школу, мы еще в 10 – 11 классах учились. С нами было трудно учителям, потому что мы были детьми, которые только что вышли из войны. А тут нам говорили: «Садитесь, слушайте, не шумите». С нашим классом не знали как справиться. Все одноклассники видели всё это горе войны. Учителя очень долго боролись с нашим поведением. Хотя учились мы неплохо. Мы так доводили, что нам сказали, что учителя не бу-

дут заходить к нам в класс. Мы могли уйти нагло с урока, могли выкинуть столы и стулья, и это нехороший пример. Я думаю, на нашу психику повлияла война, мы вели себя неадекватно, но из нас выросли нормальные люди.

С.В.: Скажите, пожалуйста, какое для вас было самое радостное событие во время войны?

Л.Л.: День Победы, я забыть не могу.

С.В.: Помните, где вы находились?

Л.Л.: Я находился в Гудауте. Тогда сказали, что всё – Сухум освободили. Всеобщее ликование, стрельба в воздух. Вот когда я реально понял про праздник со слезами на глазах. Я реально первый раз в жизни от радости плакал. Это на самом деле непередаваемое ощущение, не знаешь, как выразить радость, что все закончилось, что мы победили. И в то же время, к концу войны, ты уже столько близких потерял. Наша семья столько горя перенесла. Отец войну прошел, но после войны заболел, и потом девять лет находился в лежачем состоянии, потом его не стало. И все это было на нервной почве. Война бесследно не проходит. А когда война закончилась, мы думали, что все будет хорошо. Но нет, к сожалению.

С.В.: Вы помните свой первый день дома у себя, какие у вас ощущения были?

Л.Л.: Я помню, как мы приехали в Сухум, еще трупы лежали на улице. Я с матерью приехал. Когда мы приехали домой, к нам Артур (брат) пришел...

С.В.: Каким вы увидели Сухум?

Л.Л.: Разрушенным.

С.В.: Вы узнали свой Сухум?

Л.Л.: Тот, который мы покинули? Конечно, это был не тот уже Сухум, но всё-таки Сухум. Я был рад, что хоть в таком состоянии, но я нахожусь в своем городе. Я помню, на вокзале лежали трупы. Мы приехали после освобождения Сухума. Наша квартира была непригодна для жилья, вся разбитая, и на балкон тоже снаряд попал. Мы спали прямо на полу первое время, а потом потихоньку начали обживатьсь.

С.В.: А вашу квартиру восстановили?

Л.Л.: Да, жить можно.

С.В.: Как вы думаете, что помогало вам выжить?

Л.Л.: Я никогда не сомневался, что мы всё-таки победим и вернемся домой.

С.В.: Что было для вас самым страшным?

Л.Л.: Самое горестное – потеря брата.

С.В.: Вы испытывали чувство страха во время войны?

Л.Л.: Вы знаете, я, честно говоря, не могу сказать, что особо страх испытывал – может быть, это в силу детского восприятия, наивности. Сказать, чтобы я чего-то так боялся, не помню. Помню, во время одного из моих побегов в Тамыш, когда я находился в доме у дяди, пуля пролетела прямо передо мной, и воткнулась в двери.

С.В.: Что вам первое приходит в голову, когда вы слышите слово «война»?

Л.Л.: Потеря близких.

С.В.: О чём вы мечтали во время войны?

Л.Л.: О том, когда мы вернемся домой, когда мы одержим победу, когда Абхазию признает весь мир.

С.В.: То есть, такие мысли вас посещали в 14 лет?

Л.Л.: Да. Я с детства мечтал купить атлас, где Абхазия будет отдельно как страна. Я поехал в Россию, везде, где увидел атласы с Абхазией после её признания, купил. Теперь уже доволен, как отдельная страна она уже есть на карте мира. Это была моя мечта. Я всегда хотел, чтобы Абхазия значилась на карте как отдельная страна.

С.В.: Во время войны, я думаю, вам чего-то не хватало из еды. Чего вы очень хотели?

Л.Л.: Знаете, чего мне не хватало больше всего, когда я находился в Джгярде? Хлеба. Я очень люблю хлеб, мамалыгу особо не люблю. Где я находился, у дядей, было очень много скота. Так что и мясо и молоко было, кушать что было. Но не было хлеба. И когда я приехал в Гудауту, там было не много еды. Мы первое время в Лыхны жили. Моя мать каждый день ходила пешком из Лыхны в Гудауту, чтобы две буханки хлеба взять.

С.В.: И вы помните тот вкус хлеба, когда его пробовали?

Л.Л.: Да. Хлеба четыре месяца не кушал. Когда в Теберде приземлились, было уже поздно и сказали: на второй день поедете в Абхазию. Нас расселили в разных местах. Я помню, Заур Зухба встречал тех, кто из Абхазии прилетел. Нас в детском саду по-

селили. Просто хлебом с чаем напоили. Я запомнил этот вкус навсегда. Для меня это было как будто бы торт попробовал.

С.В.: Есть тёплые воспоминания о войне?

Л.Л.: Тёплые лишь в том, как мы все друг друга любили, как друг к другу относились. Мы сейчас так не относимся на самом деле.

С.В.: Почему, как вы думаете?

Л.Л.: Беда объединяет всех, наверное, но не хочется, чтобы нас опять сплотило такое. Примерно такие чувства я испытал, когда сопиа чемпионат мира выиграли абхазцы. Как все радовались, обнимались, удивительно, какая радость была!

С.В.: То есть вы с этим сравниваете?

Л.Л.: Да, наверное, в хорошем тоже можно объединиться.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны, есть ли он у неё?

Л.Л.: Для меня война – это очень плохое слово. Как говорится, лучше плохой мир, чем хорошая война. Хотя я сам служил в военной организации, но я стараюсь, чтобы до этого не дошло.

С.В.: Вы задумывались о том, что это война повлияла на выбор вашей профессии?

Л.Л.: На самом деле повлияла. Мне всё-таки казалось, что мои старшие свой долг отдали стране, они воевали за неё, а мне в боях не пришлось поучаствовать. Я как мог старался, помогал. Я считаю, что на самом деле я ещё должен что-то для Абхазии полезное сделать.

С.В.: Если бы у вас сегодня была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы им хотели пожелать? (звонок прервал разговор).

Л.Л.: Всё пережили. У меня было хорошее детство, но с тех пор как война началась, ничего хорошего не видел. После войны очень тяжёлое было детство. Сейчас сказать, что мне хуже всех было, не скажу, наверное. У людей было и хуже. У меня трое детей. Я пытаюсь им дать то, что мы сами не увидели. Наше поколение пережило войну, психологически кто-то сломался. После войны, когда наше становление юношеское происходило, не было никаких занятий, спортом люди не занимались, многие просто сломались.

... До 14 лет у меня всё-таки было детство, но потом у меня юношества не было.

14.11.2018 г.

Эсма Пилия,
учитель английского языка,
школа 2025, г. Москва

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

Э.П.: Меня зовут Эсма Пилия, мне 37 лет. Когда началась война, мне было 14 лет. Война для меня началась прямо 14 августа. Я находилась в деревне. У нас была там маленькая дача. И этот день я встретила без родителей, потому что мама с младшим братом моим Гудисой находилась в Кисловодске. Они уехали 6 августа, а папа в этот день как раз поехал в Сухум, потому что он был депутатом Верховного Совета Республики Абхазия. В этот день была сессия, и поэтому он рано утром уехал. Со мной находились две мои двоюродные сестры Мадина и Наала. Как началась война, мы узнали по телевизору. Где-то в 11:00 утра включили телевизор, смотрим, выступает Владислав Григорьевич, говорит, что началась война, надо мобилизовать народ. Может быть, не совсем так, но то, что я примерно помню, мы как-то переглянулись, все посмеялись. Естественно, что за чушь такая, но всё равно тревожно на душе стало. На следующий день первое, что мы услышали, выстрелы. Потом, как выяснилось, приехала машина. У нас там жил один небезызвестный вор в законе. Приехали грабить его родителей. Оказывается, приехала машина, как мы поняли, из Очамчыры. Грузины, видно, они уже знали, куда ехали. Семья была богатая, они приехали грабить, и это нас, девочек, конечно, напугало. В последующие дни мы были готовы к тому, что и к нам могут заехать. Тем более что пошли слухи, что у них есть списки к кому приехать и кого ограбить. Рядом с моей дачей жил мой родной дядя со своей женой. Когда началась война, они тоже находились в Сухуме. Дома оставались его две дочери. Так что нас было пять молодых девочек, только на пятый день приехал мой дядя с семьёй. Мы

вообще находились одни. Я помню, как мы собрали стеклянные бутылки, заливали туда солярку, забивали это всё тряпками, и держали на всякий случай. Мы, наверное, до конца всего этого не осознавали, не знали, как их правильно зажечь, бросить, но нам было так спокойнее. Хатуна (старшая сестра) самая боевая была из нас всегда. Она умела стрелять из ружья охотничьего. У отца, естественно, было охотничье оружие, и мы с ним ночью спали. Мы все впятером спали в одном доме, в двух комнатах, чтобы друга от друга далеко не отходить. Дядя двоюродный тоже недалеко от нас живёт. Он поднимался к нам всё время, смотрел, как у нас дела. Если что, сразу бегите ко мне, потом в лес, говорил он нам. У нас наготове были сумки, где лежали зубные пасты, щетки, какое-то белье. Хотя я понимаю, это не самое главное, но все равно, если бежать в лес, чтобы у нас с собой что-то было. Мы там находились до конца августа. Мы это место называем Заган.

В то время Ткуарчал всё время бомбили из вертолета. Мы жили на горе. Мы видели, как мимо нас пролетали эти вертолеты, бомбили Ткуарчал. Когда они летели в нашу сторону, сразу все убегали из дома, прятались в мандариновых плантациях, потому что, бывало, они стреляли прямо из автоматов по людям, были и такие случаи. Слава богу, из наших соседей никто не погиб, но по ним стреляли.

Первая моя бомбежка была самая ужасная. Только тогда я испугалась. Помню тот момент, когда я убежала из дому, сидела под деревом. Я даже не помню, как я убежала, как я села. Я помню только тот момент, как я сидела и просила Господа: «Господи, спаси и сохрани!» (плачет). Потом уже я как-то к этим бомбежкам привыкла, но всё равно боялась. Я всегда за вертолётами следила, всегда видела, когда они летели обратно, всем кричала, и мы все сразу убегали, прятались в плантациях. Когда поняли, что к нашей деревне могут близко подойти, меня и всех младших сестёр отправили в Ткуарчал к тёте.

С 14 августа я не видела ни мамы, ни папы, ни брата. Вообще не знала, что с ними, где они (плачет). И вот 5 сентября кто-то приехал к нам, и говорит: «Сегодня Чичович должен прилететь из Гудауты на вертолете». Никто этому не поверил, а я ходила

весь день и говорила: «Вы знает, он прилетит, я это чувствую» (плачет). И где-то через некоторое время приезжает машина, и говорят: «Эсма, отец приехал». Я помню момент, когда меня уже привезли в здание горсовета Ткуарчалского. Я сижу в какой-то комнатке приемной, а там собрались в конференц-зале люди. И все спрашивают, что там, что происходит. Не помню, сколько я его ждала, но достаточно долго. В итоге открывается дверь из конференц-зала, папу завели в какую-то маленькую комнату. Я иду сквозь эту толпу, у меня уже слёзы текут, я не вижу папу, я только кричу: «Папа, папа, ты где?» (плачет). И тут наконец-то я его увидела, он меня обнял и отвернулся от меня. Я поняла, что ему очень тяжело, он тоже в этот момент плачет. Он меня обнял, говорит, не переживай, все будет хорошо. Я скоро опять приеду. Папе я всегда верила, он такой оптимист, и после этого, когда я увидела папу, я, наверное, успокоилась все-таки. Тем более если папа скажет, что все будет хорошо, значит так и будет. Я папе верю, как богу. После этого меня вечером отвезли к знакомым, они все меня спрашивали, что говорил Чичович. Потом уже и Ткуарчал начали постоянно бомбить. Меня отправили в Тхину к моей тете, маминой сестре. С моими сестрами мы туда поехали, и вот каждый раз, когда там я находилась до октября месяца, каждый раз, когда прилетал папа на вертолете, я всегда знала, что он прилетит, я чувствовала сердцем. Я могла утром встать и сказать: «Вы знаете, по-моему, сегодня папа прилетит». Откуда я знала, никаких мобильных телефонов не было, и каждый раз вечером за мной приезжала машина, меня отвозили к папе, или сам папа приходил, что было для меня ещё большим счастьем. Несколько раз с ним до октября мы виделись. Потом уже, когда он приехал в октябре в Ткуарчал, когда его сделали командующим Восточным фронтом, мы вдвоём с ним жили в Ткуарчале на квартире. Я уже знала, что мама находится на Северном Кавказе у наших знакомых, которые нам как родственники. У них всё нормально с Гудисой, хоть за них были спокойны.

С папой мы жили вдвоём, на нашей квартире. Естественно, я ничего готовить не умела, всё нам приносили папины друзья, родственники, мамина подруга Лали Шат-ипа. Что только она нам не приносила!.. Потом ещё приехали две мои двоюродные

сестры, и мы были до начала декабря. В начале декабря мама, бедная, уже не выдержала, она мне такие ужасные письма писала. Как я могла тебя бросить и уехать отдыхать. Мама приехала в начале декабря. Она успокоилась. Мой брат находился под присмотром в Пицунде, а она – рядом со мной. Но когда она увидела бомбежки, эту ситуацию, ей стало плохо. Она за месяц, что находилась в Ткуарчале, похудела на 25 кг. Она в ужасном состоянии была...

В декабре был самый ужасный момент, когда сбили вертолет. После этого я думала, честно говоря, что умру. В Ткуарчале у меня как-то пропала вся надежда. Меня хотели отправить на этом вертолете. А родители собирались в Заган. Я закатила истерику, я тоже поеду с вами в деревню, без меня вы никуда не поедете. Мама начала меня уговаривать, чтобы я уехала. Но я ни в какую не соглашалась, я всё равно с ними поехала. Поехали мы в деревню, а сёстры мои остались на квартире. Из деревни возвращаясь, заехали на вертолетную площадку, которая находилась внизу на Нижней площадке. Один вертолет уже кружил, второй собирался подняться.

Картина, которую я увидела: идет мужчина (по-моему, Цахнакия) с пустой детской коляской и говорит: «Слава богу, Давид, я своих отправил». Да, он их отправил, и почему-то я его с этой коляской запомнила. Старший сын его и этот младенец, чья коляска была, – все они погибли. Мы приехали домой, и мне девочки говорят: «Эсма, ты уехала, а за нами машина приехала, чтобы нас отправить на вертолете. Но мы отказались, без тебя не согласились улетать». Уже ближе к ночи кто-то пришёл к нам домой, и спрашивает: «Эсма дома?» Мама говорит: «Да». Он ушёл. А мы не поняли, что случилось. Потом уже папа ночью пришел, и сказал, что сбили вертолет. После этого у меня пропала вся надежда.

В Ткуарчале всё время шёл снег, всё время город был серый. Солнце я вообще за всю осень и зиму не помню. Может быть, это какие-то психологические моменты. Да, солнце вообще не помню. Мне казалось, что так вот я умру в этом сером, темном городе, что никакой перспективы, никакого будущего у меня нет.

У мамы много сестер, их вообще восемь сестер. Одна сестра находилась в Москве со своими дочками. Естественно, все знали, что мы должны были лететь на вертолёте. Когда упал вертолёт, моя тётя два дня горевала, потом как-то дозвонилась до Далилы (тетя) в Гудауту. Далила по рации всё узнала. Тот парень, который пришел к нам и спрашивал дома ли я, был от нее. Тогда тётя успокоилась. Бедная моя тётя дала обет: если они живы, я пойду и поем землю. Она, бедная, ела землю, и говорила мне: «Эсма, навсегда это запомни».

Маме становилось все хуже, она очень похудела. Папа сказал, что отправит нас отсюда. Уже вертолеты не летали в Гудауту. 11 января утром нам сказали, что прилетит вертолет, срочно чтобы мы пришли на вертолетную площадку. Я, две мои сестры, мама, папин бедный друг Валерий Аджинджал сели в этот вертолёт. И вот мы полетели в Теберду. Оттуда уже через Черкесск мы приехали в Сочи, из Сочи в Пицунду. И там я впервые за полгода увидела своего брата. Он даже не знал, как меня встретить, он младше меня на 3 года. Он на меня посмотрел и говорит: «Я так по тебе скучал». В Пицунде у меня появились проблемы со здоровьем. Мама насильно отвезла меня в Москву к моей крёстной. Я уезжать не хотела, я говорила, если приедет папа, я хочу папу увидеть. Я так не хотела папу бросать. До конца мая, пока я не закончила в Москве девятый класс, каждый раз я видела папу по телевизору. У меня была истерика. По Первому каналу, то по каналу «Россия» у него брали интервью, его часто показывали. В конце мая я уже приехала в Пицунду, потом где-то летом приехал папа. В Пицунде война не чувствовалась. Мы жили у моря, учились плавать. Шла война, но мы ведь дети, у нас какие-то были игры, гулянки, купания в море. Когда закончилась война, мы этого как-то не ощутили, потому что не верилось. Я помню все эти фейерверки, я помню все эти выстрелы, счастье людей. Но все равно в голове не укладывалось.

С.В.: Где вы слышали об освобождении Абхазии?

Э.П.: Я не помню, находились мы опять-таки в Пицунде, жили в пансионате. Все беженцы уже там жили. Я даже не помню, кто сказал, что закончилась война. Как-то это было настолько невероятно, мы никак не могли в это поверить. Я не понима-

ла, что же ждет меня завтра, мне так кажется. Но всё равно это было моё детство, хоть мне исполнилось тогда 15 лет.

С.В.: А вот сегодня, спустя 20 лет, что вы можете сказать?

Э.П.: Мне тяжело об этом говорить, даже сейчас. Не знаю, может быть, если я ещё раз когда-нибудь это расскажу, более подробно, может я не расплачусь как сегодня, но вспоминать мне это всё тяжело. Иногда стараюсь что-то рассказать своим детям, чтобы они понимали, как ужасна война. Иногда мне снятся сны о войне, даже во сне обливаюсь холодным потом, мне опять становится даже во сне страшно. Наверное, мой самый большой страх – это война.

С.В.: Что вас сегодня делает счастливой?

Э.П.: Мои дети, моя работа, моё окружение.

С.В.: Спасибо вам большое.

Э.П.: Сая, спасибо вам большое.

17.06.2015 г.

Астанда Марухба,
артистка государственного
ансамбля «Шаратын»

А.М.: Меня зовут Аста Марухба.

С.В.: Расскажите немного о себе.

А.М.: Родилась в 1978 году. Жила в городе Новый Афон, в данный момент проживаю в городе Сухуме. По профессии – артистка балета, работаю в государственном ансамбле «Шаратын». По специальности – экономист-бухгалтер. Окончила Абхазский государственный университет, училась в средней школе в Афоне.

С.В.: Сколько вам было лет, когда началась война, и где она вас застала?

А.М.: Мне было 14 лет. Мы тогда жили в городе Новый Афон.

С.В.: Как вы узнали о войне, где вы находились?

А.М.: Как обычно, я была дома. Родители и младший брат тоже находились дома. Помню, что я проснулась, но это было не раннее утро. Летом мы, конечно, любили поспать. В нашем доме еще одна семья жила – Антипа Шамба. Он, бедный, погиб во время войны. Помню, как я вышла на балкон. Свои ощущения я хорошо запомнила. Какая-то неприятность в воздухе висела. Что-то не то было. Смотрю, Антипа появляется, какое-то настроение у него непонятное. А он такой веселый дядя был. Когда обычно меня видел, шутил. Он всегда такой был, а тут на меня никак не отреагировал. Отец (он что-то в гараже делал), увидел его и слышу, Антипа ему говорит: «Ты слышал, что произошло». А папа спрашивает: «Что случилось?». И вот он говорит, что война началась. Мы хоть маленькие были, но слышали, что происходило еще в 1989 году. У меня сейчас мурашки по коже. Слово война никак не укладывалось в голове. И вообще представления не имели, что это такое. Мы читали в книгах. И думаю, наверное, он шутит, сейчас засмеётся, улыбнется. А папа,

смотрю, молча положил свои инструменты, и пошел одеваться. Думаю, значит, это не шутка. Пошла искать маму. Не хотели нас пугать, думаю. Они оба ушли. Не было такого, чтобы мы много вопросов задавали. Как будто что-то боялись озвучить. Боялись, что это правда.

... Потом мы подбежали к телевизору. Теперь все было ясно. Ожидание того, чего дальше ждать, что с нами будет вообще. Кто останется жив, кто нет.

Я помню, что видела очень неприятный сон, что на нас наступали быки. Я его до сих пор помню. Я видела этот сон в ночь начала войны. И я маме говорю, мама, я видела сон. Я видела, что на нас идут быки, ты стоишь, как испанцы тореадоры с плащами, как будто их обманываешь, водишь руками, но один бык, вижу, мужчину сбил. Это, наверна, к тому, что родной брат мамы погиб. Мушни Хварцкия¹ – ее родной брат. Помню, крови было много. Мама быков отвлекала. Такой был сон.

С.В.: Вы ведь раньше слышали слово «война», как вы ее восприняли, верили, что она может начаться?

А.М.: Нет, конечно. Когда живешь мирной жизнью, детство проходит, кажется, что это слово из космоса. И это слово не может нас коснуться. Где-то в подсознании отложился 1989 год.

С.В.: В какой момент пришло реальное осознание того, что началась война лично для вас?

А.М.: Я думаю, когда мы уже слышали выстрелы. Когда уже начали объявлять тревогу, и мы бежали в укрытие. И когда изо дня в день ты понимаешь, что это не закончилось, и не закончится, опять продолжается. Это все было постепенно.

С.В.: Как долго вы в Афоне находились?

А.М.: До освобождения Гагры мы находились в Афоне, потом нас отправили в деревню Аацы. В Афоне мы находились в первую неделю. Когда пришлось отступить от Сухума нашим войскам, нас перебросили в деревню. Это было очень тяжело. В то же время все родители пытались кто куда мог отправить своих детей подальше. Но я всегда про себя думала. Лучше пусть я буду с ними, мы будем вместе, не дай Бог, я останусь, а их не

¹ Мушни Хварцкия – герой Абхазии. Погиб 6 декабря 1992 г. на Восточном фронте в с. Лашкиндар.

станет. Эта мысль вообще не укладывалась в голове. После освобождения Гагры решили, что нас можно в Россию отправить. У меня было такое ощущение, что мы прощались навсегда. Я обнимала папу, маму и думала, что их больше не увижу.

С.В.: Когда вы уехали в Россию?

А.М.: Я помню, это было 9 октября.

С.В.: За все время, что вы находились здесь, с 14 августа по 9 октября, для вас лично, какой был самый страшный эпизод?

А.М.: Самое страшное было тогда, когда мы были в Афоне и слышали залпы, обстрелы. Первое время до Афона не доходили снаряды, я не помню чтобы при нас снаряды падали на Афон. А потом нас вывезли.

... Недалеко от нашего дома находится железнодорожный туннель. Это обычный железнодорожный путь, по которому раньше ездили поезда и в Тбилиси, и в Баку, то есть, мимо нашего дома. А так как шла война, естественно, поезда не ходили. Неизвестно было, когда и где упадет снаряд, и взрослые приняли решение нас туда отправить. Мы сидели в этом туннеле целый день. Бывало даже, когда ночью была тревога, мы вскакивали и бежали. Первое время не было таких опасений, чтобы сидеть там всю ночь. Потом уже, знаю, соседи постоянно находились там с детьми. Сидели сутками в железнодорожном туннеле. А так как осень наступала, отовсюду сквозило, было холодно, хоть и одевались тепло, с одеялами и подушками туда ходили. Чтобы чем-то себя занять, мы там что-то рисовали, сочиняли, играли в нарды. То есть отвлекали себя.

Говорю мы, потому что из Сухума смогли выбраться двоюродные брат и сестра, и они у нас находились. Нас было четверо детей. Бобуа Саида и Алхас и мой родной брат Алмас.

Из нашего дома видно Иверскую гору. Напротив есть штольня, которую пробивали железнодорожники. То есть весь их инвентарь, который был необходим для работы, находился там. На железном замке. Дверь была железная, мужчины, которые были постарше, и не сразу ушли на фронт, сказали, давайте туда детей будем отправлять, ведь в туннеле было холодно, невозможно было сидеть. Они взломали эту дверь, открыли штольню. Там

было теплее, мы сидели в этой горе. Она и повыше была от подножия. Между двумя горами есть водопад, он очень красивый.

Помню один жуткий день, когда однажды мы подумали, что все нормально, никто не стреляет, не летают снаряды, и решили пойти домой. Не успели. Вдруг, как гром среди ясного неба, истребители пролетели. Они каким-то образом описали круг за горами и между двумя ущельями вылетели. Они летели очень низко. Мы буквально видели, что написано на этих истребителях. Такое ощущение было, будто гора рушится. Такой грохот, не то, когда летит самолет, постепенно слышишь его приближение. А внезапный грохот, шум. Мы думали, что самолет либо на нас падает, либо в гору врезался, и гора рушится. Настолько это было страшно. Такой грохот я не забуду. Двоюродный брат, который младше меня (ему, наверное, 10 лет было) от страха вскочил. Мы растерялись, мы сидели тихо, спокойно – и вдруг этот звук. Он, бедный, вскочил, а там проходила какая-то труба по стене. Оттого, что он метался от страха, мы не знали что делать, куда идти, ложиться, вставать, бежать. Настолько это было неожиданно. Он умудрился удариться об эту трубу и поставить себе четыре шишки на голове. У нас какой-то ступор был. Железная дверь-то у нас была, она была буквально на нашем уровне. Удивительно, как эти высоковольтные провода они не зацепили, настолько низко они пролетели. Мы не предполагали, что грузины могут пролететь над нами. И тогда пришло осознание того, что мы не защищены, и что это война. Появился сильный страх, было страшно в тот момент.

С.В.: Как долго вы оставались там?

А.М.: Думаю, около месяца находились в Афоне, в Аацы нас отправили, когда Гагру уже брали.

... Мы всегда молились, чтобы нам ночью не приходилось бегать в штольню. Спали в вещах. Тревога, значит надо сразу бежать... Нам, девочкам, было по 14-15 лет, мы не могли спать в вещах. Нам надо было одеть пижамы, а наши мамы ругались, какие пижамы, война идет. То есть до этого самолета мы думали, что все несерьезно. Слава Богу, не застали момент, когда летели снаряды. Нас очень рано будили, чтобы мы бежали в штольню. Сварили кашу, особо баловаться завтраком уже никто

не мог. Дома было хозяйство, своя корова. Нас кормили завтраком и давали паек с собой. Нам не разрешали домой идти, мы сидели там до поздней ночи.

С.В.: Сколько вас было человек в туннеле, в штольне этой?

А.М.: Первое время сидела только наша семья. А потом, я знаю, когда нас увезли, вся наша улица. Где мы жили, напротив, был грузинский лагерь, после 1989 года кухню закрыли, и лагерь остался пустой. Там стояло огромное двухэтажное здание. Первое время прятались под самым первым этажом в подвале этого здания, но когда сказали, что если снаряд попадет, никого в живых не оставит, это бесполезно, штольню открыли. Все там сидели.

С.В.: Задумывались ли вы о том, в какой момент вы повзрослели, и могли бы связать это с войной?

А.М.: Да, именно в тот момент, когда мы уезжали. Прощались с родителями и понимали, что, может быть, мы останемся одни, а может, вернемся. Нас отправили с нашей тетей в Санкт-Петербург. Там жил наш дядя. Сперва мы уехали в Москву. Из Сочи в Санкт-Петербург улететь невозможно было. А в Москве нас приняли знакомые моего дяди, они тоже дальние родственники, грузины. И когда мы слышали, что они между собой разговаривают по-грузински, я передать не могу, что это было. У нас начиналась паника, когда мы слышали эту речь. Мы не могли там находиться. Побыли там какое-то время, еще какие-то знакомые дали нам квартиру в Химках. Химки тогда находились где-то в лесу. Мы передвигались только ночью, нам сказали: старайтесь днем по Москве не гулять, чтобы вы как абхазы никому не встретились. Там долго мы не могли находиться, и уехали к двоюродному маминному брату в Питер. В семье, в которую мы приехали, было двое детей. Квартира трехкомнатная, а нас приехало 7 человек. Но наша тетя, дядина жена (наполовину немка, наполовину русская сделала нам очень много. Я представляю, как мы выглядели. Мы были какие-то забитые, зашуганные, потерянные. Мы не знали, что будет дальше, вернемся ли мы в свои дома, к себе на родину. И она, бедная, делала все для нас. Анна Альбертовна Штрейс. Мы все ей очень благодарны, царствие ей небесное. Она сделала все невозможное. Тем более,

что это были 90-е годы. Она швеей была, у нее был свой цех. Все женщины, которые с ней работали, очень помогали. Она у них проходила как мать героиня, то есть помимо своих двоих детей, еще нас шестеро. Восемь детей, она говорила, у меня. Она рано утром уходила, затемно приходила.

Голода мы не испытывали, мы ели то, что ели они. Прокормить всех нас было тяжело. Наши родители что-то пытались высылать. Нам было очень тяжело, мы хотели домой. А новости были всякие, правду не знали. Как-то сказали, что разбомбили Афон, и что там ничего не осталось. А связи ведь с Абхазией никакой не было, ну и все мы поняли, что никого нет в живых. У нас началась истерика, помню, как мы все плакали, а нас успокаивали. Тетя – молодец, она как психолог была. Заменяла нам отца, мать. Она старалась сделать так, чтобы мы не помнили, что идет война, чтобы мы как-то забылись. Водила нас в музеи, зоопарк. Но это нам, кто был постарше, не помогало, нам было тяжело психологически. Наши братья, сестрички, которые помладше были, как-то отвлекались, им было по 5-6 лет. Когда встал вопрос по поводу школы, мы категорически отказались. Мы сказали, что будем учиться у нас в Абхазии, либо не будем учиться вообще.

Папа уже не мог без нас, он попросил, чтобы мы приехали. Это было в июле 1993 года. Бывали периоды, когда мы очень скучали, с ума сходили.

В декабре, когда убили Мушни, стало тяжело. Мы были там, в Санкт-Петербурге. Может, тогда мы больше повзрослели, когда узнали, что Мушни убили. В тот момент с нами находилась мамина родная сестра с бабушкой (Мушни мама). Там их и застала эта весть. Моего старшего брата Зурика дети тоже там были, и хотели очень домой. Я помню крик, плачь. Тарелки, которые я держала в этот момент, у меня вывалились из рук от страха. Я вообще не поняла, что это. Бабушка моя начала причитать.

... В июле, когда я попала домой, в Новый Афон, я ощутила, какая у нас была война, как это было все страшно. Может, родители тех, кого вывезли, правильно сделали, мы ведь все равно травмированные остаемся. Все откладывается и сказывается рано или поздно на детях. Думаю, что не надо было нас при-

возить домой. Я просто хотела быть со всеми. И те, кто помладше, не должны были видеть и слышать это все. Не дай Бог, если что-то произойдет, детей надо прятать, ни в коем случае они не должны этого видеть.

С.В.: Какой для вас был самый запоминающийся момент во время войны?

А.М.: Если о радостном моменте говорить, то это когда взяли Сухум.

С.В.: Как вы это восприняли?

А.М.: Мы поехали в Эшеру. Мама родом из Эшеры, Хварцкия. Мы поднялись на центральную трассу. Мужчина один говорил, не стойте тут, так как снайперы были. Мы знали, что наши двигаются в центр города. И вдруг повалил черный дым. Взрослые говорят, Совмин подожгли. Помню, обидно стало, что здание горит. Стояли, смотрели на дым. Уже темно. А там такое место, чуть ниже Эшерского поста, мы под укрытием, под деревьями стояли. И тут мчится уазик, а в нем сидит солдат. У меня мысль проскользнула, что кто-то из грузин прорвался и едет сюда. Думаю, сейчас нас убьют, а он еще с автоматом был. Когда он увидел нас, стал стрелять в воздух. Смотрю, взрослые, мамы, стали обниматься, целовать друг друга. Я не могла ничего понять. Оказывается, он дал знать, что Сухум освободили. Все плакали. И женщины, и мужчины.

Я помню, у меня дядя, мамин зять, раньше был рейсовиком. У него была большая фура. Как-то он смог вывезти эту фуру из Сухума, и на ней перевозил гуманитарную помощь. На второй день, я помню, он заехал к нам домой. Когда я заглянула в фуру, то увидела полно людей. Они все ехали в Сухум. Я стояла и думала, они едут в разрушенный город. Тогда и мы с мамой поехали.

С.В.: Что вы видели на дороге?

А.М.: Все разрушено вокруг было, жутко было. Особенно после Красного моста было опасно. Говорили, не торопитесь. Мамин отцовский дом находился на Чанба, и дом Мушни. Всю войну каждый молился, чтобы дом остался целым, чтобы все сохранилось. В нашем доме жил какой-то гвардеец, и этот дом трогать не могли. То есть его не тронули, не сожгли и слава Богу. Не успели тогда. И папа мой рассказывал, что после наступле-

ния, первое что он сделал, заехал домой. Посмотреть, сожгли его или нет. По соседству жил старичок, грузин Месхи, попытался сохранить дом. Когда он папу увидел, очень был испуган, боялся, что его убьют. Ему повезло, его не тронули. Помню, как мы заехали. Было жутко темно. Ничего целого, ни деревьев, ни домов, ни дорог.

С.В.: Каким вы увидели Сухум?

А.М.: Осиротевшим. Хотя я и не сухумчанка, я в городе этом не жила, было это чувство, что мы тебя освободили, ты свободен, ты наш. Это в голове у меня было. Мы вернулись и с тобой. Такое чувство было.

С.В.: Какое самое радостное событие произошло во время войны?

А.М.: Оно произошло именно 27 сентября. А самый трагичный день, когда мы узнали, что погиб Мушни.

С.В.: Задумывались ли над тем, что у вас произошла переоценка ценностей после гибели дяди?

А.М.: Она произошла после ранения и другого дяди, старшего маминого брата. При взятии Гагры его сильно ранили, и тоже стоял вопрос жизни и смерти. Думали, что он умрет. Ему ампутировали ногу, вывезли в Москву, и он до конца войны так и остался там лежать. Очень трудно ему было. О гибели брата ему не сообщили. 6 октября его ранили. Потерять кого-то у нас в голове не укладывалось. Ему не сказали, но он почувствовал, когда сбили вертолет. Между гибелью Мушни и вертолетом была неделя. 6 декабря его убили, а 14-го сбили вертолет. Он думал, что Мушни находится в вертолете, летит из Ткуарчала. Он бил себя в грудь, кричал: «Убейте меня, я не хочу жить. Я знаю, что он погиб». Был уверен, что он сидел в этом вертолете. Потом ему сказали, что Мушни погиб раньше.

С.В.: Во время войны о чем мечтали?

А.М.: Был такой момент, когда нас повезли в Питер, как раз шли рекламы «Сникерсов», «Марсов». Мы же все это видели по телевизору. Мы были не такой семьей, которые могли куда-то поехать, приехать. Папа, мама в студенческие годы, конечно, ездили. А чтоб нас повезти, такого не было. И тут мы приезжаем в аэропорт, и эти «Сникерсы», «Марсы» на глазах. И желание

было, естественно, это попробовать. Я обертку еще хранила. Мне «Марс» понравился. Мы и «Сникерс», «Баунти» попробовали.

С.В.: Есть теплые воспоминания о войне?

А.М.: Только то, что мы были в России. Моя тетя как-то сумела дать нам возможность забыться. Это были приятные моменты, во-первых, может, в другое время мы с семьей дяди, так и не породнились бы. Узнали, какая жизнь там, как там люди общаются. Пока мы там находились эти девять месяцев, соседей познакомили со всеми. Я имею в виду детвору. То есть, мальчик с девочкой из одного подъезда, а могли друг друга не знать. Они видели нас, и бежали к нам. По сей день я с ними общаюсь. Они через нас тогда познакомились, все эти дети.

... У нас был такой момент, когда тетя нас повела в планетарий. Помню хорошо, как гид говорит, что раньше для экспериментов привозили обезьян из Абхазии, но сейчас там идет война. Что с нами было! Мы вышли зарёванные, заплаканные. Тетя пожалела, что привела нас. Все на нас смотрели, сопереживали. Тетя, бедная, растерялась, хотела как-то отвлечь нас, а тут такое.

С.В.: Какой вкус у войны?

А.М.: Вкус потери.

С.В.: Запах?

А.М.: Она не имеет запаха.

С.В.: Что не дает покоя?

А.М.: Все, пережитое людьми, это же была жизнь, чтоб не осталось ненужным кому-то, чтобы все это сохранилось. Боль за народ, за землю. Хочется, чтобы дети сегодняшние не пережили то, что пережили мы.

Тем, кто проскочили это время, пожелаю бы понимания. Хочется, чтобы каждый вложил от себя что-то правильное в детей.

02.10.2018 г.

Даур Кове,

министр иностранных дел Республики Абхазия

С.В.: Представьтесь, пожалуйста. Расскажите немного о себе.

Д.К.: Даур Кове. На сегодняшний день являюсь министром иностранных дел Республики Абхазия. Если будем вспоминать период боевых действий в Республике Абхазия, поделюсь воспоминаниями, как война начиналась для меня.

14 августа не только для меня, но и для всех жителей Абхазии был обычным летним днем. В тот период мне было 13 лет. У нас была такая традиция, мы всем двором ходили на море. То есть были ребята кто постарше, кто помладше. 14 августа ничем не выделялся, мы в 8 утра пошли на море. Когда мы купались на пляже, лежали, загорали, помню, как летел вертолет. Мы находились в районе «Эльбруса», мы всегда в этом районе купались. Мы видели, как вдоль набережной летит вертолет, но мы как-то это не восприняли, потом услышали звуки выстрелов. Моего возраста было несколько человек, мы особо не понимали, что происходит. Среди нас из старших были ребята грузинской национальности. У нас дом – интернациональный, то есть в большинстве своем жили грузины. В общем, схватились за ручки, и мы все дружно побежали домой. Пришли домой, и к 10–11 часам приехал мой дядя из Дурипша, всех детей погрузил в машину, и нас увезли в Дурипш. Родители остались в городе (приходили несколько раз по списку, искали отца), где-то через две недели вышли пешком через Гумисту и пришли в Гудауту.

Первое время жили в Дурипше, и где-то через месяц-полтора мы переехали в Гудауту. Тех, кто учился в десятой Сухумской школе, перевели в пятую Гудаутскую школу. Там открыли филиал десятой школы. Я учился в 7 классе. Помню, по-моему, был ноябрь, мы сидели в классе. Заходит директор

школы и с ним молодая девушка. Не помню кто, но она была в военной форме.

И нам делают объявление, что в госпиталь требуются помощники, чтобы ухаживать за ранеными. Добровольцев как-то не нашлось. Мы сидели и думали: где мы, где госпиталь, а потом нам сказали, что мальчикам выдадут военную форму, освободят от экзаменов. Все руки подняли. Набрали по классам детей. Мы пришли в госпиталь – 8–11 классы. Нас было очень много. Мы как-то не особо понимали, что делать, но перед нами поставили задачу. Нас распределили по палатам с ранеными и сказали, что главная наша обязанность – развлекать раненых, чтобы они забыли о своих ранах, болях. Мы играли в нарды, карты, шахматы, шашки, рассказывали анекдоты. Нам это в какой-то момент очень понравилось, потому что в школе, когда спрашивали урок, можно было сказать: «Я не знаю, был в госпитале». Но так длилось недолго, до первого наступления. Когда начались наступления и стали привозить раненых, из всех детей, а нас было где-то человек 35–40, осталось 15 человек. Так мы до конца и прошли.

Был тогда в Гудауте врач, не так давно скончался, по фамилии Варич. Он взял над нами шефство. Он нас научил тому, что нужно делать, как нужно поступать. Когда привозили раненых, мы, дети, первые их принимали. Мы знали: первый был сортировочный покой. Мы уже сами определяли, кого на рентген, или еще куда-то. Возили на рентген, после этого докладывали врачам. Но, на мое удивление, проходило все очень организованно. Я не знаю почему, для меня это до сих пор остается загадкой. Но организация получилась высокой, несмотря на то что мы были в возрасте 13–17 лет. Среди нас были и ребята, которые в тот период учились на втором курсе медицинских университетов, но вернулись в Абхазию. Они по своей линии работали. А в наши задачи входило принять раненого, привести, увезти и т.д. Но со временем так получилось, не знаю, наверное, у меня была тяга к медицине, я постоянно ходил в халате, и меня стали допускать в перевязочную. То есть, единственное, куда меня не пускали – операционная. В перевязочных я даже ассистировал врачам, когда делали перевязку. Помню один незабываемый момент.

Обычный день, то есть нет никаких наступлений, мы сидим в приемном покое. Заходит солдат в форме, с вещмешком, автоматом и садится на кушетку. Спрашивает, есть где-нибудь врач. Мы отправили нашего товарища за врачом. Смотрим на человека и понимаем, что с ним что-то не то, но что – не можем понять. Нормально человек сидит. Присмотрелись, а на нем военная фуражка не надета, а висит над головой, будто на чем-то держится. Видимо, он наш взгляд перехватил, снимает фуражку, а у него из головы торчит большой осколок. Длинный осколок, как антенна, застрял в мягких тканях, и человек на своих ногах пришел.

В период наступательных операций привезли одного парня, не помню, какой он был национальности, но получилась трагикомичная история. Раньше для нас было неважно, как завозить поступивших в госпиталь, но после того, как нас поругали, мы уже поняли, что живых надо – головой вперед, а мертвых – ногами вперед. Мы это усвоили очень четко. И вот повезли его на рентген, завозим его в проем головой вперед, а он уперся, держится руками за носилки и говорит: «Что вы делаете, завозите как полагается, я что, умер?» Мы даже дошли до того, что стали с ним спорить и доказывать ему: раз ты на нашей земле, подчиняйся нашим законом. В итоге закончилось его победой, мы его развернули ногами вперед, сказали: «Ну умрешь – умирай» (смеется). Повезли его ногами вперед на рентген. И такое у нас было.

Воспоминаний, конечно, очень много. Единственное, так и не могу вспомнить тех ребят, с кем помогал в госпитале. Наверное, по причине того, что мы и познакомились в тот период. И сразу после окончания войны мы больше и не виделись... Конечно, есть желание встретиться. Это нужно просто организовать...

27 сентября для меня закончилось пребывание в этом госпитале. Вечером, помню, стоял какой-то старый «жигуленок» во дворе госпиталя, а на крыше – какие-то динамики. Стояло много людей, и по радио прозвучало, что наши вошли в город и водрузили флаг на вокзале. В этот момент я снял халат, повесил его на калитку забора госпиталя, и мы пешком из госпиталя пошли домой. И больше я туда не возвращался.

С.В.: То есть получается, что первые дни войны и вплоть до освобождения Сухума вы находились в госпитале? Вы

можете сказать, что вся ваша военная жизнь была связана с госпиталем?

Д.К.: Да.

С.В.: У вас бывали разные моменты: и горе, и радость, и смерти. Могли бы поделиться воспоминанием, которое врезалось вам в память?

Д.К.: На самом деле их было много. По прошествии времени сам себе задаешь вопрос: 13 лет, совсем еще ребенок, почему все пережитое не сказалось в будущем? Не знаю, может быть, это внутренние ресурсы человеческого организма, когда стрессовая ситуация, организм мобилизуется, а потом тебя отпускает, ведь, действительно, было всякое.

Я помню, как в первый раз зашли в морг с товарищем. Была какая-то наступательная операция, привезли много бойцов. Надо было с кого-то снять одежду, помогать врачам. Мы спустились в морг. Он находился рядом с больницей, это было одноэтажное помещение. Когда мы туда зашли, там стояли носилки на полу, и было шесть-семь тел. Конечно, состояние было тяжелое... Пережили. Привыкли. Насколько можно к этому привыкнуть.

Был еще один из таких запоминающихся моментов, и он говорит о людской трагедии. Когда первый раз вертолет сел на площадку у госпиталя, мы подошли и стали вытаскивать раненых, укладывать на носилки. Получается, от калитки до госпиталя живой коридор образовался. И у одного, которого мы везли, была оторвана рука, и она на коже просто болталась. Но он был в сознании. Когда мы его везли сквозь этот ряд, женщина подошла вся в черном и стала называть имя сына, обращаясь к нему, не видел ли он его. Трагизм всего заключался в том, что лежит умирающий человек, с оторванной рукой, а мать спрашивает его, в надежде услышать что-то о своем сыне. И такое было.

Один эпизод очень врезался в память. Привезли солдата, шла операция, а у него была очень редкая группа крови – четвертая отрицательная. Врачи позвали нас и сказали, выйдите на улицу, нужна срочно донорская кровь, иначе умрет. Мы вышли на ступеньки больницы, а там было много людей. Мы начали говорить сначала негромко, что нужна кровь – четвертая отрицательная.

Когда слышали, что нам надо, все занялись своими делами. И в этот момент, я не знаю, может быть, это детская наивность, нас, детей, это очень сильно взбесило. Мы спустились со ступенек и стали подходить к каждому индивидуально – мужчинам, женщинам, спрашивать, у кого какая группа крови. И когда мы стали слышать: у меня гепатит, а я вчера пил, а у меня кровь не такая – это был один из тех моментов, когда стало немножко не по себе. К сожалению, война – она такая, без прикрас. Хотя бывало, что люди приходили и спрашивали, чем помочь. Много разных историй было.

Однажды вертолет сел на поле, то есть от госпиталя надо было спускаться вниз, где было большое поле. Естественно, мы, дети, побежали туда. За нами спустилась машина, остановилась. Вертолет от асфальта стоял в 70 метрах. Мы в тапочках, в спортивныхках, побежали по полю к вертолету. А поле было все в рытвинах, там, видимо, пахали. Добежали до вертолета, открыли дверь, первый, кто лежал, был какой-то казак. Большой такой дядя, как сейчас помню. Он такой грузный был, килограммов сто, наверное. И мы, детки, взяли по одной ручке носилок, спустили, и понесли его в сторону машины. Так как по полю каталка не поехала бы, и на руках нам надо было его тащить еще сто метров. А у него ранение было в мягкую часть, заднюю. Лежит на животе, а я стоял сзади. Держал одну ручку. Мои товарищи шли впереди, я за ними. У меня в какой-то момент нога подвернулась, и я зацепился за корень в ямке. И так получается – друзья идут впереди, я сзади, и я понимаю, что падаю. Я не успел ничего сказать и свалился вместе с этим казаком. Он на эмоциях, помню, говорит, ну что же вы, не можете аккуратнее? Тут он услышал все – о себе, своем весе, своем ранении. (Смеется).

...Помню, как один раз мы залезли в чей-то сад воровать арбузы. Кто-то из нас заметил сторожа. Почему-то он побежал за нами, когда мы эти арбузы уже собрали. Нам пришлось бежать. И вслед раздались выстрелы из ружья. Мы арбузы не бросили, добежали до госпиталя, и эти арбузы съели.

Был еще один такой смешной эпизод, связанный с товарищем, про которого я говорил. Он трагически погиб не так давно. Были моменты, когда мы оставались в госпитале до утра.

Обычно в период наступлений. После нескольких месяцев нашего пребывания в госпитале, врачи уже доверяли нам. Мы встречали тех, кого привозили. Так, однажды мы остались в госпитале. Было лето, и заночевали на улице: кто на носилках, кто на каталках, где нашел место, там и уснул. Проснулись мы почему-то рано утром. Один наш товарищ заснул на каталке, мы не придумали ничего лучшего, как достали одеяло, накрыли его с головой и ушли. Ситуация, видимо, развивалась таким образом: кто-то вышел из медперсонала, нас нет никого, стоит каталка с телом. Вопросы тогда никто не задавал. Потому что все как-то автоматически происходило, накрытое тело – значит в морг. Видимо, и повезли в морг, а дорога в морг идет по асфальтированному спуску. Потом парень, которого везли в морг, рассказывал: «Просыпаюсь, что-то меня шатает, не пойму. Глаза открыл, какая-то накидка. Я ее снял, привстал – и слышу истерический крик. Передо мной женщина орет». Все это случилось на спуске, когда его везли. Он долго потом с нами не разговаривал, ругался. В общем, до морга не довезли, и слава богу. Такое баловство у нас тоже происходило.

Помню, как привезли одного бойца. Его почему-то называли Дед. Ему было где-то 50 лет. У него была такая большая шевелюра, борода. Ему оторвало обе ноги. Ему делали перевязку, а я стоял ассистировал врачу. А мы всегда, когда заходили в перевязочную, маску одевали и в какой-то момент врач на меня посмотрел и говорит: «Выйди». Думаю, почему, что я не так сделал. Выхожу, а там зеркало большое висело, к зеркалу подошел и увидел, что я был белого-белого цвета. Позже спросил врача: «Почему вы меня выгнали?». А он говорит: «Зачем мне надо, чтоб ты в обморок здесь брякнулся». Я даже не чувствовал уже запах крови вперемешку с запахом горелого мяса. Словом, ты вроде бы не воспринимаешь, но, оказывается, мозг воспринимает, еще чуть-чуть, видимо, я свалился бы там. Врач это предугадал. Честно говоря, я в тот период думал, что точно стану врачом. Причем, даже понимал, каким врачом, что мне нравилось. Я очень хотел стать челюстно-лицевым хирургом. Но так получилось, что я им не стал. Когда пришло время поступать, мне предложили выбрать другую профессию. Я и согласился.

С.В.: Вы жалеете?

Д.К.: Я не могу сказать, что жалею, но я все-таки думаю, если бы я пошел в медицину, из меня что-то и получилось бы. Потому что на тот период мне было это близко. Нравилось.

С.В.: Вы все это время рассказываете о больнице. Первый раз, когда вы увидели кровь, какие у вас были ощущения?

Д.К.: Никаких, ничего. Я не знаю, может, это детский мозг все не воспринимает, единственная картина, которая у меня осталась, когда мы зашли в морг. То есть я помню, как лежали носилки на полу, на них лежали погибшие ребята. Это запомнилось. Потом привык с течением времени. У меня не было трагизма внутри, что вокруг кровь, раненые.

С.В.: Бывали моменты кризисные, когда все хотелось бросить и уйти?

Д.К.: Я думаю, нет. Но мне сложно сейчас вспоминать.

С.В.: Но, может быть, был какой-то эпизод, либо момент, который вас сильно задел?

Д.К. Такого не было. Мы всегда находились в госпитале. Я же говорю, были моменты, когда мы даже там оставались. Это было внутри – то, что ты должен делать. По другому даже не воспринималось.

С.В.: Чувствовали себя единой семьей?

Д.К.: Да, абсолютно. Это было нечто единое целое. Мне очень жаль, что мы не смогли после войны поддерживать отношения. Это сегодня есть и социальные сети, и телефоны. В тот период все было совершенно по другому. И когда закончилась война, у каждого человека продолжилась своя история жизни. Кто-то уехал учиться, кто-то занялся чем-то другим. И как-то мы все потерялись. А в период войны мы были, как маленькая семья.

С.В.: Вам не хватает этого?

Д.К.: Я бы не хотел возвращения того времени, но хотел бы возвращения того чувства общности, когда ты понимаешь, к чему ты идешь, когда ты видишь какую-то цель и ощущаешь себя чем-то маленьким, которое делает что-то большое. Может быть, это то, чего нам сегодня не хватает. В тот период мы все шли к одной цели. И мы, дети, насколько могли понимать в свои 12-13 лет, тоже понимали, что есть цель, за которую люди поги-

бают. И мы к ней шли. Я даже помню, какая у меня была фантазия. Я почему-то думал, что когда закончится война, когда мы победим, обязательно, где у нас первая эстакада в районе СОИ, оттуда по дороге в сторону вокзала будет накрыт большой стол, по всей этой дороге. Я явственно видел эту картинку: накрыт большой стол и все празднуют День Победы. Я не знаю, откуда это было, но такая картинка предо мной была.

С.В.: Как ваши родители относились к тому, что вы все время находились в госпитале, не препятствовали ли этому?

Д.К.: Нет. Переживали, конечно. В тот период 16-летние дети шли на фронт. А мы пошли в госпиталь, и делали, что могли делать. У меня сестра тогда училась на первом курсе во Владикавказе в медицинском. Она, ее подруги, друзья также находились в госпитале и помогали. Это было абсолютно нормально.

С.В.: Чем питались?

Д.К.: Не помню.

С.В.: Задумывались ли вы о том, чего вам не хватало во время войны?

Д.К.: Я помню, как в Гудауту каким-то образом залетел вражеский самолет, выпустил два или три снаряда по городу. Я со своим одноклассникам в тот момент дома занимался геометрией. Мы вышли на балкон и обсуждали, зачем нам это нужно учить. В Гудауте в тот период, по-моему, российские военные периодически делали тренировочные полеты и выпускали снаряды. Видим – самолет какой-то. Однако оказалось, что это не российский самолет. Снаряды попали не так далеко от нашего дома. Мы это ощутили. Взрывной волной разбило стекла.

Чего нам не хватало? Не хватало одного – все жаждали победы, все жили только этим.

С.В.: Бывало ли вам страшно?

Д.К.: Один раз. Это было в Дурипше. В тот момент почему-то раза три грузинские самолеты пролетали над селом, причем летели очень низко, настолько низко, что пилота можно было разглядеть. Первый раз, когда это произошло, мы сидели у нашего товарища дома, в амбаре у костра, я как сейчас помню. Я сидел на перевернутом акалате. Звук был очень страшный, тем более появился неожиданно. Я тогда пожалел, что не совсем малень-

кий, не могу под этот акалат залезть. (Смеется). В тот момент было реально страшно.

С.В.: Сколько было детей в деревне?

Д.К.: Мы находились два или три месяца там. Наверное, как и у всех в тот период, в деревне было очень много людей. И в доме у моего родного дяди. Все дети находились там. Мы обедали в три смены. То есть мы за один стол не помещались. Мне очень не хватало хлеба. Для меня было большим праздником, когда дядя из Гудауты привозил хлеб. Причем привозил исключительно мне, потому что все остальные кушали мамалыгу, а я мамалыгу не ел, потом, конечно, я начал ее есть. Но эта булка хлеба была самой запоминающейся.

С.В.: Как вы проводили будни?

Д.К.: В футбол играли. Один раз сделали нехорошую вещь, где-то нашли пачку сигарет. Для тех, кто курил, сигареты тогда были большим дефицитом. Так вот мы не придумали ничего лучше, как взять одну сигарету, распотрошить ее, и где-то в середину сигареты положить порох. А сверху мы забили табаком. Соответственно, получилась нормальная, чуть помятая сигарета. А наши старшие братья, которые воевали, все ходили в тот период с бородами. Мы одному и говорим: «Вот, мы нашли сигарету». Естественно, у нас эту сигарету отобрали. Надо было видеть, с каким удовольствием человек закурил сигарету, дошел до середины... Потом ему пришлось побриться. (Смеется).

С.В.: В какой момент вы решили, что нужно идти и помогать фронту?

Д.К.: В первый момент никакого осознанного решения не было. Когда нам предложили помогать, мы сидели и не реагировали, но в принципе, может быть, это и объяснимо. Когда вдруг говорят, что тебя ждут в госпитале, сразу не сообразишь. Нас заинтересовала военная форма.

С.В.: Вы ее носили там?

Д.К.: Первое время мы носили военную форму, но когда начались наступления, ходили в белых халатах. Мы были очень организованными. Зачастую бывало так: когда прилетали вертолеты, первыми встречали их мы. Мы принимали у бойцов их оружие, вещмешки, автоматы, пистолеты. Нам просто отдавали

это все. Не было ни одного случая, чтобы мы что-то потеряли. Мы всё записывали и отдавали врачам. У тех, кто были сильно ранен, вещи рядом лежали. Мы их брали и сдавали нашим врачам. Все тогда было четко. А осознание происходящего пришло позже. Мы даже не задумывались, просто делали свое дело. Это была наша жизнь, мы с этим жили.

С.В.: Какое для вас было самое страшное событие?

Д.К.: Весь период был страшным. Особо запомнился момент, когда у нас в Дурипше выпал зимой большой снег. С нами как раз в доме находилась наша тетьа Тома (она потеряла четверых сыновей). Помню, когда приехал БТР за ней. Мы находились на улице, играли в снежки. Помню этот момент, когда ты понимаешь, что куда-то все бегут, понимаешь, что что-то происходит, а что – не понимаешь. Вышла Тома и еще старшие, помню. Ее посадили в этот танк и куда-то повезли. Оказывается, в Гудауту повезли, еще один сын погиб. Тяжело было.

С.В.: Как думаете, что помогало выжить?

Д.К.: Вера.

С.В.: Самый смешной эпизод, который вы часто вспоминаете?

Д.К.: Расскажу, что у нас однажды произошло, когда мы спустились на поле. Мы ожидали прилета вертолета, то есть мы знали: в течении часа-полтора должен прилететь вертолет. На поле в тот момент стоял старенький автобус. Помните, раньше большие желтые автобусы были? Вот такой стоял. Мы залезли в него, и не придумали ничего лучшего, как внутри развести костер. Сидели у костра и ждали, когда прилетит вертолет. Потом кто-то принес картошку, и мы стали на углях её жарить. Когда запекли картошку, вытащили ее из углей. Наши руки были в золе. Мы почему-то стали бегать и друг друга за лицо трогать этими руками в золе. А умыться не успели, когда прилетел вертолет.

С.В.: Задумывались ли вы о том, что война поменяла вас, что если бы не война, вы были бы другим человеком?

Д.К.: Наверное, это отразилось в какой-то мере. Когда закончилась война, мы доучились в школе. Был момент, когда я поступил в университет в Уфу. Помню, как мы, первокурсники, пошли первый раз на дискотеку. Для меня же это что-то новое,

«дикий ребенок». Когда мы пришли на дискотеку, я сидел за столиком. Я поймал себя на мысли, что мне это не интересно, хотя должно было быть интересно, ведь первый курс, ты где-то, далеко. Был этот момент, но потом все прошло.

Отразилось ли это на мне? В целом, наверное, да. Может быть, в тот период произошла для меня какая-то переоценка ценностей. На какие-то вещи стал смотреть по-другому, но не могу сказать, что это все осознанно, что сам понимаю, что это произошло из-за войны. Может быть, это где-то внутри, где-то глубоко происходит. Нельзя забывать это и не говорить о послевоенном периоде. Я помню, 27 сентября освободили город, и я с родителями приехал в Сухум.

И опять-таки впечатлений было не меньше: ты едешь, заезжаешь в город, видишь, что все вокруг горит. В тот период увидеть труп в центре города – было абсолютно нормально. Лежали останки людей, потом потихоньку их стали убирать. Я помню, двенадцать дней мы в город не выходили. У меня был обрез двухствольчатого ружья. Это было в 14 лет. У меня был большой дутовый пуховик, и почему-то под этим пуховиком я носил обрез. Зачем, я не знаю. Но я помню, что он у меня был. Видимо, в тот период была такая мода у детей. Я помню, как мы ходили за водой с проспекта Мира (где мы жили), на ВИЭМ. Я ставил на коляску 50-литровый белый баллон, брал с собой ведерко, шел на родник, через проулок, не доходя до гаража администрации президента наверх в гору, наполнял и потом обратно. Там был родник, я думаю, он и сегодня есть.

С.В.: Долго это продолжалось?

Д.К.: Достаточно долго. Помню, даже один из таких моментов, когда мы шли по Бараташвили, на одном из мусорных баков сидела большая обезьяна. Обезьяний питомник был рядом. Она видимо, оттуда убежала.

Сейчас порой задумываешься, как наше старшее поколение все тяготы перенесло. Для меня это остается большой загадкой. Иногда по работе сталкиваешься с какими-то препятствиями и думаешь, как это сделать. А в тот период не было ничего: не было коммуникации, не было света, не было связи, все было разрушено, не было зарплаты, машины. И люди в такой ситу-

ации умудрились сделать так, что наше государство не потерялось. Каким-то чудом его удержали, и смогли донести до сегодняшнего дня. Это, правда, тот момент, который когда-нибудь будет описан историками. Это, действительно, было мужество, то, что мы сделали.

С.В.: Вы задумывались о том, в какой момент вы повзрослели, и связано ли это было с войной?

Д.К.: Наверное, да, наверное, все это тогда и произошло. Опять-таки это все происходило неосознанно. Не было четкого понимания, что я проснулся и встал взрослым, потому что я помогаю в госпитале. Война – это серьезный отпечаток, который оставил огромный след и на восприятие окружающего мира, и на дальнейшие поступки, наверное, это все оттуда и пошло. Потому что до начала войны, не буду скрывать, я рос таким ребенком, про которого говорят: маменькин сыночек. То есть в принципе я ничего не умел, потом все изменилось, поменялось.

Однажды привезли какого-то парня. Тогда врачи совершали чудо, потому что работать 24 часа без права на ошибку, наверное, очень тяжело. Помню, как стоял в перевязочной и ассистировал врачу, и в какой-то момент он мне задает вопрос: «Шить умеешь, носки шил когда-нибудь?». Я ответил: «Где я – где носки? Кто мне давал их шить?». А он мне дал зажим, на нем кривая игла. У парня на руке, выше локтя, была небольшая рана. Зашил так, что две половинки кожи стянулись. А что было потом, я не знаю. Я понимаю, что я все делал неправильно. Я просто иголкой с одной стороны подцепил, с другой соединил. И ниточками стянул человеку кожу. Конечно, это все не может не отразиться на тебе, как на личности.

С.В.: Остались у вас страхи военные?

Д.К.: Нет. Не знаю почему. Есть страхи взрывов. Мне очень запомнилось, как я хотел залезть под этот акалат из-за ужасного звука самолета. Первый звук, который я услышал. Было очень страшно, было непонятно, что это, я даже не знал, что это самолет.

С.В.: Какой вкус у войны?

Д.К.: Я рассказывал об эпизоде, когда я был на перевязке и чуть не свалился в обморок. Наверное, это что-то такое, что ты ощущаешь, но оно впитывается в тебя. Без цвета, без запаха.

С.В.: Сегодня, если бы была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы им хотели пожелать?

Д.К.: Удачи.

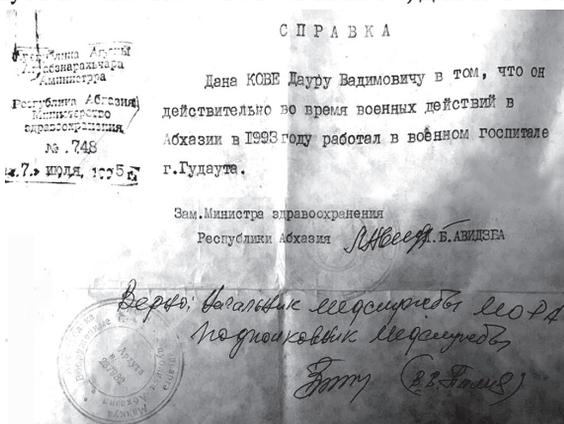
Если говорить о наших старших, удивительное происходит. Мы сейчас говорим о детях, которым было 13, кому-то под 20. Сегодня на 20-летних мы смотрим как на детей, которых надо оберегать, лишь бы ничего не сделали. А те 20-летние пошли воевать, они ушли далеко вперед. Они прошли реальную войну. Шли на смерть. Наше поколение увидело и помнит эту войну. Мы ее как-то ощутили, потрогали чуть со стороны. Дай бог, чтобы это не повторилось! Это очень тяжело. А последствия мы еще ощутим впереди. Сегодня мы говорим о демографических ямах. Я думаю, мы еще почувствуем то, что произошло.

С.В.: Ваше детство было украдено?

Д.К.: Я думал об этом. У каждого есть свои периоды жизни, и то, что есть, за все надо благодарить Господа. Мне сложно сказать, было оно украдено, каким оно могло бы быть вообще.

Единственное, чего хочется, хочется жить. Мы были в госпитале, дома под опекой, мы были в безопасности. А у них, воевавших, было все по-другому. Поэтому грех говорить, что что-то было украдено. Было то, что было. Это тоже был какой-то опыт, который на будущем отразился, но я не думаю, что худшим образом. Из войны вышли все другими людьми. Кто-то это осознал, а кто-то понял чуть позже. Не осталось никого, для кого 14 августа не стало бы переломным в его жизни. Это аксиома, что наша жизнь поделилась на «до» и «после». Нет таких людей, для кого начало войны не изменило бы всю их жизнь. Поменялись все.

09.11.2018 г.

Лолита Пилия, массажист

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

Л.П.: Здравствуйте, меня зовут Лолита Пилия. Когда началась война, мне было 13 лет. Я находилась в Меркуле у бабушки. И вдруг все суетятся, бегут, едет техника разная, танки. Мы были маленькими детьми, естественно, мы военную технику в жизни не видели. Что случилось? Война началась. Передали по абхазскому телевидению. Мы все это увидели...

Приехал за мной дядя. Забрал домой. Я приезжаю, а дома только сестры, никого больше нет. Где родители? Они в Сухуме. Мы одни дома, не знаем, что делать, как себя вести. Пришлось сидеть и ждать, что будет. Вдруг сосед бежит, сказал, что гвардейцы во двор заехали, поймали наших соседей, связали, начали грабить. Эти соседи были достаточно состоятельными людьми. Все, что у них было гвардейцы загрузили в их же машину. Списки богатых дали грузины из соседней деревни. А нам-то что делать? Мы, дети, как могли себя одели. Мы готовы были к тому, чтобы убежать куда-нибудь. Сестра моя старшая, которой было 20 лет, была очень боевая. Взяла папино ружье. Мы нашли гранату, даже где-то нашли салют. Мы не ложились спать, все двери закрывали. Свет выключали. Грузины все еще гуляли по нашей деревне Акуаскья. Где-то на пятый-шестой день пришла мама, плачет. Она у меня мингрелка. Половину дороги прошла пешком, её пропускали, так как она знала грузинский язык... Когда мама приехала, мы, естественно, были рады... Она вся обгорела на солнце. Жара стояла невероятная. Мама столько километров пешком шла, и, представь себе, она пришла и в тот день налет вертолета произошел. Это был первый налет. Вертолёт летит, а мы ещё думаем, наш – не наш. Он как начал бомбить, мы не знаем куда бежать. Мама нас успокоила, мол не бойтесь, может

больше не прилетит. Но он настолько близко пролетел, прямо через наш дом. Естественно, это был ужасный страх. Через два-три дня и папа с братом приехали. Это было начало войны.

С.В.: Вы всё это время находились в деревне?

Л.П.: Да. Позиции уже были по всему Очамчирскому району. Везде ребята начали копать окопы. Уже гулять грузины не могли. Началась настоящая война, начали нас бомбить из танков, самолёты налетали по 2-3 раза в день, бомбили без конца. Папа даже окоп нам вырыл на всякий случай, чтобы мы могли прятаться в нём. Мы близко находились от позиции.

Был Новый год. Естественно, мы хотели встретить Новый год как нормальные люди. Снега навалило по пояс. Света не было. Мы с сестрой готовили что-то похожее на хачапури. И вдруг – какие-то солдаты. Снег валит такой, что не видно, кто идет. А это оказались чеченцы. Чуть выше нас была фронтовая дорога, и когда они спускались из Мяркулы, то увидели наш дом. Они, естественно, были голодные, холодные, мокрые. Спустились к нам. А мы боялись, мало ли кто? Они говорят: «Сестричка не бойся, мы погреться». Естественно, мы их пригласили домой, они высушились. У них столько всякого снаряжения было. Я им еще сказала: «Не взорвётся здесь?». «Ничего, – говорит один, – немного взлетишь». Так подшучивали. Накормили, напоили их, отправили через два дня, 2-го числа. На второй день у нас телилась корова, и мы, дети, в коровнике находились. В тот день столько было налетов, погиб молодой сосед. Наши родители, дядя наш родной рядом жил, беженцы – все туда на плакание пошли. А мы пошли к коровнику. Я смотрю (в коровнике была открыта дверь), летят самолёты. Я кричу: «Самолёты, ложитесь!». Тут коровник обрушился, и всё на нашу голову свалилось. Оказалось, что бомбы упали у нас во дворе. Мы выходим, там же снега было много, весь снег чёрный, а наша невестка – её дети были с нами – кричит: «Вы живы?». Мы смотрим: наш дом без окон, без дверей, крыша валяется. Все перевернуто, всё перебито. Это же бомбы были. Потом выясняется, что они весили 500 кг. Там такие котлованы были, целый дом вмещался, ни забора, ничего не было. Слава богу, мы все были живы. Место, где мы жили, находится немного на высоте, а куда родители пошли на

плакание – было ниже, и когда начался обстрел, родители видят, что наш дом превратился во что-то черное. От взрыва грязь смешалась. Они бегут, представьте себе, какое у них было состояние. Они же не знают, мы живы или нет. А мы быстренько собрались (у нас внизу есть небольшой обрывчик) и решили там спрятаться, мы ведь не знали, мало ли, еще вернутся эти самолеты. Мы бежали, спотыкаясь, так как снег был большой...

В итоге сестра додумалась, когда самолеты все разлетелись, что должна встретить родителей, сказать, что мы все живы. Она бежала и кричала: «Не бойтесь, мы все живы, не спешите, идите потихоньку». Когда мы собрались во дворе, тётя бедная, ныне покойная, поставила большую свечку. Бога благодарила за то, что мы все живы. В ту ночь, представьте себе, такой большой снег, а у нас дом разрушен, ни окон, ни дверей. Холод, мороз необыкновенный, которого у нас никогда не было раньше. Мы, нас же было много, спали в одной комнате. Камин разжигали, и все там спали...

С.В.: Вам идти было некуда. Это прифронтовая зона была. Каково было ваше состояние, чувства?

Л.П.: Вы знаете, иногда были такие чувства, что я ненавидела день. Мне хотелось, чтобы всегда была ночь, потому что мне казалось, что ночь нас как-то больше спасёт, чем день. Поэтому я всегда бога просила: «Вот я лягу спать, а мне всё равно, я умру или нет». Мне было очень страшно. Я вообще войну очень плохо переносила, мне всегда было плохо. Я очень сильно боялась, потому что всё время погибали родственники, соседи. И на всё это смотреть целый год было ужасно. Конечно, всё время мы с сестрой спали вместе. Налеты могли быть и в шесть, и в пять утра. Мама только позовёт, мы вскакиваем, и бегом в окоп. Это было ужасно, конечно. Это были мои переживания. День просто не хотела видеть. Ночью мы как-то у костра поговорим, а когда заснешь, уже всё равно, что произойдет. Мы-то ладно, мы жили в деревне, у нас было что поесть. Но люди в городах, в Ткуарчале. У них ведь нечего было есть. Знакомые наши и родственники всё время приходили к нам. Молоко, сыр, яйца мы обменивали на соль. Шли до Ткуарчала пешком под обстрелами, где-то километров 15. Сколько можно запастись? На целый год человек

не мог, естественно. Все наши запасы закончились, и мы ходили обменивать то, что имели, а те, которые жили в квартирах, им нужна была еда. Они на неё меняли соль, порошок. Такой обмен у нас был. Люди в Ткуарчале умирали от голода, было очень холодно, нечем было топить печь. Очень многие из Ткуарчала к нам приезжали, те, которые нас знали, наши друзья, знакомые. Естественно, мама со всеми делилась всем, что было. Мы обеспечивали фронт едой. Папа этим занимался. Ездили по всем деревням, собирали еду, чтобы ребята на фронте что-то ели. Их же надо было поддерживать.

С.В.: Вы у себя их тоже кормили, насколько я знаю?

Л.П.: Мы у себя кормили по 20, 15, 30 человек. 30 человек приедет, дядя старался их к нам привести, потому что знал: какая-то еда у нас всё равно есть. И мы делили, что имели.

С.В.: Что вам еще запомнилось?

Л.П.: Вообще, вы знаете, мне казалось, что я помню каждое мгновение войны. Хотя и подросток, я всё понимала. Конечно, я помню случаи гибели своих соседей. Для меня это было что-то ужасное.

Это был очень жаркий июльский месяц. Жара была необыкновенная. Мы были дома, и вот – очередной обстрел. Упала бомба. Я только выскочила со двора, и вижу, что во дворе моих соседей стоит чёрный дым. Не прошло и секунды, как раздалась крики, все побежали, а я не могла сдвинуться с места. Для меня это было тяжело. Я говорила, что переносила тяжело смерть любого – соседа, незнакомого, знакомого. Я очень чувствительная.

Я дома осталась одна. Слышу крики, разговоры: «Пригоните трактор!» У нас был трактор, сосед бежит к нам за ним и кричит, что трое погибли... Они пришли с позиции домой отдохнуть. Представь себе, домой только пришли, прилегли, заснули, и бомба прямо во двор упала. Они погибли. У меня была такая истерика, я так редела. А тут я осталась одна, все туда побежали. Я не могла смотреть на это. Все было разрушено, они даже вещи не могли вытащить, чтобы на погибших надеть. Это было в полдень, в 12 часов дня. Была такая жара, что нельзя было держать, вы сами понимаете.

У одного из парней тоже была смешанная семья – мать была мегрелкой. Бедная мать. Год ровно она поднималась на кладбище и громко причитала, выкрикивая его имя. Это было ужасно слушать. Это был её единственный сын. У неё было трое дочерей, а это – младший сын. Всё это переживать было очень тяжело.

С.В.: В свои 15 лет вы ощущали, что вы из смешанной семьи?

Л.П.: Да, вы знаете. У меня мама мегрелка. Когда папа на ней женился, маме было 20 лет, она была красивая очень. Бабушка не очень хотела, чтобы за абхазца она вышла замуж. Я помню, я всегда бабушку упрекала за это. Время тогда ещё было другое, довоенное. Но со временем мама родила троих детей. Бабушка безумно любила отца, потому что мы – абхазы, потому что у нас другие обычаи, менталитет, уважение к старшим – все по-другому, и бабушка это очень сильно ценила. Она говорила: «Серго совершенно другой человек в моей жизни», а я бабушку спросила: «А почему ты его не хотела, за то, что он абхаз?». Она ответила мне: «Ты знаешь, это было. Сейчас я смотрю на остальных, он – не то, что там другие зятья. У бабушки было 8 детей: четыре сына и четыре дочки. Мама была восьмая, самая младшая в семье. Бабушка, когда говорила про папу, просто с ума сходила, так она его любила, уважала. Папа, естественно, уважал ее. Бабушка у нас пожилая достаточно была. Но когда папа приезжал, всё лучшее в доме было для него.

Мамина родня жила хорошо, даже богато. Детьми мы часто туда ездили. Там тоже было много братьев и сестер. Мы жили все очень дружно. С маминой стороны все очень высокого роста, все красивые. Бабушка всегда говорила: «Посмотрите, как Серго ко мне относится, а другие обижались. Даже мы, внуки-абхазы, отличались по отношению, по поведению... И она всегда это отмечала.

Когда началась война, естественно, мы разделились на две части. Они остались с той стороны, мы остались с этой (Абхазия. – **Автор**). Тогда тоже начали принуждать брать оружие. Но мой дядя сказал: «Я никогда в жизни не подниму оружие против своих племянников». Его сыновья были уже взрослые, он их в Россию отправил, чтобы оружие им не дали. Когда границы

закрылись, мы не знали, как они вообще там, живые, неживые, что там происходило. Мама моя никогда даже не пыталась туда поехать, можно было как-нибудь поехать, навестить. Были такие моменты, но мама не поехала. Она говорила, что никогда не сделает так, чтобы потом папу упрекали в чём-то. Когда война закончилась, папа пожалел ее. Поезжай, говорит, посмотри, живы они вообще, уехали, не уехали.

Когда мама приехала в свой родной дом, увидела, что все дома горят. Там, где жили ее братья, все горело. Когда мама вернулась, этого её состояния я не забуду никогда. Она испугалась, что бабушка не успела убежать, и сгорела там. Мы ее успокаивали, что сыновья не оставили бы её. Мама страдала очень сильно. Прошло почти 5 лет, мама не виделась ни с кем, но через какое-то время мы узнали, что они все живы.

Война. Мы стали врагами, но родственники остаются родственниками всегда. У нас ведь в Абхазии много смешанных семей. И только через 5 лет мы смогли встретиться на границе (Ингур. – **Автор**). Мы поехали семьей, с маминой стороны приехало человек десять: бабушка, братья, сестры, зятья, племянники. Это было, конечно, что-то страшное, мы столько плакали...

Сейчас уже много времени прошло. Конечно, мы общаемся по интернету, но всё равно, уже выросло два поколения. Мы уже не все друг друга знаем, иногда обидно становится, когда здесь (Абхазия. – **Автор**) мои абхазские родственники собираются, нас много, а с маминой стороны никогда никого нет. Что делать, жизнь такова, война разделила.

С.В.: Как вы считаете, лично для вас когда война закончилась?

Л.П.: Ой, не знаю даже как сказать! После войны, можно сказать, у нас была ещё одна война. Потому что пережили такие тяжести жизни! Я ученица 10 класса. После войны разруха, нищета. Когда сейчас заканчивают школу выпускники, я им говорю, какие вы счастливые, какие у вас возможности. А меня на вечер одевали все вместе: кто-то мне покупал босоножки, тётя – платье. Даже не было у нас фотоаппарата, не было видео. У меня ничего не осталось на память. Когда я заканчивала школу, у нас не было ни ресторана, ни кафе, где можно посидеть. Молодости

у меня не было. Потом я стала студенткой медучилища, закончила его в девяносто восьмом году. Я начала работать в детской больнице, а в детской больнице я ещё ощущала войну, потому что привозили раненых детей, особенно из Галского района.

С.В.: Это в 1998-м?

Л.П.: В 1998 году. Я после училища сразу пошла в Сухумскую детскую больницу в хирургию на работу. Естественно, о зарплате даже не было речи, мы работали на энтузиазме, мы работали просто во благо детей. Привозили к нам детей, которые подорвались на минах на Гумисте, в Галском районе. Было очень много терактов, как вы помните. На руках умирали дети. Это было ужасно. Два года еле выдержала. Помню, как привезли ребёнка, девочку. Это автобус наехал на мину и подорвался. Родителей, наверное, в другое место повезли, а ребенка – в детскую. Ребёнок один оказался у нас на руках. Когда проснулся, не было ни мамы, ни папы, ни дяди, ни бабушки, никого. Девочка начала плакать, а мы ее – успокаивать ... Я никогда не забуду этого. Надо отдать должное Игорю Джопуа, тогда он был молодым врачом. Он привез из дома вещи, еду, своими руками кормил эту девочку. Мы все выхаживали ее, пока не появились родственники. Где-то, наверное, через недельки две пришла бабушка, оказывается, она сама была ранена, у неё с глазами проблемы были. Она находилась в Галской больнице. С родителями не знаю, что было. Потом пришлось оперировать ребенка, но все обошлось.

Мирную жизнь я ощутила в 2000 году, когда переехала в Сухум и начала работать в санатории МВО. Вот тогда я поняла на самом деле, что настал мир. До этого мы всё равно были в ситуации войны, разрухи. Родителям тоже было тяжело, сестра – студентка, брат – студент, я – студентка. Представьте себе, как жить, как нас кормить, одевать. Ведь ничего не было после войны. Мы ведь жили в деревне, наши мандарины тогда никому не нужны были. Потому что у нас была блокада. Поэтому, когда я начала работать в МВО и получила первую зарплату, на тот момент неплохую, ощутила облегчение. К тому времени отец, сестра и брат начали работать. Все потихоньку стало налаживаться.

С.В.: Ваши страхи детские остались?

Л.П.: Да. Я ужасно переношу звук вертолѐта, я ужасно переношу самолѐты, особенно если это истребители. Этот страх у меня остался на всю жизнь. Как вспомню, что самолѐты в день по пять раз налетают, закидывают бомбами. Ты не знаешь, куда себя девать, конечно, этот страх тебя сопровождает. Это осталась у меня конечно.

С.В.: **Вы ещё сказали о том, что вы тогда не любили день, а сегодня?**

Л.П.: Сегодня наоборот. Сегодня, конечно, люблю день. Уже не люблю, когда зимой быстро темнеет. Сегодня я уже сама мать. Я никому не желаю увидеть то, что мы пережили. Пусть наши дети этого не увидят никогда. Сейчас много войн во всѐм мире. То, что происходит – ужасно. Мы их понимаем как никто другой, потому что сами почувствовали это.

С.В.: **Вы сказали о том, что вы не помните молодости, юности?**

Л.П.: Послевоенная молодость была ужасная. Детство довоенное у нас было идеальное. Мы жили в деревне, но наш дом всегда был полон гостей. У дяди, тѐти были очень близкие друзья, которые приезжали к нам из Чехословакии, Казахстана, Германии. Кого только не было! Мы общались со всеми. У нас мать – не абхазка, но вместе с нами выучила абхазский язык, может присутствует какой-то акцент, но мы спокойно с ней на абхазском говорим... Мы выучили мегрельский язык, и те гости, которые нас посещали, научили нас русскому языку. Когда мы в первый класс пошли, все трое знали три языка: абхазский, русский и мингрельский. В то время русский язык в школах не все знали в деревне.

С.В.: **Что вы хотели бы пожелать своему народу?**

Л.П.: Хочется, чтобы мы все жили в мире, любили и хранили свою родину. Наша маленькая Абхазия столько пережила в своей жизни, я хочу, чтобы она всегда оставалась красивой. Мы – абхазы в Абхазии, всегда должны быть в большинстве. Конечно, я хочу, чтобы в Абхазии жило много национальностей, но надо, чтобы каждый понимал, что это – абхазская страна, чтобы они уважали наши обычаи, чтобы мы не потеряли наше государство, чтобы оно возрождалось. Это моя главная мечта.

С.В.: **Спасибо большое.**

22.07.2015 г.

ИЛОНА ДЖОПУА,

индивидуальный предприниматель

С.В.: Здравствуйте. Представьтесь, пожалуйста.

И.Д.: Меня зовут Джопуа Илона Рудольфовна.

С.В.: Расскажите о себе.

И.Д.: Мне 38 лет, я работала в Государственном ансамбле «Шаратын». Проработала 14 лет.

С.В.: Значит, когда началась война, вам было 13 лет?

И.Д.: Да.

С.В.: Как вы узнали о войне, где вы находились в это время?

И.Д.: Нас четверо детей в семье. Мы с младшим братом отдыхали у родной тётки (папина родная сестра) в Джгерде. Мы должны были уже ехать домой. Накануне она сказала, что повезет нас домой, и мы уже собирались. С утра смотрю, тётка не собирается, а мы уже одеты. Ходим туда-сюда, я не могу понять, что с ней случилось, почему она не собирается. И я ее спрашиваю: «Ты повезешь нас сегодня домой?», она отвечает: «Нет, давайте попозже». Она, бедная, услышала, что началась война, стала нервничать, не знала как нам сказать. Вся в слезах ходит, состояние тётки не могу понять. Потом говорю ей, уже время, повези нас домой, мама нас уже ждёт, я хочу домой, я не хочу уже здесь оставаться, я уже скучаю по родителям, повези нас домой. На что она сказала, не получится поехать, потому что началась война. Я не могла понять, что за война? Начала кричать, что хочу домой, плакать. Где-то через часа два (жили в Джгерде) было видно, что летят вертолёты. Когда я увидела вертолёты, тогда, будучи ребёнком, я тоже начала нервничать, плакать. Вертолёты одни за одним летели. Так мы остались с братом у тети на 3–4 месяца. А мама, папа и другие сёстры были в Сухуме. Мы были совсем голые,

не было у нас вещей. Мы уехали в летних вещах, соседи помогли чем могли.

Так получилось, что папа перевозил трупы из Сухума в Очамчырскую сторону. Папа у меня медик. Он посадил маму и сестёр как родственников умершего, и сначала они приехали в Ткуарчал. Потом нас привезли с Тимуром (брат. – Авт.) в село Члоу. Там у нас дедушка с бабушкой жили, и пару месяцев находились там. Потом мама к нам приехала в Джгерду. 20–25 беженцев жили в одном доме.

С.В.: Вам было страшно? Было чувство страха?

И.Д.: Да. Страх был оттого, что родителей не было рядом, звук вертолетов, мы не одеты, не обуты. Было очень страшно. Тем более, мы были детьми.

С.В.: Был ли какой-нибудь страшный эпизод, который запомнился вам, и вы по сей день его вспоминаете?

И.Д.: Был. Мы с сестрой находились в селе Члоу. Вышли собрать зелень в огороде для фасоли. Все были в ожидании этой фасоли. Когда мы собирали зелень, то видели где-то вдалеке от нас были вертолеты. Собрав, естественно, мы поспешили домой, но тут эти вертолеты появились прямо над нами. Я была как-то похудее и поменьше, быстро промчалась через забор и забежала домой, а сестра пухленькая была – не смогла быстро за мной побегать. Она схватила забор и кричит: «Меня убьют, меня убьют», а вертолёт был над ней. А я уже забежала домой, смотрю, не могу найти сестру. Она, бедная, за забором лежит и кричит: «Помогите!». Это было, конечно, очень душераздирающе. Может, как ребёнок сама спряталась, оставив свою сестру. Это запомнилось очень.

С.В.: Что вы еще часто вспоминаете?

И.Д.: Часто вспоминаю, когда папа должен был нас в Теберду увести. Приехали мы на нижнюю площадку в Ткуарчале, откуда улетали вертолеты в тот момент, заполнили весь вертолёт. Мы с сестрой пошли с другой стороны вертолёта, и просились в этот вертолёт. Там стоял солдат, и мы начали его уговаривать: «Повези нас, пожалуйста, мы тоже хотим туда улететь». А папа с мамой, с другими братом и сестрой, стояли с другой стороны вертолёта. Этот солдат нас пожалел, и мы сели в вертолёт. У ро-

дителей не получились сесть, их не пустили. И так получилось, что огромную дверцу закрыли, вертолёт поднимается, и мы летим, куда летим не знаем. Мы с сестрой остались в вертолёте, папа начал кричать: «Дайте детей мне!». Мы начали кричать, наши родители остались внизу, куда мы полетим, отпустите нас, верните нас. Открыли маленькую дверцу, она сбоку была, я выпрыгнула. А сестра, бедная, она одевала такую пышную юбочку, зацепилась за крючок, и так получилось, что она повисла на этом крючке. Все кричат, ребёнка снимите, в тот момент, конечно, был страх большой. Но сейчас, когда вспоминаю, немножко больно, грустно и смешно.

С.В.: Вы всё это время, получается, находились в деревне?

И.Д.: Мы с Джгерды сперва приехали в Члоу, оттуда поехали в Ткуарчал, к другой бабушке с маминой стороны. Там находились, пока папа не приехал с медикаментами. Потом уже на вертолёте нас увезли в Теберду.

С.В.: Как вам жилось в Ткуарчале?

И.Д.: Жилось, конечно, трудно. Не было еды, неоткуда было взять хлеб. Нас записали как беженцев из Сухума в 5 средней школе в Ткуарчале. Нам давали паек. Мы с братом бежали, как будто какую-то игрушку хорошую получаем, подарок. Нам запомнилось это на всю жизнь. Бежали мы за хлебом. Нам хлеб давали и где-то 2 литра супа. И вот этот суп нам запомнился на всю жизнь, наверное. Иногда, бывало, по дороге домой мы этот суп выпивали, но, приходя домой, говорили, что мы были такие голодные, что по дороге съели хлеб. Хотя в этом супе ничего не было, три картошечки где-то на дне лежали, макаронки, хлеб. Нам хлеб казался таким вкусным, будто только из печи достали. Сейчас вспоминаю, это был просто чёрное, слипшееся тесто. Но в то время для нас эта была вкусная булочка. И вот, мы бежали со школы, когда брали этот хлебушек и суп, бежали обратно домой, пока мы доходили, мы полхлеба съедали. Вот так, каждый раз, бежали за этим пайком.

С.В.: Как часто вам давали этот паек, каждый день или в определенные дни?

И.Д.: Не каждый день, в неделю два раза. Вот так мы ждали, бежали, и спорили, кто побежит. Хотя этим мы не наедались.

С.В.: Как долго вы находились в Ткуарчале?

И.Д.: Мы находились там 2–3 месяца.

С.В.: Помните вы какое-нибудь событие, которое там произошло?

И.Д.: Да, помню. Мы должны были улететь, не смогли сесть в вертолет. И этот вертолёт, в который мы не сели, сбили. Это ощущение страха, наверное, было очень долго, хотя после этого, может быть, на четвёртый день, мы улетели. Но было очень страшно. Боялись что нас тоже собьют.

С.В.: Несмотря на то что шла война, вы оставались детьми, во что играли, были ли у вас какие-то игры? Чем себя отвлекали? Чем вы занимались?

И.Д.: Наверное, как таковых, игр не было. Мы были в страхе. Утром вставали, пока умоемся, пока кто-то найдёт какое-то пропитание. Дома мы сидели, вечно в ожидании, что нас будут бомбить, кто-то будет стрелять. Какие-то игры были, наверное, не задумывались об этом.

С.В.: Можете описать один день войны?

И.Д.: Это было в Ткуарчале. Я простудилась, мы поехали в больницу. У меня был воспалительный процесс – фурункул на шее. Как раз в госпитале был хирурга из Нальчика. Осмотрев меня, он предложил маме меня прооперировать. Дома у нас не было никаких медикаментов, чтобы лечить меня. И вот, завели меня в операционную. Там было очень жутко, было холодно, я замёрзла. Они мне сделали операцию, и сразу же меня зашили. Я это так запомнила, потому что, как только меня зашили в коридоре начали кричать: раненых привезли, давайте освобождайте операционную. И у меня воспоминания, как кошечку завернули в огромное одеяло и положили в палату. Было очень холодно, слышала крики. Давайте помогайте, очень тяжелораненных привезли. Давайте помогать. И этот, наверное, момент, который у меня остался в памяти, еще будучи ребенком.

С.В.: А какой самый смешной момент вы вспоминаете с улыбкой, бывали такие моменты?

И.Д.: С улыбкой? Даже не припомню.

С.В.: То есть всё это время войны вы постоянно находились в состоянии волнения, стресса?

И.Д.: Да, постоянно в страхе были. Ткуарчели бомбили. Мы спим, и могли начать бомбить. Был страх, что мы умрем, наши родители, и вся наша семья. Я не помню, чтобы мы игрались.

С.В.: Помните ли вы Новый год? Как вы его отпраздновали?

И.Д.: Наверное, он прошёл как обычный день, и не ощущалось, что какой-то праздник.

С.В.: Как вы думаете, когда вы повзрослели?

И.Д.: Скорее всего, когда я осталась с братом одна, без родителей. Я тогда почувствовала, что со мной мой младший брат, я как-то должна его поддержать, чтобы он не капризничал, не плакал. Наверное, в тот момент такое ощущение было, что я стала взрослой, я понимала, что должна держать себя в руках.

С.В.: Можете свою жизнь разделить на «до» и «после»?

И.Д.: Да. Бывает даже когда разговариваю, до войны что было вспоминаешь, какое детство было, как мы играли, как мы общались, элементарно с соседями, с друзьями. И после войны, совсем другая жизнь.

С.В.: Вы часто ностальгируете о том времени?

И.Д.: Да, бывает когда вспоминаешь то время, бывает.

С.В.: Вы можете назвать себя ребёнком войны?

И.Д.: Скорее всего, да. Хотелось мира, жить счастливым, и в тот момент настигла война, которая никому абсолютно не нужна была. Тем более, мы – дети, которые ничего не понимали. Мы за какое-то время очень быстро стали взрослыми, начали понимать, что такое война, что такое смерть.

С.В.: Что для вас было самое страшное?

И.Д.: Потерять своих родственников, родных. Всегда боялась, что останусь одна, без родных.

С.В.: Сегодня часто вспоминаете о войне?

И.Д.: Бывает, когда элементарно кушаю, думаю, это я не хочу, а вспомнив, во время войны было бы это у нас, это было бы, наверное, самым вкусным.

С.В.: Чтобы вы сегодня хотели пожелать детям войны, вашим ровесникам?

И.Д.: Ровесникам, пережившим эту войну, хотелось бы пожелать терпения, здоровья, и чтобы были все счастливы. Конечно

же, у переживших эту войну остались страшные воспоминания. Многие остались без родителей. Те воспоминания останутся навсегда. Но мы должны жить в мире, добре и думать о хорошем.

С.В.: У вас от войны остались страхи какие-нибудь, страхи войны?

И.Д.: Скорее всего, гул вертолета, когда иногда слышу, прямо вот что-то ёкает в душе, потом понимаю, что всё нормально.

С.В.: Чего вам не хватало во время войны из еды?

И.Д.: Скорее всего, сдобного хлеба, о хлебе мечтали. Часто вспоминали наш сухумский хлебушек, который привозили прямо горячим. Да, и вот этого, скорее всего, из еды нам не хватало.

С.В.: Помните первый день после войны, когда вы попробовали этот хлеб? Что вы ощутили?

И.Д.: Если честно, такого хлеба я уже давно не ела, даже после войны его не было, потому что всё-таки другое время было после войны. Тот вкус, тот вид хлеба остался на всю жизнь. Я не ощущала того вкуса хлеба, который был до войны.

С.В.: Что бы вы хотели вернуть сейчас?

И.Д.: Скорее всего, детство, но чтобы это детство было без войны, чтобы прожить промежуток того детства, которое у нас отняли.

С.В.: Спасибо.

05.09.2019 г.

Софья Джопуа,
сотрудница «Абхазберегозащиты»

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

С.Д.: София Резовна.

С.В.: Расскажите немного о себе.

С.Д.: Начало войны. Как почти все дети летом поехали в деревню. У меня мать мингрелка, а я абхазка. Так получилось, что младший брат находился в деревне у отца.

С.В.: А где?

С.Д.: Это в селе Члоу. А я была в Кочаре в Очамчырском районе. Я узнала о войне 16 августа, так как от меня скрывали. Мне было тогда 12 лет. Мне решили не говорить об этом, хотя я видела какую-то суету, не понимая в чем дело. Должна была мать приехать, забрать меня перед школой. О войне я узнала по новостям, хотя меня старались уложить спать побыстрее, чтобы я ничего не видела. Когда узнала, конечно, мне было сложно. Несмотря на то что была ребенком, я понимала, что это между грузинами и абхазами война. Получилось, что оказалась между двух огней. Ты понимаешь, что ни мамы, ни папы рядом нет, ты находишься у бабушки и дедушки. Находиться там было конечно, очень сложно.

С.В.: Как долго там оставались?

С.В.: Мама пешком пришла из Сухума. Мы думали, что это как в 1989 году, немного пошумят, и на этом все закончится. Когда мама пришла, мы находились в селе ещё несколько дней, и ушли. Мама не знала, где находился папа, живой он был или нет. В общем, нас отправили, как сегодня помню, на медицинском узике. Там была граница между Кочарой и Гуадой.

Как сегодня помню, у бабушки был сахарный диабет, и ей было очень плохо. И все время она заставляла кресло выносить во двор, и смотрела в сторону ворот, сидела и смотрела, когда

приедет сын. Мы не знали два-три месяца отец жив или нет. Маме еще тяжелее было, вроде ее родители и братья находились рядом, но она не могла до них добраться. Она понимала, что должна быть с детьми, дождаться своего супруга. Ей было очень тяжело, а нам, детям, вдвойне. Потому что, видеть свою маму (грузинка), как она 24 часа сидит и плачет, было очень тяжело.

Однажды сидели, как обычно, и вдруг услышали лай нашей собаки. Она обычно так лаяла, когда слышала приближение отца. Мы не поверили. Перед войной отец мой привез щенка в деревню. И этот щенок настолько любил моего отца, он чувствовал, когда на машине отец подъезжал. Мы все знали, что едет папа, потому что щенок начинал лаять, вёл себя как-то по особому. Я побежала к воротам, и смотрю, машина подъезжает – «Волга», как сегодня помню. Мы все ждали, неужели папа. Остановилась машина, минуты две постояла, и дальше поехала. Где-то через час, полтора, опять эта машина подъезжает, и опять собака начинает лаять. Мы своего отца не узнали, он был с такой бородой огромной. Я не могу передать эти ощущения, видеть, что он живой.

С.В.: Какой был самый счастливый момент во время войны?

С.Д.: Думаю, это был самый радостный момент для меня. Вот, именно этот момент мне очень сильно запомнился. Мне было 12 лет, и я поняла, что, действительно, это счастье, когда у тебя родители живы и здоровы, они рядом и вместе. Я тогда поняла, что мама и папа вместе, что мы будем вместе.

С.В.: В какой деревне вы все это время находились?

С.Д.: В селе Члоу. Нас там было очень много. Семья большая, и еще приезжали. Как раз в тот период мы жили у дороги. Она была центральной. Все машины через эту дорогу проезжали. Граница между селом Члоу и Гуада, и мы на этой границе жили. Были случаи, что у нас по несколько дней люди жили. Совершенно посторонние люди, которым некуда было деваться. Нечего было есть. Нам приходилось мамалыгу с асызбалом есть. Если даже был сыр или молоко, давали совсем маленьким. Некоторым детям было по два годика. Кукурузную кашу варили детям, а я под такую категорию не подпадала. Ни взрослая, ни

маленькая. Порой мне даже бывало обидно, почему им с молоком, а мне нет. Были такие моменты, когда я хотела быть маленькой. А когда начинаешь задумываться, кажется, что ты уже повзрослела, много понимаешь.

С.В.: Чего из еды вам больше всего не хватало?

С.Д.: Хлеба. Был такой случай. В Ткуарчал привезли хлеб, каким-то образом одна буханка хлеба досталась нам. Нам привезли черный хлеб, почему-то от него отдавало запахом керосина. Поделили по одному куску. Он был весь в керосине.

Я мед не любила, но во время войны я его впервые попробовала. И он мне показался таким вкусным.

С.В.: Сколько человек в доме было?

С.Д.: В доме постоянно было тринадцать детей, самому старшему – 16 лет. Он пошел на войну. Это был мой двоюродный брат.

С.В.: Бывали моменты, когда нечего было есть вообще?

С.Д.: Было – и не раз. Как-то «Икарус», полный людьми, у нас остановился. Негде было спать, кушать. Кто-то сидел на стульях.

С.В.: Как вы думаете, что помогало выжить?

С.Д.: Вера, только вера.

С.В.: Могли бы вы описать самый страшный эпизод?

С.Д.: Среди ночи нам пришлось встать, когда начали бомбить. Нам взрослые стали кричать: «Вставайте быстрее». Практически в каждом дворе окопы были вырыты, туда нужно было забежать. И был такой случай, именно ночью это произошло – света не было, холод, мы выбежали босиком. Этот страх никогда не забуду. Когда обстрелы начинались, каждый пытался кого-то схватить. Свечки сами делали из воска, зажигали, смотрели все ли на месте, пока это все не прекратится. Или же в обед, сидишь, кушаешь и в этот момент начинают бомбить. Ты опять выбегаешь, и не знаешь, что делать, все трясет, все гремит. Это, правда, страшно. Несколько раз бомбили село Гуаду. Это было рядом с нашим домом. Когда нам сказали, что нужно освободить дом, почти все ушли, женщины с детьми. Мамин брат с детьми остался, никуда не ушел. Они находились в Кочаре. В этот день слышала непонятные звуки, было такое ощущение, что кто-то по крыше ходит. Звук такой был. Это первый раз я слышала стрельбу так близко. Я помню, мы быстро уходили. Обуви у нас

не было, мне кто-то дал сапоги. А они настолько маленькими были (мы ведь в летних вещах там находились), что я рыдала. Я готова была снять их и идти пешком, настолько мне было больно, я передать не могу. Хотелось на коня сесть, но посадили маленьких, а мне пришлось всю дорогу от Члоу до Тхины пройти пешком. И было такое ощущение, хоть бы пуля не попала, так как свист пуль был слышен за спиной. Думала, когда все это закончится. Помню, при помощи дизеля включали телевизор, смотрели новости, общее положение узнать, что происходит, когда переговоры велись. Я мечтала приехать в свой город, к себе на квартиру. И чтобы такая обстановка была – мама, папа, брат, я, создать свой мир, и забыть это все. Мне этого очень хотелось. Когда я смотрела эти новости, я вспоминала о том, что у нас было раньше. Была какая-то ностальгия по тем дням. Вот этого очень сильно не хватало.

С.В.: Несмотря на то что шла война, несмотря на перестрелки, бомбы, вертолеты, вас было 13 детей, и вы продолжали оставаться детьми. Как вы проводили свои дни, будни, во что вы играли? Играли ли вы вообще?

С.Д.: Играли почему-то мы в войнушки. Нам было интересно играть в это, но всегда спор был у нас, кто будет грузинами, а кто – абхазами. Мы решили так: один день в игре одни будут грузинами, а в другой – другие. Так менялись. Помню, пока теплые дни были, все мамы вечером пытались побыстрее накормить нас, искупать, чтобы обсуждать то, что происходило. Они всегда переговаривались, обсуждали эту тему. И мы в этот период не шумели. Я вот сейчас наблюдаю, что дети, когда мы, мамы, собираемся, начинают шуметь. Тогда такого не было. Мы, наверное, все-таки четко понимали, что лишний раз заставлять нервничать нельзя. Мы не давали повода. Просто в тот момент мы резко и быстро повзрослели. Хотя нам было по 12, по 10, по 13 лет.

С.В.: То есть вы считаете, что вы повзрослели во время войны?

С.Д.: Мы, как и все дети, бывали избалованы родительской любовью. И вот ты уже понимаешь, что этого нет, ты понимаешь, что есть младше тебя, и им может достаться больше, чем

тебе – двенадцатилетнему. И ты понимаешь, что он же маленький, а ты взрослая. Так начинаешь думать. Так получилось, значит, надо выдержать. Придет время, когда и до тебя родители дойдут. Это ощущение всегда было. Это мышление взрослое, далеко не маленького ребенка.

С.В.: Какой был самый запоминающийся момент во время войны у вас?

С.Д.: После того, как приехал отец из Гудауты. Естественно, мы боялись уже потерять его снова, не увидеть его. Этот страх, конечно, сидел внутри. Он по сменам ездил на позиции. Когда он ездил, мы начинали плакать, он видел это все. И сказал, что в пять часов в нашу сторону пять трассирующих пуль будет выпускать, чтобы мы знали, что он живой. Мы же говорили: «Мы боимся, папа, вдруг тебя убьют». У нас был большой крест, я даже не помню, откуда. Я помню, мы с Денисом каждый вечер на колени становились, целовали этот крест и просили, чтоб папа остался живой. Мы на второй этаж поднимались, и в комнате дверь закрывали. Когда папа пять трассирующих пуль пускал, мы бегом на холм поднимались, а там место такое красивое. Это был наш секрет, мы никому не говорили. Мы быстренько бежали, пока нас никто не видел и смотрели. Мы ждали эти пять пуль. Мы не знали, это действительно отец выпускал каждый день, или совпадение какое-то было. Я не знаю, мы видели его пули, может, были это какие-то другие. Но мы верили в то, что это папа. То есть мы себя так успокаивали. Действительно, мы боялись его потерять в тот момент.

С.В.: Вам снились сны о войне?

С.Д.: Было такое. Знаешь, порой и сейчас периодически. Сны – такое ощущение, будто это не сон. Я это во сне видела, или вообще было такое? Такое ощущение, что все время куда-то убегаем. Я стараюсь не вдумываться, стараюсь все забыть. Бывает такое, именно с этим домом постоянно.

С.В.: Вы часто вспоминаете о войне?

С.Д.: Я бы не сказала, что часто. Но бывает, когда дети в школу ходят, старшая в 7 класс перешла, младшая – в 5-й. Когда поднимается тема войны на уроке, я начинаю им рассказывать. Капризные дети бывают в еде, я говорю, насколько нам было

тяжело, что мы кушали, и у нас выбора не было, лишь бы желудок наполнить, чтобы чувство голода не ощущать. Я все время говорю: благодарите Бога, что у вас есть сегодня. И не только о нашей войне, а вообще рассказываю, сколько в мире голодных детей. И сколько война приносит горя. Я всегда говорю им, что нельзя выбирать, нужно благодарить за то, что есть сегодня.

С.В.: Вы помните Новый год? Вы его справляли?

С.Д.: Честно, не помню.

С.В.: Были какие-то радостные моменты?

С.Д.: Честно, я даже и не помню. Я помню, когда спустя столько времени принесли хлеб, и то я не смогла его поесть. И момент, когда включали телевизор. Я очень надеялась, что война закончится. Когда включали свет, у меня такие воспоминания, радость была в этот момент. Моя ностальгия о тех днях, которые были, вот этот момент радостный для меня почему-то. А больше, чтобы я как ребенок радовалась, такого не было. Когда мы узнали, что война закончилась, мне кажется, я даже и не поняла, что происходит. Мне не верилось, что я домой поеду, мне настолько хотелось домой.

С.В.: Вы помните свой первый день, как вы приехали в Сухум?

С.Д.: Да.

С.В.: И как это было?

С.Д.: Ужасно. Я помню, мы проезжали Мачарский пост, и почему-то мама решила мне глаза закрыть. Мы же были детьми, нам было все интересно. Я говорю маме, не надо мне глаза закрывать, я сама закрою. Естественно, я этого не сделала. Я увидела пару опухших трупов.

С.В.: Скажите, пожалуйста, как вы думаете, какой вкус у войны?

С.Д.: Вкус, когда видишь яблоко – вроде, кажется, оно уже поспело, надкусил, а оно с кислинкой. Ты в надежде его прожевываешь, и думаешь: сейчас что-то сладкое будет, а его нет. Ты надеешься на то, что, прожевывая, ты дойдешь до сладости. Вот это мое ощущение. У нас была вера, несмотря ни на что. Было очень сложно, но, наверное, мы должны были через это пройти.

С.В.: Ради чего?

С.Д.: Может быть, благодаря тому, что я прошла, я сегодня такая есть. То есть я стала ценить какие-то мелочи, и я этому очень рада. Сейчас я наблюдаю за своими детьми. Моей старшей дочке столько же, сколько мне было во время войны – 13. Я смотрю, как она мыслит, на что обращает внимание, как она себя ведет. И понимаю, оказывается, я стала старушкой в тот период. Я уверена, что даже через года-два она так мыслить не будет, как мыслили мы, наше поколение.

С.В.: **То есть вы хотите сказать, что война повлияла на становление вас как личности?**

С.Д.: Да, мы повзрослели в 12-летнем возрасте. Я стала взрослым человеком. Я стала понимать и разделять такие понятия, как сочувствие, боль. Такие чувства, как пожалеть, обнять, признаться в любви к родителям, брату, сестре, благодарить бога. Во время войны и после были такие тяжелые моменты, и когда ты через это проходишь, когда ты теряешь родных, когда твоя жизнь или жизнь родного человека на грани жизни и смерти, твои ценности меняются. Мне кажется, если бы я тогда эту боль, этот страх не прошла, может быть, так легко я не прошла бы и всё остальное после. Я пронесла эту боль. Мне кажется, это осталось от войны.

С.В.: Скажите, Софа, как вы думаете, какое лицо у войны?

С.Д.: Безликое.

С.В.: **Что вам сегодня не дает покоя, связанное с войной, с воспоминаниями о войне?**

С.Д.: Упущения наших старших в воспитании детей. В тот момент, когда ребенок нуждался во внимании родителей, они старались где-нибудь заработать копейку, прокормить, одеть, обути. Я о периоде после войны. Даже за какие-то пять лет очень многое изменилось. Особенно сложно пришлось, мне кажется, с мальчиками. Многие оказались слабохарактерными, они попали под плохое влияние, и понесло их в другое русло. Просто, в какой-то момент, в нужное время, в нужный час не оказались рядом те, кто мог им помочь не из-за того, что они их не любили и не хотели, а просто такая жизнь сложилась после войны. Я считаю, что эти упущения вот сейчас проявляются. Не все, конечно, но большая часть страдает. Они страдают, страдают ро-

дители, которые видят это все, и четко понимают, что они ничего не могут сделать.

С.В.: Это все последствия войны?

С.Д.: Да.

С.В.: Считаете ли вы, что ваше детство украдено, что вы лишились детства, юности?

С.Д.: Да.

С.В.: Сегодня, если бы у вас была возможность обратиться к вашему поколению, к детям войны, что бы вы хотели им пожелать?

С.Д.: Я бы сказала, что надо оставить все негативное, даже те же наши воспоминания пускай у нас остаются. Мы можем младшим говорить, в какое хорошее время они живут, что они должны достойно идти вперед, уважать друг друга, кто бы не был, от мала до велика. Я думаю, не все потеряно, и наши детки еще будут нас радовать, мы будем гордиться ими. Я очень в это верю, потому что надеяться и верить должен и обязан каждый человек.

С.В.: Спасибо большое.

20.07.2018 г.

Мадина Джопуа,

учитель абхазского языка,
школа №15, г. Сухум

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

М.Д.: Меня зовут Джопуа Мадина Астамуровна.

С.В.: Расскажите немного о себе.

М.Д.: Я замужем, мать троих детей, работаю в Сухумской пятнадцатой средней школе.

С.В.: Скажите, пожалуйста, сколько вам было лет, когда началась война, где она вас застала? Опишите первый день войны.

М.Д.: Когда началась война, то есть в 1992 году мне было 12 лет. Я была дома, в городе Ткуарчале у своих родителей. Возраст такой был, когда всё нипочём, детство было у меня шикарное. В семье – младший ребенок, можно сказать, избалованная девочка – сестра двух старших братьев. Помню, кто-то из соседей пришел домой, разговор слышу на абхазском языке. Вы знаете, что случилось, вы знаете, что произошло, разносится голос, а я играла с соседями во дворе. Мы разве знали, что такое война, мы знали её только по телевизору, и посмеялись. Если началась война, надо вниз спуститься. Мы в Ткуарчале, не знаю была ты или нет, на возвышенности живём: снизу центральная дорога и сверху уже идёт поселение. Мы ведь были маленькие, глупые, думали спустимся и будем смотреть на танки. Такое представление о войне у нас было.

С.В.: То есть вы вообще не понимали, что происходит?

М.Д.: Мы только по книгам, по телевизору знали, что такое война. Естественно, когда всё это наяву с тобой происходит, всё по-другому. Тогда старший брат Аслан учился на историческом факультете на втором курсе. Младший брат Руслан только закончил службу в армии. Они оба там находились, в Сухуме.

Помню этот переполох, мамин крик: «Где мои сыновья, Русик, Аслан?». Потом обрыв какой-то в памяти. Это начало, позже уже какие-то слухи приходили, где они находились.

С.В.: Как долго вы не знали о судьбе своих братьев?

М.Д.: Я помню тот день, когда Гагру освободили. В этот день мы услышали о моих братьях, про то, что они участвовали в этом. Помню 24 октября, ночью это было. Слышу лай собак, я выбегаю на улицу, темно. И тут мне навстречу идет старший брат Аслан. Я так обрадовалась. Это было такое счастье! Обнять его хотела. Смотрю, сзади идут в военной форме. Был с ним такой М. Квициния. Он был бородатый, с автоматами, я же была маленькая и испугалась. Когда я испугалась, Аслан рассмеялся, говорит, что ты боишься, глупая, иди сюда. Он сам меня обнял. Я помню человек 5-6 их было. Они зашли в дом. Папа так обрадовался, ведь это был старший сын, любимчик, вся надежда. И тут мама говорит: «Мой дорогой, где Русик?» Аслан успокоил маму и сказал, что он поднялся в штаб, скоро будет. Они рассказывали свои разные истории. Внизу у нас стоял диван. Его растянули, и все пять-шесть человек улеглись на этот диван и тут же уснули. Я помню их в военной форме. У каждого голова была обвязана лентой. Аслан на тот период был год как женат. У него дочка была. В это время моя невестка в больнице лежала, а девочку мы с мамой смотрели. Ей – Эсме, был всего лишь годик, Аслан поднялся к Каме в больницу. Время прошло, где-то два-три часа, и тут громкие разговоры, собака лает, и я опять выбегаю. Я всегда первая была, шустрая очень. Вижу Русика, моего брата. Я никогда не забуду его в военной форме. У него была такая борода. Этот молоденький парень, который поехал в Сухум, как говорится ещё «зелененьким», ведь только из армии пришел, сейчас домой вернулся через несколько месяцев уже настоящим военным, мужчиной. Его голова обвязана зелёной ленточкой. С младшим я больше, чем со старшим могла поиграть. Старший всегда был серьёзный, я его немного побаивалась. Я Русика так обнимаю. Мама выбегает вместе с Асланом. Оказывается, они уже пришли из больницы. Мама его так обнимала. Я никогда не забуду слова старшего Аслана. Он сказал: «Мама, ты больше Русику обрадовалась. Когда

я пришёл, ты меня столько не обнимала, сколько Русика. Ты что, больше по нему скучала?». «Нет», – ответила мама, просто с тобой люди были. Я постеснялась по-абхазски. Я между вами не выбираю, вы одно целое для меня». ...Этот день я хорошо помню. Я помню 25 октября. Когда я встала, дома никого, кроме моей бабушки, не было. На вопрос: «А где все остальные? Что случилось? – бабушка ответила – их вызвали в штаб, туда забрали».

Помню, как 26 октября соседи и родственники стали собираться у нас во дворе. Я еще подумала про себя, пришли проведать Русика и Аслана, давно их не было, видимо. Оказывается, уже было известно всем, что старшего брата не стало.

Когда 25 октября они поднялись в штаб, оттуда их отправили в группу Деда, которая предприняла попытку освободить горд Очамчыру. 25 октября они участвовал в бою, целую ночь они пролежали там. 26 октября их уже привезли.

Русика взяли в плен, Бесика Делба, Гурама Кварчия, Мурмана Гварамия, Бганба Вячеслава – мужа Эммы Килба. Это отдельная история.

С.В.: То есть в плен взяли старшего?

М.Д.: Нет. Когда их окружили, старший сидел рядом с водителем, а остальные – в кузове. Кузов был закрытый. Так рассказывает Русик.

С.В.: Они вместе были?

М.Д.: Они везде вместе были. Когда начали стрелять, машина остановилась. Водитель сразу убежал, мегрел был. Аслан со своей винтовкой выпрыгнул из машины, и тут же схватил пулю, упал. Даже, упав, стрелял. Машина загорелась. Русик рассказывал, что кого успел через форточку выбросил. И сам выпрыгнул. Остальные там заживо сгорели.

Кто-то на месте пулю получил. Русик рассказывал, что видел: Аслан ранен, стреляет и тут же поймал вторую пулю у него на глазах. Русик встал, чтобы пойти за ним, но Бесик Делба схватил его за ноги и поволок по земле, говорит: «Что ты делаешь, совсем свою семью хочешь убить. Аслана убили, ещё хочешь себя погубить». Такими словами он привёл Русика в чувство. Русик рассказывал, как возвращались те, кто спасся.

Бесик был ранен в ногу. По дороге им встретился мхедрионовец, мальчик какой-то. Они его отпустили, откуда знали, кто он. Они попросили показать им дорогу, как выйти оттуда. А он оказывается, указал к своим (мхедрионовцы. – **Автор**) дорогу. К сожалению, поверили этому ребёнку, и так они вышли к врагам. Получается, их опять поймали, Бесика сразу в госпиталь, Джона Зарандия – в госпиталь, там его и убили, кажется. Он был близким другом Русика. Бесика спас один грузин.

С.В.: Он его знал?

М.Д.: Я не знаю, как это произошло, но знаю, что его спас местный грузин, наверное, знал его. Потом их закрыли в Очамчыре.

С.В.: И как долго они там оставались?

М.Д.: Несколько дней. Русик рассказывал: «Я не могу эти дни забыть, потому что нас там били до ужаса, местные, наши. Настолько в них была эта ненависть, скрытая, что ли. Они нас просто убивали, били ногами, плетями. Так каждый день били. Потом обмен состоялся». Русик не любил рассказывать об этом. Был такой журналист Руслан Ходжава, он смог его разговорить. Русик смог ему раскрыться. Пока он всё рассказывал, выкурил две пачки сигарет. В Очамчыре они были пару дней, потом их забрали в Грузию. Русик рассказывал, что когда они поднимались на борт самолета, с какой-то стороны взорвалась граната, и осколки попали в Русика. Два осколка в ногу у него было. Один осколок был обнаружен пять лет тому назад, когда Русик заболел. В Краснодаре ему сообщили, что осколок у него, пошло, видимо, окисление, и заболел он раком. Так вот, их забрали в Грузию. Сколько они там пробыли, не знаю, довольно-таки долго. Русик рассказывал такую историю: «Посадили нас, и слышу: «Где этот пленный?». Вызвал Иоселиани. Поднимаемся на какую-то высоту, захожу, а там Иоселиани. По слухам я знал, кто это, первый раз перед собою видел Иоселиани. И эта сволочь сказал: «Ты согласен за нас воевать, ты будешь за нас, будешь на нашей стороне?». И так несколько раз повторялось. Так, говорит (Иоселиани. – **Автор**), заберите отсюда и добейте. Пока спускались с самого верхнего этажа, избивали. После войны Русик был совсем больной, столько ударов получил.

С.В.: Сколько ему было лет?

М.Д.: Во время войны ему был 21 год.

С.В.: А когда он сидел, там были ещё наши абхазы ?

М.Д.: Нет. Были местные грузины, преступники. Они, он рассказывал, оказались человечнее, чем наши местные. Он рассказывал, что когда в ту ночь избили его, в камере его стало знобить, начались боли. Его пожалели, начали звать на помощь, мол, абхазу плохо. Кто-то свое одеяло дал, кто-то свою воду, в общем, помощь предложили. «И для меня было удивительно все это в тот час, в ту минуту, и было дорого внимание для человека, который так себя плохо чувствует» – рассказывал Русик. Сколько времени он там был, я не могу тебе сейчас сказать, но их обменяли на каких-то генералов.

С.В.: И он сразу попал домой?

М.Д.: Нет, всё это время, пока это происходило, я была в Ткуарчале, дома. Тот день был ужасным: одного брата убили, другого взяли в плен. Я помню маму с распущенными волосами, которую держали несколько человек, не могли остановить. Я себя помню рыдающую не по-детски, которая никогда не знала горя. И тут обрушилось такое.

С.В.: Вы можете сказать, что для вас война началась в тот момент ?

М.Д.: Да.

С.В.: Когда полное осознание пришло, что это война?

М.Д.: Совершенно верно, в тот же день я поняла, что это такое, что такое потеря, что такое трагедия, и что такое война. Да, Саида. Это правильно. Война началась в этот день для меня, для моей семьи.

С.В.: Всё это время вы находились в Ткуарчале?

М.Д.: Я находилась там до 40 дней брата. Это было в октябре. Когда было 40 дней, я уже помню брата Русика дома. Я помню, как он пришёл домой, такой худой, ужасно выглядел.

С.В.: Каким вы его увидели?

М.Д.: Очень постаревшим, убитым. Это был не тот Русик, которого я привыкла видеть веселым, с которым я играю, шучу. Я к нему не смогла подойти и пошутить, когда он меня увидел, обнял. В тот день, когда все это произошло, мы все изменились, я резко, наверное, повзрослела.

С.В.: Вы задумывались, в какой момент вы повзрослели? Вы, наверное, связываете это с днём 25 октября, да?

М.Д.: Так вынуждено получается.

С.В.: Скажите, вы до 40 дней находились в Ткуарчале, а потом переехали?

М.Д.: После сорока дней со смерти Аслана Русика дома не было, его положили в больницу, он был в ужасном состоянии. Я помню, в тот день, когда было сорок дней, стали бомбить с вертолета. Во дворе у нас было много людей, все стали разбегаться в разные стороны. А я стояла на балконе и смотрела, как дурочка. После всего произошедшего, я как-то отрешено на это смотрела. Я помню, что пока меня не затащили во внутрь, я стояла и смотрела, не боясь. После этого нас много раз бомбили. Мы прятались у наших соседей в подвале. Там были матрасы, вода, еда.

С.В.: Вы долго там находились?

М.Д.: Минут 20, пока это всё не прекратится. Потом меня уже отправляют из Ткуарчала с моей невесткой, с племянницей. Так как часто стали бомбить. Помню день, когда мы сидели в вертолёт. Было большое скопление людей, крики, детский плач. Это было в декабре. Папа с нами был, все ожидали вертолёт в Акуарчапан. Это поле, люди ждут этот вертолёт. И когда прилетает, все гурьбой пытаются сесть, спастись. Помню, как рядом со мной стоял солдат, и раздалась автоматная очередь. Я испугалась. Какое-то время от этого я заикалась. Когда мы приехали в Пицунду, обнаружилось, что я заикаюсь. Но потом постепенно прошло.

С.В.: Всю войну заикались?

М.Д.: Нет-нет, короткий период.

С.В.: А вы знали, когда папа вас отправлял, куда вы летите?

М.Д.: Нет, естественно. Знала, что в какое-то безопасное место, и всё.

С.В.: То есть вас отправляли просто подальше от Ткуарчала?

С.В.: Да. От войны подальше. Такое мышление было, нас отправляют туда, где не стреляют, туда, где спокойно. Я помню, как меня затолкали в этот вертолёт.

С.В.: Помните свои ощущения?

М.Д.: Я тебе скажу, какое ощущение. Наконец, что я попала туда. Все стремились туда (вертолет. – **Автор**), я думала, там, наверное, спасение. Когда села в вертолёт, я тоже выдохнула, что туда попала, почему-то такое я испытала. Я помню, как мы все сидели на полу, помню гул вертолёта. Когда мы прилетели в Бамбору, нас там ждали какие-то автобусы. Нас привезли в пансионат «Золотое Руно», и какое-то время мы находились там. Меня поселили с невесткой и моей племянницей. Там были мои тетки, сестры, увидела всех своих родных. Обрадовалась, когда их увидела, давно не видела их.

С.В.: Вы почувствовали разницу ?

М.Д.: Да. Мне стало легче. Что там (Ткуарчал. – **Автор**) видела, что здесь (Пицунда. – **Автор**) увидела – большая разница. Увидела родных, ожила. Когда я находилась дома в Ткуарчале, моя мать с того дня, как убили Аслана, каждое утро поднималась на кладбище, и она целых полтора часа, не меньше, причитала. Все соседи слышали ее голос. Каждое утро я это слышала. По сей день наши соседи не могут её голос забыть. Мама говорила: «Мой сын научил меня плакать и причитать. Я не знала, что такое причитать и плакать...». Я никогда не забуду этого. Разница в этом была. Я это слышала там (Ткуарчал. – **Автор**), а здесь (Пицунда. – **Автор**) было по другому. Люди другие, среда другая, я это ощутила. Детское, подростковое облегчение можно сказать, ощутила. Несколько месяцев мы там находились. Потом мама моя не выдержала, приехала к нам в Пицунду. Это была для меня радость, я её давно не видела.

С.В.: Вы потом из Пицунды уехали?

М.Д.: Да, в Гудауту. Мы приехали к родственникам моей невестки. Мы там были где-то меньше месяца, а потом в пансионат поехали. Мама там тоже с нами недолго была, потом мы уехали с мамой. Мама меня увезла. Мой дядя, мамин брат, живёт в Гячрипше. Мы поехали туда, и до конца войны там с мамой пробыли.

С.В.: А брат ваш вернулся с войны?

М.Д.: Брат мой после того, как вылезлся, естественно, обратно пошёл на войну. Он попал в Шрому. Ни папа, ни мама, никто его не мог остановить. До конца войны он дошел живой и невредимый. После войны он обрел семью, троих детей. У него

на сегодняшний день два сына, уже закончили университет, работают. Дочка в девятом классе. Его не стало, к сожалению, шесть лет тому назад. Это произошло в 2013 году, в декабре. Как нам сказали, в результате ранения в организме развивается тяжёлая болезнь, которая неизлечима. В течение восьми месяцев он просто на глазах уходил. Это ещё один удар был. Эта болезнь превратила его в старика, столько мучений, лучше умереть сразу, чем такая смерть. Это был ужас.

С.В.: Знаю, к сожалению, что это такое. До декабря вы находились в Ткуарчале. Как вы проводили время, что вы делали? Можете описать один из дней?

М.Д.: У нас не было света, естественно. С начала войны его отключили. Я даже помню после войны нам первый раз дали свет. Моя бабушка во время войны еще живая была, она сама нам сделала свечку. Я помню эту свечку, самое дорогое, наверное, что было. Темнело, мы её зажигали. Лампы были, но почему-то мне запомнилась эта свечка. Мы в одной спальне с бабушкой спали. Я и моя бабушка каждую ночь с этой свечкой поднимались наверх, и я её просила не тушить её. Я помню эту свечку. Пока я не засну, я смотрела на неё. Запомнилось это.

Чем мы питались? Естественно, у кого был собственный дом, у того запасы какие-то были. Бабушка моя была, конечно, очень запасливой женщиной, и мама закрутки разные делала. Я помню кукурузу. Я лично через мясорубку ее прокручивала, чтобы получилась какая-то масса, чтобы из этой массы сделать хлеб. А хлеб мы жарили на сковороде. Для меня это был самый вкусный хлеб. Сейчас бы я его с удовольствием попробовала. У нас жили еще братья двоюродные из Тамыша. Там ведь было опасно. Нас было много. Я помню: это была самая дорогая еда, которая доставалась таким путём. Я помню, как первый раз у нас в поселке построили водяную мельницу.

С.В.: Это во время войны?

М.Д.: Да.

С.В.: Бывало такое, что нечего было есть?

М.Д.: Нет, ты знаешь, у нас всегда была еда. Я не помню, чтобы мы голодали. Сыты были всегда, проблемы в этом не было. Проблема была в другом, в несчастье.

С.В.: Скажите, пожалуйста, чего вам не хватало больше всего? Чего вам очень хотелось?

М.Д.: Не знаю, Сая. Во время войны хотелось очень вернуть Аслана. Это самая первая мысль. Почему так случилось? Я видела слёзы матери, слёзы отца, который редко очень плакал. Мне запомнились слезы отца. Сейчас его уже нет в живых. Он всё время говорил, почему Аслан так сделал в этот день, что его заставило так сделать. Я у него как-то спросила: «Что именно, папа?».

Когда Аслан и Русик 25-го утром уходили, мама с папой ещё отдыхали. Он подошел, поцеловал отца в лоб и сказал: «Ах, папа, знаешь, как я тебя люблю». Никогда раньше, папа сказал, он не делал такого. Что-то, видимо, почувствовал, какое-то предчувствие было. Папа до конца дней не мог забыть его слова.

С.В.: Несмотря на то что было столько трагедий, столько боли во время войны, всё-таки вы оставались 12-летним ребёнком. Вы допускали мысль о том, что можно во что-то поиграть, чем-то себя занять, или вам было все это неинтересно?

М.Д.: Это всё я забросила. Я помню, я очень любила играть с детьми до этого (до войны. – Автор). Но после этого, Саида, я не буду врать, я не помню, чтобы я играла, в мыслях даже не было этого. Я всё время была с бабушкой, помогала. В то время, когда все сидели горевали, я не помню себя играющей. Более того, когда мы в Пицунду приехали, я, наверное, выглядела старше своих лет. Была девушкой. 13 лет мне в Пицунде исполнилось...

С.В.: То есть вы вышли из войны не ребёнком, а уже повзрослевшей девушкой?

М.Д.: Да, испытавшей все тяготы и страдания. Да, за этот год столько всего произошло. На самом деле, я помню тот день, когда началась война, мы и мыслили по-детски. И как резко вся эта ситуация заставила нас выйти из того возраста.

С.В.: Вы можете поделить свою жизнь на до и после войны?

М.Д.: Я всегда ее так делю. Я, по-моему, не одна такая. Столько моих ровесников, которые говорят: до войны и после войны. Я даже помню послевоенные годы. Когда мы вернулись домой, когда я обнимала своего отца. Это была для меня очень долгая

разлука. Я папу всегда очень стеснялась. Папа всегда занимал особое место, и когда я его увидела, я не сдержалась, обняла его и начала плакать. Он тоже меня обнял. Помню еще, Сая, знаешь что, когда я зашла домой, почему-то наш потолок мне показался низким, видимо, за это время я подросла и вдруг увидела, что он стал ниже.

С.В.: Другими глазами посмотрела?

М.Д.: Другими совершенно, да.

С.В.: Какой для вас был самый радостный момент во время войны, и был ли он вообще?

М.Д.: Во время войны, наверное, когда маму увидела после долгой разлуки. Мы с ней очень близки, и когда я ее обняла, я немного успокоилась. Я даже помню те дни и ночи, когда мы в Пицунде находились, когда я по ночам плакала, доходило до истерик...

С.В.: Как вы думаете, что помогало выжить?

М.Д.: Ну, как и всем – надежда, наверное.

С.В.: Вы верили в Победу?

М.Д.: Да, я верила, не знаю почему, но я верила. Может, детские такие рассуждения были.

С.В.: Были ли у вас минуты отчаяния, когда казалось: всё уже?

М.Д.: Да, были. У меня это связано именно с мамой. Вся моя жизнь была рядом с мамой. Мамины переживания передавались мне.

С.В.: Бывало вам страшно?

М.Д.: Да, конечно.

С.В.: Какой для вас был самый страшный эпизод, можете описать?

М.Д.: На протяжении всей войны было такое состояние – постоянного напряжения, постоянного испуга, что сейчас будет. Всё время в ожидании. Мама постоянно говорила, хоть бы Русик был живой, лишь бы все были живы.

С.В.: Что у вас было в Пицунде?

М.Д.: В Пицунде у нас была спокойная жизнь, можно сказать.

С.В.: Всего хватало?

М.Д.: Там и свет был, и телевизор.

С.В.: В школу ходили?

М.Д.: Нет, я потеряла год. Я не ходила в школу, не знаю почему. Некоторые ходили в школу. Я помню, в столовую ходили кушать. Я даже помню, когда нам, детям, делали Новый год в Пицунде. Меня тогда прозвали Снегурочкой, потому что я была беленькая. Почему-то роль Снегурочки предложили мне.

С.В.: Скажите, где вы находились и как вы услышали, что Абхазия освобождена?

М.Д.: Я находилась у дяди. Дядя нам и сообщил. Мы были дома с мамой, братиком, который тогда был маленький, и тёттей. Это было 29-го. Я помню, потому что в Гудаутском госпитале лежал брат моей невестки, и в тот день он умер. Эта дата – ещё одна трагедия для меня, для семьи. 30-го дядя всё-таки нам сообщил. Естественно, я помню радость. Мама плакала.

С.В.: Помните свой первый день в Ткуарчале, когда вы там оказались?

М.Д.: Это первый день, когда я папу обняла. Я помню, как начали машину искать, чтобы нас отвезти домой. Это было в октябре, потому что ждали, пока это всё успокоится.

С.В.: Как ваша жизнь начала складываться?

М.Д.: Родственники были рядом. Когда у нас собирались дяди, тети – это было что-то, это был рай. Я чувствовала себя счастливой. Мы собрались, помню, в октябре, потому что это была годовщина Аслана. Я всех увидела, все живые были, все рядом. Это много для меня значило. Сегодня все по другому. Сегодня у нас причина – нету ничего, я не могу пойти с пустыми руками. А тогда на это всё не смотрели. Может, понимали друг друга, что трудно достать. Я даже не знаю, что сказать, но ценности были другие.

С.В.: Вы скучаете по тому общению?

М.Д.: Можно сказать, да. На сегодняшний день у нас остаётся только работа, и жить на какие-то приобретённые вещи, и больше ничего. Тогда другое было, может, я сужу по своему возрасту, потому что тогда я училась и меня обеспечивали. И что мне оставалось, только видеть родных, общаться с ними. А взрослым было тяжелее. Хотя сейчас содержать себя проще, найти доход проще. Тогда откуда было это взять? Я помню, моя

мама после войны долгое время работала на Псоу, как и все женщины Абхазии...

С.В.: Скажите, вам снились сны о войне?

М.Д.: Я не помню такого.

С.В.: Остались у вас страхи военные?

М.Д.: Страхи есть, были долгое время. По сей день, когда я слышу вертолеты на празднике или стреляют, наверное, страх возникает, воспоминания возникают. Так жутко становится в моменте, что это может повториться.

С.В.: Скажите, с чем у вас сегодня ассоциируется война?

М.Д.: С потерей близких.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

М.Д.: Я никогда об этом не задумывалась, я вообще вкуса не чувствую, нет.

С.В.: Есть лицо у войны?

М.Д.: Да, слёзы, горесть, всё чёрное. Судя по моей семье опять же.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

М.Д.: Часто, да.

С.В.: Что сегодня вам не даёт покоя?

М.Д.: Я очень часто думаю о том, были бы живы мои братья, у меня была бы другая судьба. Был бы жив мой старший брат, тот, которому было подвластно всё. Он был другой. У меня было два брата, они были совершенно разные: и по виду, по всему абсолютно. Аслан – старший, был огнем, это был человек компании. Аслан был бы жив, у нас у всех судьба была бы совершенно другая. Русик другой был, он был мягкий. Когда его не стало, плакали все, кто его знал, вся Абхазия. Я его потеряла в том возрасте, когда уже всё видела, чувствовала. Когда я потеряла Аслана, я была подростком. Когда я потеряла Русика, я потеряла всё. Я по сей день не могу спокойно о нём говорить, его дети для нас – это наш мир, это мой мир. Дома в Ткуарчале моя мама живёт ими. Там такие сыновья – красавцы растут, что про всё забудешь.

С.В.: Если бы у вас была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы им хотели пожелать?

М.Д.: Как я всегда говорю, чтобы мои дети выросли, не видя того, что я видела, даже во сне. За этот год всё изменилось, естественно, в Абхазии всё изменилось, и в моей жизни всё изменилось. Ушло моё счастливое детство. Моё детство могло бы продолжаться до определенного времени, хотя бы год-два, но всё оборвалось. Я бы не желала такого моим детям, нынешнему поколению. Почему желают мирного неба над головой, потому что война меняет всё. Говорят же абхазы, чтобы войны не видели, чтобы не видели того, что мы увидели. Я всегда говорю, чтобы то, что я видела, мои дети не увидели. Каждый знает, через что он прошел, такое пожелать даже врагу не могу.

С.В.: Спасибо большое.

15.01.2019 г.

Тимур Амичба,

сотрудник Государственного таможенного
комитета Республики Абхазия

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста, расскажите немного о себе.

Т.А.: Тимур Амичба, мне 39 лет. Коренной сухумчанин, вырос в городе Сухуме, учился в 10-й средней школе. По сей день нахожусь в своем родном городе. Сейчас сотрудник Государственного таможенного комитета.

С.В.: Сколько вам было лет, когда началась война?

Т.А.: Война застала меня в 12-летнем возрасте. 14 августа началась война, а 1 сентября мне должно было исполниться 13 лет. Война застала меня и мою семью на нашем центральном рынке. Это я отчетливо помню. Картинка для меня такая цветная осталась со мной на всю жизнь. Это было около полудня. Мы стояли со своими знакомыми, разговаривали, и внезапно произошло такое, что я подумал: землетрясение. Потому что в тот период, за год или за полгода были такие толчки, которыми часто нас пугали. Представления о войне у меня были только по фильмам. То есть то, как может начаться война, каким должно быть начало войны, я не мог себе представить. Началось с того, что начался шум.

Стоишь на рынке, где масса народу, все занимаются своими делами: кто-то покупает, кто-то продает, кто-то еще чем-то занимается. Словом, кипела обычная рыночная жизнь. И тут ни с того ни с сего прилавки стали крушиться, люди бежать. Первая мысль, которая у меня возникла: началось землетрясение. Почему-то и у моих родителей то же самое было, подумали, что землетрясение. Смотрим на здания, но уже через некоторое время, буквально 2-3 минуты прошло, как раздались возгласы: «Война, война». И все, кто находились рядом, не понимали, что

происходит, друг на друга смотрели и спрашивали, что за война, какая война, где выстрелы? Ничего такого не было. Слухи дошли до рынка, потому что события непосредственно происходили на Красном мосту. И после того как мы услышали фразы про войну, мы, естественно, чтоб сохранить себя, ринулись в здание. Вошли в одно из рыночных зданий. Это была столовая, помимо нас там было очень много людей, то есть такие же люди, которые пришли укрыться от того, что услышали. Прошло, наверное, где-то полчаса, стало чувствоваться, что обстановка разряжается, люди понимали, что выстрелов нет, но какая-то паника присутствовала все равно. Мы потом сели в свой автомобиль, после того как немного успокоилось, и решили направиться в сторону дома. Мы направлялись на ВИЭМ, где жили мои бабушка и бабушка с маминой стороны. Со мной находились мои двоюродные братья. Им было, наверное, 8-9 лет. Нас переполняли разные эмоции. Я как бы сдерживался, но дети, помладше были более напуганы. Были те, кто плакал, были те, кто держался за родителей. Я был ближе к переходному возрасту, и понимал ту степень опасности, которая могла быть, но в то же время я был ребенком. Я никогда не видел таких событий, выстрелов... И стыдно было показать слезы, хотя они могли пойти.

С.В.: Чувство страха было?

Т.А.: Чувство страха, конечно же, было. По сей день у меня это есть. Когда какое-то событие потрясающее, когда какая-то угроза, я всегда боюсь за своих близких, не за себя, больше за своих близких, без разницы – старших или младших. Страшно наблюдать, когда на тебя смотрят огромными глазами, что взрослые, что дети. Так вот, мы направились в район ВИЭМа. Картина была ужасная. Машины по дороге хаотично передвигались, мы видели машины с ополченцами и с нашей национальной гвардией, которая на тот момент уже функционировала. Видно было, что они едут куда-то на помощь, чтоб добраться до какого-то места. Это вдохновляло. Мы видели, что есть какое-то противодействие. Я то не понимал, с кем война может происходить. Да, я помнил, что в 1989 году было противостояние между грузинами и абхазами. Но не мог представить, что будет линия фронта, что будет бомбежка, нет. Я даже в разговорах старших

слышал, что это могут быть какие-то стихийные митинги, массовые драки, но что это война, мы представления не имели. Думали, что пройдет несколько дней, и все станет, как обычно.

Мы стали понимать ситуацию, когда увидели первые кадры абхазского телевидения. Мы увидели картину, какой она была. То есть, что проливается кровь, есть потери, как с нашей, так и с грузинской стороны. Мы понимать начали, что все очень сложно, надо что-то предпринимать. Так получилось, что в тот момент вместе были я, моя мать, ее сестра, ее дети, муж. Отец мой в это время находился в командировке в Калининграде. То есть у нас семья большая. Мы все жили в городе недалеко друг от друга. Но мы не попали в свою квартиру. Все собрались у родственников. Прошло определенное время, наверное, двое-трое суток, пока город Сухум был подконтрольным абхазским властям. Абхазская гвардия должна была отойти за Гумисту, а грузинская часть – в Келасурскую сторону. Но грузины обманым путем заняли город. С того момента, как город стал подконтрольным госсвету Грузии, мы оказались отрезанными от своих. Спокойно перемещаться абхазскому населению было невозможно. В наш район приезжали какие-то карательные группы, которые занимались неким списком абхазов. Находили, выводили из домов, куда-то водили на допрос и т. д. Это мы все слышали, и это нас пугало. Вокруг нас в основном жили семьи грузинской национальности, мегрельской. Как бы у нас проблем не было. Дедушка и бабушка здесь жили с 50-х годов. Здесь все как одна общая семья жили.

С.В.: То есть вы не почувствовали, что к вам как-то изменилось отношение?

Т.А.: Нет, конечно, такого не было. Прибывшие из Грузии посещали непосредственно грузинские семьи для получения информации о том, где находятся абхазы, но наши соседи нас не выдавали. Наоборот, говорили соседи-грузины, наверное, все успокоится, зачем нам все это нужно. Мы не знали, что происходит с моим отцом, его братьями, сестрами, их семьями. Телефонной связи не было.

Через определенное время приходит человек русской национальности. Он был прислан моим отцом. То есть отец уже вер-

нулся из Калининграда, добрался до центра города и прислал этого человека, который провел нас по определенным местам, где не было блокпостов грузинской армии, чтобы мы смогли добраться до нашей квартиры в городе. А оттуда уже каким-нибудь образом выбраться морем. На тот период было очень много судоходных рейсов, вывозивших беженцев. Это были российские военные корабли и просто рыболовецкие сейнеры. Когда человек от отца пришел, он сказал, что должен нас доставить до определенного места. Мы собрали свои сумки, думая, что это временно, зимних вещей не взяли. Это даже не сумки были, а пакеты. Тихо вышли из дому. Нас было шесть человек: трое детей, трое взрослых. В районе Сухумской горы мы наблюдали такую картину: едут два автомобиля марки «УАЗ», видно, что ней вооруженные люди. С машины был снят тент. Сосо Ахалая, который жил по соседству с нами, непосредственно со своей группой перемещался по этой улице. Получилось так, что в районе Сухумской горы именно по дороге, по которой мы шли, началась перестрелка между группой Сосо Ахалая и нашими. Несмотря на то что основная часть города была занята грузинской армией, какие-то локальные части наших военнослужащих, нашей абхазской гвардии оставались еще в городе. Мы оказались в центре этой перестрелки. Я и мои младшие братья вообще первый раз услышали выстрелы, чтобы рядом пролетали пули и свистели пули, – это впервые в моей жизни было настоящее испытание. Эти эмоции очень сложно передать. Когда взрослые оценили ситуацию, начали панически кричать: «Ложитесь!». Я видел, как в трех-четыре метрах от меня по асфальту искрят пули, я понял, еще чуть-чуть, и мы можем погибнуть. Это продолжалось, наверное, где-то минуты три, но у меня было ощущение, что прошло полдня. Нам пришлось вернуться обратно. Наш проводник ушел. На следующие сутки приезжает машина. Соседа моего дяди, грузина по национальности, прислали за нами, чтобы он нас вывез. Мы сели в машину. Бабушку нашу оставили дома, так как думали, как я уже говорил, что это ненадолго. Думали, что дома кто-то ведь должен находиться. Это стандартная ситуация для всех нас, это у всех так происходило. Выехали мы. В районе Бараташвили, где станция Гума, был

организован грузинскими формированиями блокпост. Очень много людей стояло, бронетехники было много. Останавливали транспортные средства, досматривали паспорта, проверяли национальность. Пока мы не доехали до участка, где они стояли, видим, это в районе Одиши (обезьяний питомник), что идет дедушка моих братьев из Очамчыры. То есть мои братья Кишмария живут в Очамчыре. Моей мамы родная сестра была замужем там. Так получилось, что мы встретились во время войны на рынке, и должны были ехать к бабушке. То есть у них еще больший разрыв получился; полсемья находится здесь, полсемья – в Очамчыре. Мы не понимали, что происходит на трассе в Очамчырском районе, у нас не было никакой связи с Очамчырой. Соответственно, там кто находился, тоже нервничали: продукты заканчивались, все магазины были закрыты. А тут мы наблюдаем такую картину: бедный, идет их дедушка с сумками продуктов. Братья мои его увидели, вышли из машины и пошли за ним. Мы на своей машине не передвигались. Они взяли свою машину и направились в сторону Очамчыры. Почти все жители Очамчыры, которые там проживали, владели мегрельским и грузинским языками. Мы поехали к нашим родственникам, с которыми должны были увидеться. И непосредственно, где находился блокпост, остановили нашу машину, начали допрашивать водителя. Диалог шел на грузинском языке. Со мной сидела мама, она была бледная, так как понимала: когда закончится диалог с водителем, перейдут к ней. Паспорт у нее на руках, единственное, что я понял – они разговаривали то на грузинском, то на русском. Больше на грузинском, конечно же. Спросили: куда вы направляетесь в такое время? Водитель, который нас вез, почему-то сказал, что в поликлинику. Ему говорят, какая поликлиника, видите, что происходит, идет война. Тот, кто вел диалог, смотрит на нас, видимо, хотел увидеть нашу реакцию. И сзади него стоит какой-то военнослужащий, они переговариваются уже по каким-то своим делам. И я вижу такую картину: он протягивает руку в сторону матери, просит документ, и в то же время, повернув голову, общается со своими однополчанами. Что-то происходит там, они очень громко разговаривают, у них какая-то тревога. Массовая тревога. Им надо сесть по машинам

и уезжать, и я почему-то это отчетливо запомнил. Они кричали такие фразы, как чеченеби. Видимо, какие-то группы шли. Сейчас я не могу точно сказать. Факт в том, что суматоха внутри их группы была на этом блокпосту, и это спасло нас. Мы не были распознаны, что мы представители абхазской национальности, водителю пришлось завести машину и поехать дальше. Приехали мы туда, где находилась наша большая семья, и все увиделись. Теперь у нас была задача покинуть город. Мы собирались в центральном порту. Мы два раза пытались попасть на борт судна: какая-то часть семьи попала, а какая-то нет. Нам пришлось сойти.

С.В.: А сколько вас было?

Т.А.: У моего отца шесть братьев и две сестры, один из братьев на тот момент находился в деревне. Нас было около 15 человек. И все мы гуськом должны были перемещаться, это было сложно и опасно. Мы передвигались мелкими группами, так скажем, кто-то с детьми, кто-то со взрослыми и т.д., находили место, где вместе встречались. Потом старались идти в пункты морские, где была возможность уехать. То есть у нас было несколько неуспешных попыток. Мы не смогли уехать из-за больших очередей, из-за паники, так как стрельбу устраивали грузинские солдаты, дабы разогнать толпу. Мы – маленькие дети, смотрели на все это. Вот тогда я действительно вспомнил те фильмы, которые мы смотрели о фашистах, о немцах. Как они относились к пленным. Мы себя рассматривали как пленных. Реально была такая же картина, просто не хватало собак у них, которых могли на нас натравливать. Делали такие коридоры живые, где они стояли с оружием, а люди посреди шли с детьми. Все, что мы видели в кино, в книжках, мы увидели в реальной жизни.

С.В.: Вы первый раз увидели солдат?

Т.А.: В 12-летнем возрасте я сам со своими сверстниками передвигался по городу, и в школу ходил сам. Мы видели вооруженных людей, якобы это формирования, которые приехали на охрану железной дороги. Они тогда дислоцировались в районе гостиницы «Айтар». Это было непосредственно перед войной. Начиная с 1991 года, и весь 1992 год они находились там. Тогда мы видели их перемещения по городу.

С.В.: А вы как дети, что-нибудь чувствовали, что-то витало в воздухе, или вы не обращали на это внимание?

Т.А.: Мы не обращали. Единственное, что я могу вспомнить – массовые собрания. Когда собирался Народный форум, какая-то настороженность была. То есть я понимал, почему наши взрослые собираются, о чем переживают, чего остерегаются, пытаются объединить наш народ – вот эти все ощущения через себя я пропустил. Да, мы видели, что какие-то процессы происходят, так скажем, политические. Но для нас не было слова «политика», мы вообще не понимали, что это такое. Мы жили обычной жизнью, ходили на море. Буквально оставалось 16 или 17 дней до начала учебного года, я переживал, как это быстро лето закончилось. Ничто не предвещало, что будет такое широкомасштабное, кровопролитное событие, связанное со мной, с моей семьей, с моим народом в целом.

Очередная попытка попасть на корабль у нас не получилась. Мы находились на квартире рано утром, как сегодня помню, слышу стук на подоконник. Выглянули в окно. Это пришел тогда, Царствие ему Небесное, Шалодия Аджинджал. Он пользовался тем, что какая-то часть грузинской интеллигенции знала его, и он искал абхазские семьи. Его не трогали. Он помогал абхазам как-то сгруппироваться, помогал им, чтобы они попали на судно и покинули Абхазию. Вот очередная семья была наша. Это было где-то в шесть утра. С нами была наша пожилая бабушка со стороны отца. Все вместе со своими сумками мы вдоль набережной пошли. Сказали, что нам надо быть (в районе Маяка есть рыболовецкое хозяйство) там, где стоят сейнеры рыболовные. Мы должны были попасть на один из нас. Пришли, а там тоже очередь. Очень разношерстная была публика, я реально видел, что это не какой-то солдат воинского формирования, а просто бандит в гражданской одежде, в нетрезвом состоянии, который решал, кто может покинуть берег, сесть на корабль, либо выдвоял всех с корабля. Было неприятно на все это смотреть, как они обращались с женщинами. Там были представители русской национальности и греки, и армяне, цыган было очень много, грузины были. А сам пирс был маленьким: могло пришвартоваться одно судно. И чтобы была возможность погрузиться и на

другие суда, они стояли друг с другом. Нам приходилось с борта одного судна переходить на борт другого. Так мы решили сесть на крайний, потому что он отходил. Сели мы на этот сейнер, кое-как тронулись, вышли в море. В районе Афона нас догоняют два вертолета и начинают обстреливать. Им все равно, что здесь мирные жители, дети, старики, никаких вооруженных людей нет. Это второй момент, когда я испытал сильный страх. Когда пули совсем рядом пролетали, и пули были не мелкого калибра, тут уже и авиационный крупнокалиберный пулемет работал, который бил по воде. Здесь у меня была совсем другая реакция, я понимал, что не на земле нахожусь, а на судне, в море, то есть мы можем утонуть.

С.В.: Какие у вас чувства были, что вы испытывали в этот момент?

Т.А.: Бросало в жар. Я ждал, что же сейчас произойдет. Вижу кричащих женщин с маленькими детьми. Я понимаю, что угроза реальная существует, понимаю, что в один момент мы можем оказаться на дне или быть просто расстрелянными. А уязвимы потому, что это все происходит сверху, мы ничего не можем сделать, то есть спрятаться. На тот период, несмотря на свой возраст, я понимал, что многое может с нами произойти. Старшие, в том числе мои дяди, показывали, что все нормально. И это тоже меня чуть останавливало, приободряло. И, слава богу, что все хорошо прошло. Мы причалили в Адлере, вышли на берег, и остались на улице. Это было поздно ночью. Все стояли и друг на друга смотрели, не понимали, что делать. Для меня это был новый город, я не знал, кто в этом городе живет, название даже не знал, потом уже начали говорить: Сочи, Адлер.

Мы предполагали, что из Адлера направимся на границу Псоу, пересечем ее и в Гагру попадем, потом в Гудауту. Но до нас дошла информация, когда старшие стали узнавать, что Гагра тоже уже оккупирована, то есть никакой связи с абхазской землей нет. Мы полностью были оторваны от Абхазии, не было ни звонков, ничего, оказались, так скажем, на чужбине. Это все длилось определенное время. Нас там приютила одна армянская семья. Совершенно случайно старший брат моего отца открыл свой блокнот, где были списки номеров телефонов с фамилия-

ми. В разделе Адлер, Сочи нашел какие-то номера, начал обзванивать своих знакомых, в итоге мы попали в одну армянскую семью в поселке Веселый, прямо на границе с Абхазией. Пожилая женщина со своей дочерью приютила нас, около 15 человек. Это маленькие дети, женщины, мужчины. Она нашла в себе мужество приютить нас. Я могу так сказать, потому что выдержать такое количество людей, которые приехали с войны, у которых в голове паника, ужас творится. С августа по октябрь мы жили у нее. Когда освободили Гагру, мужчины ушли на фронт. Остальные оставались у нее жить, и жили до весны. Это полгода, если не больше. Мужчины пытались какие-то деньги добыть. До войны отец мой занимался бизнесом, ездил в российские города, куплей-продажей занимался. Какие-то запасы оставались, но это было недолго. Никто представления не имел, как выжить и накормить своих детей, семью. Видя это, женщина все взяла на себя. Полгода, что мы у нее находились, она нас кормила, поила, как наша родная бабушка, к которой мы приехали на каникулы. Такое ощущение у нас было.

Очень сложно объяснить и вообще понять, как чужой человек может приютить около 15 человек, и на такой длительный период. Тем более, видя, что происходит. Да и в России в тот период был переломный момент. Всем было сложно.

С.В.: Чем вы питались?

Т.А.: Питались ее закрутками. Слава богу, у нее было много закруток и нам хватало. Потом мы начали сами промышлять. Были сады или участки бесхозные, и мы, с разрешения соседей, собирали фрукты, делали закрутки.

С.В.: Чего вам не хватало?

Т.А.: Больше всего мы хотели домой. Обычно, когда человек находится вдалеке от родины, его очень тянет домой. Так было первые два месяца, а потом мы начали понимать, что ситуация очень сложная, есть потери, слышали, что уже идет крупномасштабная война. Нам, действительно, не хватало наших близких. Мы мечтали не услышать о потере наших близких, потому что часть нашей семьи находилась в России, часть на фронте, часть на Восточном фронте со своей семьей. Эта разрозненность приводила в ужас, переживания были сильные. Мы, дети, пережива-

ли. Мы слышали разговоры старших, хотя они старались ужасные вещи перед нами не говорить. Но все равно я был в таком сознательном возрасте, когда мог понимать какие-то серьезные вещи, и все это через себя с большим переживанием пронесил, нежели мои братья, которые были помладше. Они могли отвлекаться игрушками, игрой между собой, потому что они были все погодки. Они на меня как на старшего смотрели. А у меня был такой промежуточный период между детством и юношеством. Я-то был не со своими сверстниками, слушал старших, то есть, по-большому, юношества я не ощутил.

С.В.: Вы можете сказать, что ваше детство, юношество было украдено?

Т.А.: Это однозначно, я даже могу пример привести. У меня трое детей. Я вижу их детство, мне даже интересно побывать в их детстве. Я полноценный участник их детства. Те моменты, которые были отняты у меня в силу этих обстоятельств, я, наверное, приобрел со своими детьми, с ними ощутил. Детство, конечно же, было украдено, потому что на тот период и я хотел жить как 12-летний мальчишка, играть, иметь велосипед, купаться в море и т. д. Может быть, год и месяц, что заняла война и небольшой срок, но для нас, для тех, кто испытал её, был в гуще тех событий, лично для меня – целая эпоха прошла. Наверное, из-за этого мы по сегодняшний день ставим рамки – до войны, после. Этот рубеж, этот год и месяц для меня на всю жизнь со мной останется.

С.В.: Вы считаете себя ребёнком войны?

Т.А.: Конечно, я такой же ребенок войны. Я могу многих моментов не помнить, но мне достаточно было того, о чем я говорил выше. Это большой отпечаток в моей жизни, который даже скажется на моих детях, потому что старший мой сын сегодня в том возрасте, в каком меня застала война. Пережитые мной моменты войны я ему рассказываю, и пытаюсь, чтобы он реально ощутил, что это такое... (может, это и неправильно), но мы живем сегодня в такое время, что я хочу, чтобы мои дети понимали, что такое хорошо, что такое плохо. Сегодня нет войны, нет выстрелов, но мы все прекрасно видим, сколько проблем у нас. Это и наркомания, и много смертей, и аварий и т.д.

Я не хочу, чтобы у сына был такой пример в жизни, и он увидел реально события войны, упаси Господи. Но как отец хочу, чтобы через меня дети почувствовали и могли избежать такого, чтобы они были готовы ко всему. Потому что жизнь сегодня диктует больше негатива. А мы можем дать своим детям что-то познавательное и позитивное.

С.В.: Вы можете описать, какой для вас во время войны был самый страшный эпизод?

Т.А.: Можно сказать, была череда таких событий, но самое страшное, когда я, действительно, услышал перед собой выстрелы и видел, как пули рядом пролетают.

У меня даже к концу войны был порыв куда-нибудь пойти, кому-нибудь помочь. Я всегда со своими старшими хотел пойти, потому что когда они возвращались с фронта, чистили оружие, а это моменты, которые любят. То есть у меня было такое промежуточное состояние, то ли я остаюсь ребёнком и должен играть со своими младшими в игрушки, в песочнице, то ли я уже начинаю осознавать ту степень опасности, за что переживают мои старшие, либо я должен стоять со своими старшими. То есть такой переломный момент в моей жизни был.

С.В.: Задумывались ли вы о том, в какой момент вы повзрослели и связано ли это было с войной?

Т.А.: Связано. Но на тот момент я это не ощутил. Я уже позже, года через два начал понимать, что так оно и было. Оказывается, я уже иначе думал. Все мои сверстники через это прошли и испытали на себе эти эмоции, когда все плавно перешло в серьёзность, в ощущение войны. Когда ты понял: да, я это понимаю, я уже взрослый человек и могу реально оценивать ситуацию, что опасно, что – не опасно.

С.В.: Какие ограничения у вас были во время войны?

Т.А.: Ограничения, конечно же, были. Я в семье единственный ребенок, так что ограничения были тотальные. Меня это очень бесило, потому что я видел, что моим сверстникам можно находиться там, где сидит наш батальон. Они провожают куда-то, помогают раненым. Я горел, я хотел все это делать, потому что я уже понимал, что такое патриотизм, во мне он уже присутствовал. У меня в 12 лет порывы к этому начинались. Однако

у меня не было доступа к вооруженным людям, меня это, конечно же, сковывало. Я старался где-то быть причастным, но, к сожалению, у меня это не получалось.

С.В.: Задумывались ли вы о том, что война повлияла на выбор вашей профессии?

Т.А.: Да, я задумывался. Война повлияла, более того, война даже подкрепила этот выбор. Ещё до войны, когда я был меньше возрастом, мне нравилась военная форма – погоны, фуражка. В детском саду, в начальных классах школы, участвовал в массовых детских мероприятиях, и всегда был в военной форме. Более того, об этой своей профессии я задумался еще в детстве. А война меня убедила, что я должен быть полезен, защищая родину. Может, таможня не является ведомством, где мы с ружьем в руках стоим. Однако мы все прекрасно знаем, что до определенного времени таможенные органы находились на границе с Грузией, выполняли функции пограничника, что у нас очень много потерь было в послевоенный период. Я смело могу сказать, что я попал в свою среду. И, соответственно, война сделала свои расстановки... Я не мог бы работать где-нибудь в социальной сфере.

С.В.: Вы нашли себя?

Т.А.: Да.

С.В.: Скажите, пожалуйста, когда вы вернулись обратно в Сухум?

Т.А.: 27 сентября освободили город Сухум. А мы вернулись в Сухум 29 сентября. Я почему помню это отчетливо, когда сказали, что город освобождён, все ринулись в Сухум. Мои братья, которые были постарше меня, направились туда. Я тоже захотел, но опять ограничение. Это меня очень огорчило, но когда ехали непосредственно старшие братья моего отца, меня отпустили с ними. В этот период я имел свою форму, обмундирование. Помню, как наши однофамильцы собрали деньги и купили военную форму, чтобы отправить на Восточный фронт для бойцов. И так получилось, что я мог и себе её оставить.

С.В.: Вы говорите, что у вас в детстве были ограничения, вы рвались и хотели помочь. А сегодня, будучи отцом троих детей, как вы на это смотрите?

Т.А.: Сейчас я понимаю своих родителей, потому что быть в роли родителя – это совсем другая ноша. Эти ограничения должны быть, надо ограничивать от опасности. Это инстинкт родителя, но делать из них людей, которые вырастут робкими, с какими-то комплексами тоже не хочется. То есть я готов сегодня отпустить их в 15-16 лет в какой-нибудь патриотический лагерь, где они будут находиться несколько месяцев, будут иметь возможность обращаться с оружием и т. д., где есть риск, я готов к этому, но тем не менее не скрою, что в чем-то буду ограничивать.

С.В.: Тимур, скажите пожалуйста, какой у вас был самый радостный момент во время войны?

Т.А.: Был период, когда мы жили непосредственно в Цандрипше, в бывшем пионерском лагере. Он назывался «Солнечный». Это деревянные домики на берегу моря, настоящий пионерский лагерь. А рядом находился еще один пионерский лагерь, в котором располагалось наше воинское формирование, береговая защита. С весны и до конца войны мы находились там. Был какой-то кризисный момент, когда даже хлеб было тяжело достать, потому что возникли сложности с завозом муки, не говоря уже о каких-то других продуктах питания. Но была такая установка: все, кто принимает участие в боевых действиях – получают сухпаек. Этот кризис примерно неделю длился, но быть голодными неделю детям очень сложно. Я помню, нам привезли гуманитарную помощь – вещи, продукты питания, консервы. Мне запомнилось это. Это был комический момент в нашей жизни, потому что одним из продуктов гуманитарной помощи был суп – суп для сброса веса, как в анекдоте. Но мы с таким удовольствием его ели. Мы даже не обратили внимание, что там было написано на английском: слим фаст. Это был сухой суп, он в коробке лежал. Мы ели его неделю. Это как доширак. Потом мы это со смехом вспоминали. Конечно, были периоды, когда было тяжело с едой, но мы ходили к нашим военнослужащим – молодым ребятам, которым было по 16–17 лет. Их оберегали, не пускали на передовую, но тем не менее они несли службу в береговой охране. Всегда была угроза, что с моря будут наступательные действия. Для меня был самый радостный день (не знаю, может, потому что я ощутил голод), когда они при-

гласили к себе поесть. И мы ели у них жареную картошку, салат овощной, был компот и еще были какие-то булочки. Вы представляете, что это было для нас, которые ели суп для похудения. Когда мы увидели жареную картошку, для нас это было очень радостное событие. Мы и по сей день это вспоминаем. Когда услышали, что 27 сентября освободили город, это была эйфория для меня, для моих старших, для мамы. Для всех людей, которые окружали меня, это было таким праздником! Так долго мы давно не обнимались, видимо, сказались все эти переживания, ожидания победы... Мы теперь знали, где наши находятся...

В начале войны я был очень скованным и закомплексованным, я не понимал, что происходит. Но уже ближе к лету я легко ориентировался в новостях, понимал и абхазское телевидение. Я сидел и смотрел, может, покажут кадры, где я увижу своих старших и т.д. Самым радостным событием было 27 сентября. Мы даже с берега наблюдали, как запускали эти «люстры». Они такие осветительные, висают в воздухе и взрываются. Я помню отчетливо 29 сентября, потому что мы заезжали в Сухум, помню Ачадару, помню пару трупов сгоревших, которые лежали там на тот период. Прошло буквально два дня после освобождения Сухума, и пока никто не убрал трупы. Эти все негативные моменты черного Сухума я увидел: и горящие дома, и трупы людей, животных. Трупы людей мне старались не показывать старшие, закрывали глаза в такие моменты. Но мне больше всего почему-то было жалко животных. Уму непостижимо, как можно было их убить. Это первый раз, когда я увидел неживое.

С.В.: Какой для вас был самый запоминающийся момент во время войны?

Т.А.: Когда мы приехали в Гудауту. Это был декабрь, когда сбили наш вертолет. На тот период должны были наши родственники ближайшие на одном из таких вертолетов прилететь в Гудауту. Мы не знали ничего, ни телефонной связи, ничего не было. Я запомнил отчетливую картину. Мы стояли перед администрацией Гудауты, где были развешаны эти списки, искали своих родственников. В моей жизни это очень запоминающийся день был. Ну, слава богу! Мы их там не нашли, но попутно видели своих знакомых, которые были в этом вертолете.

С.В.: Остались ли у вас страхи военные?

Т.А.: Страх повторной масштабной агрессии. И страх заключается не в том, что я буду убит, а страх за своих окружающих, за своих детей, что опять придется пережить эти ужасные моменты.

С.В.: Снились ли вам война?

Т.А.: Да. Я не мог видеть боевые действия, потому что я их не видел. Но снились моменты, которые я в душе перенес. Вот непосредственно в Гудауте, когда я видел массу вооруженных людей, где они собирались и где стояли у больницы. Такие моменты я во сне видел. Я и после войны их видел, и в школе, когда учился, видел. После войны в течении 5-6 лет.

С.В.: О чем вы мечтали?

Т.А.: На тот период, может, это не только моя мечта была, может коллективная была. Я мечтал, чтобы все, за кого я переживаю, чтобы все, которые находятся вдали от меня, оказались рядом. Единственное желание было – быть всем вместе. Сохранность семьи всегда важна была для меня.

С.В.: Что первое приходит вам в голову, когда вы слышите слово «война»?

Т.А.: Первое приходит в голову рынок. Опять возвращаюсь в август, именно 14 число. Война – и сразу у меня картинка, я помню что происходило, я даже помню цвета. Все насыщено зеленое, и очень жарко было. Слово война, и эта картинка перед глазами: наш центральный рынок, и путь от рынка по этой дороге по Дзидзария и до эстакады. Это война для меня. Потому что, когда слышу слово война, подсознательно всплывает эта картинка.

С.В.: Какое лицо у войны?

Т.А.: Я вижу женщину, светлую женщину, но при этом на ней черная косынка. Светлая женщина в черном.

С.В.: Какой вкус у войны?

Т.А.: Наверное, жареной картошки, которой не хватало. А если сравнить с каким-то продуктом, то это что-то вязущее. Ты пытаешься избавиться от этой вязкости, а оно очень долго не уходит.

С.В.: Если бы у вас сегодня была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, чтобы вы им хотели сказать?

Т.А.: Я им хотел бы сказать, что они такие же участники войны, потому что если я буду брать себя в пример или своих сверстников, которые непосредственно были со мной на тот период, мы жили этой войной, мы пытались всегда услышать какую-то новость. Всем детям, которые были в гуще этих событий, хочется пожелать чтобы они больше не испытали этого всего, чтобы они в первую очередь помнили об этом. Для меня война, может, громко будет сказано, половина моей жизни, потому что всегда в моей жизни, не знаю сколько мне отведено Всевышним, война будет занимать очень весомое место. Учитывая всех тех, кого мы потеряли, весь генофонд нашей нации, для меня остается только помнить. Я не могу ничего сделать, нам остается только помнить их. Я сделаю всё, что смогу, чтобы мои дети и их дети помнили об этом.

06.06.2018 г.

Руслан (Бабасик) Шакая,
актер Абхазского государственного
драмтеатра

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

Р.Ш.: Шакая Руслан Райкович. Актер Абхазского государственного драмтеатра. Мелкий предприниматель.

С.В.: Сколько вам было лет, когда началась война, и где она вас застала?

Р.Ш.: Мне было 12 лет, мы отдыхали на Ауадхаре – горном курорте. Каждый год у нас были путевки. Началась война. Нам некуда было идти, мы поехали к нашей тете в Ачандару. Жили какое-то время там, потом в городе Гудауте.

Первое впечатление: не могу сказать, что страх был, все-таки мы дети были, мы до конца не понимали того, что происходило. Чуть позже мы стали осознавать, так как увидели в глазах наших старших страх, ведь они понимали, к чему это может привести. Это нас, может, чуть напугало. Мы видели, как наши старшие, матери плакали. Мужчины собрались на фронт, уехали. Мы видели эту панику, страх в глазах.

С.В.: Вы раньше слышали о войне?

Р.Ш.: Да, видел в фильмах.

С.В.: Когда пришло полное осознание того, что началась война?

Р.Ш.: Нам сказали, что в дом в нашей деревне снаряд попал. Все сгорели. Тогда уже пришло полное осознание.

С.В.: Как вы добирались в Ачандару?

Р.Ш.: Я помню, что на автобусе. Людей было много, детей. В селении находились месяца три. Во всех селениях было много детей. Все отправляли своих детей в Ачандару, думали, что там безопаснее. Я помню, нас человек 15 было, на полу спали. Эти воспоминания детские, веселые. Мы, дети, все равно находили время для веселья.

С.В.: Как вы попали в Гудауту и в госпиталь?

Р.Ш.: Мама работала в военном штабе. Рядом со штабом жила русская семья, она нас приютила, огромное спасибо за это. У этой семьи были свободные комнаты в Гудауте, где первая школа, если не ошибаюсь. Там мы жили. Потом при армянской 5-й школе сделали 10-ю школу, чтоб дети занимались. Конечно, это был недовоенный класс, другой состав. Война войной, а жизнь продолжалась в тылу. Я помню, кто-то пришел и сказал: «Ребята, в госпитале не хватает рук военных. Кто хочет помочь?». Естественно, очень многие вызвались тогда. Наверяд ли сразу из чувства патриотизма. Я не знаю, что кого побудило. Может быть, вызвались, чтобы в школу не ходить.

Когда мы увидели все сложности, многие ушли, потому что не выдержали. Надо было ухаживать за солдатами, раненых было много, трупов. Это все было тяжело. Особенно, когда после наступления привозили ребят, это был такой ужас. Честно говоря, мы не могли на всё это смотреть. Это, может, остаться как детская травма на всю жизнь. Мы видели сгоревших, трупы, которые несколько месяцев были брошены и т. д. Это все мы видели.

Мы ухаживали за солдатами. Многие орала, кричали, потому что им ампутировали ноги. Помню, что с Дауром Кове постоянно были вместе. Многие ребята, конечно, ушли, я не хочу никого обидеть. Я все-таки ребенком был, всех не могу вспомнить. Я даже помню, халаты уже выдали. Официально мы работали, нас в перевязочные пускали. У Даура даже есть справка, что он работал. А у меня нет, может, в архивах самой больницы что-то будет. Аслан Квирнадзе с нами был, Лаша Лакрба. Очень много из 10-й школы ребят было, других. Приходили, уходили. Инал Кварчия, бедный. Он прямо в бой стремился. Ему мало было помогать в больнице.

С.В.: Насколько мне известно, вы попали в Гудауту в ноябре. Вы находились там до победного конца?

Р.Ш.: Да, до конца. Я помню, утром выходил на дорогу, как на работу. Транспорт не ездил, добирались на попутках, ночью обратно. Конечно, родители переживали. Первое время запах больницы впитался в наши вещи. Этот запах преследовал нас, потом, конечно, привыкли. Я очень плохо ел. По этому поводу

родители переживали. Потом уже ел нормально. Когда Сухум освободили, нам пришлось уехать. Вспоминаю, как мы сидели в столовой, как-то перебороли себя, пришли хотя все равно эти неприятные запахи больницы оставались с нами. И тут кто-то из поваров сказал: «Так, ребята, быстро ешьте. Мне надо морг кормить». (Конечно, он имел ввиду работников морга). Мы друг на друга глянули, и сбежали оттуда. С юмором вспоминаем сегодня.

С.В.: Родители ваши были против, но вы все-таки пошли помогать в госпиталь?

Р.Ш.: Я вообще это слово не люблю – патриотизм, в грудь себя бить. Но конечно, все идет от семьи, от старших. Еще до войны мать моя в «Айдгылара» работала, все это впитывалось, нам хотелось какую-то свою лепту внести. Конечно, в детские наши головы лезли мысли, что мы можем на позицию пойти. Но после увиденного в госпитале, ты более серьезно относишься и ты понимаешь, что, увидев это, на позиции несладко будет, и уже на позиции не побежишь, тем более в 13 лет. Хотелось что-то сделать. В душе было такое спокойствие, когда раненым помогал.

Вначале это было игрой. Это то же самое, если в школе детям сегодня сказали бы, не хотите уроки, надо помочь что-то сделать, пойдете ребята... Естественное, мы все побежали, но потом нас стало меньше. Когда вертолеты привозили раненых, рук не хватало. Одну носилку надо было нести четверым детям. Мы делали это: взрослых мужиков носили. У меня спина болела, помню, как домой приходил и жаловался.

Помню, как в автобусе уснул с мертвыми. Когда не хватало мест в морге, их перевозили в другую больницу, железнодорожную. Мы их загрузили в автобус, и видимо, я так устал (а их не сразу повезли), что прямо рядом с ними уснул. Настолько мы уже ко всему привыкли.

С.В.: Какой для вас был самый страшный эпизод, который вам врезался в память и который вы никак не можете забыть?

Р.Ш.: Не помню точно когда, но, по-моему, это было Мартовское наступление. Через какое-то время привезли убитых. Мы зашли в морг, и увидели весь ужас. Не хочу подробно опи-

сывать. Если не ошибаюсь, парень был казак. Отдельно рука лежала, такой запах стоял. Надолго запомнил этот запах. Я неделю не мог избавиться от этого запаха. Конечно, приходили, работали, все делали.

С.В.: Что вам разрешали делать?

Р.Ш.: В операционные нас не запускали, но в перевязочные – да. Если были осколочные ранения мы стояли и помогали, когда осколки извлекали. Однажды дядю моего привезли. Я попросился в операционную, и увидел как ему ногу ампутировали, как это все делается, к сожалению. А так в основном находились в перевязочной. Мы уже термины знали, понимали их, сейчас уже все позабыл. Знали, какие есть обезболивающие, знали, кого куда везти. Привезли раненых, сперва мы везем на рентген (если легко раненый), потом на операцию, если тяжело ранен. На рентген очереди были. То есть, представляете, орут, кричат, у всех боли, кого-то не обезболили. Все ждут своей очереди прямо на носилках, по 10-15 человек. Если я взял одного, то должен до конца его провести, рентген, перевозочная, палаты и т.д.

Был такой момент в приемной, очень много раненых. Помню, крики, стоны. Солдаты ведь их привозили, и вот один раненый (не знаю, что у него было, паника наверное) схватил гранату, за чеку взялся. У него такой страх в глазах был, потерялся полностью. Все начали кричать, убегайте, уходите из приемной. Кто-то успел подбежать и выхватить гранату.

С.В.: Как вам удавалось бороться с собой в таком возрасте после увиденного?

Р.Ш.: Дети сначала всего не понимают, это потом уже доходит до них. Родители переживали, говорили: перестань ходить в госпиталь, ты еще ребенок, ходи в школу. Но никого не хотелось подводить. Мы с друзьями как на работу ходили. Утром выходили в 7-8 утра. Зависело от ситуации, когда вернемся домой. На грузовиках привозили убитых ребят... Очень много остается в памяти.

С.В.: Есть запоминающийся момент?

Р.Ш.: Эпизод с гранатой. Помню, как к моргу задом подъехал грузовик, его открыли, и оттуда кровь полилась. И, конечно, это в памяти осталось. Наверное, кажется, человек, который это все

видел, легче такое потом переносит. А мне со временем, наоборот, стало хуже. Даже сегодня на плакание тяжело ходить. Не то что боюсь, просто неприятно.

С.В.: Остались страхи военные?

Р.Ш.: Остался страх войны. То есть осознанно понимаешь, что это такое. 13 лет было, но сегодня со всей ответственностью могу сказать, что это страшно. Хуже ничего нет. Можно ко всему привыкнуть, но не к войне. Мне кажется, во время войны у людей просыпаются лучшие качества, у кого-то худшие качества. Какая-то безнаказанность, какой-то бардак. Война страшна. Во время войны много страшных вещей происходило. Люди в зверей превращались. Понятно в бою, но когда в тылу один человек убивает другого, еще издевательски, это уже какое-то зверство просыпается. Наверное, только во время войны, это массово происходит. С возрастом все это накапливается, сейчас больше ощущаю.

С.В.: Полное осознание того, что война – это страх, убийство, смерти, когда пришло?

Р.Ш.: Эта работа в больнице, известия о погибших, гибель дяди. Все накапливается. Я думаю, к середине войны я уже полностью осознал, что война – самое страшное, что может произойти с людьми.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало во время войны?

Р.Ш.: Во время войны мне, как и всем, хотелось вернуться в свой довоенный интернациональный двор, вернуться в то время, как будто ничего и не было. Просто играть и все.

С.В.: Несмотря на то что шла война, вы видели столько горя вокруг себя, вы оставались детьми, подростками, бывали моменты, что вы как-то по-другому проводили время? Помните какие-то смешные эпизоды?

Р.Ш.: Конечно, мы все равно оставались детьми, какие-то глупости делали.

С.В.: Помните бомбежки?

Р.Ш. Помню одну бомбежку, когда мы в доме находились. Стекла повывлетали. Я помню, что это произошло рядом с домом Ардзинба. И мы все, естественно, туда побежали. Я помню этот большой котлован. Страху особого не было. Но взрыв этой

бомбы ощутила вся Гудаута. То есть бомба была огромная. Нас, детей, как-то оберегали, подбадривали словами. Когда видишь человек 15–20 до зубов вооруженных, и то, что они едут на позиции, это подбадривает. У детей, которые были на Восточном фронте, конечно, все было по другому. Там каждый день бомбили. Этот страх у них по сей день остался. Такого страха у меня лично не было, потому что тихо было. В Гудауте не так ощущалось это.

С.В.: Что первое приходит в голову, когда вы слышите слово «война»?

Р.Ш.: Все самое ужасное, что может в голову прийти, и это связано с войной. Особенно по истечению времени, когда ты больше информацией обладаешь. Тогда мы знали: есть враг, цель и одна задача. Когда ты узнаешь какие-то подробности, ты понимаешь, насколько это страшно. Что с людьми делали, и во что превращались люди.

С.В.: Чего вам не хватало из еды, чего очень хотелось?

Р.Ш.: Вообще, с этим проблем не было. В Ачандаре проблемы были с хлебом, со сладостями. В Гудауте проблем не было. Помню, как на хлебозавод ходил, помню, большой снег. Он мне был по пояс.

С.В.: Были детские мечты?

Р.Ш.: О мирной жизни мечтал, очень хотел вернуться домой.

С.В.: Какой для вас был самый радостный момент?

Р.Ш.: Победа. Мы думали все будет по-другому, приедем к себе домой. Когда мы приехали в Сухум, нам негде было жить. Наша квартира находилась на третьем, последнем этаже, и именно туда попал снаряд. Отцу предложили работать в Черноморэнерго. Он начал там работать, и ему выделили квартиру в доме, который относится к Черноморэнерго. То есть иллюзии, что война закончилась и жизнь начнется, развенчались. И, конечно, мы все помним наши послевоенные блокадные годы. Мы все это пережили. Мне жалко наших родителей. У них был возраст, когда надо было радоваться жизни. Огромный потенциал в этом возрасте у человека. Они потеряли эти годы. Сегодня они уже старые люди. То есть войну, блокаду – все пережили. Они думали о том, как прокормить, как одеть нас. Они на все шли, они не брезгова-

ли ничем, я имею в виду никакой работой. Больше чем нас мне жалко родителей. Самые лучшие годы отданы войне.

С.В.: Вы часто вспоминаете о войне?

Р.Ш.: Нет, если честно. Сегодня есть много обидных вещей, и об этом не вспоминаешь. Все, что мы хотели увидеть, все не так пошло. Ребята, которые шли на войну, которые погибали, знали, что идут на смерть, и после войны все будет по-другому. Когда ты видишь каждый день несправедливость, о войне вспоминать не приходится.

С.В.: Что хочется рассказать молодежи, и что сегодня не дает покоя?

Р.Ш.: Мне не дает покоя, что с нами произошла большая трагедия. Это должно было нас привести в чувство, мы должны были осознать кто мы, за что мы боролись. К сожалению, не произошло этого. Люди, которые нас освобождали, нашу землю от врагов, не все правильно восприняли. Многие подумали: раз они освободили, то освободили для себя лично. Эта вседозволенность: нам все можно, мы воевали, нам обязаны все за это, конечно, обидно. Мне кажется, если человек воевал, то воевал для того, чтобы всем было хорошо.

... Сегодня, кажется, каждый думает о себе. Я не за всех говорю, конечно. Очень обидно. После войны мы на энтузиазме много чего делали, и выезжали, и представляли нашу страну достойно.

С.В.: Есть вкус или запах у войны?

Р.Ш.: Для меня война, если описывать в цветах – серость какая-то. Победа вся в цветном. И потом опять серость, ближе к коричневому.

С.В.: Каким увидели Сухум, когда сюда приехали?

Р.Ш. Это был ужас. Что-то серое, коричневое. Я не увидел **город моего детства**. У нас был веселый, дружный двор. И когда мы пришли во двор, всего этого не было, многих не было. Кто-то погиб, кто-то пострадал, кто-то под бомбежки попал. **У меня детства уже не было**. Я понял, что все, прощай детство, это все было где-то далеко, давно. Только воспоминания. Когда в школу пришли, мы были уже другими, более взрослыми, время сделало нас такими. Тогда чуть ли не с оружием приходили в школу. Но мы все-таки были молодыми и все равно дурачились.

С.В.: Сегодня если бы была возможность обратиться к детям войны, что бы вы хотели им пожелать?

Р.Ш.: Банальные фразы говорить не хочу, надо просто любить. Человек должен любить свой город, свою страну. Кто бы он не был – президент, мэр города – он должен просто любить. Надо любить людей вокруг себя независимо от вероисповедания, от убеждений политических, просто любить друг друга. Нас мало. Надо уметь улыбнуться, люди боятся улыбнуться, хотя бы показаться серьезными. Это же не самое главное. Когда человек любит, когда у него открытые сердце и душа – все у него получится: и в работе, и народ к нему потянется. Надо добрее стать всем. Пора любить друг друга. Это не слабость, сильный человек тот, кто умеет прощать. Я думаю, все у нас получится.

16.11.2018 г.

Мадина Возба,
индивидуальный предприниматель

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

М.В.: Меня зовут Мадина Возба. Мне 37 лет. Когда началась Отечественная война в Абхазии 14 августа 1992 года мне было 12 лет. Война меня застала так.

Мои родители на тот момент находились на гастролях в Турции. Я и мой младший брат, которому было 7 лет, тетя (папина сестра Венера) находились дома на Турбазе. Я была у соседки тети Нины. К ней из Батуми приехала ее внучка. Они жили напротив нас, помню, как мы сидели на полу и играли с ней и вдруг услышали выстрелы. В это время тетя Нина зашла и начала причитать: «Пришли они, пришли». Сквозь слезы она сказала: «Все равно они свое сделали». Так началась война. Естественно, моя тетя сразу меня домой забрала. Мы еще не понимали, что происходит. А все события произошли же у нас на Красном мосту. Естественно, все запаниковали. Я отчетливо помню наших соседей, которые жили немного ниже нас. Гия, так звали соседа, заехал к нам на улицу на мотоцикле, у него была почему-то зеленая повязка на голове. Начали один за другим заезжать соседи, молодые ребята. Они уже были в форме, я не понимала, что происходит. А на нашей улице проживало четыре абхазской семьи. Это наша семья, семья Леши Харазия, Леля Тапагуа и Жора Джопуа. Абхазских семей у нас на улице больше не было. Проживали греки, русские, грузины.

С.В.: Помните, как складывались отношения с соседями?

М.В.: У нас были нормальные отношения. Мы всегда играли вместе с соседскими детьми: были и грузины, и русские. Между нами не было такого: ты грузин, ты абхаз. Я не знала, кто какой национальности. В тот момент мы это не разбирали. В нашем доме никогда не стоял вопрос национальности, это не обсуж-

далось. Мы все жили вместе, играли вместе, устраивали какие-то спектакли, концерты. Бывало, у нас дома обвешивали уголок занавесками, делали театр, открывались кулисы. Постоянно что-то придумывали. У нас еще были соревнования, улица на улице. Нас было немало детей и на параллельной улице тоже. Мы всегда играли дружно, ничего такого я не замечала. Среди взрослых, конечно, что-то и было. В 1989 году, когда проходили события, связанные со Звиадом Гамсахурдиа, была такая накаленная обстановка. Отношения среди соседей поменялись. Я помню, тогда в 1989 году, папа снимался в фильме «Пиры Валтасара, или ночь со Сталиным». Съемки проходили в Ялте. Среди наших соседей были такие грузины, которые распустили слух, что он не на съемках, а где-то стоит с автоматом в Багмаране и убивает грузинских детей. И когда папа вернулся со съемок, его наши соседи-грузины повели разбираться в то место, где раньше была огромная контора.

Когда в Абхазии война началась, папа и мама находились в Турции на гастролях. Узнав о происходящем в Абхазии, они сорвали свои гастроли и решили вернуться домой, в свои семьи, в свои дома. Когда вернулись, до дому не могли добраться, потому что шли бои, все обстреливали. И папа с мамой остановились у другой тети в городе. Они свои костюмы, свои чемоданы там оставили, а сами добирались до дома через речку Беслетку по каким-то тропинкам. А семья моего дяди: Элисо, Саида и Саид на тот момент находились в деревне Хоби (Мегрелия). И в день, когда началась война, они возвращались домой в Абхазию, и как бы автобус ехал впереди, а все действия шли следом за ними. Они пришли к нам домой, и мы уже не расставались.

Помню, как однажды, когда мамы с папой не было, и они еще не приехали, стали заезжать машины с военными. Тогда говорили, что это мхедрионовцы заезжают. И как мы завешивали толстыми одеялами окна, чтобы свет не просачивался. Чтобы когда бомбят не попадали снаряды и бомбы в дом. Мы тогда дома не оставались. Через три дома тетя Надя, соседка жила, у нее дома мы ночевали. У нее был старый дом, старой постройки: большие, толстые стены. Наша тетя (мы ее назы-

вали Яя) прорезала сетку забора, чтобы мы ночью могли через два двора к тете Наде попасть. Мы там прятались. Саид, Саида, я, брат Гудиса, мама и Эля. А тетя (Яя) оставалась дома. Так мы проводили наши ночи. Помню, как мы вышли на балкон, и вроде было затишье. Я стояла на балконе. И вертолет «крокодил», так он называется, он казался таким тяжелым, огромным. Он будто над крышей дома пролетал. Мы-то маленькие были, и нам казалось, что это так близко. Звук издавал такой тяжелый, гул сильный был. И мы видели, как пролетал над крышами наших домов, слышали залпы выстрелов. Они бомбили Эшеру, а может Гумисту. Такие сильные взрывы были, что у нас сердце замирало. Помню, как я забежала домой, и меня всю трясло. Я в тетины ноги вцепилась, а она тихо-тихо говорила, успокаивала. Помню, как к нам домой пришли военные, грузины. Один из них был рыжий, бородатый. У него была рыжая борода, рыжие волосы. У него на руке была одна черная кожаная перчатка, а на другом – обычная. У меня были свои какие-то представления об этом человеке. Мне казалось, что у него сухая рука, и поэтому он надевает черную перчатку. Я его таким запомнила. Именно таким, он был очень неприятным. Несколько человек подъехали на машине «виллисе», вышли с автоматами. Они начали калитку нашу дергать. Яя (Венера), тетя с которой мы остались, выбежала. Мы сидели дома. Она нам сказала: «Бегите к тете Наде». Это русская старенькая женщина, у которой мы ночью прятались. Брат Гудя, маленький был, вцепился в ногу тети, говорит: «Яя, я тебя не оставлю». Он плакать начал. Она от себя его оттолкнула: «Бегите быстро!». Мы через дворы побежали к тете Наде. Тетя осталась. Был август, погода жаркая. Это было днем. Я не знаю, о чем они там говорили. Но потом Яя рассказывала, что они спрашивали: есть ли у нас какое-нибудь оружие, есть ли хозяйева дома. Она сказала, что она одна, и тогда ее никто не тронул, они ушли. Второй раз, когда пришли, я помню, что я не побежала к тете Наде. Забежала в туалет, который находился на улице. Закрылась и сидела там. И такие были моменты.

Когда приехала папина невестка Элисо со своими детьми, она вместе со своей сестрой Циалой должна была нас забрать

из дома. Пока решали, вечером к нам приехали грузины, но не тот рыжий, а уже другие. Зашли к нам с автоматами, поставили нас к стенке. Помню это неприятное ощущение, когда они нас повернули, поставили к стенке, и дуло автомата на нас направляли. И тогда тетя Элисо (она была мегрелка и ее сестра тоже) с пеной у рта стала кричать на них, говорить: «Вы что делаете? Как вам не стыдно? Вы маленьких детей ставите к стенке!». Она и тетя Циала начали ругаться с ними. Я не знаю, как эти мужики нас всех не перебили. Они огрызались, ругались на грузинском. Наши говорили, что у нас в доме нет мужчин. И они ушли. Помню, как у нас уже не было продуктов, хлеб привозил зять Циалы, и еще муку. Нас, детей, хотели вывезти, но не получалось, потому что шли бои, боялись выезжать. Потом мы собрались. Я помню, у меня был розовый рюкзак, мама привезла его мне. Я туда положила буквально несколько вещей. Мы не думали, что это так затянется. Думали, что это все на несколько дней. Я, Гудя, Саид, Саида, Эля, мама с тетей Циалой вышли из дому.

С.В.: А где была ваша тетя?

М.В.: Она осталась дома с отцом. А Зурик – младший брат работал тогда в Финляндии. Когда начались эти события, он приехал в Абхазию. Нас отправили, а сами остались в Сухуме. Я помню, мы шли не через центральную улицу, а по закоулкам. Сильный был обстрел, мы сразу до дома тети Циалы доехать не смогли. Она жила на Новом районе. Мы доехали до города на каком-то транспорте, остановились у тети Тони на набережной, где сейчас кафе «Пингвин», там были старые постройки. Одну ночь мы там переночевали, а вторую – где сейчас кафе «У Чика». Мы зашли во двор. Переночевали в маленькой комнатухе. Мы два дня не могли добраться до Нового района, потому что везде стреляли. Из детей я была самая старшая. Я помню, как со двора хотела выйти, посмотреть, что происходит, где стреляют. По набережной проходили танки. Я помню, как вышла с прохода прямо на набережную. Два танка таких огромных проезжало. И там сидели обросшие ребята в касках. Мне стало очень страшно, когда я это увидела, и еще от гусениц ведь такой звук неприятный. Я забежала домой. На следу-

ющий день было затишье, и мы добрались до Нового района на троллейбусе.

Тогда еще троллейбусы ездили. У тети Циалы дома мы еще три дня находились. Когда шел обстрел, когда бомбили Эшеру, Гумисту, было очень страшно жутко. Этот гул все время в ушах стоял. Затишье, а потом перестрелка. Я помню, что там тоже не разрешали нам свет включать. Все занавешивали одеялами.

Военная российская база была на Маяке. Мы узнали, что сейнер военный отплывает ночью. Это было в октябре. Помню этот момент очень хорошо, я со своим рюкзаком, мама, Эля – с маленькими сумочками. Из еды у нас были хлеб и стущенка. Так мы добрались до Маяка, ночью на троллейбусе. Троллейбус был полупустым. Когда мы приехали, военный сейнер не стал отправляться, потому что стреляли. Ночью поздно он где-то вдалеке стоял, мы сели на лодку. Предварительно договорились, что будут выезжать беженцы. Это было 16 или 17 октября. Очень много тогда русских выезжало. И мы вместе с ними выехали. Как в «Титанике», знаешь, садились, а кто-то падал, кто-то выпрыгивал, мы маленькие. Я помню, мы так боялись, Гудиса, Саид, Саида кричали, плакали. Гудя мамину руку не отпускал. Я помню, как Эля с детьми села в лодку, потом мы сели в лодку. Там еще много людей сидело вместе с нами. Мы доплыли до этого сейнера. А когда нас поднимали, там не ступеньки были, а из веревок лестница была. Мы по этой лесенке поднялись, нас потянули, и мы сели в этот сейнер. Так как мы были незапланированными пассажирами нас закинули в машинное отделение. Маму, тетю и нас, четверых детей. Мы в маленьком уголке сидели. И оттого, что гул мотора работал: дуг-дуг, этот гул надолго мне запомнился. С Маяка до Сочи мы плыли, и мне казалось это бесконечным.

... Помню, какие мы были голодные. Целый день ведь ничего не ели. Потом нам вытащили стущенку, и мы ели ее с хлебом. Из Сочи мы сразу уехали в Туапсе. Помню, первый день на вокзале. С нами были беженцы из Сухума. Мать с тремя дочерьми, которых звали Алена, Света, Марина. Мы с ними сдружились. Они были чуть постарше меня. Не помню сколько, но мы там тоже пожили. Потом у родственников остановились, у мами-

ной невестки, пока не сняли комнату рядом. Жили там месяца три-четыре. Помню, как мама с Элей выпечку делали, баклаву и сдавали. Жизнь заставила. Все так размазано, вспоминаешь кусочки какие-то.

С.В.: Какой самый страшный эпизод был в вашей жизни во время войны?

С.В.: В Сухуме. Когда зашли мхедрионовцы домой и хотели забрать папу с собой. Вот тогда мне было очень страшно. Я не понимала, что может с ним быть, но мне было очень страшно. Они пришли, спрашивали, что у вас есть, какое у вас есть оружие. Было страшно, но мы были маленькие и не до конца понимали, что происходит.

С.В.: Вы почувствовали, что вы были ребенком, и вдруг в какой-то момент все это закончилось. Когда вы почувствовали, что вы повзрослели?

М.В.: В тот момент, когда мы отсюда выехали. Нам хотелось играть, но у нас не было ни кукол, ничего. Мама с Элей ездили в станицу Каневскую. Тогда у них какие-то деньги были в запасе, по-моему 15 тысяч теми деньгами, ну, может, и небольшая сумма, может, и большая, я не знаю. Они ездили в Каневскую, покупали ученическую форму и привозили продавать в Туапсе, потом покупали какие-то вещи, чтобы было на что нас прокормить. Мы даже не просили игрушки, чтобы играть. Наверное, мое детство тогда и закончилось. Мы ведь так и не играли. Я видела, как мама с Элей все время переживали, все время ждали сообщения из Сухума, что с папой и дядей, с тетей, взяли в плен или нет. ... Началась такая жизнь, которая непонятна была для нас, детей.

...Из Туапсе мы приехали в Гудауту. Там мы долгое время находились у наших родственников. Первое перемирие когда было, мой дядя Зурик (возил в тот момент Бесика Кобахия) заехал в Сухум через Гумистинский мост. Когда он попал в Сухум, первым делом приехал на турбазу, к нам домой. Он из Гудауты полный багажник хлеба взял и еще какие-то продукты. На турбазе осталось много стариков, наши соседи – русские, греки, армяне. Он всем раздал. Мы были коренными жителями, Зурика и папу все знали. Они выросли на глазах у тех людей, кото-

рые там остались. Когда он приехал домой и рассказывал, что видел, мы, я помню слушали с трепетом. Я помню, что он тогда привез магнитофон. Этот магнитофон когда-то папа нам привозил из Швейцарии. Мы когда уезжали, все что у нас было, соседям раздали, чтобы хоть что-то сохранилось. И это был единственный магнитофон, который у нас сохранился после войны. Я так радовалась, что он привез его. Включали его и слушали какую-то музыку.

Все то время, пока не закончилась война, мы жили на улице Киараз. Мы даже играли, были какие-то игрушки у нас. Мама с тетей пекли баклаву и сдавали на рынке, чтобы можно было копеечку заработать. Голодными мы не были.

С.В.: Что для вас тогда значила война?

М.В.: Тогда, наверное, я еще не понимала, что значит война. Единственное, помню, когда мы ходили на берег, становилось страшно. Мы шли на море, где «Черноморец» гостиница, и жили беженцы. Иногда на море купались. Когда погода была ясная, мы стояли на волнорезе и видели, как бомбят Новый район. Какое-то здание бомбили, и такой дым шел. И тогда мы понимали: что-то происходит, что это затяжное. Самое страшное для меня было, когда мы, находясь в Сухуме, убегали от военных и прятались. Было жутко. За нас старшие переживали, чтобы с детьми что-то не случилось. Мы на тот момент вообще не понимали, что происходит.

С.В.: Вы помните, как после окончания войны вы оказались в Сухуме у себя дома? Какие у вас были ощущения или впечатления от того, что вы у себя дома находитесь?

М.В.: Когда освободили Сухум, мы не сразу поехали домой, наши старшие поехали. Дядя с папой. Когда чуточку успокоилось, привезли нас домой. Было много мародерства на тот момент. И наш дом заняли. Папа был немного степенный, а дядя всегда отстаивал свои слова. Они объяснили, что этот дом построил мой дедушка, там родились и папа, и Зурик, и все мы. Я помню, как я тогда возмущалась, как они могут к нам домой прийти, и что они нам наш дом не дадут. Были такие маленькие возмущения с моей стороны. Когда мы туда приехали, все было разбросано, все было такое серое, непонятное. Я сразу побежала

в комнату посмотреть, там ли мои игрушки и куклы. Естественно, всего этого не было. Был хаос.

С.В.: Когда вы почувствовали, что жизнь начала налаживаться?

М.В.: Когда пошла в школу, наверное, в 7-й класс. Мы пошли в первую школу, так как она была целая.

Я хочу сказать, что после войны было и хорошее, и плохое. У нас появились новые соседи. В послевоенные годы росли все вместе, были очень дружными. Мы ценили каждый кусок хлеба, который у нас был. Бывало и такое, что дети все вместе собирались в одном доме, у нас или у других. Каждая мелочь для нас была радостью. Как бы мы были не одеты, чтобы у нас не было, какие бы мы не были. Мы на это все внимание не обращали. Мы просто были как одна большая семья. Воды у нас не было, ната-скались тогда этой воды из колодца. Ведрами таскали воду и в холод, и в снег, и в дождь, и в хорошую погоду. Бывало, что в колодце вода заканчивалась, так как все её таскали. Рядом у тети Нади был колодец. Единственный колодец во всей нашей округе.

С.В.: Когда все это поменялось, в какой момент?

М.В.: Поменялось, когда новое поколение начало расти. Мы после войны были очень дружные. И одноклассники, и друзья. Когда подросла, стала работать в коллективе «Шаратын». Мы делили каждый кусок хлеба. Если у нас было пять рублей, мы могли одну сосиску купить, и 15 человек кушать. Мы радовались всему, что у нас было. Мы, дети войны, немножечко другие, не такие, как дети, которые сейчас растут.

С.В.: Какие вы – дети войны?

М.В.: Дружные, знающие, что такое война, что такое выстрелы, бомбежки. У нас и страх был, и радость. У меня и моих друзей ценности немного другие, жизненные взгляды немного другие, друг к другу есть уважение. Я ценю своих друзей, одноклассников, с которыми до войны и после войны училась.

...Я помню, как гуманитарку нам давали. Мы ведь вообще без теплых вещей были. Я помню, как сказали, что прислали гуманитарную помощь, и что нужно пойти нам, беженцам, и взять какие-то вещи. Для нас это была такая радость. Мы надевали на себя все, чтоб нам было тепло, чтобы мы не замерзли. Хотя

наши родители всегда нам что-то новое привозили. Я помню, когда к бабушке ездила в мирное время, я брала с собой пять сумок. И когда мы выехали, и ничего не было, не хватало всего этого. Помню, как мама принесла куртку и говорит: «Надень, Мадя, куртку, она теплая». Рукава длинные, она огромная. Я начала возмущаться, я не буду одевать, я не хочу. Ты что, говорит она, такая красивая, так подходит. Нас обманывали, чтобы одеть нас потеплее.

С.В.: Что вас сегодня заставляет смеяться и радоваться?

М.В.: Дети, семья.

С.В.: Что бы вы хотели пожелать сегодняшним детям?

М.В.: Естественно, мирного неба над головой, чтобы наши дети никогда не почувствовали и не увидели то, что увидели мы. Чтобы у детей было настоящее детство – качели, карусели, игрушки, вкусняшки, чтобы они чувствовали себя настоящими детьми. Когда началась война, мы остались без детства. А это самое страшное для детей. У нас не было ни карандашей, ни фломастеров, мы не могли рисовать, мы радовались тому, что у нас были какие-то цветные мелки.

25.07.2017 г.

Илона Барциц,

врач-лаборант Республиканской больницы

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

И.Б.: Меня зовут Илона Барциц. Мне 38 лет. Во время нашей Отечественной войны мне было 12 лет.

С.В.: Чем вы сейчас занимаетесь?

И.Б.: Сейчас я врач-лаборант, работаю в головном учреждении Республиканской больницы.

С.В.: Давайте окунемся в историю вашей войны. Когда началась война, где вы находились, и как вы об этом узнали?

И.Б.: Когда началась война, я была со своей семьей – мамой, братьями, дедушкой в горах. Мы каждый год туда ездили, и как обычно, в августе всей семьей отдыхали в Ауадхаре. Там у нас есть свой домик. Этот день очень четко я помню, даже в деталях, как дедушка шел с опущенной головой к нам. Наш домик стоял на возвышенности, и мы смотрели сверху, а внизу было какое-то столпотворение людей. Люди стали собираться, еилагыланы говорят. И это не понравилось маме, мы-то ещё были детьми, не обратили внимание на это. А мама говорит, что-то случилось, что-то с дедушкой случилось. И тут, мы смотрим, дедушка идет с опущенной головой, и говорит: «Война началась». Мы не представляли, как такое возможно. И потом у всех настроение упало, все такие грустные стали. Мы там еще два дня находились, потом папа за нами поднялся. Помню, но смутно, как на лошадях через перевалы что-то возили, увозили через российскую границу. И когда папа за нами приехал, уже на Бзыпском посту в Гудауте стояли вооружённые люди. Было жутко, вообще непривычно.

С.В.: Что война началась понимали, когда-нибудь слышали слово «война»?

И.Б.: Нет, только в фильмах видела. Я даже не представляла, как это может быть, полностью я, конечно, не осознавала.

С.В.: Когда вы ехали в сторону своего дома, вы впервые увидели людей в форме?

И.Б.: Да, люди даже не столько в форме были, разные цвета одежды были. Помню четко автоматы, это было дико для меня. Я хотела быстрее до дома дойти, и куда-нибудь спрятаться.

С.В.: И сколько вас – братьев, сестер было?

С.В.: Нас две сестры, два брата, и ещё с нами была двоюродная сестра, которую мы тоже отвезли домой. Мы приехали домой поздно. А потом плохо помню, что было. Единственное, помню, как Гудауту первый раз бомбили, потом нас вывезли в Ростов к родственникам.

С.В.: Какой у вас был самый страшный эпизод во время войны, можете вспомнить, вообще был такой?

И.Б.: Самое страшное для меня было, когда мы смотрели детскую передачу «Звездный час», сидели тихо, и тут – грохот, взрывы. У нас вылетели окна, двери на балконах, разбились стёкла, стоял дым столбом. Тогда было страшно, тогда я поняла, что что-то нехорошее происходит. Хотя в Гудауте тогда всё было спокойно, ничто не предвещало такого. Уже ночью мы собрались, где-то в пять утра на каком-то катере нас вывезли – папа договорился. Я помню, мы были не выспавшимися, еле-еле нас подняли, одели. Это было лето, на мне были летние тапочки. Мы пришли в порт. Там была такая очередь, края видно не было. Я подумала, как нас папа через всю эту толпу проведет и посадит на этот корабль? Очень много было людей, я не знаю, каким образом папа смог договориться и проташить нас всех. Нас было пятеро, мама, я, тетя (папиного брата жена) с двумя детьми. Мы ехали к ее родителям в Ростов. Я помню, как отец меня через толпу протаскивал. Я в последний момент свой тапок где-то в толпе уронила. И когда я уже через всю эту толпу прошла по волнорезу к катеру, папа увидел, что я в одном тапке осталась. Помню его лицо (а он у нас был очень строгим), он сказал: «Где твой тапок?». Он пошёл вернулся и нашёл его. Мы сели на этот маленький катер, который сильно трясло.

Помню, как я плакала, мы уже все сидели в корабле, и я увидела, как папа наш, который никогда не курил, впервые заку-

рил. Было очень сложно, я думала вдруг мы его больше никогда не увидим. Это самое страшное воспоминание. Как мы доехали живые! Очень сложно было. (Голос дрожит).

С.В.: То есть такие мысли вас посещали в 12 лет?

И.Б.: Да, конечно, я помню. А вдруг я больше его не увижу? Вот это его лицо с сигаретой, ведь он никогда не курил, я помню.

С.В.: Часто вспоминаете?

И.Б.: Нет, сейчас уже реже, сейчас дети мои меня отвлекают от всяких мыслей, но после войны я вспоминала первое время. Были неприятные ощущения. Ну, слава богу! Мы вернулись обратно домой быстро. Когда все в школу пошли, мы были в Ростове. Во дворе того дома, где мы жили, была школа. Мы слышали этот первый звонок. И то, что мы не пошли в школу, тоже было неприятным ощущением. Через месяц, после освобождения Гагры, мы вернулись в село Блабырхуа.

С.В.: Несмотря на то что шла война вы продолжали оставаться детьми, как вы проводили время? Чем вы занимались, могли бы рассказать об этом?

И.Б.: Как я сказала, мы находились в селе Блабырхуа, двоюродные братья тоже с нами были. Я помню, как дядя, папа приезжали с позиций, неухоженные были. Папа у меня вообще очень красивый, он всегда был выбрит, и от него всегда пахло приятно, а тут он был такой неухоженный, с бородой. Я всегда удивлялась, почему они такие небритые, можно же помыться быстро, побриться и пойти. А они расстроенные приезжали, видимо, не хотели травмировать нашу психику, особо не показывали как им тяжело. Я мало что помню.

С.В.: Какой у вас был самый радостный момент во время войны, и был ли он вообще?

И.Б.: Да, самый радостный был, конечно, когда сказали, что война закончилась. Мы видели эти фейерверки, салюты. В Блабырхуа казалось, что это так далеко от Сухума, даже был момент, когда что-то взорвалось, и всё небо осветилось. Этот день самый запоминающийся.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало во время войны?

И.Б.: Не хватало дяди моего любимого. Мы на войне потеряли одного из моих любимых дядь – это мамин брат, самый

младший. Он был студентом, учился в Воронеже. Когда война началась, он вернулся сюда и...

С.В.: Как его звали?

И.Б.: Его звали Бигвава Влазин Владимирович. Ему было чуть больше 20 лет. Его не брали на передовую. Он находился в «Черноморце», в Гудауте. Папа за ним присматривал, старался по возможности быть рядом. Я помню, как папа рассказывал, что куда-то отъехал, а в этот момент командующий собирал добровольцев на фронт. И дядя первым вызвался. Его не брали, потому что он был молодым, но он всё равно пошёл освобождать Гагру. Он погиб 5 октября. Папа долго себе простить не мог, что он не усмотрел, не углядел, и таким молодым мы его потеряли. Когда освободили Гагру, мы приехали в Сочи, паром не принимали корабли, потому что был шторм. Мы находились в Сочи два дня, и мама ничего не знала о гибели брата. Мы попали домой на следующий день после его похорон. Мамины крики, мамины слёзы были для меня самым тяжелым.

С.В.: Чем вы питались?

И.Б.: Самым вкусным был хлеб, который мы сами пекли. Я поражаюсь отцу, он был таким добытчиком, я не знаю, откуда он доставал все.

С.В.: Чего вам не хватало из еды, чего бы вы очень хотели?

И.Б.: Я не помню, чтобы нам чего-то очень не хватало, может, и не хватало, но в памяти у меня это не осталось. Главное – был вкусный хлеб.

С.В.: Как вы думаете, что помогало выжить?

И.Б.: Это наш дух, мы были все как единое целое. Мы все друг за другом стояли.

С.В.: Можно сказать, что вы ностальгируете по тому времени?

И.Б.: По отношению между людьми, по дружбе, да. Я помню, как в том же детском лагере я дружила с девочкой из Молдавии. Я ее так любила, как родного человека, мы с ней буквально недели две только успели пообщаться, жили в одной палатке. И в 1989 году, когда эти события начались между грузинами и абхазами, папа нас забрал, всех развезли по домам. Думали, что это затянется, превратится во что-то серьезное. Нас забрали, а

эта девочка из Молдавии в лагере оставалась, пока вся команда не уехала. Было такое ощущение, что она, бедная, там одна. Мы хотели ее к себе домой забрать, так мы дружили. И по тому времени, по людям, конечно, я скучаю.

С.В.: А сейчас поддерживаете с ней отношения?

И.Б.: Нет. Какое-то время она нам присылала посылки из Молдавии. Мы ей тоже отправляли фейхоа, аджанджыхуа. Потом связи были утеряны.

С.В.: Вы были в летнем лагере до войны?

И.Б.: Да, в 1989-м.

С.В.: Илона, бывало ли вам страшно во время войны?

И.Б.: Особенно страшно было, когда папа нас провожал, и я думала, что мы его больше не увидим. Тогда было страшно.

С.В.: У вас остались какие-нибудь страхи военные?

И.Б.: Не дай бог, что такое может повториться, этот страх есть.

С.В.: Вы задумывались о том, что война повлияла на вас как на личность, на становление вас как личности?

И.Б.: Думаю, что да, потому что до войны мы как-то по-другому жили, или может время было другое, отношения были другими. Не было бы войны, всё было бы реально по-другому, и лучше – это точно. Не могу сказать, как война повлияла конкретно.

С.В.: Как вы думаете, в какой момент вы повзрослели? Можно сказать, что война повлияла на взросление ваше?

И.Б.: Не могу сказать, нет, наверное. Так как мы не ощутили всех кошмаров войны. Может, с какой-то стороны и да, из этих детских игр мы выросли. Когда мы видели папу, дядю, эти страдания, эти слёзы бабушки, мамы, наверное, мы выросли.

С.В.: Как вы думаете, произошла у вас какая-то переоценка? Помните вы себя до и после войны? Можно сказать, что вы зашли в войну одним человеком, а вышли другим? Или вы остались такой же?

И.Б.: До войны у нас было беззаботное детство, у нас было всё. Папа с мамой обеспечивали нас всем. А во время войны мы почувствовали голод, чего-то не хватало, даже в том же Ростове. Дети русские к нам относились плохо, это осталось как шрам на сердце. Во первых, для нас было шоком, что наши ровесники не знали, где находилась Абхазия. Помню, как нас обзывали, оскорбляли постоянно, мои братья дрались с ними. Помню, один

мальчик сказал: грузины идут. Нас это сильно оскорбило, ведь мы тогда всех грузин ненавидели. Только один мальчик Сергей подружился с нами, даже приглашал к себе домой. Остальные держались в стороне от нас. Мы их тоже не любили.

С.В.: То есть как-то так изолированно жили?

И.Б.: Нас было много детей, нам даже негде было спать, не было постелей, они были заняты. Квартира была двухкомнатная, там трое жили – мать с мужем и дочкой. Ещё нас – целая орава детей с двумя женщинами. Я помню, мы все спали на полу, на матрасах. Не было даже места, куда ногу поставить. Утром места не было сесть на кухне. Нас по очереди кормили. Потом отправляли на улицу.

С.В.: Находясь в таком тяжелом положении в Ростове, но зная, что происходит на родине, хотели ли вы вернуться обратно?

И.Б.: Всё время хотели вернуться домой я помню.

С.В.: Илона, считаете ли вы себя ребёнком войны?

И.Б.: Я думаю, что нет. По сравнению со многими детьми, которые были в Восточной Абхазии, я ничего не увидела, можно сказать.

С.В.: А можно сказать, что война лишила вас детства?

И.Б.: Война лишила детства, мне кажется, всех, кто здесь находился. Это был стресс, который остался у нас на всю жизнь.

С.В.: С чем у вас ассоциируется война?

И.Б.: Наверное, с каким-то ужасом, с папиной сигаретой. Когда мы с папой прощались, мне казалось, что я его вижу в последний раз. И эта картина была самая страшная для меня.

С.В.: Какое лицо у войны, как вы думаете?

И.Б.: Лицо войны, наверное, кровавое, страшное.

С.В.: Какой вкус у войны?

И.Б.: Горький.

С.В.: Если бы у вас сегодня была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы им хотели пожелать?

И.Б.: Чтобы они не видели войны, чтобы родители, близкие, родные, любящие всегда были рядом.

С.В.: Спасибо.

02.07.2018 г.

Алхас Каджая,

директор гостиницы «Интер-Сухум»

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

А.К.: Меня зовут Алхас Каджая. Я родился 18 июня 1981 года в поселке Агудзере, где по сей день проживаю.

С.В.: Как вы узнали о войне, и где она вас застала?

А.К.: О войне я не узнал, я её увидел. Играл во дворе, и первые танки, которые ехали, первый эшелон, который шел, я увидел. В Агудзере тогда базировалась абхазская армия, и первый грузинский танк заехал прямо во двор, разломал наши ворота металлические, и между домами стрельнул в часть. Это происходило прямо на наших глазах. Мать начала кричать, звать, и мы поднялись домой. Один из моих друзей был грузином, получалось мы вместе поднялись домой, а танки не переставали стрелять, стекла все попадали. Мы лежали на полу, в панике. Шел бой, а потом наступило затишье. 18 наших ребят держали оборону около пяти часов. Когда все закончилось, к нам домой с детьми прибежали соседи – Чамагуавцы, Таниевцы. В этом районе было небезопасно. Мы пошли к бабушке. Она тоже жила в Агудзере, но в другом районе. Два дня мы там скрывались, а на третий день покинули Агудзере. Человек, наверное, 30, пешком тронулись из Агудзеры в Очамчёрский район.

С.В.: А сколько вам было лет, когда началась война?

А.К.: Мне было 11 лет. То есть первое, что я увидел – танк, взрывы, стрельбу. Наши ребята на крышах сидели, перестреливались, делали видимость будто их много, перебежали туда сюда. Там же на наших глазах убили одного из первых – Нурика Багателия. Потом моя мать ходила его опознавать. Оттуда мы пешком пошли в Очамчёрский район, и дошли до Адзюбжи. По дороге танки проезжали, мхедрионовцы. Мать наша, чтобы нас не тронули, руки поднимала, делала вид, что свои, а сама про-

клинала их. Так пешком мы дошли до Адзюбжи. Кто-то в Адзюбже остался, но в основном все на машине грузовой уехали в Атару. Когда эта машина переезжала дорогу, мы её остановили, загрузились в неё и доехали до Атары. Кто-то там остался, а кто то дальше пошел, по своим селам. Это были первые дни.

С.В.: Какое у вас было восприятие, как у ребенка, который не видел раньше такого?

А.К.: Страх не было, как я говорил. Бабушка в Агудзере чуть подальше жила, и когда мама сказала, что надо отнести еду бабушке, я решил, пойти с ней. Она не хотела брать меня с собой, так как обстреливали. Страх не было, наоборот, было переживание за маму, за бабушку. Мы вышли в этот же день, взяли еду. На крышах сидели грузинские гвардейцы, стреляли, пугали. Видели, что ребенок с женщиной, но все равно стрелять начинали. Мы, перебегая из подъезда в подъезд, как-то дошли до бабушки. Страх не было. Я подходил к окну, смотрел, куда стреляют, что там. И мать меня постоянно дергала. А еще в этих секционных домах туалеты так устроены, что идет отдельная кабина, будто это самое безопасное место. Об этом мы до войны узнали, когда еще землетрясение было. Мы в проемы становились, ведь неизвестно было: в дома будут стрелять или нет. Соседи-грузины, говорили, где живут абхазы. Нас прятали Калягины – русская семья. Мы специально дверь в своей квартире открытой оставили. Грузины зашли никого не увидели и ушли.

С.В.: Как вы из Агудзеры двинулись в Атару?

А.К.: Мать моя родом из Атары. До Адзюбжи шли пешком, а потом на машине, о которой я говорил. Она довезла до Атары. Там находились какое-то время. Было весело, было много братьев и сестер, около 12–13 человек было, потом еще родственники приезжали. Но в один момент и на Атару напали, начали бомбить вертолеты. За это время наши какое-то бомбоубежище сделали, блиндажи. Но нам пришлось и оттуда бежать. Покидали мы наш дом, как сегодня помню, ночью, потому что и там, откуда мы выходили, уже находился враг.

Шли под покровом ночи через чайные плантации, нагнувшись. Нас было немало людей, около 50 человек. Женщины,

дети, младенцы совсем грудные, старики. Помню, один промежуток дороги, который надо было пройти незамеченными: ни крика, ни плача. Прошли так тихо. Там речушка протекала: её было слышно, а детей нет. Настолько сильный страх был, ведь когда мы уходили, снаряды падали. Мы видели перестрелку, пули летали, снаряды. Добрались мы до Тамыша. Там тоже живут наши родственники. Находились здесь недолго. Нападение грузин было сильное. Мы пошли пешком в Мокву. Нас было очень много людей. Потом нас догнал на тракторе родственник моего дяди. Повез нас в Мокву. Там тоже было много детей. К обстрелам мы привыкли, уже их не замечали. Когда бои начали приближаться, нам пришлось и из Моквы убежать. Поехали в Джгарду. Там тоже два дня находились, потом приехал на лошади мой дядя, отца родной брат, забрал нас домой в Арасадзыхь. Там не было выстрелов. Где-то вдалеке слышно было что-то, но опасности никакой не было. Когда обстановка осложнилась, старшие приняли решение, что надо лететь в Гудауту. Мать полететь не смогла, не хотела бабушку оставлять. Да и отец мой и другая бабушка (мама отца) и сестра оставались в Агудзере. Все это время пытались их обменять.

Я с сестрой и родственниками вылетели в Гудауту. Мамины сестры там замужем. Мы прилетели, еще сумерки были. Когда мы стали подлетать, нам показалось, что это Лас-Вегас, все было в огнях. Дядя нас встретил и повез в Джирхуа. Приехали в Джирхуа. А у них такой пункт был, где раздавали еду как гуманитарную помощь. Когда мы зашли, все женщины плакали. Запомнил такой длинный стол, а на нем большой круглый хлеб. Когда я его увидел, налетел на хлеб, и начал жадно есть. Но в какой-то момент остановился, смотрю: вокруг все женщины, мужчины стоят, плачут.

... Пошел в Джирхуинскую сельскую школу, закончил 6 класс. Отец добрался до нас, когда перемирие было. Привез бабушку, тетю. Когда я увидел отца, я его не узнал, потому что щеки у него были впавшие, похудел, наверное, килограммов на тридцать. Несколько раз его на расстрел брали, три раза уже стоял с закрытыми глазами, но что-то спасало его. Когда отец приехал, муж маминой сестры дал нам небольшой домик в Гудауте. По-

следние месяцы мы жили там. Я с местными ребятами ходил в больницу помогать. Мы разгружали раненых. Запомнил рыжего такого, Рауля Абгаджава (его нет в живых), носилки, тележки носили, отмывали от крови носилки.

С.В.: И как вы, ребенок одиннадцатилетний, все это воспринимали?

А.К.: Как должное. Мы видели, что наши отцы что-то делают. Отец мой, когда приехал, собирался пойти на фронт, ему выдали оружие, форму. И тут увидел его сотрудник, начал возмущаться: «Ты что, на какой фронт, нам такие здесь нужны, то есть твои знания здесь нужны (отец в СФТИ работал)». И решил оставить его в Гудауте. В Гудауте начали они делать снаряды, минометы, гранатометы.

С.В.: Как долго вы оставались в госпитале?

А.К.: С утра приходили, и там находились, какой-то паек нам давали. Мы были как волонтеры тогда. Там повзрослее еще были ребята, по 15–16 лет.

С.В.: Можете рассказать о самом страшном эпизоде?

А.К.: Да, был такой, когда бомбили Атару. Центр Атары сейчас разрушен. Туда 500-килограммовый снаряд свалился. В тот день мы с мамой спустились в центр, чтобы обработать мое ухо, на котором выскочил фурункул. Мзия Бейя перевязку делала мне. Мы в километре от центра, и тут начали бомбить. Мы в яму упали. Мама на меня. Когда в центре упала большая бомба, мне показалось, что все сейчас обвалится. Там не горная местность, но сопки не маленькие.

И еще один страшный момент был, когда мы ночью уходили из Атары. Темно, деревья, глаз выколоть можно. Прямо к речке какой-то спускались. Знаем, что на этой территории враг. И вдруг увидели, что у речки стоит машина, внутри лампочка горела. Все остановились, замерли, думали, что на пост грузинский нарвались, и сейчас нас убьют. Страшно было.

Но оказалось, что это свои были. Сказали нам: «Это мы, абхазцы, не переживайте». Провели нас в перевалочный пункт, где все наши ребята сидели (это был двухэтажный дом). Нас накормили, напоили. Чуть светать стало, и мы ушли в Тамыш. Это самые страшные моменты были.

С.В.: Задумывались ли вы о том, что с войной вы повзрослели?

А.К.: Скорее всего. Потому что после войны мне было 12 лет. Когда в школу пришли, уже не до школы было. Что школа – мы уже войну видели. И поведение было не как у ребенка. То есть я уже пытался маме помогать. Послевоенное время тяжелое было: мандарины надо было собирать, на границу ехать. Даже в Сочи бывало ездил. Мать не пропустили, а я через забор перелез, в Сочи поехал, 12–13-летний ребенок. Поехал в Сочи, продал мандарины. Купил какие-то продукты. Мама моя сидела и плакала, не зная, приеду или нет. Но когда увидела, что жив-здоров и еще с продуктами, еще больше плакать начала. Война заставила нас быстрее состариться, больше увидеть и в послевоенные годы. Это все повлияло.

С.В.: Помните ли вы первый день в школе?

А.К.: Не помню. Мы то ходили в школу, то не ходили. Родителям не до этого было. Школа полупустая была. Какие-то уроки были, какие-то нет.

С.В.: Вы рассказывали о том, что из Агудзеры попали в Атару, и там было много детей. Несмотря на то что шла война, вы продолжали оставаться детьми, как вы проводили дни, играли ли вы во что-нибудь?

А.К.: Мы играли. У мальчиков была задача блиндаж делать. Был такой овраг рядом с домом, и мы всегда разными путями ходили, чтобы тропинка не была вытоптана. И все это делали играючи. Играли в войну. Так как наш дом был первым, туда поднимались вместе с дядей вояки. Когда они приходили, мы чистили им автоматы, перезаряжали. Это я до войны умел делать.

С.В.: Какое для вас было самое запоминающееся событие во время войны?

А.К.: День победы. Мы застали его в Гудауте. Мы находились у родственников, света не было, как сегодня помню. Все начали стрелять, мы не понимали, что происходит. Вся Гудаута, все засияло. Мы были детьми, но понимали, что все отлично. Потом с фронта мой дядя Нодик Квициния приехал. 29 сентября отец мой решил поехать в Агудзеру, домой, посмотреть, что там. И я начал плакать, что тоже поеду, уговорил. Было ужасно, по до-

роге везде трупы лежали. Доехали мы до Агудзеры, поднялись домой на седьмой этаж. Наша квартира была полностью раскурочена гвардейцами, которых поселили там наш соседи. Двери были проколоты ножами, шприцы везде валялись, воняло чем-то, я не знаю. Мы спустились вниз. Папа закурил сигарету. Что делать? Поехали, говорит, обратно в Гудауту, проживем там. Пришел сосед наш армянин дядя Андрей, сказал, что это Елгудже сделал, поселил в квартиру гвардейцев. Принес ключи и сказал: «Можете первое время в моей квартире оставаться». Вернулись в Гудауту, взяли все вещи, к этому времени уже какие-то вещи были, посуда появилась. Мать моя все чужие вещи, посуду, фотографии собрала, убрала все в гараж. Свое принесли и начали там жить. Потом со временем, когда возможность появилась, восстановили свою квартиру, и я сейчас там живу.

С.В.: Какое самое радостное воспоминание?

А.К.: Шоколадное масло было очень радостным событием.

С.В.: Чего вам не хватало больше всего из еды?

А.К.: В селе, в принципе, было все, хлеб пекли, (амгьял), торты какие-то делали, девочки придумывали всякие сладости. А потом, конечно, все запасы закончились, перешли на акуд и мамалыгу. Хлеб был – первое счастье.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

А.К.: Очень терпкий, я думаю.

С.В.: Какое лицо у войны?

А.К.: Страшное, потому что вокруг много крови, много ран, взгляды у людей другие, глаза какие-то поникшие. Когда мы в селе Атаре находились, к нам ребята приходили, они много чего видели, смерти родственников, братьев, у них глаза были пустые. Они сидели с пустыми глазами. Даже когда играли с нами, с детьми, у них радости не было.

С.В.: Вам часто снилась война?

А.К.: Какие-то моменты. Гудаута мне часто снилась. Когда раненых привозили, у кого-то ноги не было, у кого-то руки.

С.В.: Как долго вам снилось?

А.К.: Не знаю, может какое-то время. Периодически, это все равно в снах отражается, будто бы война, будто бы воюю. То есть все отголоски войны.

С.В. Что вам сегодня не дает покоя?

А.К. Единства хотелось бы, как во время войны. Раньше не смотрели: он гудаутский или очамчырский, он мусульманин или христианин. Все как один стояли друг за друга. Сегодня разделились как-то на имущих и на неимущих. Все в сравнении. Во время войны не было богачеев, не было таких, которые ездили на иномарках, крутых машинах, все одинаковые были. А сегодня нам что-то помешало. Никогда не хотел бы вернуть то военное время, когда вспоминаю взгляды людей, как переживали наши родители. Так страшно.

Наш дом в Агудзере на сопке стоит. Вертолеты, которые бомбили, летели через наш дом. Я на второй этаж поднимался, становился на перила и смотрел. Отчетливо видел пилота. И страха не было. Мать кричала. А я хотел увидеть, понять, кто бомбит, за что, просто хотелось увидеть лицо.

Осознание того, что происходит, пришло с первых дней, когда пришлось убежать, когда понимал, что они едут не цветы раздавать, а убивать.

С.В.: Когда вы в первый раз оказались дома после войны, помните свои ощущения?

А.К.: Так как дома ничего не было и отец сказал, что нам негде жить, я стал плакать. Нас освободили, ничего нет, жить негде.

С.В.: Сегодня, если бы была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, чтобы вы им хотели пожелать?

А.К.: Чтобы все это осталось глубоко в памяти. Надо помнить, какой ценой нам досталась эта победа, независимость, что такого шанса у нас больше не будет. Не забывать, что многое пришлось положить на алтарь, многое пришлось пережить, чтобы мы стали свободные. Не забывать никогда.

31.07.2018 г.

Алхас Манаргия,
ведущий редактор радио Sputnik Абхазия

А.М.: Меня зовут Алхас Манаргия. Родился в городе Ткуарчале 18 мая 1980 года.

С.В.: Кем вы сейчас работаете?

А.М.: Ведущим редактором на радио Sputnik Абхазия, а также пресс-атташе в федерации футбола Абхазии, возглавляю Сухумское отделение партии «Единая Абхазия». Женат, трое детей – Амиран, Инал и Софика.

Когда началась война, мне было 12 лет. 14 августа 1992 года была прекрасная погода. Вообще эти дни были очень жаркие, теплые. Я тогда находился в селе Кындыге. Это поселок, который прилегает к самой птицефабрике. Там жил мой дядя, отца младший брат. Я часто летом отдыхал то у него, то у других родственников, то у бабушки в Ткуарчале.

В тот день 14 августа двоюродный брат Эдик Манаргия пришел к нам и рассказал в подробностях о том, как бомбили Ануарху.

Я тогда не знал, что такое Ануарху, где это находится. В тот же день соседи-мингрелы (здесь их много проживало) собирались. Грузовые автомобили стояли. Видимо, они свои вещи складывали. Мы по телевизору узнали о начале войны, а брат рассказал уже подробности.

С.В.: Когда вы впервые услышали слово война, как вы это восприняли? Понимали ли вы, что это действительно война?

А.М.: Нет, я даже не помню свои ощущения. Я больше помню свои ощущения, когда брат пришел и сказал. Он старше меня. Ему было двадцать четыре года. Он рассказывал в шуточной форме, что астатус хартит. Этот статус имел какое-то магическое значение. Я не мог понять, что это такое. Но для меня это было что-то магическое. И я ждал, что что-то изменится, но ни-

чего не менялось. Солнце как вставало, так и вставало, но что-то должно было произойти, что-то хорошее, что-то необыкновенное, какое-то чудо. Но было какое-то разочарование. Война началась. Соседи чуть было не уговорили дядю моего отправить в Ткуарчал. Но пронёсся слух, что меня и мою двоюродную сестру Эльвиру в первый же день войны в Ткуарчале разгромили, что никто не выжил. И мы остались. В ночь с 14 на 15 августа мы покинули дом. И всю ночь, с маленьким годовалым ребенком просидели в кукурузном поле, в Кындыге. Я тайком взял на кухне нож, такой крепкий, никому не показывал, держал при себе. Если что, мне казалось, я смог бы защититься сам и защитить своих сестер, племянников. А брат всю ночь куда-то отлучался. Он вообще большой любитель оружия. У него была мелкашка «геко», он с этим ходил. Я помню, было движение тяжелой техники всю ночь по направлению к Сухуму, до сих пор этот гул в ушах стоит. Утром мы, 15 человек, тронулись в сторону Ткуарчала. У дяди были машины. (Деньги он закопал в огороде, даже вещи не взял с собой). Мы сели в машины и поехали.

С.В.: Почему поехали в Ткуарчал?

А.М.: А куда больше? Это наш дом. Больше у нас нигде никто не жил. Мы поехали не по трассе, а через Кындыг, Члоу, Тхину, Гуп. По дороге спрашивали у людей, что там.

С.В.: Верили ли вы, что война началась? Какие у вас были отношения с соседями? Вы говорите о том, что они хотели забрать вас в Грузию?

А.М.: Получается, соседи моего дяди были нормальными людьми. Конечно, были и другие. Сейчас я не могу сказать, может, это одна семья была.

С.В.: Какие чувства вы испытывали в этот момент?

А.М.: Сложно сказать какие чувства, не было страха, не было волнения. У дяди росли арбузы, мы их целый день ели. И на второй день тоже. Что там понимает ребенок! Это потом пришло осознание, что это война. Наше поколение повзросло во время войны. Первые дни мы были детьми, как и обычные дети. Мы ели эти арбузы, и часть из них мы хотели продать. Мы понимали, что это война...

С.В.: Часто вспоминаете этот вкус арбуза?

А.М.: Долго снилось это все, и как обстреливали из вертолета. Перестало сниться лишь когда дети появились, перестало сниться, что в меня стреляют. И вот недавно приснилось. Война мне постоянно снилась. Один раз попал под обстрел. Страшно представить, каково же другим людям, которые прошли через это все.

С.В.: Давайте вернемся к тому, как вы попали в Ткуарчал.

А.М.: Мы живем в посёлке Акуарчапан, недалеко от железнодорожного моста, до заезда в город. В тот же вечер, почему я не знаю, мы поехали в Ткуарчал к нашим близким знакомым. Пока мы у них находились, начался обстрел: вертолеты поднялись, обстреляли мост. А он имел важное стратегическое значение – въезд в город. У нас в селе живут одни абхазы, поэтому не было никаких противостояний. В Ткуарчале было по-другому, в отличие от Очамчыры, где убивали соседей, жгли дома.

С.В.: Алхас, могли бы рассказать о самом страшном эпизоде, который у вас произошел, то, что вы часто вспоминаете, то, что не дает вам покоя?

А.М.: Я жалею до сих пор, что тогда я согласился улететь вместе со своими сестрами по материнской линии. Дело в том, что дочка маминой сестры замужем в Гудауте. На вертолете мы туда улетели. Это было, вроде, 6 декабря. Точно затрудняюсь сейчас ответить. Все остальное время мы были уже в Гудауте. Нас было много человек в семье Валико Ванача. Я помню 14 декабря. Это было ужасно. Когда сестра Наира пришла и сказала, что произошло, это был ступор, все плакали.

С.В.: Когда вы несколько дней находились в Ткуарчале, что происходило, слышали ли вы выстрелы, взрывы бомб? Не могли бы рассказать об одном таком дне?

А.М.: Все дни были одинаковые. Мы уже по звуку определяли, какой вертолет летит Ми-8 или Ми-24. Если Ми-24 – он будет бомбить, Ми-8 – это гуманитарная помощь. У нас было все: и пить, и кушать, никаких проблем с едой не было. Рядом с нами стоял дом, он был полностью заполнен, и папа кормил и их, и нас. Наш дом был заполнен беженцами уже после того, как я уехал.

Рядом с нами находилась взлетная полоса. Когда летел вертолет, то по звуку было слышно, какой летит, если гражданский,

то я брал пятилитровую канистру, либо десятилитровую (хотя ее было тяжело таскать) и бежал за керосином, потому что света не было. Мы прибегали, летчики открывали нам сливные пробки, и мы брали керосин. Один раз, помню, открыл пробку, и так хлынуло оттуда, что я по локоть был в керосине. Дома лампу вечером зажигали.

С.В.: Когда бомбили, где вы прятались?

А.М.: В бомбоубежище. Один день, тогда еще было электричества, я отправился к соседу Самсония, у которого была электрическая мельница. Погрузил на тачку кукурузу и повёз. Пока мельница молола, я там играл. Тут появился вертолет. Вертолет очень низко пролетел по ущелью, это был Ми-24. Его было видно, но не слышно. Я резко спрыгнул и сказал, что вертолет летит. «Ай, ладно, какой вертолет!» – сказали мне. И тут началось. Мы побежали в подвал. Подождали немного, поняли, что больше не будет, бегом домой. Бегу, слышу крики, стоны (вперед забегая). Двоих, по-моему, убило тогда, бегу и слышу звуки обстрела. Страх, наверное, великая вещь. Я, наверное, несколько метров прыгнул вбок. Виктор Санеев, наверное позавидовал бы мне, я за один прыжок все одолел (как он это сделал на Олимпиаде в 1966 году). С этой плитой мы были одним целым, я слился с ней. Не было паники. Конечно, был страх, ты должен выжить, в тебя ничего не должно попасть. Но все благополучно для меня завершилось, побежал домой. Дома мамы, папы, никого не было. Это было страшно. Ещё страшнее. Я ходил по дому, а никого не было. Когда я уходил, они дома были. Я начал искать их по канавам. И я не знал, найду ли я их. Я не хотел их находить. Потом стало ясно, что мама побежала через наш длинный двор. Мама потом рассказывала, что там, где они прятались, вокруг пули свистели над головами. Вокруг все взрывалось, практически они находились в эпицентре. Повезло, что не в них, а недалеко упало. У мамы после этого появились проблемы со слухом.

... В Акуарчапан было тяжело, у Джинджолиевцев мы находились какое-то время. Тогда из самолетов «сушками» первый раз обстреляли город, а потом в Гудауте. В Гудауте, конечно, было ужасно. Лучше быть в Ткуарчале со своими, чем отдельно.

С.В.: Вас отправили в Гудауту одного или всех детей? Сколько было тогда детей?

А.М.: В семье я один, а отправили вместе с двоюродными.

С.В.: Несмотря на то что шла война, вы оставались детьми, вам было по 11-12 лет, играли ли вы во что-нибудь, как проводили дни, когда вас не обстреливали?

А.М.: Конечно, играли. Мы ходили к мостам, которые у нас были. Они охранялись всегда, они были заминированы. Я помню, в первые дни, где мост, кислородные баллоны заполнялись аммоналом. Его очень много было в шахтах. Я тоже по своему помогал, я его сыпал в кислородные баллоны.

А.М.: То есть, какую-то лепту вносили?

А.М.: Мы сидели на сопке, оттуда виден Очамчырский район. Конечно не весь, но огромная его часть. До Очамчыры все просматривается, видно, когда летит вертолет. И если летит вертолет, мы кричали: «Воздух!», или били по железке, в общем, били тревогу.

С.В.: Как вы думаете, в какой момент вы повзрослели?

А.М.: Сложно сказать в какой момент, это было постепенно. Повзрослели все-таки в Гудауте. Тогда я понял, что мне не надо было туда лететь. Мне что, очень хотелось на вертолете полетать? Я был уверен, что до Нового года вернусь. В детстве, когда началась война, я был уверен, что война скоро закончится, а Шеварднадзе умрет. Мне казалось, что Шеварднадзе умрёт сам.

С.В.: Нет ли чувства ненависти к тем, кто это затеял, были ли такие мысли?

А.М.: Как тебе сказать! Не то что ненависть, не то что зло. Он приходит убивать не только тебя, вообще всех, твою маму, твоего отца, всех твоих двоюродных сестер, братьев, племянников, дядь, тетя, всех твоих соседей, он всех хочет убить. А почему? Только лишь по одной простой причине, что ты здесь живешь, а он не хочет, чтобы ты здесь жил, это не ненависть, это что-то другое, наверное.

С.В.: Как можно описать это?

А.М.: Я не знаю, как это можно описать, я даже не знаю, какое слово здесь подходит.

С.В.: Вы сказали о том, что пожалели, что оказались в Гудауте. Почему?

А.М.: Пока я был там (Ткуарчал), за всю войну меня лишь раз бомбили, и лишь с третьего раза меня заставили пойти в подвал. Я искренне не понимал, зачем туда бежать.

С.В.: Вам не доставало взрывов?

А.М.: Нет, не в этом смысле. Я каждый раз смотрел вести, что там в Ткуарчале произошло: взорвали, убили, не убили. Мне было лучше самому там быть, и самому это видеть, чем сидеть в Гудауте и ждать: а что же ты услышишь? Нет, однозначно нет, нужно всем вместе быть, и это точно.

С.В.: Вам не хватало родителей?

А.М.: Да. Мама не выдержала, я единственный ребенок в семье, и где-то в феврале прилетела в Гудауту. На тот момент уже вертолеты сажали в Сухуме. Оттуда они прилетели в Гудауту. Я помню, когда наш сосед ее привез на автобусе. Он ее там встретил. Это был Нодар Салакая. Мама приехала с целыми мешками еды. Там куры, индюшки, поросята, сыр копченый и неkopчeный, первый, второй.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало?

А.М.: Дома. Я бы убежал в Акурчапан, убежал бы куда-нибудь на самый-самый фронт. Какую-нибудь глупость сделал бы. С этой точки зрения, хорошо, что отец уберег меня от этой глупости. Когда я приходил на эти посты, на меня смотрели и думали, ну, пришел. Они все меня знали, знали, чей я сын. То же самое было на сопке, никто никого не прогонял.

С.В.: А кто из вашей семьи воевал?

А.М.: Отец не принимал участия в боевых действиях, скажем так, заслуженный работник тыла. Отец мой 1941 года рождения. Когда война началась, ему был 51 год. Он был дома. Воевал брат двоюродный с отцовской стороны, единственный брат с материнской стороны, воевали двоюродные братья.

С.В.: Ваш молодой брат что-нибудь о военных действиях и эпизодах рассказывал?

А.М.: Эдик Манаргия, они все немногословные.

С.В.: Как вы думаете, почему они не хотели и не хотят об этом говорить?

А.М.: Вот видишь, сколько я говорю о войне, а ничего не видел. А тот, кто все увидел, не хочет говорить об этом. Из него не выудишь этого всего. В Абхазии, и вообще, на Кавказе не очень принято говорить о своих геройствах. Другой брат с маминой стороны – Гурам Кутелия. Он в 1992 году начал воевать, а закончил в 2008 году. После войны ведь тоже были опасные моменты. Недавно я увидел медаль у него дома – «За отвагу».

С.В.: В Гудауте что было?

А.М.: Ой, постоянная ностальгия по дому! Я там в школе учился. Спасибо учителям. Ты учишься неделю, а потом какая-то заварушка, и могли на два дня отпустить. Во время Мартовского наступления мы долго не учились. 27 сентября, когда освободили Сухум, мы больше радовались, чем 30 сентября.

С.В.: Как и где вы слышали об этом, поделитесь, пожалуйста, своими ощущениями?

А.М.: В семье Валико Ванача и Наиры Хагба. Радость была такая, ее невозможно передать словами. Стрелял весь город. Вообще удивительно. Стрелял весь город, все стреляли, даже я стрелял. Кто-то пришел к нам с автоматам, и я попросил у него пострелять.

С.В.: Вы верили в победу?

А.М.: Конечно.

С.В.: Бывали моменты отчаяния?

А.М.: Отчаяние было, когда начинал сильно скучать по дому. Хотелось домой, по отцу скучал очень сильно. Я до сих пор помню его выражение лица, когда я сидел в вертолете. Он стоял, а двери этого вертолета закрывались. Его лицо у меня стоит перед глазами. Помню также его, когда мы приехали домой. Это было в октябре, может 4-го или 5-го. Мы на грузовике из Гудауты приехали в Ткуарчал. Было уже темно. Я, например, более восторженно обнимаю своих детей, просто так, когда они приходят со школы. Папа меня не видел десять месяцев, а вел себя сдержанно. Он открыл ворота, сначала одну сторону, потом вторую. Подошел, потом обнял, поцеловал. Машина заехала во двор, потому что там какие-то вещи были и продукты. Я хорошо помню, что мы привезли «сникерсы», жвачку. (Смеется).

С.В.: Задумывались ли вы о том, чего лишила вас война?

А.М.: Война поменяла полностью всю нашу судьбу, то есть перед войной у нас были совершенно другие планы на жизнь. У отца был денежный вклад. Допустим, произошёл развал Советского Союза, потерял бы он свой вклад в банке и т.д. Если бы не было войны, честно говоря, не знаю, в каком государстве мы жили бы. Но у нас не было бы послевоенной нужды. В принципе, человек всегда в чем-то нуждается, и миллионеры в чем-то нуждаются, но послевоенной нужды не было бы. Не пришлось бы ходить в школу семь километров в одну сторону, семь километров в другую, не пришлось бы зимой поверх шерстяных носков надевать целлофановые пакеты, чтобы ноги не намокли.

С.В.: Можете ли вы сказать, что после войны было сложнее, чем во время войны?

А.М.: Когда идет война, если ты живой, и все твои родные живы, то, слава богу, ты счастлив. А когда мирное время, помимо того, что ты живой, и все твои родные живы, это само собой разумеющееся, ты уже хочешь чего-то другого, то, на что ты не обращаешь во время войны внимания. Это все тяжело сравнивать.

С.В.: Помните свой первый день в школе?

А.М.: Да, конечно. Я помню, когда я пришел. Помню, как я зашел в учительскую, и моя учительница, классный руководитель Белла Джугузовна Цвижба, Царствие ей Небесное, меня увидела, и так обрадовалась. Она подбежала ко мне, обняла. Мне кажется, такого отношения сейчас нет. Учительская была святая святых. Я до сих пор ни в одну учительскую школы просто так не могу заходить. И я, смущенный, там стоял, а она меня обнимает, целует. В Ткуарчале знали, что 7 класс в Гудауте я закрыл с отличием, и мне даже вручили похвальный лист. Белла Джугузовна сказала: «Я ничего не знаю, он должен пойти в мой класс». И вообще, я – второгодник (Смеется). Два года учился в одном классе. Такая была Белла Джугузовна. Это было, наверное, в 1994 году 14 декабря. Был траурный митинг. В Акуарчапан недавно памятник сделали, вертолет залетал. Стихотворение есть у Тамары Бибулатовой «Баллада о сожжённом вертолете». Белла Джугузовна сказала, что я должен его выучить. Я его читал на этом митинге. Прежде чем подняться туда, Белла Джугу-

зовна достала накрахмаленный носовой платок. Она была необыкновенная чистюля, у нее были длинные, красивые пальцы, всегда ухоженные ногти, покрытые лаком. Волосы всегда были аккуратно уложены, ее сумочка, ручки, карандаши – все в идеальном порядке.

С.В.: То есть, такой у вас образ идеальной учительницы?

А.М.: Да. И она достала свой носовой платок, и этим платком почистила мне туфли. Я прочел это стихотворение. Вот такие учителя были у меня. Она вела русский язык и литературу.

С.В.: Алхас, задумывались ли вы о том, что война способствовала становлению вас как личности, либо сказала на выборе вашей профессии?

А.М.: На выборе профессии нет. Правда, я хотел стать адвокатом, но не стал. Хотя я получил юридическое образование. Это все дело случая. Я в 2003 году закончил АГУ. Незадолго до этого ректор Алеко Алексеевич отправил меня в Москву в МГУ. Я писал там дипломную работу. И вот в сентябре я должен был сдавать экзамены, поступать в аспирантуру. Вместо этого, 12 июня, я сыграл в футбол, умудрился сломать себе шею, попал в больницу. То есть война на выбор профессии влияния не оказала. Никакой жестокости, злобы из-за войны абсолютно нет.

С.В.: Остались страхи какие-нибудь после войны?

А.М. Когда снились обстрелы (сейчас я чувствую себя как на приеме у психолога), в снах дуло моего автомата, которым я стрелял, перегревалось, искривлялось, и я не мог стрелять из него. Я просыпался.

С.В.: Как долго снились вам эти сны?

А.М.: Где-то до 2008 года, когда родился мой сын Амиранчик. И вот недавно приснился этот же сон. Практически один и тот же сон снится. Тот же Акуарчапан, те же вертолеты, или самолеты, стреляют, бомбят, катапультируются, кто-то спускается с парашютом. Мы стреляем, они стреляют.

С.В.: С чем у вас сегодня ассоциируется война?

А.М.: Война все-таки потеря дома. Это и есть самый большой страх. А если сейчас, не дай Бог что-то такое будет, конечно, в первую очередь – это дети, которых нужно сберечь.

С.В.: Что для вас война?

А.М.: Война – это свобода, да, свобода, потому что через войну мы стали свободными. У нас сейчас тот самый исторический шанс, которого не было давным-давно. Нам нужно обязательно этим шансом воспользоваться.

С.В.: Алхас, какой вкус у войны?

А.М.: Не знаю, наверное, вкус лета.

С.В.: Можете ли вы назвать себя ребенком войны?

А.М.: А я не знаю, что такое ребенок войны. Мне кажется, я, наоборот повзрослел во время войны, я не вышел из войны ребенком, я вышел из войны уже взрослым.

С.В.: Можно ли сказать, что ваша жизнь поделилась на «до» и «после»?

А.М.: Конечно.

С.В.: В какой момент для вас закончились детские годы?

А.М.: Наверное, все-таки тогда, когда я в Гудауте понял, что мне не нужно было туда лететь, что из-за моего желания полетать на вертолете, я остался на десять месяцев вдалеке от дома, хотя и в Гудауте я не чувствовал себя чужим.

С.В.: Сегодня, если бы у вас была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы им хотели пожелать?

А.М.: Ни в коем случае не быть злыми, если речь идет о моих сверстниках. Война не должна нас делать злыми, та война, которая была у нас. Потому что она была отечественная. И мы вышли из этой войны с огромными потерями.

С.В. Лично вы, что для себя потеряли?

А.М.: Если говорить не о духовности, а о чем-то материальном, приземлённом, то если бы не война, в мои 38 лет у меня были бы совершенно другие заботы. У меня не было бы заботы на что купить ту или иную ерунду, которая стоит тысячу или две тысячи рублей. То есть таких материальных забот, я более чем уверен. А если говорить о духовных вещах, то меня лишили детства. В 12 лет ребенок должен быть ребенком, у него все должно идти последовательно. А мы все стали взрослыми. Я думаю, все мои ровесники также считают. Нас лишили детства. Слава богу, что только этим я ограничился, что у меня живы родители, что никто не покалечен.

03.04.2018 г.

Михаил Аджба,
электрик**С.В. Представьтесь, пожалуйста.**

М.А. Михаил Митович Аджба. Я родился и вырос в Абхазии. Во время войны не все время был здесь, первые несколько месяцев. Конечно, я мало понимал, что такое война. Всю серьезность этого я не осознавал. Одно из оставшихся в моей памяти воспоминаний – это, когда я вышел на балкон и увидел вертолет. Он летит и выпускает ракеты. Мне сперва это, понравилось. Потом я услышал крики и плач женщин. Кто-то начал держаться за голову, мне стало страшно до мурашек на коже. С того момента я начал понимать: что-то плохое происходит.

Одолевали мысли: мои друзья, с кем я вырос – местные грузины, вместе на море ходили, вместе в футбол играли, в один миг стали врагами. Почему? Кто этим управляет? Кто это придумал, что мы должны быть врагами? Кто управляет людьми, чтобы сталкивать народы? Это было обидно и неприятно, почему так должно быть? Потом начал понимать, что такое смерть. Насколько это было возможно вообще в том возрасте. Было страшно. Люди начали задумываться о жизни, о смерти. Мы несколько месяцев находились здесь. Наши соседи-грузины очень помогали нам. Мой отец в возрасте военнообязанного был, но они как щит встали и пальцем его не дали тронуть. Нам помогли выехать в Гудауту, затем мы переехали в Пицунду. А бабушка с бабушкой остались в оккупированном городе, всю войну. За них очень переживал. Дед блокаду ленинградскую прошел. Я думал, если тогда смог и сейчас выдержит. Бабушка вела дневник, там тоже много интересного было, я его читал...

С.В. Как вы услышали и поняли, что началась война?

М.А. Первый день войны я смотрел мультики по телевизору, вдруг прервалось, и думаю, что они не дают посмотреть? При-

шло сообщение, что началась война. Я не понял ничего. Потом услышал много криков, шума во дворе. Смотрю, мама запереживала, соседка прибежала. Началась какая-то непонятная на тот момент суэта. Мы с братом начали смотреть в окно. Заехал танк во двор. Это было в Новом районе. Мама нам говорит: «Уйдите от окна». Смотрим, танк на нас дуло повернул. Мы бегом побежали под кровать. Испугались, конечно. В тот день не стреляли. Просто заехали, взяли в оцепление. Дома была паника. Мама плакала, переживала.

С.В. Дальше как развивались события? Как долго вы оставались в Сухуме?

М.А. Я не помню. Мы оставались где-то месяца два-полтора.

С.В. Можете описать один из дней, чем питались, что делали?

М.А. Я помню, что мы рано утром встали и пошли туда, где «Колос». Там давали хлеб. Это я не о первых днях говорю. Какое-то время прошло. Очередь была огромная. Отец нас взял, решив, что с детьми немного безопаснее, не убьют. Такой страх был. И когда мы пришли – долго стояли. В итоге мы взяли хлеб. Помню, кто-то в воздух стрелял, просто так. Молодые гвардейцы стояли, сейчас я понимаю, что это не военные были, а какие-то блатные. Очень много было не вояк, а разбойников. Вели себя по-хамски. Так этот день прошел.

Гвардейцы часто ходили, грабили. И к нам заходили, но наши соседи готовы были разорвать тех, кто пришли. Если бы не они, мы бы не выжили, не выбрались из Сухума, невозможно было бы.

С.В. Сколько вас в семье было братьев и сестер?

М.А. Нас трое: брат, сестра и я. Сестра маленькая совсем была.

С.В. Скажите, пожалуйста, какой для вас был самый страшный эпизод?

М.А. Самый страшный был, когда мы выходили из Сухума. Это было на Гумистинском мосту. Помню, как нас остановили, и к отцу стали цепляться. Было страшно, что не пустят, что вообще убьют. Испугался очень, но там тоже кто-то вмешался, не допустили нас тронуть и провели. Очень много людей было, в основном женщины, дети.

С.В. Что ощущали в этот момент, была паника, слезы?

М.А. Слезы были постоянно. Куда не помотришь, везде враждебная атмосфера, все какие-то злые. Трудно было. Страшно было оттого, что не знаешь, что дальше будет. В 11 лет, мне кажется, ты еще не всё понимаешь.

С.В. Когда вы увидели обстрелы?

М.А. В первые дни. Было видно, как вертолет выпускал ракеты, это было видно очень хорошо.

С.В. Что вы в этот момент испытали?

М.А. Сперва понравилось, но когда вокруг начали кричать и плакать женщины, когда мама нас на пол положила и плакать начала, стало очень страшно, я понял что это – не игра какая-то, а война. Даже когда гром гремит – страшно. А когда рядом стреляют, рассказывают что кого-то убили, кто-то умер, ты понимаешь, что это не игрушки в войнушки, а это уже серьезно.

С.В. До этой войны ваш дедушка рассказывал вам что-нибудь о Великой Отечественной войне?

М.А. Он не любил об этом рассказывать, но у него вся спина была в шрамах от осколков. И, естественно, любопытные внуки, особенно я, допытывались: откуда это. Оказывается, снаряд разорвало и в спину попало много осколков. Позже племянник дедушки рассказал, как люди жили в ленинградскую блокаду. Воды не было, еды не было. Солдатский ремень по три-четыре часа варили, что-то вроде супа получалось. Это кушали. Племянник был чуть старше меня. Ему тоже кто-то, кто пережил блокаду рассказывал.

С.В. А как зовут вашего дедушку?

М.А. Владимир Бигвава.

С.В. Вы первый раз во время войны увидели человека в армейской форме?

М.А. Вообще-то дед военный был, и форму я видел с раннего детства. Дед еще и охотник. С детства я знаю, что такое оружие, что такое форма. Я это видел. В какой-то смысле для меня это чем-то новым не было.

С.В. Как часто ходили за хлебом?

М.А. Мы, дети, не часто. Я помню один или два раза. Но кто-то помогал, нам приносили. Как то добывали хлеб. Помогали

друг другу. В такие моменты люди становятся более сплоченными. Тогда, думал, закончится война, что дальше будет, как жизнь пойдет. будет ли справедливость или нет. Сегодня какие-то ответы получаю на вопросы, а тогда были только вопросы. Кто за этим стоит, как дальше будет? Простые люди ведь не виноваты в этом. Есть тот, кто за этим всем стоит. Тогда тоже были такие вопросы, почему должно быть так. Непонятно было. Думал о победе, думал, как дальше жить. Вот победа досталась, жизнь поменялась. Каждый видит, к чему пришли, и какие у нас обстоятельства.

С.В. Чего больше всего вам не хватало во время войны?

М.А. Я очень любил бабушку и дедушку. Они меня воспитали. Дня не было, чтоб я не думал о них. Я очень переживал, ждал, когда мы увидимся. И первый день, когда приехали и увиделись с ними, был незабываемый. Потому что столько об этом мечтал.

После войны приехали, и то не сразу, а какое то время прошло. И я все ждал. Этот день я помню. Было много счастья. Одним словом, можно назвать, счастье. Это был самый счастливый момент в моей жизни, радость, что они живы, что они здоровы.

... Бабушка Авидзба Галина Хокеевна записывала все, что происходило.

С.В. Вы задумывались о том, что вы повзрослели во время войны, что из войны вышли совсем другим человеком, те радости, которые были до войны, стали другими после неё?

М.А. Конечно, война очень меняет человека. Это не может бесследно пройти. Осознание происходит на каком-то уровне. Несмотря на то что я был ребенком, вопросы о смысле жизни начали появляться. Что такое смерть? Я ведь не задумывался об этом в 11 лет. Но тогда стал понимать, что любой день может быть последним. То есть каждый начал задумываться об этом. Мои родные тоже.

С.В. Считаете себя ребенком войны?

М.А. Конечно. 11 лет – такой возраст, когда ты не совсем маленький, и в то же время ты не большой, ни юноша, ни подро-

сток. Многое понимать начинаешь. Я помню, возникали серьезные вопросы у взрослых: о смысле жизни. Сегодня кое-какие ответы есть. Но тогда их не было.

С.В. Вы можете сказать, что ваше детство было украдено?

М.А. Не могу сказать. Все-таки были те моменты, те дни, те часы, каждый день – второго такого дня не будет, каждый день как целая жизнь. Как их можно украсть? Они прожиты мной. Какими бы они ни были. Я не считаю что был лишен детства.

04.08.2018 г.

Ада Адлейба,
преподаватель кафедры «Финансы
и кредит» Абхазского государственного
университета

С.В.: Ада, пожалуйста, расскажите немного о себе.

Ада Адлейба.: Я дочь ветерана, во время войны мне было 11. Я была ребенком, но в памяти, конечно, много всего осталось. Для меня важно, что я старшая дочь из четырех детей, и во время войны у нас родился брат. То есть к началу войны нас у родителей было три дочери, и мама была в положении. Что такое патроны, бомбочки, я знала об этом еще с восьмидесят девятого года. Папу видела в военной форме. У нас был дома специальный сейф, было оружие. Для меня это не было чем-то удивительным. Собирались все в военной форме в комнате, закрывали дверь, что-то обсуждали. Вот это в моей памяти осталось.

Я очень хорошо помню день начала войны – 14 августа. Я много раз вспоминала, прокручивала этот день. В этот день отца вызвали по телефону на работу. Только он уехал, только машина служебная отошла, и мы увидели, как летят два вертолета. Причем, они так низко летели, их было видно нам, детям. Все выбежали на улицу.

С.В.: А где вы находились?

А.А.: Мы находились в городе Ткуарчале. Мы жили в собственном доме. Улица наша была очень густонаселенная. Все дети выскочили на улицу, стали смотреть, потому что вертолеты очень низко летели. В какой-то момент они улетели от нас очень далеко, и оттуда были какие-то искорки с вертолета. Нам казалось, что это какой-то спецэффект, какое-то шоу, вообще казалось, что все очень радостно, мы не могли понять, что происходит. Через какое-то время, полчаса прошло, наверное,

взрослые, которые были на нашей улице, собрали всех детей и заставили спрятаться в бомбоубежище. Так назывался у нас какой-то завод, туда нас всех повели. Я крупной девочкой всегда была, и так как мои сестры были младше, мама взяла их, а я шла сзади. В какой-то момент вертолеты стали так низко лететь, их стало так видно, что от страха я упала и отстала от всей толпы. Когда упала, я увидела летчиков из этого вертолета, я не знаю, может, это мои детские ощущения, но мне казалось, что они так низко, их так видно, я действительно видела их лица. И был момент, когда, я вижу всю эту толпу, человек двадцать – своего дедушку, маму, своих братьев и сестер, они от меня там за несколько шагов. Никто ко мне не подходит, потому что эти вертолеты прямо надо мной. Мне так казалось, понимаешь, это детские мои впечатления. В какой-то момент один из тех, кто был в вертолете вытащил автомат и стал стрелять в асфальт. Мне, ребенку, казалось, что он стреляет в меня, потому что пыль от асфальта, камни разлетались, они попадали в меня. Конечно, это было далеко от меня, стреляли в толпу, которая убегала от меня. Но тогда для меня это был такой страх, в один момент я поняла, что такое война. У меня, маленького ребенка, который вообще понятия не имела, что такое война, появился четкий враг. Я поняла, что грузины – наши враги, что они пришли нас убивать. Это произошло в один момент, в одну секунду, это понимание всего происходящего. Вот такое было для меня начало войны. А потом. На самом деле, все было ещё хуже. Потому что ты не видишь папу, который вообще не приходит домой, мама в положении, маленькие сестры, и ты как-то сразу стала взрослой. Мне никто не говорил: ты сейчас взрослая, ты должна что-то, нет. Я сразу повзрослела сама для себя, сразу появилась эта ответственность.

С.В.: Когда именно вы поняли, что повзрослели?

А.А.: Я не могу, наверное, объективно судить об этом. Мне кажется, что это произошло в тот же первый день, 14 августа. Почему-то мне так кажется. Я сразу стала взрослой после этого дня, я не помню себя ребенком вообще. У меня были какие-то взрослые мысли, ответственность какая-то всегда была на мне, я не знаю почему. Мои родители говорят, это потому что ты стар-

шая в семье, а я это связываю с войной, которая неожиданно упала мне на голову, и как-то перевернула мое мироощущение.

С.В.: Во время войны как долго вы находились в Ткуарчале?

А.А.: Мы очень мало находились, месяца два-три, нас вывезли на вертолете с мамой. После войны, когда мы вернулись домой, на моем любимом пианино лежали письма. Я нашла среди писем телеграмму со словами: «Я вырежу весь твой бабский батальон», была подпись – Каркарашвили. Он был сокурсником моего отца. Они где-то в Кутаиси учились вместе. И я так поняла, что это была от него телеграмма. Отец очень переживал, и нас вывезли на вертолете. Причем, я хочу сказать, что мы это ужасно перенесли. Я много раз прокручивала ситуацию с гибелью вертолета 14 декабря, ведь на месте погибших могла оказаться моя семья. Это, наверное, еще одна трагедия и боль, которая навсегда останется в памяти любого абхаза, любого жителя Абхазии. Потому что когда умирает воин, он знает, за что он погибает, а когда умирают женщины и дети, я считаю, что убивают ангелов. Я не знаю, кто они, я даже к нации не причисляю этих убийц. Для меня те, которые могли так поступить – не люди. Мы уехали на несколько месяцев в Санкт-Петербург. Там совершенно другая жизнь, которая для меня оказалась взрослой, тяжелой. Я попала в школу, где учились ребята с первого класса, а меня называли черной чуркой. Я доказывала каждый раз, даже не для себя, а для них, что я не хуже, потому что я училась на пятерки. Помню, как меня за это закрывали в спортзале, воровали ключик от шкафчика, какие-то пакости делали. Я не смогла, хотя я чувствовала себя коммуникабельным человеком, найти себе друзей, потому что, во-первых, у меня было мало времени, и дети были очень злые. Мне казалось, что они ужасно злые, потому что их сразу стало раздражать, что я получала оценки лучше, чем они, что я стала лучшей в классе по учебе. Они говорили мне, уезжай откуда приехала. Я олимпиады сразу стала выигрывать, по математике, физике. Я даже помню такой момент: учусь в этой школе всего пару месяцев. Проходила детская игра «Что? Где? Когда?», и меня взяли в команду по истории. Я прошла несколько туров в команде, и в какой-то момент

остаётся до конца игры пять минут, а меня закрывают в туалете, и я не могу выйти. Я так кричала, так возмущалась, так плакала. Учитель услышал, и открыл дверь. Я вбежала туда, где проходило это мероприятие уже в последний момент, и мы выиграли. Они готовы были проиграть, но не пустить меня в команду. Я так рыдала, мне было так обидно и неприятно.

С.В.: Как вы думаете, с чем была связана эта злость, это неприязнь? Вообще, у преподавательского состава, какое было отношение к вам?

А.А.: Мне не занижали оценки учителя, мне ставили мои пятерки. Но меня никто не защищал абсолютно. Мне кажется, это было время такое, дети злились, у них уже была неприязнь, когда они слышали кавказскую фамилию. Я еще раз повторяю, что это мои детские ощущения.

С.В.: Мне интересно узнать, как вы себя чувствовали тогда? Какие у вас были ощущения?

А.А.: Казалось, меня обижают, потому что я абхазка, потому что я кавказской национальности, потому что я чужая. Для них такие выражения, как черная чурка, были вообще нормальны. Хотя я ничего плохого не делала этим ребятам. Слава богу, когда была освобождена Гагра, мы сразу с мамой приехали в Пицунду, и всю войну находились там. Нам казалось, что мы обязательно должны быть ближе, быть в Абхазии. Мы чувствовали, что мы с папой, потому что для нас это было важно, для мамы. Я помню, мама под подушкой всегда держала фотографию папы, и мы, дети, засыпали с мыслью о папе. Мы жили в однокомнатной квартире у тети. Нас там было 11 человек. Вы понимаете, что там все спали штабелями. Время было тяжелое, я говорила, что я не помню себя ребенком с тех пор вообще. Какое-то чувство ответственности за младших сестер, за маму. Моей маме в тот момент было меньше лет, чем сейчас мне. И у нее на руках было трое детей, и она в положении, и муж на войне.

С.В.: Какой для вас был самый страшный эпизод?

А.А.: Мы находились в Пицунде. Восемь шестнадцатизэтажных зданий – там жили все беженцы. Понимаете, шестнадцать этажей – это огромное количество людей. После каждого боя приезжала машина, которую все ждали, вывешивали списки по-

гибших. Мама первое время сама спускалась и смотрела, а потом она была уже на последних сроках беременности и для меня было самым страшным спускаться, во-первых, ждать эту машину, потом читать эти списки, искать там. Страшно искать свою фамилию, и бояться, вы понимаете, что сейчас ты можешь прочитать имя своего дяди, своего отца. Это было самым страшным. Мама всегда делала вид, что она не ждет этой машины, что все нормально, что это такой же день, как все остальные, но это было ужасно. И каждый раз крики, потому что кто-то находил там своих родных, истерики, вопли. Даже в 11 лет мне казалось, как это ужасно, что у людей такое горе, а я радуюсь, что там нет наших. Вот это было для меня, наверное, самым страшным. Прошло много лет, а я помню этот страх до сих пор. И то, как ты бежишь, а лифт все время занят, всегда бегу, и говорю: «Нет, нет их там».

Однажды, я помню (наша фамилия Адлейба распространенная в Абхазии), там было зачеркнуто и написано Важа, а потом еще раз зачеркнуто. Я не могла понять, почему оно сначала написано, а потом зачеркнуто, и я не знала, говорить об этом маме или не говорить. Я в тот момент у всех взрослых, кто там стоял, спрашивала: «А почему так?», а у них свое, понимаете, у каждого свое, им вообще было не до меня. Вот это наверное, для меня было страшнее всего.

С.В.: Ада, вы говорите, что в первый день стали взрослой, но вы ведь еще были ребенком, все-таки, наверное, где-то пробивались частички детского. Может быть, вы могли бы вспомнить какой-нибудь смешной момент, который произошел?

А.А.: Вы представляете, я не помню такое. Я вообще ничего хорошего не помню. Единственное, самое приятное воспоминание во время войны – рождение брата. Это было, конечно, самым приятным, потому что мы все ждали и не знали, кто родится: мальчик или девочка. И вот когда мама родила, это было для нас каким-то чудом. Брат родился в апреле 1993. И когда он появился, время вообще стало другим, ощущение в этой комнате гостиничного номера стало совсем другим. И мы, в этом здании, собирали какие-то распашонки, пеленочки, и даже игрушки.

ки у него были. Мы сохранили дома эти игрушки, которые нам дарили. Тогда время для нас стало идти быстрее, вообще как-то незаметнее, что ли. Мама тогда сказала: «Теперь мы не одни, теперь у нас есть мужчина, теперь мы ничего не боимся». И мы четко для себя понимали, что все – теперь у нас есть такой защитник, он только родился, а он уже для нас защитник.

С.В.: А как его назвали?

А.А.: Его назвали Батал. Когда мы подросли, отец рассказывал о том, как он узнал о рождении сына. Конечно, он был на позициях, ему друзья по радиации сообщили. Иметь трех дочек и вдруг сын – это было большим событием. Отец был командиром. Бойцы из его отряда, узнав новость, стреляли в воздух, потратили восемь патронов. Он их посадил «на губу» за это. Они за него порадовались, а он их наказал. Отец еще говорил так: «Восемь патронов они в воздух выстрелили». Такой тоже был момент.

С.В.: Ада, вы верили в победу?

А.А.: Мы всегда верили. Мы там жили какой-то общиной, потому что беженцы. Проблема была у всех одна. Мы всегда в победу верили. Вообще не было страха, что нас убьют, мы умрем или что-то, я такого вообще не помню. Во-первых, всегда было страшно за тех, кто на войне: за отца, за братьев. Вот за них было страшно. А мы были всегда как-то уверены, наверное, потому что, наши старшие, наши мамы, которые с нами говорили, объясняли, что нас обязательно защитят, что с нами ничего не произойдет.

С.В.: Вы чувствовали какое-то единство?

А.А.: Конечно.

С.В.: Какие у вас ощущения были тогда? Что вы чувствуете сегодня?

А.А.: Это большая разница. Я ранее сказала, что, когда брат родился, одежду принесли, распашонки, игрушки. Это было такое единство. В шестнадцатипятиэтажном здании жило очень много беженцев, и все друг друга поддерживали. Конечно, местные жители относились к нам не очень хорошо. Тем, у кого были родственники в Гудауте, Гагре, Пицунде было легче, им помогали. У кого не было родственников, к ним относились как к чужим.

С.В.: Свои же, как к чужим?

А.А.: Да. Но зато, все беженцы были очень дружные, все делили между собой. Я не помню, чтобы был голод, что было все очень плохо. Да, мы, конечно, ограничивали себя, потому что еды не хватало, но все как-то помогали друг другу. Вы знаете, местные жители, наверное, тоже устали. Я сейчас как взрослый человек понимаю, они помогали, но беженцев было так много, что всем ты помочь не можешь. Именно поэтому, видимо, люди как-то так относились.

С.В.: А что для вас вообще война?

А.А.: Я не могу сказать. Для меня война – это страх потерять своих близких в первую очередь. Это то, что я вынесла. Не дай бог, война меня застала бы сейчас, я, наверное, относилась к ней иначе.

Я часто по своей работе сталкивалась на мероприятиях с ветеранами, ветеранскими организациями, где исключительно были женщины. Есть такая женщина Мзия Бейя. Мой отец был ранен в Мартовском наступлении, он от взрыва упал с Гумистинского моста в воду. Его вытащила Мзия и еще одна женщина, я не знаю ее имени. (Она небольшого роста, она была очень хрупкая во время войны). Они зашли в эту холодную речку (а отец у меня крупный), и стали его вытаскивать. Много времени прошло, мы по работе сталкиваемся. Мзия вспоминает, как они говорили: «Ну почему такой толстый должен был не умереть, давай его бросим», шутили между собой. Хрупкие женщины вытаскивали мужиков из воды. Я не понимаю, для меня это такой подвиг. Я не знаю, смогла бы я вообще так поступить, потому что сейчас легко говорить, мы все герои, но это такой страх, наверное. Я, честно, не знаю, может, я бы смогла совершить какой-то такой поступок по отношению к родному, потому что он в моем сердце, а если это человек, которого ты не знаешь, вот так riskовать своей жизнью, не бояться. Честно, я не могу ответить на этот вопрос. Скорее всего, я и не смогу, не попав в такую ситуацию. Я сейчас не могу четко сказать, что я поступила бы так же, как поступила она.

С.В.: Спасибо. Скажите, каждая война имеет свой вкус, какой у нее вкус?

А.А.: Три месяца мы были в городе Ткуарчале, в оккупации. Я очень люблю хлеб, я так его люблю. Конечно же, хлеба не было. Когда нас сначала на вертолете, потом на пароме привезли в Сочи, было там какое-то кафе в аэропорту, куда мама перед вылетом нас привела, и мы сказали официанту все втроем: «Хлеба хотим». Мама под столом била меня по ноге, говорила, успокойтесь, а мы просили хлеба. Младшая сестра была очень маленькая, ей было годика три. Мы съели много хлеба, мама боялась, что нам станет плохо, потому что мы не могли остановиться, ничего не ели, кроме хлеба. Для нас это было самым вкусным наверное, вообще, что может быть. И этот вкус хлеба я не забуду.

С.В.: А сегодня вы так же любите хлеб?

А.А.: Да, я люблю хлеб. Но тот хлеб имел какой-то иной вкус. Хотя я могу сказать, что мы были в оккупации всего три месяца, а люди были там сколько времени, всю войну просидели, и не видели хлеба. У них, видимо, какое-то другое ощущение было бы.

С.В.: Что вас тогда заставляло смеяться?

А.А.: Мама. Она, конечно, такой наш тыл, она много сделала. Она с нами читала, рисовала, какие-то сценки разыгрывала. И она нам, когда нечего было надевать, перешивала вещи, которые получали в качестве гуманитарной помощи. Они ведь были не по размеру, большие, ношенные. Маме соседка приносила швейную машинку, и она могла из мужской рубашки пошить нам юбочку. Мы не чувствовали себя какими-то ущемленными, этого не было, что ты плохо одет, или не имеешь то, что имеют все. Мама, когда мы только приехали, отдала все золото. Его собирали, чтобы было на что покупать еду на позиции. «Сникерсы», «Твиксы», «Марсы» появились в тот период, когда была война. Мама их продавала, что-то приносила нам. И вы представляете, нас – трое детей, и мы этот «сникерс» резали на мелкие кусочки, и делили на весь этаж. Так было вкусно, и всем хватало один «Сникерс». Сейчас вообще не понимаю, как мы это делали, но хватало всем. И радовались этому «сникерсу».

С.В.: Как вы думаете, сегодня поменялись дети?

А.А.: Я думаю да, судя по моим племянникам, поменялись. Это дети, которые живут совершенно в других реалиях, они не могли не поменяться, конечно, они другие. Вот этой точки на-

сыщения не наступает у детей. Это все рыночная экономика, которая диктует им такое поведение. Моим племянникам всегда чего-то не хватает, им всегда мало, им всегда надо еще. И тогда я начинаю говорить, вы знаете, в Африке дети голодают, начинаю объяснять. Который постарше, говорит, мне так жалко тех детей, но я все равно хочу эту игрушку. Я не говорю, что дети стали сухими и непонятливыми, нет, это общество, в котором они растут, это реалии.

С.В.: Ада, что бы вы хотели сегодня пожелать молодому поколению?

А.А.: Я очень хотела бы, чтобы мы не теряли свои традиции, это для меня очень важно, чтобы мы не теряли свою Абхазию в общем понимании этого слова, свою Родину, свою страну, свое апсуара. И обязательно, потому что для меня это большая боль, сама плохо владею своим родным языком, чтобы мы не теряли свой язык. Вот эти аксиомы, которые для меня очень важны, и я считаю, что наше подрастающее поколение должно приумножать то, что сделали наши старшие, не потерять. Иногда столько историй слышу, когда в 18 лет человек погибает, и в первый день войны погибали, был такой момент, так и не увидев своего сына, который родился и т.д. Когда такое слышу, мне за себя, за многие свои поступки становится стыдно. И честно, я не хочу судить кого-то, за себя могу сказать. Я хотела бы, чтобы мы к этому возвращались, наше подрастающее поколение возвращалось, и всегда помнило о том, что наш сегодняшний день дан всем ценой жизни ребят, которые тоже хотели жить, которые погибли ради того, чтобы сегодня у нас была наша Абхазия. Надо сохранить нашу Абхазию.

С.В.: Спасибо большое.

2017 г.

Вероника Джопуа,

сотрудник МИД, консульский отдел

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

В.Д.: Джопуа Вероника.

С.В.: Какого года рождения?

В.Д.: Восьмидесятого года рождения.

С.В.: Расскажите, пожалуйста, о себе.

В.Д.: Во время войны была ребенком 11-12 лет. Находилась в Гудауте у бабушки, и так получилось, что со своими друзьями попала в госпиталь. Тогда в Гудауте был госпиталь, где принимали раненых. Мы помогали, даже не помогали, а практически выполняли работу. Каждый день мы приходили в девять-десять утра, уходили очень поздно – тоже в девять-десять нас забирали.

С.В.: Давайте мы сейчас вернемся к первому дню войны, как вы его восприняли? Можете описать этот день?

В.Д.: Это было 14 августа. Я была дома, в нашей квартире в Сухуме, одна. Мама была на работе. Слышу: звук вертолета, выхожу на балкон, и это, пожалуй, был самый страшный момент в моей жизни. В 11-12 лет война для нас была каким-то непонятным словом, все жили в мире, прекрасно, и тут прямо у меня на глазах вертолет начал бомбить берег, где отдыхающие купались. Мой дом был расположен там, где Ингургэсовский дом, и море прекрасно видно. Вертолёт делал круги и стрелял по пляжу. Я замерла, страх даже не описать, я не поняла, что это война. Я поняла, что происходит что-то страшное. Потом соседка – взрослая женщина, увидела меня на балконе, и сразу прибежала за мной. Была паника, люди бегали во дворе, а у нас дом девятиэтажный, очень большой, там большинство грузин проживало. А абхазских семей было где-то шесть-семь, не больше. Потом уже приехала моя мама. Помню, как позвонила моя тетя, она вместе с моими братьями жила в районе Турбазы,

говорит, тут танки, солдаты, я думала, какой-то военный фильм снимают. То есть до такой степени никто не мог поверить, что началась война. Да, это, конечно, был не фильм, и таким был мой первый день войны.

С.В.: А потом, как развивались события? Вы находились в Сухуме или сразу уехали в Гудауту?

В.Д.: Нет, сразу не получилось выехать. Была сильная паника, переполох, соседи друг с другом ругались. Но на третий день меня с братом Вовиком наш родственник увез в Гудауту к бабушке.

Родители остались, но когда у дяди произошел сердечный приступ, они сразу приехали в Гудауту. Один гвардеец вывел дядю вниз, и он подумал, что его ведут на расстрел, но, к счастью, нет. Когда он вернулся, ему стало плохо и на «скорой» его вывезли прямо в Гудауту. Так, мы все оказались в Гудауте.

С.В.: И все это время войны вы находились в Гудауте?

В.Д.: Да.

С.В.: Как началась ваша жизнь в Гудауте? Как вы узнали о том, что в Гудаутском госпитале есть молодые ребята, девушки, которые помогают больным?

В.Д.: Это произошло случайно. Мы попали в госпиталь, так как у нас там лежал товарищ с ранением, он тоже ребенок, игрался и случайно себя ранил из папиного пистолета. Когда мы пришли в госпиталь, то увидели там наших сверстников, наших знакомых, они тоже были подростками. Они ходили в белых халатах, что-то делали, мы очень удивились, мы не поняли в чем дело. А потом они нам сказали, что они здесь помогают, и что там есть группа ребят, предложили нам тоже помогать.

С.В.: 11–12-летние?

В.Д.: Да, кто-то был постарше на два-три года. И мы охотно согласились, почему бы не помочь, какую-то внести лепту.

С.В.: А родители разрешили?

В.Д.: Вначале нет, только потому что мы дети, но потом все-таки как-то согласились.

С.В.: А кто был с вами, можете назвать их имена?

В.Д.: Я хорошо помню Эльвиру Отырба, Кристину Джопуа, Даура Кове, Даура Чагава... Еще были ребята, просто надо с ними связаться, вспомнить имена и фамилии. Все были очень

хорошими, очень сплоченными. Помню, когда были наступления, каждые два-три часа вертолет привозил раненых. Там площадка, и все родственники и жители города собирались и ждали своих на одной стороне. На другой стороне прилетал вертолет, и мы, дети с каталками, как вертолет прилетит – вместе с медсестрами бежали встречать.

С.В.: К вертолету отправляли?

В.Д.: Да, мы помогали раненых ребят везти в госпиталь. Картина была жуткая, ранения были разные, у кого легкие, у кого-то нога еле висит, бывали даже случаи, когда мертвых привозили.

С.В.: Как на вас это действовало, не хотели вы оставить то, чем вы занимались? Бывали минуты отчаяния у вас?

В.Д.: Бывали, конечно. Особенно у меня был такой момент, когда в госпиталь поступили ребята, мой брат Даур тоже воевал и поступил... Дауру тогда было 22-23 года. Его друзья – Миша Чалмаз, Петя Квициния попали в госпиталь. Когда на носилках Мишу заносили (у него было ранение в ногу), он от боли кричал. Меня увидел, и говорит: «Кузя, ты откуда (так меня называл). Я была рядом с врачом, который его осматривал, в белом халате. У него был шок, он очень много крови потерял. Я помогала врачу, убирала всю эту кровь, все это видела, на меня это сильно подействовало. Может, потому, что родной человек, он кричит, у него шок. Ему нельзя было делать обезболивающее, до тех пор пока не очистишь рану.

Был еще момент, я не помню имя этого парня, но он был ранен. Мы ухаживали за ним, подружились, он был постарше. Он нам рассказывал всякие истории, был очень хорошим человеком. Когда его лечение закончилось, он опять ушел на войну и погиб. Это на нас очень сильно повлияло. Был, вроде, недавно с нами, и тут его не стало. Был еще один запоминавшийся момент, когда мы уже привыкли к госпиталю, работали. В какое-то очередное наступление было очень много раненых, не хватало крови. Люди не шли её сдавать, и мы, дети, устроили митинг. Там была большая площадка, стояло много людей, родственников. Помню, как мы возмущались и говорили: «У нас война, неужели вам сложно помочь вашим же сдать кровь». После этого люди начали сдавать кровь. Мы выступили, сделали замечание взрослым,

потому что многие раненые были на грани жизни и смерти. Нас возмущало, как они могут просто так стоять и не помогать.

С.В.: Можете описать самый страшный эпизод, который произошел у вас во время войны?

В.Д.: Мой брат двоюродный воевал. Однажды я проснулась от какого-то шума. Захожу в комнату, там моя тетя, мама, бабушка, дядя – все в слезах. Приехал человек и сказал моему дяде, что его сын ранен. Но дядя воспринял по-другому, он подумал, ему не хотят говорить, что произошло самое плохое. Это был самый страшный момент для меня, и конечно, пока мы брата не увидели, мы не успокоились. Он был ранен в лицо, у него до сих пор остались осколки, которые нельзя трогать, даже после операции в Москве (делали позже). Был ещё страшный момент, когда грузинский самолет залетел в Гудауту, слава богу, тогда не пострадали, но одна женщина пострадала на Новом районе. Когда самолёт начал бомбить, ранило мою подружку Дилю Ахба. Мы вместе были, разошлись, она шла домой, когда начал бомбить самолёт, ее дом находится прямо позади дома Владислава Григорьевича. Диля легла на асфальт, подняла голову, и осколки залетели ей в глаза. Потом ее вывезли, была операция. Сейчас, слава богу, у неё все хорошо

С.В.: Все военное время вы находились в госпитале?

В.Д.: Какой-то период да.

С.В.: Когда первый раз увидели кровь, как вы это восприняли?

В.Д.: Жутко было, потому что я вообще по натуре не медик, но тем не менее я не боюсь таких вещей. Например, ребята раненые кричали от боли, им ничего не помогало. В такой момент было очень сложно успокоить, не всегда лекарства действовали. Было очень сложно.

С.В.: Психологически это влияло на вас?

В.Д.: Вначале очень, особенно когда привозили раненых. Во время очередного наступления их было много. Было много убитых, их накрытыми сразу везли в морг. Родители стояли, ждали, а их детей везли в морг. Это очень влияло.

С.В.: А среди вас, вашей группы были у кого-нибудь срывы? Уходили?

В.Д.: Помню, как убили отца одного из мальчиков, который с нами помогал в госпитале. Его фамилия была Тамбия. Мы ходили сочувствовать ему. Потом его с нами не было. Это, естественно, повлияло, это был сильный удар для него, мы ведь были детьми, был такой переходный возраст во взрослую жизнь.

Была такая ситуация. В госпитале был один раненый грузин, то есть заложник. Бывали моменты, когда медсестры ему грубили, хамили. Мы, наоборот, если человек раненый, да, понятно, что он враг, но пытались помочь. То есть я имею ввиду, весь период мы к нему относились, как ко всем раненым.

С.В.: Несмотря на то что вы сразу из детства окунулись во взрослую жизнь, стали помогать взрослым, но всё-таки вы продолжали оставаться детьми?

В.Д.: Да, конечно.

С.В.: А были у вас игры, все же 11 лет – это еще ребенок. Чем вы занимали себя, кроме того, что помогали в госпитале?

В.Д.: Все девочки, ребята, которые там находились были дружные, сплоченные, веселые.

С.В.: Вы продолжаете общаться сегодня?

В.Д.: Просто получилось, что мы все живем в разных местах, занимаемся разными делами, может, жизнь нас чуть-чуть разделила. Именно по определенным обстоятельствам. Даур Вадимович Кове на сегодняшний день министр иностранных дел и мой руководитель. И до этого мы с Дауром всегда поддерживали связь, общались. С Кристиной Джопуа, с Кристиной Отырба поддерживаю связь, с Мокой Шамба.

С.В.: Во что играли?

В.Д.: Вспомнила историю, как мы проголодались, а кто-то из ребят сказал, что недалеко от госпиталя находится кукурузное поле. Мы решили пойти и собрать кукурузу. Естественно, мы наивные девочки, подумали, что нас кукуруза ждет. И получилось, что мы зашли на чужую территорию. Тут один из ребят говорит, я забыл вас предупредить, только не пугайтесь, там человек с ружьем стоит, с ружьем и солью. Мы замерли, была такая нелепая ситуация, потом побежали. Мужик начала стрелять солью в мальчиков, в кого-то даже попал. Было смешно потом,

но не в тот момент. В итоге кто-то из ребят принес нам кукурузу, мы ее пожарили на костре.

С.В.: Чего вам не хватало из еды?

В.Д.: Конечно, не хватало конфет, сладкого. Был такой случай, когда Гагру освобождали, я помню, брат Даур с соседским мальчиком привезли мне, моей сестре соседке, шоколадные коробки конфет. У них было какое-то турецкое название, на тот момент, они были самыми вкусными. Нашей радости не было предела.

С.В.: А вы школу посещали?

В.Д.: Да, конечно. Начала ходить в гудаутскую школу, а после окончания войны, вновь вернулась в сухумскую школу.

С.В.: А скажите, пожалуйста, что вам больше всего запомнилось из школьных лет во время войны?

В.Д.: Я даже не знаю. Хотя я училась и в военный, и в послевоенный период, это не помешало моему детству. Но в каком-то плане, остался сильный отпечаток у всех детей. Во время войны все были сплочёнными, помогали друг другу, относились с большим теплом. Сейчас, мне кажется, такого нет. Тогда не завидовали, а, наоборот радовались в каких-то моментах. И несмотря на то что такого большого изобилия как сейчас у детей, не было, человеческой теплоты, дружба между детьми и взрослыми было больше.

С.В.: Можно сказать, что вы ностальгируете по тому времени?

В.Д.: Да, вот именно по тому отношению. Сейчас у меня немало друзей, я всех люблю. Но именно те друзья, с которыми душевно можно поговорить, остались именно с того периода. Например, моя подруга Алина Тарнава. Я с ней познакомилась в школе в Гудауте, сейчас она мать троих детей, живет в России, приезжает летом. У нас сохранилась та дружба. Это человек, которому я могу позвонить в пять часов утра или в три часа ночи.

С.В.: Ника, почему вы наравне со взрослыми решили помогать фронту?

В.Д.: Я даже не задумывалась, надо мне это или нет. Я шла с целью помочь, и ни один день не жалела об этом абсолютно, и ни один день не приходила домой уставшей, нервной. Мы приходили домой воодушевленные, что чем-то помогали.

С.В.: Вы можете сказать, что повзрослели во время войны?

В.Д.: Однозначно. И повзрослела не только в госпитале, а уже дома. Помогала по дому, старшие были заняты другим. Это всё как-то отпечаталось в душе.

С.В.: Можете разделить свою жизнь на до и после войны?

В.Д.: Да, до войны была действительно ребенком, играла в куклы, в разные игры играла, такая была у меня жизнь, а потом все сразу поменялось. После войны у меня уже был такой возраст, 13–14 лет. Хотя я была ребенком, я уже чувствовала себя более взрослой, как-то по-другому к некоторым вещам относилась.

С.В.: Есть какое-то радостное воспоминание во время войны?

В.Д.: Помню день победы. Как раз я находилась в Гудауте, это было какое-то такое состояние праздника, и даже не одну секунду, ни один день, а целую неделю, может быть, потому что все этого ждали. Я помню, что мой брат вернулся со словами, что всё закончилось, мы победили. И, конечно, это был праздник. До конца не понимала, что мы вернемся домой.

Но был один момент, тяжелый, можно сказать, для меня. Я повзрослела в тот момент. В Гудауте жила соседка, мы с ней были ровесницами. У неё во время войны погиб отец, а потом и брат. Это был первый удар для меня, розовые тона как-то исчезли передо мной, возникла темнота. Это был самый первый удар, и очень тяжело было для семьи в первую очередь, и для нас, потому что мы все очень тесно общались.

С.В.: Часто вам снилась война или снится?

В.Д.: Сейчас уже нет, мне не то чтобы снилась война, но мне даже снились события в госпитале. Те же раненые ребята мне очень часто снились. Атмосфера военная, она мне снилась, но потом со временем это ушло.

С.В.: Остались страхи военные?

В.Д.: Страхов как таковых нет, но есть какая-то тревога, даже когда иду по улице, слышу какой-то грохот, вертолёт пролетит и война тут же всплывает передо мной.

С.В.: Бывало ли вам страшно?

В.Д.: Во время войны, конечно было страшно. В тот самый первый день. Когда мы приехали в Гудауту, так получилось, уже

захватили Гагру. Ты, получается, находишься между двух огней. С одной стороны грузины, и с другой. Было очень страшно в тот период. А еще страшнее было то, что мама находилась в Сухуме. Но, слава богу, все обошлось.

С.В.: Можете описать самый запоминающийся момент во время войны?

В.Д.: В госпитале. Это было во время первого наступления. Мы поехали чуть пораньше, ждали в автобусе, когда прилетит вертолет. На нас была большая ответственность, так как в тот период не хватало медсестер, врачей было мало, а раненых было много. И мы порой делали взрослую работу, вплоть до того, что мы, дети, должны были покойника в морг повезти. Психологически было очень сложно, особенно когда вертолёт прилетает, а там кто-то кричит.

Вспомнила еще один эпизод. Привезли раненого. У него была контузия, он в руках держал гранату со снятой чекой, и мог ее кинуть. Он говорит, я сейчас всех взорву. Физически он был большим, его держало несколько человек. Он не соображал, что делал. Было очень страшно. В холле госпиталя было очень много людей, в том числе и врачей, но никто не уходил, даже мы, дети. Потом каким-то чудом, кто-то у него выхватил гранату.

С.В.: Как вы думаете, в период нахождения в госпитале, что вы приобрели и что вы потеряли?

В.Д.: Потеряла я, наверное, свое детство, в плане того, что сразу повзрослела, и уже на многие вещи смотрела не сквозь розовые очки, уже многое знала, видела, ценила. Я стала больше, наверное, ценить жизнь, ценить каждый момент, родных людей. Так как я поняла, что ты не всегда можешь помочь, спасти людей, и ведь это страшно. Ты попадешь в ситуации, в которых не можешь помочь. Нужно ценить жизнь, и вообще, нужно какое-то терпение, чтобы все было хорошо.

С.В.: Ника, какой вкус у войны?

В.Д.: Если сравнивать со вкусом, думаю, самый кислый, самый острый.

С.В.: Как вы думаете, какое лицо у войны?

В.Д.: Самое черное.

С.В.: Как вы думаете, война повлияла на вас как на личность, на становление вас как личности?

В.Д.: Однозначно.

С.В.: А на выбор вашей профессии?

В.Д.: Да, где-то тоже сыграла роль.

С.В.: Если бы у вас сегодня была возможность обратиться к вашему поколению, к детям войны, что бы вы хотели пожелать им или сказать?

В.Д.: Хочу пожелать им верить в хорошее будущее, они должны жить с верой, и только так.

С.В.: Спасибо.

25.06.2018 г.

Тимур Аршба,
сотрудник АГТРК

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста?

Т.А.: Меня зовут Тимур Аршба. Родился и вырос в нашем любимом городе, в нашей столице – Сухуме. Когда началась война 14 августа 1992 года, как раз в школах были летние каникулы, я был в пятом классе, перешел в шестой. На летние каникулы любил ездить к бабушке и дедушке (да и сейчас люблю), к тете, которая тоже жила в селе. Можно сказать, я вырос в селе Кутоле. Хорошее, большое, богатое село. Мама в один день решила поехать туда. Люди как-то относились по другому друг другу. Отношения между родственниками, соседями были более теплые. Агубылра, если говорить по-абхазски, то есть друг за друга переживали и беспокоились, виделись чаще, а сегодня, может быть, времена поменялись, люди изменились.....

Помню, как мы с мамой поехали к тете в село. Я помню, как мы с братом любили оставаться там. Я был на седьмом небе от счастья, когда мы оказались там. Мне нужен был большой двор, удочка, нужно было идти ловить рыбу босиком. Мама уехала, а я остался со своими двоюродными братьями Эриком Микаа и его старшим братом Дауром. ... Было 14 августа, я как сегодня помню, мы купались в речке, которая протекает возле нашего дома. Мы ловили рыбу, играли с собакой, ну, вели себя как обычно ведут дети. Никогда не забуду, как наша тетя бежала по проселочной дороге к нам. Наверное, можно снять фильм, как она бежала к нам. Видно было, что-то произошло, но мы не понимали что: может кто-то по соседству умер, или что-то еще. Подбежала и говорит: «Война началась». Войну-то мы где видели? По телевизору. Вторую мировую войну. Мы посмотрели друг на друга, не могли понять, что происходит вообще, что она говорит. Она быстро нас схватила, у нее было

шоковое состояние. Она не знала, куда нас деть. Там, где тетя с дядей жили, такое место было: сзади дома лес и сбоку тоже. Она нас хватает и не знает, что делать, бежать в лес или куда. У нее паника, это я хорошо запомнил. А дяди уже дома не было. Мы были одни дома.

Как вьюга залетела страшная весть, началось что-то ужасное. Была тревога какая-то. Мы до конца не понимали ситуации, мы не понимали, что происходит в городе Сухуме.

С.В.: Страх был какой-нибудь?

Т.А.: Не было страха, была тревога какая-то. Я помнил 1989 год, эти столкновения. Мне было 9 лет. Мы жили на массиве Гумиста, там высотные дома новые были построены. Рядом с нами жило очень много грузин. Они ужасные вещи творили, спать не давали, кричали: «Звиади, Звиади»! Мы думали, как в 1989 году всё успокоится. Страх не было. Наверное, несколько дней прошло, залетел первый вертолет. Еще одна тетя приехала с нашими другими тетями. Она решила нас всех взять и повезти в Сухум. Вторая тетя говорит: «Может не надо, ты с детьми пытаешься поехать в Сухум, но это не безопасно». Та отвечает: «Ничего, я проскочу». В итоге она нас взяла: моих двоих сестер и меня. Мы решили идти пешком от Кутола до основной трассы тамышской не так близко. Нужно пройти немало. Мы добрались до основной трассы и встали у автобусной остановки. Машины просто пролетали. Как сегодня помню, проехал один автобус (красный «Икарус»), полный мхедрионовцев, видно было, что там сидят военные с автоматами. Один пролетел автобус, второй. Почему я хорошо запомнил, потому что тетя руку подняла, она же не видит, кто там сидит. Это потом мы увидели. Она думала обычный, гражданский едет в Сухум. Водитель едет и видит, что женщина стоит с детьми, и он ей показывает жестами: вернись обратно. Наверное, так суждено было, мы не смогли уехать, и вернулись обратно домой. До конца ситуацию тетя тоже не понимала, что там страшное творится. Она такая боевая у нас. Она оставила нас дома, в итоге все равно уехала. Мы остались: две сестры, двое братьев и я. Тетя и дядя, который был на фронте. Мы уже потихоньку начинали осознавать, что ситуация не очень хорошая.

... В один день залетает вертолет Ми-24 «Крокодил», как сегодня помню. Он взял разворот над Атарой Абхазской (рядом с Кутолом). Взял боевую стойку, чтобы выпустить ракеты, и начал бомбить наше село. Это было так страшно, такой звук специфический был, когда вылетали ракеты, страшный звук. Школу начал бомбить. У них, видать, была информация, что в школе группируются формирования, там конечно их не было. Деревню хотели сжечь полностью. Это была их задача. Это в первый день. А на второй день мы на речке соорудили блиндаж. Положили сверху шпалы, засыпали землей, сверху ветками замаскировали. Решили, когда вертолет будет появляться, мы будем там прятаться.

... Как сегодня помню, в очередной раз он залетел. Так низко летел, что можно было голову поднять и увидеть, кто там сидит. И дверь еще боковая открыта. Смешной случай был: мы как раз сидели, и мацони с хлебом кушали. Когда услышали звук вертолета, берем эти тарелки и бежим в лес, мы ведь не соображали, тем более дети. Только потом мы поняли, что тарелка ни к чему.

Мы перепрыгнули через забор, брат запрыгнул в какую-то яму, руки на голову положил, и лежит. Он был в белой футболке, я – в зеленой. Я запрыгнул туда, и вижу, что он в белой футболке, его могут увидеть, и я сверху лег на него и закрыл его. Мы понимали, что они могли сделать все, что угодно. Вот так я лежал и медленно поднимаю голову, как раз вертолёт над нами пролетал. Дверь открыта, как сегодня это лицо помню. Ноги военного свисают, он сидит на полу, пулемет у него, на нем «очки-пилотки» и тельняшка на ляпочках, держит пулемет и смотрит на нас. До того низко они летели, что нас видели. Когда нас увидел, начал смеяться. Не знаю, что у него в голове было в этот момент. Ну, абхазские дети прячутся от нас. И когда я его увидел, тихонько голову убрал, и, думаю, сейчас что-то произойдет. Я ведь не знаю, он мог просто взять и расстрелять нас. Но этого, к счастью, не произошло. Они взяли разворот над Атарой и начали бомбить саму деревню. То есть им было безразлично куда, просто забрасывали. Были жертвы, начали погибать ребята. Стали привозить в дома. Все начало погружаться во мрак...

... Приезжали люди домой и говорили, будьте готовы, надо будет уезжать. Мы были готовы, мы спали в одежде, других вариантов не было. Никогда не забуду одну ночь. Пришел сосед с бородой, воевавший. Часам к трем ночи позвал тетю. Это был сентябрь месяц, по ночам было уже холодно. В горах раньше снег выпадал, и с ущелья задувало. Вижу, они у калитки стоят, и эта картина у меня в голове стоп-кадром осталась. Тетя стоит у калитки, и сосед ей что-то рассказывает. Она сказала: «Да, да». Подошла к нам и говорит: «Собирайтесь». Мы не задавали никаких вопросов, что случилось, почему. Мы понимали, что идет война. Мы понимали, что надо выживать. К этому времени я не знал три месяца, где находились мои родители. В 11 лет я не понимал, или я смирился, не знаю, как сказать, что я мог потерять их. Наверное, меня утешало то, что со мной мои братья и моя тетя. Тетя была для меня как мама.

Мы собрались, вышли на улицу, был холод пронзительный. Мы спросонья вышли, еще холоднее стало. Мы идем пешком.

Попытаюсь окупить вас в ту среду, в которой мы находились. Можете себе представить, нигде не было света, люди пользовались тогда керосиновой лампой. Знаете, страшно, идем по трассе, много людей идут с вещами, с детьми, глубокая ночь. Справа и слева дома, двухэтажные дома, и в комнатах видны силуэты людей, которые собирают вещи. Джигарда, Кутол – зажиточные, хорошие села. Я проходил (вот сейчас даже дрожь по телу), становилось страшно, и еще какая-то злость просыпалась во мне понемногу к людям, которые все это учинили. Грузин имею ввиду. Есть погибшие ребята, не знаю где находятся мои родители. Начал задавать себе вопросы: зачем это делают, для чего делают, почему не дают жить? Я был на каникулах у своей тети, что они от меня хотят. Такие мысли посещали меня. Идем пешком и вдруг – ребята-войки, у них «Урал» огромный, эта машина была специально для шахтеров, остановились и посадила нас в неё. Есть дорога через Джигарду в Тхину (Батраз называется). Через эту дорогу можно попасть в Тхину, в Члоу, в любую точку восточной Абхазии. Нас довели до Тхины. Я помню, мы ехали ночью, там были посты, ребята стояли. Кроме этой дороги, больше не было. Эта была центральная. Доехали до Тхины,

потом пошли пешком, километров шесть прошли. Мы как-то одеты были: футболка, кроссовки, джинсы. Пешком до Акуаскьи дошли к бабушке. Бабушка, естественно, обрадовалась, что мы живы-здоровы. Она тоже в неведении находилась: кто где, что происходит. Мы там пробыли немного. Было очень тяжело. Не было света, колодец-то у нас был, но с мельницей была проблема, потом начали крутить мясорубкой кукурузу.

Вертолеты начали летать из Гудауты в восточную Абхазию. Помню, как сосед приносит письмо от той тети, которая уехала. Она пишет, пришлите девочек вертолетом. Думали, как это сделать. Через пару дней пришло еще письмо, писала уже мама. Я понял, что они живы. Ровно неделю, каждый день, мы ходили пешком от Акуаскьи до Ткуарчала, где-то 10 км. Вертолёт садился в Акуарчапан и иногда садился в самом Ткуарчале на стадионе. Мы никак не могли попасть на него: в Акурчапан приходили, он в Ткуарчале садился. В очередной раз мы пришли, он оказался в Ткуарчале. Огромный вертолет прилетел из Теберды, привез гуманитарную помощь, дети маленькие с канистрами просили у пилотов керосин. Может быть, я не совсем всё понимал, но я знал, что им тяжело, что это им нужно. Я не смеялся над ними, потому что я знал, что нет ни света, ни воды, ни еды, ни тепла, ничего нет. Сейчас все это вспоминаю тяжело. Маленький ребенок бегает с канистрой, когда он должен кататься на велосипеде во дворе, или играть со своими сверстниками. Он бегает и просит керосин, чтобы залить в керосинку или в печку залить, чтобы согреться. Он пытается выжить. Все это когда видишь, на психику, конечно, влияет. И это все остается здесь в сердце ...

В тот год зима была холодная, суровая. Мы пришли в Акуарчапан. Помню, очень холодно было. Этими вертолетами я был так напуган, что когда вертолёт садился, я начал от него убежать, ветер ведь от него дует сильный, и меня отвело, я в болото провалился. Я был в кроссовках, и у меня ноги промокли, мне и так холодно было, костер развели, это разве поможет. Там такая толпа собралась у вертолета. Люди толкаются, каждый хочет отправить свою семью. В Акуарчапан два вертолета сели. Сестры как-то пролезли. Я такой стеснительный, скромный ребенок

был. Меня вытолкнули назад. Одна из сестер начала кричать, наш брат остался. Я вытянул руку через голову, через толпу, они схватились за мою руку. Они начали меня тянуть, чуть руку не сломали. И через головы меня туда затащили. Я сел в этот вертолет: вещи, мешки, люди. Ужасная картина была. Дверь закрылась. Тети не было, были только дети. Мы сели, он взлетел еле-еле, чувствовалось что тяжело было взлететь, он до того был перегружен. Кто об этом думал. Война идет, все хотели выжить.

Мы летели через море. Смотрю через иллюминатор, какой-то катер за нами поплыл, и самолет к нам присоединился. Это были российские сушки, они сопровождали. Приземлились мы в Бамборе, честно сказать, я первый раз в аэропорту оказался. Первый раз в жизни я увидел вертолет. Сели, огромный аэродром, куда идти не знаем: я и две сестры. Женщина, благо, рядом оказалась, она была гупская. Мои сестры тоже сами гупские, и она понимает, что мы не знаем, куда идти. Она взяла нас за руку, и сказала: «Пойдемте». Она говорит, видите тот автобус, который стоит, на нем поедет, он развозит. Мы сели, проезжаем КПП. Когда выезжали с аэродрома, там досмотр проводился, остановились. Смотрю, какой-то бородатый мужик в военной форме, в камуфляже зашел, посмотрел. Видно, что кого-то ищет. Спустился, и уходит, дверь закрывается. А сестры мои сидят позади меня, и одна из них кричать начала: «Стойте, стойте, это папа, папа». А я его не узнал, он бороду отпустил, его невозможно было узнать. Он через окно машины их увидел, они стали его звать. Он забегает, там такая картина была. Я не могу передать. Слезы у мужчины, это невозможно передать. А мой отец, по нашим традициям, никогда не показывал эмоции. Приезжаем в пансионат, в центре Гудауты. Такое ощущение было, что из какой-то пустоты мы приехали в шум какой-то. Вокруг вооруженные люди в камуфляже. Это был октябрь, только освободили Гагру, все на позитиве. Там праздник. Я не понимаю, что происходит, будто я контуженный. Поднимаемся наверх, открывается дверь, мама меня увидела. У нее истерика началась, плачет, возле меня бегают, щупают меня. Иду дальше, отец сидит. Я его не узнал, он был в военной форме цвета хаки. Когда я зашел, я думал какой-то русский солдат сидит, а это он с бородой. Он

встает, идет ко мне, берет меня на руки, и у него слезы идут. Я никогда не видел, чтобы у него слезы шли. Этого я никогда не забуду. Тут залетает брат, начинает меня обнимать. Говорит, пойдём со мной. Заходим в комнату, тумба открывается, оттуда вываливаются батоны шоколада. Кушай, говорит. Я ему говорю, не хочу. Он меня спрашивает, что хочешь. Я говорю, хлеб хочу. Он не стал смеяться. Я из Ткуарчала приехал. Понятно, что дети мечтают покушать хлеб. Меня спустили в столовую, я начал есть хлеб, я его столько поел, что икать начал.

Вы задали вопрос, повзрослел ли я. В том возрасте я не понимал, что я уже повзрослел. Сейчас я начинаю понимать, что в 11-12 лет мы пережили то, что не должны были, мы повзрослели. Не по возрасту повзрослели. Я не живу войной, но и забыть её не могу. Это надо взять и стереть память. Мечтать о чем-то было бы кощунственно. У нас детства не было. Осадок остается в сердце, в голове, стараюсь об этом не думать, но забывать неправильно.

Еще картина. Когда война закончилась, отцу выдали трехкомнатную квартиру. Он перед войной ремонт начал делать, окна поменял, двери каштановые, кафель купил какой-то. Все было куплено, он сам у меня мастер. Он все умеет делать. Он хотел все это сделать своими руками. Отец и мать раньше нас поднялись на 8-й этаж, после войны уже. Мы с братом за ними поднимались, смотрим, сидят на ступеньке. Ничего не осталось из того, что было нажито за столько лет, ничего не осталось. Даже двери сняли, окна сняли, ничего не оставили. Война закончилась, ты пришел в свою квартиру, а куда идти. Потом уже начал осознавать, что не все так легко, как хотелось бы. Идешь в школу, а у тебя даже нет обуви. После войны еще труднее было: ни хлеба, ни воды, ни света, ничего. Люди на площадке костер разжигали и там сидели. А что было делать?

С.В.: Как долго все это продолжалось?

Т.А.: Очень долго. Наверное, года три после войны. Отец постоянно находился то в Лате, то в Гале участвовал в майских событиях. Мы жили войной, то есть война продолжалась. Отца дома не было.

С.В.: Как удавалось выживать?

Т.А.: Тяжело очень было. Село очень помогало. Слава богу, фасоль, мамалыга была.

С.В.: Какое событие во время войны для вас было самым страшным?

Т.А.: Все было страшным. Вся картина была страшная. Каждый день ты живешь в такой тяжелой обстановке, и ты не знаешь, что будет завтра. Будешь ли ты жить, или твои близкие, что тебе завтра скажут. Неизвестность, это страшно. Хотя мы были детьми, но мы постепенно понимали, что завтра может что-то страшное произойти. Все это время было страшно. Все это время люди погибали, кто-то без вести пропал, кого-то сожгли, детей где-то убили. Через полтора месяца, как мы прилетели, вертолет взорвали. Там мог любой оказаться, либо я, либо брат.

С.В.: Снились сны о войне?

Т.А. По сей день снятся. Я в них не как ребенок, который попал в войну, а как её участник. Будто я воюю.

С.В. С чем ассоциируется война?

Т.А. Со звуками вертолета. Помню случай, как папа приехал с позиции, чтобы немного отдохнуть. Старший брат у меня всегда был шустрый, и патроны разбирал. Отец решил взять нас на берег и пострелять. Брат пострелял, теперь наступила моя очередь. Я испугался. У меня слезы пошли, истерика началась. Отец не знал, как меня успокоить. Он, говорит, не стоит переживать. Я посчитал за трусость это. Я ему тогда дал слово, если освободят Сухум, я сам буду стрелять в воздух. Как сегодня помню, отец приехал. Под вечер сказали, что Сухум освободили. Началась стрельба, я взял у отца автомат, открыл предохранитель и начал стрелять. Два магазина я освободил. На радостях переборол страх. Я ведь дал слово.

С.В.: Какие чувства были?

Т.А.: Что поедем домой, увидим бабушку, всех родных. Все будут у себя дома. Я так думал, что все живы, здоровы. Слава богу, все остались живы. Я имею в виду мои родные. Один дядя рассказывал, сейчас его в живых нет, что происходило на Восточном фронте, на Меркулском фронте.

С.В.: Какой вкус у войны?

Т.А.: Никакого абсолютно. Война рождает страх, горе, ужасы, катастрофу, развал, голод. Все что плохое может произойти – это война. То есть, хаос, вседозволенность, беспредел, беззаконие, ад – одним словом.

С.В.: О чем мечтали во время войны?

Т.А. Во время войны и в мыслях не было о чем-то мечтать.

... Когда из Кутола мы уехали от вертолетов в Акуаскю, туда покруче начали залетать, уже самолёты Су-27, начали нас бомбить. Место, где наш дом стоит, Арха называется – поле кукурузное. Через поле кукурузное Галидзга протекает. Здесь над рекой появились два вражеских самолета. Они держат расстояние и пролетают. Мы сидим и думаем, сейчас Ткуарчал будут бомбить. И начинается обстрел. 500-килограммовую авиационную бомбу бросили, и не взорвалась, к счастью. Я ждал эти звуки, особенно вертолета. Ждал, чтобы врасплох не застали нас. Я сидел и ждал, откуда он прилетит, даже место знал, откуда прилетит. Мы убежали из дому. Потому что он мог сбросить ракету на дом. Неизвестно, как они могли поступить.

02.02.2018 г.

Алиса Матуа,

к.б.н., доцент кафедры экспериментальной биологии и медицины Абхазского государственного университета

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

А.М.: Матуа Алиса, 36 лет.

С.В.: Расскажите немного о себе.

А.М.: Я абхазка, родилась в абхазской семье, в городе Сухуме. Закончила десятую среднюю горскую школу, потом Абхазский государственный университет, затем поступила в аспирантуру, защитилась в Петербурге, стала кандидатом наук. Уже 13 лет работаю в научно-исследовательском институте, являюсь врачом клинико-лабораторной диагностики.

С.В.: Спасибо. Сколько вам было лет, когда началась война?

А.М.: Война у нас в девяносто втором началась, мне было 11 лет.

С.В.: Где вы узнали о войне? Где вы в этот момент находились, и как вы это восприняли?

А.М.: Мы были в Сухуме. Мы жили у въезда в Сухум в 16-этажном доме, а другая часть нашей семьи: тетя Валя, мамаду, пападу, жили в доме по Кодорскому шоссе. Никто естественно не мог поверить. Впервые дни мы вообще ничего не понимали, потом как-то все очень быстро повзрослели. Мы должны были уезжать, уже собирались в Приморское к папиным родителям. Мама должна была делать закрутки, и наш багажник весь был в банках. Она собиралась что-то закрывать, и потом мы должны были поехать в пансионат в Ауадхару. У нас такая семейная традиция, часть лета мы проводили в Приморском, часть – в Лыхны, потом обязательно уезжали на Ауадхару, а зимой мы ездили в Москву. Папа приехал за нами, мама находилась на работе, он ее оттуда привез. Папа нас срочно увез домой в Приморское.

Папа вернулся в Сухум. А через два дня город был взят. Конечно, я всего не помню. Помню, что мы остались в Приморском. Там вся семья была, в семье у папы три брата и одна родная сестра. Мы, дети, были приблизительно одинакового возраста. У троих братьев моего отца в один год родились три дочери, то есть мои сестры – мои ровесницы. У меня один старший брат. В год войны он закончил школу, не успел поступить в университет, так как началась война. Он учился в экспериментальном классе, и закончил школу на год раньше, то есть ему было 16 лет. Молодых бойцов готовили, и он сразу ушел туда. Я помню, что нас детей хотели вывести. Помню, как мама сказала, что не может, чтобы сын с мужем оставались, а она уехала со мной. Я сегодня понимаю, что мама была абсолютно права.

С.В.: Хотелось бы вернуться к первому дню войны. Вы услышали слово «война», вы помните свои чувства? Вы понимали, что такое война? Где-то слышали, может быть?

А.М.: Я сейчас сравниваю детей, своих племянников, например, моего возраста, и нас. Какие-то мы (ушлые) были дети, не знаю даже, как это объяснить, мы быстро во все это вникли. Мы хотели быть рядом с родителями, и какую-то сопричастность чувствовали. Я не знаю, как это правильно объяснить, у нас все родственники практически с гудаутской стороны, но у меня прабабушка очамчырская – Габелия, и там много наших родственников. В общей сложности, в доме было около 30 человек, начиная от маленьких детей-грудничков. К счастью, год был очень урожайный, много было фруктов и овощей. И я помню, когда бабушка моя Лакрба – такая аккуратная, изящная женщина варила мамалыгу на костре в огромном котле, я удивлялась, как ей это удастся. Мы тоже хотели как-то помочь, приобщиться ко всему этому с первого дня, мне кажется. Мамин двоюродный брат в Гагре погиб. И у меня в памяти сразу черный цвет, черные одеяния, мужчин практически нет в доме, женщины постоянно на каких-то плаканьях. И вот этот негатив, который есть, но при этом наши мамы – молодцы, женщины нашего дома, все невестки и бабушка, несмотря ни на что старались делать все. Нас было очень много детей.

С.В.: Сколько вас было детей?

А.М.: Только нас 8 внуков было, и постоянно что-то менялось, кто-то приезжал, уезжал. Но старались поддерживать позитивную атмосферу. Естественно, мы прислушивались к разговорам взрослых, и очень быстро повзрослели.

С.В.: Скажите, пожалуйста, все это время вы находились в Приморском?

А.М.: Мы находились в Приморском первую часть войны, потому что Гагра была занята врагами. Так как нас было много в Приморском, нам тяжело было всем уместиться в одном доме, поэтому потом мы уехали к маминым родителям в Лыхны. Я с мамой находилась там часть войны. Я ходила в школу, и не пропустила год.

С.В.: Учеба у вас как проходила, хватало учебников?

А.М.: Я даже удивлялась как. Позже, когда вернулась в свою 10-ю школу, меня похвалили по биологии. Часть детей ведь вообще не ходила в школу. Если говорить о Восточной Абхазии, там было совсем тяжело, даже те дети, которые выезжали, не каждый имел возможность учиться, а мы в Приморском не пропустили ни одного дня. Наоборот, наш директор был строг, пытался создать рабочую атмосферу, и это было правильно, потому что дети должны учиться, и все проблемы должны обходить детей стороной. Как-то нужно уметь детей в это не посвящать. Часть дня у нас была в школе, мы учились, полдня этому отдавали. Поэтому в плане учебы мы практически не пострадали.

С.В.: А хватало учебников?

А.М.: У нас не было проблем с учебниками, я не помню в Приморском такого.

С.В.: Чем вы питались?

А.М.: Это был, наверное, какой-то дар Божий, по другому не могу сказать. Настолько был урожайный год, много фруктов, овощей. Мы, дети, сделали себе участок. У нас какие-то не реальные овощи были, помидоры, огурцы, синеньки, кабачки каких-то больших размеров. Даже взрослые нас хвалили, говорили, как у вас получается. Мы не можем никак даже сравниться с Восточной Абхазией. В Гудаутском районе был хлеб, муку привозили, мы сами пекли хлеб. Проблем с едой не было. По крайней мере, у нас было все необходимое.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало?

А.М.: Для меня стресс был связан с вещами, потому что надо было идти в школу, а не в чем было абсолютно. Как мы уехали из Сухума в летних вещах, так и остались. Хотя первые два дня у родителей был доступ к квартире, только через два дня был оккупирован весь Сухум. Но ни маме, ни папе не пришло в голову из квартиры что-то забрать. Единственное, что взяли, это были документы.

С.В.: Скажите, пожалуйста, вы в первый раз во время войны увидели солдат в форме?

А.М.: Нет, у нас в Приморском была часть. Поэтому людей в форме я видела и раньше. Форма для меня стрессом не была, я к этому нормально относилась.

С.В.: Помните ли вы бомбежки?

А.М.: Стрельбу, да. Слышала, как бомбили Афон. В этот день было очень беспокойно. Наши родственники погибли.

С.В.: Есть ли для вас самый страшный эпизод, которым вы хотели бы поделиться? Эпизод, который во время войны произошел?

А.М.: У меня в принципе от таких моментов не осталось сильного страха. Все это время было понимание того, что постоянно гибнут родственники, люди. Был страх за своих близких и родных. Наш страх несопоставим с детьми из Ткуарчала. Мы находились в своем доме. Старшие, конечно, помогали в этом, атмосферу благоприятную создавали. И когда за твоими воротами нет этой стрельбы, нет танков, бронетранспортеров, ты это не с таким ужасом воспринимаешь. Но всегда было как-то больно.

Помню, как дедушка был против того, чтоб два брата воевали в одном отряде. Он боялся, что они погибнут вместе. Они были двоюродными братьями, и оба единственные. В семье у моего деда было три брата, один погиб на войне, Великой Отечественной, другой пришел без ноги, а дедушке в то время было 14 лет. Так он помогал семье брата, которого потерял. Это была вторая война в его жизни.

С.В.: Вам дедушка вообще рассказывал о Великой Отечественной войне?

А.М.: Я больше знала из уст другого дедушки, с папиной стороны. Папин дядя родной и дедушка прошли всю войну. И вернулись в один день. Рассказывают, сначала вернулся наш пападу, он вернулся офицером, и это было такое счастье. Они готовили стол, чтобы отметить. Во второй половине дня приехал дядя. И, наверное, она, бабушка, была самая счастливая женщина.

С.В.: Вот вы говорили: часть войны вы находились в Приморском, ваша бабушка, несмотря на то что было такое количество людей, могла вас всех прокормить. Скажите, что больше всего вам запомнилось из детских военных лет, чего вам сейчас не хватает?

А.М.: Все было настолько вкусно, это было с каким-то невероятным вкусом. Это было сделано с такой любовью, что нам казалось, что нам всего хватает. То что было, старались подать так, чтобы мы, дети, видимо, не почувствовали этого, и поэтому в этом плане у меня какие-то светлые воспоминания. Когда нас было очень много, мы дружно вместе – и взрослые, и дети сидели за одним столом. Вкус мамалыги не забуду. Ее варили на костре, это был незабываемый вкус.

С.В.: Можно сказать, что вы ностальгируете по этому времени или нет?

А.М.: Ностальгирую, потому что нас было так много, и такое было единение. И это вспоминается с таким трепетом и теплотой в душе. Этого всегда не то, что не хватает, это нельзя забыть, и то, что особенно соединило большую семью. Потому что многих сегодня нет.

С.В.: Скажите, пожалуйста, как вы думаете, что помогло выжить?

А.М.: Вера, и знание того, что это твоя земля, у тебя нет другого выхода, что правда на твоей стороне, и то, что тебя оккупировали. Даже члены моей семьи, которые никогда не ходили в церковь, стали ходить в церковь. Потому что у нас с маминой стороны христианская семья, а с папиной стороны – мусульманская. После войны мы практически все стали православными.

С.В.: Вы считаете, что это война наложила отпечаток?

А.М.: Вполне, потому что мама стала ходить в церковь именно в войну, до войны это как-то не практиковалось в нашей се-

мье. Рядом с нами жили люди, которых я с детства очень любила. В Мартовском наступлении их не стало, они погибли. Четверо ребят, которые были нам очень близкими. Они все были в одном отряде. Это был отряд смертников. Дяде моему, двоюродному брату мамы Гумба Владимиру (Канти), тогда было сорок лет, а сын на два года меня старше. Столько лет прошло, но все равно тяжело.

До войны было сказочное детство. У меня такие воспоминания довоенного детства. Родители нас летом оставляли в деревне, как я говорила, то в Лыхны, то в Приморском, и мы там проводили замечательно дни, было настолько комфортно нам. С маминой стороны в селе Лыхны мы были первыми внуками, я была единственной девочкой. Традиционно вечером у нас дома все собирались. У нас длинная гостиная, десятиметровый стол. Кто-то играл в нарды, кто-то в карты, кто-то в домино. Каждый вечер, были свои приколы. Дядя, который умер, был человеком с юмором, у него сын такой же. Этот юмор, эти эмоции передать... Например, если он чинил машину – я была в мазуте, он брился – я была в пене. Что бы он не делал, я во всем этом участвовала. И все ребята, которые приходили к нам (погибли) создавали такую комфортную атмосферу. И хотя я была ребенком, но уже полноценно состоявшимся членом команды. Я была четвертой, когда они играли в джокер, с детства научили играть в нарды, научили плавать. Река Хыпста имеет сильное течение, и они каждый год для меня вырывали такой ров, бассейн. Я отдельно купалась. Так заботились об мне.

С.В.: То есть у вас детство ассоциировалось с Лыхны?

А.М.: Очень, настолько много теплых воспоминаний. У меня была такая бабушка. Для Абхазии это характерно: гостеприимная женщина, и если говорить о гостеприимстве, то Лыхны для меня одно из тех сел, истинно абхазских, истинно традиционных. Все основные традиции, апсуа акэаматцамарақәа, аламыс, апату, сохраняются здесь. У мамы очень традиционная семья, и то, что пишут в книжках, когда человек подходит ко двору, чтобы попить воды, ему выносят вино, это все из моего детства.

С.В.: А какая фамилия семьи маминой?

А.М.: Гумба. Зосим Гумба – это мой дед. Многие его знают, чтят. Я его очень любила, дедушка у меня был грамотный. Обязательно мне в течение дня что-то читал, ночью не ленился, вставал и показывал мне созвездия: «Большую медведицу», «Малую медведицу». Он работал надо мной. Первый, кто познакомил меня с работами Фазиля Искандера и новеллами Лакрба, был мой дедушка. Столько у меня светлых воспоминаний! Вдруг в один момент многих родных не стало. Мне, как ребенку, было непонятно, где тела родных. Мы только после войны, в братской могиле смогли их найти. Видимо, не все они были мертвыми, когда их туда скидывали, судя по тому, что мама рассказывает, в каком виде их увидели там. Это, конечно, страшная история. Не было их тел, просто лежали вещи. Получается, соседи друг к другу ходили. Хотя я не сталкивалась с мертвецами, но я немножко стала понимать, что происходит. У меня всегда с родителями, в частности с мамой, такой правильный диалог был. Она мне все старалась объяснить, рассказать. Она мне в очередной раз все объяснила, и я как бы поняла, и в то же время не понимала. Когда ты не видишь тела, не осознаешь того, что человека нет, и есть надежда, что он живой. Потом нашли дядю Владимира (Канти), похоронили. Надежда рухнула. И в то же время, это было счастье, что ты имеешь тело, есть могила, к которой можешь прийти.

С.В.: Вы почувствовали, что ваша жизнь разделилась на до и после войны?

А.М.: Не хотелось это признавать, но по-другому не может быть у детей Абхазии. Не только у меня, скорее всего, у всех сознательных детей. У меня в памяти осталось безоблачное, сказочное детство, жизнь довоенная. И эта война, хотя нас родители и старались ограждать, но тем не менее мы очень повзрослели. Я сужу по себе, по своим сестрам, насколько мы старались помочь, влились в хозяйское дело. Рано стали взрослыми. У моего поколения детство было украдено.

И потом уже начался другой, послевоенный период, по своему счастливый, со своими сложностями, конечно. Но это уже другая жизнь, со своими плюсами и минусами. Хочется, чтобы мы ценили, помнили, не забывали, какой ценой мы полу-

чили опять нашу страну. Это должно быть очень четко в нашем сознании, мы должны из поколения в поколение правильно это доносить. Должны понимать, что наши старшие воевали ради своей семьи, ради своей земли, ради своей Абхазии. И этим спекулировать нельзя. Те, которые максимум усилий приложили, очень скромны. О настоящих героях мы до сих пор не знаем. Именно из-за их скромности.

С.В.: Есть какие-нибудь радостные воспоминания о войне?

А.М.: Настолько врезалось в память 27 сентября. В тот день мы находились в Приморском. Мы слышали стрельбу. У нас дом на возвышенности, и в принципе мы с балкона нашего дома хорошо видим набережную Сухума. Я помню фейерверки. Звучали крики: «Победа! Аиаааира, аиаааира, Ардзынба, Ардзынба», – вот это я помню.

С.В.: Сейчас вспоминаете о войне?

А.М.: Не вспомнить невозможно. Я достаточно часто проезжаю Гумистинский мост, не было не разу, чтобы я проехала его и не вспомнила погибших. Я каждый раз мыслями к ним возвращаюсь.

С.В.: У вас остались страхи военные?

А.М.: Нет.

С.В.: С чем у вас ассоциируется война?

А.М.: Стрельба, крики, гибель, взрывы. Когда проезжаю Гумисту, Лыхны сразу вспоминаю. И это уже на автомате. При этом, я об этом вспоминаю как бы отдавая дань памяти. Но это не плохие мысли, вспоминаю о том, что это произошло, что этих людей нет, но с позитивом на будущее. Я приняла это уже как данность, но не помнить о них и не вспоминать невозможно.

С.В.: Какое лицо у войны, как вы думаете?

А.М.: Сложно одним словом его нарисовать или обозначить. Какая-то безысходность. Когда тебе не под силу остановить это, это осознание ужасно, это трагедия.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

А.М.: Сложно одним словом сказать, это какая-то горечь.

С.В.: Что вам сегодня не дает покоя?

А.М.: Для меня, как для человека, воспитанного в абхазских традициях, сегодня тяжелее всего, что мы начинаем терять свое

абхазское традиционное лицо. Столько ребят, по-настоящему правильно воспитанных, цвет нашей нации погибли, мы сегодня не имеем права вести себя так, как мы себя ведем. Это страшная вещь, над которой нужно работать. Я понимаю какие-то вещи, архаизмы должны отходить, да, мы люди 21 века, но есть вещи, от которых если мы отойдем, мы потеряем свое лицо. Хотя я и оптимист, я очень боюсь того, что наблюдаю. Вижу, сегодня многое к этому подводит, и естественно, мы не имеем права потерять свой язык, потому что человек или нация, потерявшая свой язык, не может существовать как нация. У нас очень емкий, зыбкий, красивый язык и мы не имеем права его потерять. Мы – то поколение, которое прошло все это. Хочется стабильности и веры в завтрашний день. Но сегодня у нас в стране, на мой взгляд, достаточно сложная ситуация во всех сферах деятельности. Надеешься, что будет лучше. Опять-таки я повторяюсь, я оптимист, я верю в то, что у нас есть ресурсы, у нас есть много достойных людей, которые, может, сегодня просто не имеют возможности себя проявить. Я очень надеюсь на то, что наступит время, когда этим людям будет дана возможность, и они смогут себя проявить, что у нас все-таки получится выстроить правильное государство.

С.В.: Вы задумывались о том, что война повлияла на вас, как на личность, на становление вас как личности?

А.М.: Какие-то жизненные обстоятельства просто нас закаляют, скорее всего, то, с чем мы столкнулись, не могло не повлиять на нас, мы даже не подозреваем, не можем оценить полностью, насколько это на нас повлияло. К счастью, если говорить о себе, о своем окружении, как мне кажется, это не сделало нас злее, хуже. Просто становишься сильнее, еще раз повторюсь, пришлось стать взрослее. Повзрослели слишком рано.

С.В.: Если бы у вас сегодня была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы им хотели пожелать?

А.М.: Прежде всего, хочу, чтобы не только дети войны, вся моя нация максимально была здорова. Не терять свое человеческое лицо, не терять апсуара, не терять то, к чему нас изначально приобщали наши старшие. И если это будет в нас, то это

будет и в другом поколении. Мы – ключевое поколение, как мне кажется. Очень много, как бы это громко не звучало, зависит от нас, потому что мы и хорошее, и плохое увидели. Мы должны в становлении нового государства принимать участие, и от того, как мы себя позиционируем в этом обществе, и от того, как мы видим будущее в нашей стране, от этого будет многое зависеть. Поэтому своему поколению – детям войны, хочу пожелать не потерять свое человеческое лицо, ни в коем случае не терять свои традиции, и работать над собой.

С.В.: Спасибо большое.

18.07.2018 г.

Изоolda Берулава,

начальник отдела по корреспондентским
счетам КБ «Амра-банк»

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

И.Б.: Меня зовут Берулава Изоolda Леонтьевна. Во время войны мне было десять лет, брату было восемь. Перед тем, как началась война, мы каждое лето ездили к тете. Тетя – родная сестра моего отца. Она была замужем за местным сухумским грузином. И этим летом мы приехали отдыхать к тете в Сухум. В конце июля папа хотел забрать нас домой. Мама попросила еще остаться, так как у тети шел ремонт, а она хотела помочь ей. У тети еще маленькие дети были. Так мы и остались.

Началась война. Наш дядя, тетин муж Тимур, побоялся куда-либо нас отпускать. Он говорил, я несу за вас ответственность, неизвестно, как вы доедете. Естественно, у всех был шок, все ждали, что война скоро закончится. Время шло, а у нас не было никаких вестей от родных. Они не знали, что с нами, а мы не знали, что с ними. Дядя наш, благородный человек, его упрекали иногда, почему ты не идёшь воевать. Он говорил: «Я не могу идти стрелять в дядей моих детей». В начале мы играли с другими детьми, но затягивалась война, и маме стали намекать, мол, абхазы здесь живут. Маме был на тот момент 31 год. А когда начали бомбить Абжакву, сейчас называется Чанба, нам грузины говорили, можете не прятаться, абхазские пули вас не убьют. Так попрекали нас. Мне было 10 лет, но я понимала, что что-то плохое говорят за абхазцев, мне становилось не хорошо, и я начинала отвечать по-детски, даже взрослым. Потом вечером со мной проводили беседу, говорили, не стоит, ты ребенок, вообще не отвечай, потому что ситуация не из лучших. Было неизвестно, кто может прийти, забрать нас, и что с нами вообще может произойти. Нам помогало то, что дядя был очень уважаемым

человеком, очень благородным. Особо нас не трогали. Но тем не менее, были всякие моменты. Дети, бывает, играют, играют, а потом начинают бить брата, мол, ты – абхаз. Начинали бить, я естественно, как могла, защищала его. Помню, что дралась со всеми. Мама рассказывала, что не забудет одну картину. Она увидела, как мы оба дрались, и от шокового состояния не могла сдвинуться с места. Нам говорили: «Ваш отец ночью на вертолете прилетал, у дяди вашего руки по локоть в крови». Когда абхазы начали наступать на Сухум, слухи ходили, что чеченцы – это звери, рубят головы. Все стали собираться, уезжать. Мама сказала: «Давайте, я с детьми останусь, потому что наши, абхазы, придут». Дядя испугался. Он говорил: «Вы ведь не знаете, кто первым придет в дом, мы не знаем, что может произойти. Получилось так, что мы, абхазы и грузинская армия Сванетию прошли пешком. Мы уходили вместе с ними. Мы всю дорогу молчали, потому что мы русскоговорящие были, у нас был акцент.

С.В.: А сколько вас было человек?

И.Б.: Получается – вся улица. Мы, мои двоюродные братья, которые тоже говорили на русском. И чтобы нас ничего не выдало, мы вместе с грузинами убегали. Не знаешь, какая будет реакция. Люди озлобленные убегают, все оставляют, нам не разрешали вообще разговаривать. Всю эту дорогу молчали. И самое яркое впечатление, когда мы сидели в горах, слышали стрельбу. Все говорили, что Сухум взяли. А кому ты эту радость передашь? Все ликуют, радуются, мама, тетя. А виду не показывают, потому что тебя просто уничтожат, если ты как-то себя выдашь. Всю Лату мы прошли пешком. Потом попали в Мингрелию. Оттуда один местный, который бежал из Сухума, ездил часто на Ингур. Мама решила написать письмо и дать ему. Она написала в письме, кто она, всех родственников перечислила. Он сделал все, о чем просила мама. На Ингурской границе стоял наш родственник. Он сказал, что через два дня будет на смене, сказал чтобы мы пришли. Нас все искали. Оказывается, когда освобождали Сухум, уже на подступах мой отец, мои дяди первые пришли в дом, а нас не было, какие-то старики оставались. Они не знали, что с нами.

С.В.: То есть весь год не было информации?

И.Б.: Да, не было вообще никакой информации. Мы застряли в Сухуме. Единственная информация появилась в середине войны, когда было перемирие. В это время приехала делегация, которая состояла из иностранцев, русских, грузин, абхазов. В этой делегации находился папин двоюродный брат. Он нас не мог перевезти, но подал весточку, что с нами все нормально. Оказывается, все родственники, соседи папу жалели говорили между собой: семья у него пропала. Мой дядя Авто был на передовой, его потом убили в Гале. Все папины братья и папа скрывали, что воевали, потому что боялись, что просочится информация о них, и нас убьют.

С.В.: Чего больше всего вам не хватало?

И.Б.: Хотелось быть со своими. Хотя, мы детьми были, мы понимали, что находимся не у себя, мы понимали, что вокруг люди, которые смотрят как-то не так. Все равно мы были другими, чужими, единственное, где мы это не ощущали, в доме. Время проходило, люди становились все злее и злее, то бомбили, то еще что-то. Когда мы узнали, что Ткуарчал стал блокадным городом, что там голод, мама говорила, что лучше быть голодными, но со своими.

С.В.: Несмотря на то что шла война, вы оставались детьми. Во что вы играли, играли ли вообще? Какие у вас были игры?

И.Б.: Мы играли в казаки-разбойники. Бегали постоянно на стройку. У нас произошла одна комичная история. Когда наши сидели на какой-то горе, на сопке, когда они бомбили непосредственно улицу Чанба, оттуда шли звуки характерные. Если раздавались эти звуки – все разбегались в разные стороны. И вот, звуки есть, а ничего не происходит, не бомбят. Через два дня обнаружили, что это был мой брат. На стройке стоял железный бак, весь в известке, брат играл, стучал по этой железяке, по баку. И такое было. Все дети, которые жили в переулке, там жили и греки, собирались в нашем доме. У нас был большой двор, мы там играли. Все свое время мы проводили там.

С.В.: Помните ли вы бомбежки?

И.Б.: Бомбежки? Да. Перед нашим домом на Чанба стояла грузинская позиция, пушки стояли. Это было что-то страшное,

когда они начинали бомбить. Такое ощущение было, что без конца стреляют. Это был сильный страх.

С.В.: Что вы испытывали?

И.Б.: Страх. Мы прятались позади дядино дома. Были такие достаточно крепкие стены, и практически вся улица пряталась там. Страшные ощущения, даже когда звук издается. Пули со свистом летят и падают. Это в основном происходило ночью, а днем было как-то тихо. Ты выходишь утром, видишь – дома с дырами. Естественно, было жутко. Изю дня в день это происходило. Иногда бывало страшно на улицу выходить, потому что мы не знали, в какой момент это начнется.

С.В.: Какой для вас был самый страшный эпизод во время войны?

И.Б.: Бомбежки. Самое страшное, когда мы шли пешком по Лате. Там была ужасная дорога, это подъемы в горы.

С.В.: У вас одежда была?

И.Б.: У нас была одежда, но много с собой не возьмешь, потому что уже сам идти не можешь, не то что нести с собой, голодные были. Мы шли пешком, во-первых, голодные, во-вторых, мы разговаривать не могли. А мы ведь были детьми. Нам сказали молчать, вот мы и молча шли. Смотришь вдаль и видишь, что нет конца, дорога не заканчивается, устаешь. А там были местные сваны, которые на лошадях мимо проезжали. Они своих же грабили, и за молоко золото забирали. Я до сих пор считаю их дикими. Над своими же издевались. Люди у них спрашивали, сколько нам еще идти, они говорили, километр, а дорога не заканчивалась. Люди между собой прозвали эту дорогу «сванские километры». Это правда. А у моей мамы длинная коса была, и всю дорогу она эту косу прятала за кофтой, чтобы не привлекала внимание. И как-то раз она села, и говорит: «Я идти не могу». Она сказала мне: «Ты иди дальше, я потом вас догоню». Я не отошла, нет, говорю, я тебя не оставлю, я никуда не уйду. Мы говорили очень тихо, чтобы нас никто не услышал. Так мы поднялись друг друга. Может быть страх перед тем, что я ребенок, и не ухожу, поднял её.

А когда мы уже Ингур прошли, я никогда не забуду, мы стоим по ту сторону, приходит молодой человек, рыжий такой, высо-

кий. Чем-то был на моего дядю похож, и он говорит: «Кто тут Берулавовцы?» Мы ответили: «Мы». Прошли за шлагбаум, который там стоял, тетя тоже с нами была. И тут он сказал: «Все. Можете говорить». Он заговорил по-абхазски. В этот момент у меня в ушах зазвенело. Правда, такой был звон. Во-первых, разрешили разговаривать, услышали в конце концов абхазскую речь. Это, конечно, самый запоминающийся момент.

С.В.: Какой был самый радостный момент во время войны?

И.Б.: Это и был самый радостный момент, когда ты перешел, ты понимаешь, что ты вот-вот увидишь папу, родных и слава богу, все живы и здоровы, что добрались все-таки.

С.В.: А как долго вы находились в Мегрелии?

И.Б.: Я не могу точно сказать, недельки две.

С.В.: А где вы там находились?

И.Б.: Многие жили в детских садах, где-то в других местах. А нам повезло, мы находились у родственников нашего дяди. Квартира пустовала, нас поселили в ней. Там тоже такая история произошла. Беженцам всем в одном месте выдавали хлеб. И нас, детей, отправили за хлебом. Я была с девочкой-грузинкой, со мной она разговаривала на русском. Мы стояли в очереди, а там очередь такая длинная была. Все эти беженцы хотели вернуться, говорили, мы через месяц вернемся. В общем, стоим мы с ней, разговариваем, мы же дети, забыли совсем, что разговариваем по-русски. Один мужчина говорит: «Девочка, подойди сюда». Но я ведь была ушлая, понимала, что здесь опасно. Я подошла спокойно к нему, и он у меня спрашивает: «А как твоя фамилия?» Я говорю: «Берулава». Просто я знала, что берулавовцы и мингрельцами были. Я понимала, что меня это может спасти. Он меня спрашивает: «Почему ты на русском говоришь?» Я отвечаю: «У меня мама русская». Помню, когда я от него отошла, мне стало так страшно, я испугалась: вдруг он понял, кем я была. У меня страх возник. Не взяв хлеба, мы с этой девочкой смешались с толпой, и прибежали домой. Все рассказали. Конечно, после этого нас одних никуда не пускали. Мы пробыли там недельки две.

С.В.: Помните ли вы отношение этих беженцев к вам?

И.Б.: Все остальные не знали же, кто мы. Думали, мы такие же, как и они. Благо, нам повезло, про нас знали только те люди, которые жили на улице Чанба, наши соседи, но получилось так, что мы не вместе шли. С нами была одна женщина с семьей, но она никогда в жизни не сказала бы о нас, она очень хорошо к семье дяди относилась. Она ничего не сказала. Может быть, если бы мы всей гурьбой шли, кто-нибудь и ляпнул бы. Нам просто повезло, что мы не все вместе шли. Мы вначале были все вместе, потом кто-то отстал, кто-то ушел вперед, кто-то остался.

С.В.: Много вас было людей, которые переходили?

И.Б.: Много. Я не могу сказать точно. Это были грузины, которые жили здесь, и еще их армия.

С.В.: А когда это происходило?

И.Б.: Это было в сентябре. Когда наши стали наступать, все бежали. Помню, как женщины накидывались на военных, и кричали, куда вы бежите, вы должны защищать город. И мы шли с ними со всеми. Я думаю, это бог на нас посмотрел, что мы целыми перешли весь Кавказский хребет. Пешком прошли абхазскую, грузинскую Сванетию, и вот счастье наше, что мы в пути себя никак не выдали. Ведь когда люди злые, неизвестно, что они могут сделать.

С.В.: Бывало вам страшно?

И.Б.: Там, на дороге, было страшно.

С.В.: Всю войну вы находились в оккупированном Сухуме.

И.Б.: Да.

С.В.: А чем вы питались?

И.Б.: Нас снабжал дядя. Его фамилия была Каличава. Он работал здесь, в Сухуме, несмотря на то что шла война, как-то люди работали. Я не знаю, но мы голодными не были. Помню, когда мы шли по Сванетии, еда закончилась. С собой же много не понесешь, и когда мы уже перешли этот хребет, в ту ночь нас разместили в какой-то сванской семье. Нас ведь было много, там, на сванской печке нам пожарили хачапуры с картошкой. Это было что-то невообразимое, единственное такое яркое впечатление, потому что были голодные.

С.В.: Что вы испытали, когда вы видели солдат?

И.Б.: Это страх. Реально страшно. Я ведь говорила, у нас через дорогу была позиция. Бывало, солдаты иногда заходили в дом: то воду попросят, то еще что-то. Мы старались не попадаться им на глаза, особенно моя мать.

С.В.: Вы вообще впервые увидели солдат?

И.Б.: Да.

С.В.: Как вы думаете, что помогало выжить?

И.Б.: Вера, что это вот-вот закончится.

С.В.: Бывали минуты отчаяния у вас лично, когда вы думали: нет конца этому всему?

И.Б.: Нет, наверное в силу того, что ребёнком была, такого отчаяния не было. Просто всегда ждали, когда все это закончится, когда мы поедem домой, когда мы увидим папу, когда мы увидим дедушку, бабушку. Дедушка с бабушкой жили в Беслахубе, и самый первый дом, который сожгли, был наш. Но об этом мы узнали после войны. Когда мы приехали, мы увидели эту разруху, мы увидели наш сгоревший дом. А у нас был очень хороший дом. Мы считались обеспеченной семьей. Моя бабушка была грузинкой. Когда в 1989 году были волнения, в администрации Беслахубы (в этом селе жило много грузин) проходило общее собрание. Там и выступила моя бабушка. Так как у бабушки сыновья и муж абхазы, она выступила на стороне абхазов. Этого ей местные просто не простили. Тем более у нее было трое сыновей, которые воевали за нас, так что и первый дом, который сожгли, был наш. Бабушка с дедушкой успели убежать и спрятаться в кукурузнике. На их глазах горел дом. Все остались живы и здоровы, спасибо богу! В некоторых семьях вообще ужасы произошли. Дядю после войны в Гале грузинские бандформирования убили, потеряли, конечно, многое, дом потеряли. Остались без ничего, даже фотографии ни одной нет.

С.В.: То есть вы жизнь начали заново?

И.Б.: Наша семья жила в Ткуарчале, это был наш коренной дом, дом, который собирал всех. Мои дедушка и бабушка остались без крова, сгорело все. Дом по сей день не восстановлен, так как нужны большие вложения. Рядом с нашим сгоревшим домом была казарма. После войны папа сделал в ней комнаты,

и бабушка с дедушкой последние годы своей жизни прожили в своем дворе.

С.В.: Скажите, пожалуйста, помните ли вы День Победы?

И.Б.: Мы находились в горах. Было темно, и оттого что стреляли мы видели блики огня. Грузины, которые были с нами говорили: «О, Сухум взяли!». Для нас это была такая радость, которую не передать никому. Кому передашь свою радость? Единственные, кто тогда в горах радовался, это были мы, наверное. Может, еще кто-то был, просто мы о них не знали. Этот День Победы мы встретили в горах, и каждый год об этом вспоминаем. Вспоминаем на 30 Сентября и в день освобождения Сухума, мы говорим, что в это время, столько-то лет назад мы сидели в горах и издали наблюдали за всем этим.

С.В.: Как вы думаете, в какой момент вы повзрослели? Можно ли это связать с войной вообще?

И.Б.: Можно. Будучи детьми мы столкнулись с тем, с чем не должны были. Мы понимали, что это – твое родное. Тогда, может, я и осознала, что мое родное. Бывало, когда пушки стреляли, а взрослые кричали: «Давайте в Гудауту, в Гудауту, стреляйте», меня это так бесило. Мне было 10 лет, я начинала с ними ругаться. Конечно, было опасно так вести себя в том окружении, но в силу того, что я была ребенком, мне прощалось.

С.В.: Можно сказать, что ваше детство было украдено, что вы лишились детства?

И.Б.: На год, да.

С.В.: Один год?

И.Б.: Да, несмотря на то что мы и играли, и баловались, конечно, украдено. Во-первых, это отпечаток на всю жизнь, ты всё вспоминаешь. Братья, с которыми мы вместе были всю войну, мои двоюродные братья, каждый год приезжают, мы общаемся. Они грузины, а мы абхазцы. Но мы никогда не затрагиваем эту тему, мы никогда не спорим, никогда. Они совсем маленькими детьми были, одному был год, другому три. На самом деле, для нас всех это на всю жизнь осталось. Дедушка мой говорил: «Ты о том, что помнишь, могла бы книгу написать», а я отвечала: «Зачем это вспоминать, было, прошло, и пусть никогда не вернется ни к каким детям». Война калечит, остается

на всю жизнь, ничего хорошего в ней нет, и не дай бог, чтобы это вернулось!

С.В.: Вы можете сказать, что ваша жизнь разделилась на до и после войны?

И.Б.: Да, мы говорим до войны, после войны.

С.В.: Несмотря на все сложности остались и теплые воспоминания, что-то вспоминаете с теплотой?

И.Б.: Конечно. С теплотой вспоминаю семью, в которой мы находились, которая нас в обиду не давала никому. Благодаря ей с нами ничего не сделали. Наши родственники действительно теплые люди. Родственные отношения не деваются, никуда не теряются независимо от национальности.

С.В.: Остались у вас страхи военные?

И.Б.: Страх при виде оружия, страх именно вот этого автомата. Я до сих пор не могу, мне плохо когда оружие держат. Когда по телевизору смотрела, как бомбят Сирию, с ужасом думала: чтобы никогда, никогда, здесь такого не повторилось, потому что это, правда, очень страшно.

С.В.: Можете вспомнить какой-нибудь эпизод, произошедший с вами во время войны, когда вы находились в Сухуме, о котором часто вспоминаете?

И.Б.: Мы часто вспоминаем один случай. Был праздник перед старым Новым годом. Дети с улицы собрались и говорят: «Давай мы будем ходить по домам и сею-вею, посеваю петь». Для меня это было что-то новое, ведь дома у себя мы этим не занимались. Естественно, мы все пошли, в том числе и мой брат. Снег лежал по пояс. Кто-то нам печенье дал, кто-то конфеты. Помню, как пришли в один дом к женщине, видно, были гости, я запомнила, что она была очень злая. Она нам сказала: «Делать мне нечего, вам что-то давать». Нас целая улица детей была. Мы пришли домой, и рассказали все дяде. Он нам сказал: «Знаете, что я бы сделал? Я бы ей калитку снял и спрятал». А нам только это и скажи. Мы, дети, собрались: нам не хватило калитки, мы все ворота сняли. Там ворота же на петлях, утопили их в снегу. Потом решили калитку вместе с воротами бросить под мост на ул. Чанба. Когда женщина вышла своих гостей провожать, ни ворот, ни калитки не было. Она, конечно, поняла чьих рук это

дело. Стала ходить по домам, чьи дети участвовали в этом мероприятии. Пришла к нам, конечно, мой дядя ей и сказал: «Вот к тебе дети пришли, стали тебя поздравлять. Как ты с ними поступила, так поступили они с тобой». Она говорит: «Хотя бы скажите, где калитка?». Мы сказали. Это самый яркий эпизод. Мы ее за ее слова по-детски наказали. Это была наша маленькая победа.

С.В.: Как проводили дни в доме?

И.Б.: В карты играли.

С.В.: Что вам первое приходит в голову, когда вы слышите слово «война»?

И.Б.: Наверное, ужасы этой войны, послевоенная разруха. Не дай бог! Мы просто не выживем такого второй раз. У меня такой страх, что это когда-нибудь может вернуться.

С.В.: О чем вы мечтали?

И.Б.: Первая мечта – попасть домой, а потом – другие детские мечты, наверное, я сейчас все не вспомню.

С.В.: Как вы думаете, какой запах у войны?

И.Б.: Когда горячий воздух попадает тебе в лицо, когда жар перемешку с порохом. Война у меня больше ассоциируется с запахом пороха.

С.В.: Часто вспоминаете о войне? Как вы думаете, какое лицо у войны?

И.Б.: Искаженное, серо-черное.

С.В.: Вернемся к первому дню войны. Хотелось бы узнать, где и как вы узнали о начале войны? Как вы ее восприняли?

И.Б.: Первый день войны. Помню, как сидела на дереве и пыталась сорвать яблоко. Это было на улице Чанба. Какая-то суматоха началась, то один пришел, то второй. Что-то непонятное происходило. Я так и продолжала там сидеть, потом спустились, случайно зашла в дом, спрашиваю, что происходит. Война началась, сказали мне.

С.В.: Вы понимали, что это такое?

И.Б.: Я понимала, что что-то плохое.

С.В.: В какой момент пришло осознание происходящего?

И.Б.: Осознание пришло, когда мы поняли, что никуда не уедем, когда услышала слова: «Давайте, я как-нибудь с детьми выберусь из города, все уезжают». Дядя мой категорически был

против. Когда я услышала этот разговор, поняла, что все очень серьезно, что мы не можем отсюда уехать. Но где-то оставалась надежда на то, что это вот-вот закончится. Но не заканчивалось. Все это тянулось, месяц за месяцем проходил. И когда напротив дома разместили позиции с пушками, это тоже было большим стрессом. Ты первый раз видишь пушки, первый раз видишь, как стреляют, и всю ночь это не прекращается. Это кошмар просто. И это происходило каждый день. Первое время ты не спишь, а потом ты к этому привыкаешь, к этому гулу, грохоту.

Помню, как началась бомбежка, света не было, мы сидели на кухне. Открылась дверь, мы не увидели. Заполз сосед. Он был на улице, проходил мимо нашего дома, и тут бомбежка началась. Ему же надо было где-то скрыться. В такой момент и понимаешь, что творится, что это война, что это ужасно. И просто без конца, каждый день, надеешься на то, что это закончится.

С.В.: Часто вам снились сны о войне?

И.Б.: Нет. Не снились. И по сей день не снятся. Я рада, что нет страха какого-то психологического. Все прошло, тогда пережили. Когда приезжаю в деревню, вижу этот дом, который был полон людьми (все мероприятия у нас проходили), я просто понимаю, что это кануло в лету, и причина всему этому – война.

С.В.: Что связанное с войной сегодня не дает покоя?

И.Б.: Гибель моего дяди.

С.В.: Если у вас сегодня была бы возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы им хотели пожелать?

И.Б.: Чтобы никогда, даже намек на войну не было. Просто все должны помнить, через что прошли, не то чтобы жить этим, мы должны помнить и уважать друг друга. Мы не имеем права даже ругаться между собой, мы не имеем права, настолько нас мало. Мы не имеем права относиться плохо друг к другу.

С.В.: Спасибо вам большое

17.08.2018 г.

Кристина Квициния,
домохозяйка

С.В.: Представьтесь, пожалуйста?

К.К.: Меня зовут Кристина Квициния.

С.В.: Чем занимаетесь?

К.К.: Сейчас домохозяйка, детей смотрю.

С.В.: Сколько вам было лет, когда началась война? Где она вас застала?

К.К.: Мне было лет 10. Мы были в селе Атаре. Мы поехали туда летом. Мы играли во дворе. Сосед пришел и говорит, началась война. Уже стреляют. Отец поехал в Сухум, был там. Я была маленькая, но помню до сих пор эти переживания, где папа. Мы уже не надеялись, что он живой. Мама плачет, бабушка плачет. А мы ходим вокруг дома. Его не было день. На второй день, где-то вечером, он приехал. Ему помогли друзья-сваны, когда он заехал в Мархеул. Его довели до атарского поворота и отпустили. Уже везде армия их стояла. Папа сразу, как и все, ушел воевать. Грузины на село нападали. Мы убежали, нам окопы специальные сделали, прятались в окопах.

Был момент, когда бомбили Атару. Вдруг появился вертолёт. Помню, как низко летал. Я даже помню лицо пилота. Он один круг сделал, а я стояла на втором этаже, замерла. Он мог всех оттуда перестрелять, но видать, у них другая цель была. Один раз покружился, второй раз. Разбомбили Дом культуры, у нас в доме, конечно, все стекла повывлетали. Мы – бегом в окопы. Потом началось наступление на деревню. Мой младший брат был в первом классе. Он всегда молился, по-своему что-то говорил. Мы в окопах лежим, он молится, бомбят, снаряды летят. Несколько раз грузины нападали, но к нам не могли подняться, назад отступали. После этого решили, что в деревне женщинам и детям нечего делать, надо уходить. Собрали всех, было

нас где-то человек сорок, и несколько мужчин с автоматами отравили с нами, чтобы как-то вывести нас. Ночью пошли мы пешком, были и совсем маленькие дети, но никто не пикнул, никто не заплакал. Идем-идем, дорога не заканчивается. Уже было довольно прохладно, на нас какие-то были куртки. В Гуаду мы пришли ночью. Собрались в одном доме, свет не включали, шепотом разговаривали. Было очень страшно.

С.В.: Как часто обстреливали?

К.К.: Атару часто обстреливали. Мы не уходили сначала, так как говорили, что наши держат оборону. А в тот вечер нам сказали, что нам нужно уже уходить. Внизу, где трасса, когда они напали, все дома сожгли. Мы долго шли, одну ночь были в Гуаде. Потом за нами приехал на тракторе мамин брат, забрал нас в Мыку. Несколько дней жили у родственников. Потом на тракторе папа тоже приехал туда. Это был уже декабрь. 11 декабря мы улетели в Гудауту.

Как-то утром самолёты залетели, две бомбы закинули. Папа решил, что мы должны уехать. Родственники несколько раз нас водили к вертолёту, но мы не смогли сесть в него, не получалось. Много людей было. Даже один раз вертолет подняться не смог, пришлось кому-то выйти. Это был ужас. Дети орут, кричат. Родственники решили, что если 11 декабря мы опять не улетим, то уже 14 декабря, когда уже по два вертолета пускали, хоть на один из них сядете. Но так получилось, слава богу, мы улетели. Кое-как нас запихнули в этот вертолет. Душно, воздуха не хватает. Родной мой младший брат Хасик был маленький (первоклассник). Он говорит: «Я задыхаюсь», и хочет выйти из вертолета. Уже двери закрыли, а он плачет, говорит, я задыхаюсь, задыхаюсь. А я уткнулась куда-то в одно место, как-то стояла. Какой-то мужик маме говорит, дай мне ребенка. Он как-то посадил брата моего, чтобы он в сторону пилота посмотрел, чтобы хоть какой-то воздух был. Перестал он плакать, всю дорогу смотрел туда, вперед. Так мы и улетели. Мы сперва находились у тети в Гудауте. И там мы попали под бомбежку. Потом поехали к дяде в Пицунду. После Нового года я пошла в школу. Переживания о том, что папа и дяди мои находятся на линии фронта, помню до сих пор. Я молилась каждую ночь. У меня иконы везде стояли.

С.В.: Какой для вас был самый страшный эпизод во время войны? Что вы часто вспоминаете?

К.К.: Эту ночь, когда мы уходили из села. Она была ужасная. Эту стрельбу.

С.В.: Могли бы вы описать, как это происходило?

К.К.: Женщины орут, кричат, стрельба не прекращается, дым, ведь внизу возле трассы все дома горели. Стреляют за километр, а ощущение такое, что совсем рядом. И эти ощущения, этот страх остался. Мы не знали: поймают, не поймают, куда мы попадем, куда идем.

С.В.: Сколько вас было детей?

К.К.: Ну чтоб не соврать, как я помню, они говорили и считали женщин и детей, человек сорок как-то они говорили. Ну вот, вместе взятых.

С.В.: Несмотря на то что шла война, вы оставались детьми. Что вы делали, во что вы играли?

К.К.: Нам было страшно, но мы все равно играли. Я говорила, что одну ночь мы провели в Гуаде. Мы находились в семье Ашуба. Там мы играли в ловитки, еще во что-то. Помню, брат двоюродный говорит, я что-то нашел. Он нашел в шкафу сгущенку. Начали спорить, кто-то говорит, давайте спросим, кто-то нет. Пошли тихо, открыли сгущенку. Надо было видеть нас, как мы её ели. Я запомнила вкус этой сгущенки. Я, мой маленький брат, двое моих двоюродных и старшая двоюродная сестра тоже была.

С.В.: Чем вы питались, когда попали в Ткуарчал?

К.К.: Как обычно. Мамалыга, сыр, другое.

С.В.: Есть какое-нибудь радостное воспоминание, связанное с военной порой?

К.К.: Ничего. Только переживания были. Еще, что папы нет рядом, постоянно об этом думала. Я чувствовала какой-то груз, особенно, ночью, когда ложилась.

С.В.: Какой для вас был самый запоминающийся момент во время войны?

К.К.: 14 декабря над Латой сбили вертолёт. Когда показывали сгоревшие тела, это было ужасно. Я не смотрела, но тянуло посмотреть. Мы пошли с мамой туда, где вывесили списки погиб-

ших. Дедушка мой с невесткой и внуком должен был вылететь из Ткуарчала. Мы очень переживали, что они в этом вертолёте были, но они через Цебельду полетели. Я помню свои ощущения в этот момент, когда смотрели списки.

С.В.: За все это время бывало вам очень страшно, или вы преодолевали страх?

К.К.: Было страшно всегда, но когда я пошла в школу, я переживала, но уже не так это чувствовалось. Просыпаешься, нет стрельбы, встала утром, пошла в школу. Пришла, помогла маме что-то сделать.

Там я ощущала разницу в детях. В их восприятии. Я вам одну историю расскажу. Так как я занятия пропустила, меня посадили в 5 класс. Была немного скованная, пришла в новый класс, в новую школу. Дети восприняли меня не с добротой. У меня было много вещей. Перед войной мама ездила в Турцию, накупила. И когда из деревни уходили, мама вещи запихнула в рюкзак, он везде с нами был. Потом папа еще вещи закинул в вертолет. Школьной формы у меня не было, я ее надевала. Одна девочка подошла и говорит: «А не похоже, что ты беженка, ты сегодня что одеваешь, завтра не надеваешь, и откуда же это у тебя». Помню, домой пришла, маме рассказала. Это девочки, с мальчиками такого не было. Мы и во дворе дружили. Правда, потом, когда год заканчивали, уже нормально было.

Сейчас у нас во дворе снимают квартиру сирийцы, женщины с детьми. Они не знают нашего языка и на русском языке не разговаривают. На своём говорят, наши мальчики их бьют. Я обидчикам объяснила: у них была война, нельзя так. Я своим девочкам сказала: кто-то не хочет играть с ними, вы играйте с ними. Так нельзя. Объясняю, что я была маленькая, то же самое было. Я хоть в Абхазии была, а для них – это другая страна, чужой народ. У девочек есть немного понимания, а мальчики более жестокие.

С.В.: Вы вообще раньше слышали слово «война»?

К.К.: Да. В новостях по телевизору. Думала, какое счастье, что у нас нет этого. Я это говорила, но когда сам проедешь, ощущаешь по-другому.

С.В.: В тот день, когда сказали, что началась война, вы восприняли это серьезно, или вам казалось, что игра какая-то?

К.К.: Я это восприняла серьезно. И то что не было папы рядом, я очень переживала.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало во время войны?

К.К.: Папы.

С.В.: Где вы находились и как вы восприняли День Победы?

К.К.: 27 сентября, освобождение Сухума, я помню очень хорошо. Мы поехали в Гудауту. У моей тети, папиной двоюродной сестры, был день рождения. Мы пошли к ней, она тортик готовила. Сидели вечером, салюты, стрельба, мы не поняли в чем дело. Мы находились на 9-м этаже. Я вышла на балкон, испугалась, неужели сюда враги дошли? Нет, Сухум освободили. Это было радостно. Именно 27 сентября запомнила.

С.В.: Помните свой первый день у себя дома?

К.К.: Да. Папа приехал, нас забрал. Мы приехали в Сухум, на районе мы жили. Мы заехали на квартиру, там не было ничего, одни стены просто. Все разобрали, даже окна сняли. А детство мое прошло там. Я училась в 20-й школе. Вспоминаю с теплотой те годы. Мы собрали фотографии. Все там валялось. Было больно конечно. И поехали дальше в деревню к бабушке. По дороге ехали, мертвые гвардейцы валялись прямо на трассе, их ведь сразу не убрали. Я это все видела. Папа говорил, не смотрите.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

К.К.: Когда начинают рассказывать, и свое вспоминаю.

С.В.: Задумывались ли вы о том, в какой момент повзрослели и связано ли это с войной?

К.К.: Были дети, которые могли играть и не показывать переживания. И я такая. Я могу не показывать, что происходит внутри.

С.В.: Задумывались ли вы о том, что война повлияла на вас, на становление вас как личности?

К.К.: Мы – послевоенные дети. Серьезной учебы не было. Не всегда были учителя по всем предметам. Физику мы вообще не проходили. Первое время мы оставались в деревне. Потом родители в Сухум переехали, а мне было бабушку жалко, два с половиной года ходила в сельскую школу, но не было многих

предметов, книг. Переехала в Сухум, ходила здесь на занятия. Закончила биолого-географический факультет АГУ.

С.В.: Можете сказать, что ваше детство было украдено?

К.К.: Могу сказать, да. Это травма, она остается. Есть, конечно, и больше травмированные дети.

С.В.: Вам снились сны о войне?

К.К.: Не помню.

С.В.: Какой вкус у войны?

К.К.: Ужасный. Это трагедия, это слезы, это самое худшее что есть.

С.В.: Как вы думаете, какое лицо у войны?

К.К.: Слезы.

С.В.: Думали ли вы о том, что принесли из войны в мирную жизнь какие-то черты характера, может быть? Остались у вас страхи военные?

К.К.: Да. Страх, что что-то опять будет. Даже спустя время, если где-то стрельба, сразу появляется это чувство – нехорошее, ужасное.

С.В.: Что первое приходит в голову, когда слышите слово «война»?

К.К.: Будто что-то обрывается внутри. Необъяснимые ощущения, конечно.

С.В.: Было ли что-то, о чем мечтали во время войны?

К.К.: Мечтали попасть домой.

С.В.: Если сегодня была бы возможность обратиться к детям войны, что бы вы им пожелали?

К.К.: Чтобы всего этого не было, чтобы все забылось. Есть дети, которые еще больше чем мы перенесли.

02.08.2018 г.

ЭЛИСО АЖИБА,
домохозяйка

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

Э.А.: Добрый день, меня зовут Ажиба Элисо.

С.В.: Расскажите немного о себе. Чем вы занимаетесь?

Э.А.: Я закончила исторический факультет, работала семь лет на истфаке, на кафедре истории России.

С.В.: Где и когда вы родились?

Э.А.: Родилась 26 августа в 1981 году в Очамчырском районе в селе Гуаде.

С.В.: Сколько вам было лет, когда началась война, и где она вас застала?

Э.А.: Мне было 10 лет, а застала она меня дома в селе Гуаде.

С.В.: Расскажите, как вы узнали о войне?

Э.А.: Помню, как папа с друзьями уехал на Ауадхару, на охоту. Дома находились дедушка, бабушка, мама, мои сестры с братом, ему был годик. Сказали, что война началась. Несмотря на то что все суетились, было ощущение, что все застыло, была какая-то тишина. Это ощущение никогда меня не покидает. Все переглядывались, не произнося ни слово. Тишина пугает. В селе Гуаде было много грузин. Через несколько дней после начала войны, танки зашли в наше село, мы сразу в лес побежали. Оттуда смотрели, видели танки, дым, шум. Слышно хорошо было. Танки развернулись к центру школы, ездили долго там, потом поехали в другое село. Бомбили каждый божий день.

С.В.: И когда эти бомбежки примерно начались?

Э.А.: Зимой. Помню, потому что иногда приходилось в пинажах выпрыгивать. Помню, как однажды утром было холодно, шел дождь, была слякоть. Мы через окно не успевали до окопа добежать, мама нас одеялом накрыла, и вот пока бомбили, мы там находились.

С.В.: Кто вырыл эти окопы?

Э.А.: Соседи, дедушка. Был большой окоп, и во время бомбежки мы там сидели со свечками.

С.В.: Как часто бомбили?

Э.А.: Очень часто, сначала слышали, что бомбят Джигарду, потому что эхо доносилось. Когда в Члоу бомбили, у нас стёкла тряслись, окна. Это означало, что следующая очередь наша. И мы бежали в окопы. Иногда не успевали добежать до них, потому что они были за воротами. Бывало, с утра до вечера бомбили. После этого ходили смотреть коров, где их убило. В нашем селе, слава богу, ни один дом не пострадал. У нас дома была маленькая собака, и когда снаряды летели, она за этим свистом бежала. И однажды, когда она бежала за этим свистом, ударилась головой об эти ворота и упала.

С.В.: Могли бы описать самый страшный эпизод в вашей жизни?

Э.А.: В нашем доме жило много беженцев, они были нашими родственниками, жили и не родственники, бывало, что и два дня. Один раз у нас была семья. До сих пор на чердаке плетеная деревянная коляска сохранилась, мы ее не выкинули, было жалко, так как в ней лежал ребенок, которому был месяц. Ее оставили, так как было тяжело тащить.

С.В.: А вы знаете, как их фамилия?

Э.А.: До сих пор не знаем, сколько раз мы вспоминали их. Единственное, что помню, они были тамышцами. Потом их наши соседи увезли на тракторе в Ткуарчал, а оттуда они уехали в Гудауту.

Вспомнила про Латскую трагедию. Там, где мы живём, горы очень хорошо видны. В тот день дождь еле моросил, туч не было. Мы, дети, увидели, как два вертолета летели, и побежали, будто за ними. Оба залетели за горы, мы следили, что сейчас они вылетят. Один вылетел, а другой нет. Мы спустились домой, видим, наш сосед Кукава стоит. Оказывается, он проводил свою семью, я его стон до сих пор вспоминаю. Бежит человек и кричит, вертолет сбили. Я это вспоминаю, и плакать хочется и голос его вспоминаю. Он издавал какие-то непонятные мне звуки. Я особенно об этом вспоминаю, когда говорят о войне,

и показывают Лату. После этой трагедии многие боялись вылетать из Ткурачала.

С.В.: Всю войну находились в деревне? С какими трудностями вы сталкивались? Чем вы питались?

Э.А.: Чего-то постоянно не хватало. Однако голода такого не было, выручало хозяйство. Нас, беженцев, 21 было.

Чувства голода не было, единственное, хлеба не хватало, сахара. До сих пор ненавижу печенье. Сырую кукурузу срывали, крутили мясорубкой, жарили как муку, но она такую изжогу давала. До сих пор вспоминаю это ощущение.

С.В.: Что для вас было самым страшным?

Э.А.: Когда соседи начали погибать. Так много смертей было вокруг. Бывало, что негде было хоронить родственников, приходилось у родных. Бывало, погибший в Очамчыре жил, но в Очамчыру ведь не поедешь. Один раз ночью, снег, мы спим, танки. Когда начали кричать, мы спросонья от этих криков проснулись. На самом деле было страшно. Страшно ещё потому что я увидела много крови. Наши захватили какой-то грузинский танк, и мы, дети, побежали смотреть. Я это ощущение никогда не забуду. Когда мы танк увидели, внутрь заглянули, там кровь была, сиденья все в крови.

С.В.: Часто вспоминаете об этом?

Э.А.: Каждый раз. Очень жалею, что некоторые вещи мы у отца не спрашивали, он рано ушел из жизни. Мы о многом могли от него узнать, сейчас интересно, а не у кого спросить, многих уже нет в живых. Иногда мы сидим с сестрами и вспоминаем. Наш папа был комиссаром батальона «Апсны». Нодар Ажиба – это наш отец. Часто его группа собиралась у нас дома. Неделю дежурили, позиции держали, потом у нас собирались. Однажды они взяли Кочару. Там были склады, магазины. Принесли целый мешок чёрных очков. Нам детям раздали. Мы еще говорили, мы, как группа Рембо пойдем воевать.

С.В.: Вы думали о том, что война еще больше вас закрыла?

Э.А.: Сейчас больше на себе ощущаю, в каких-то моментах. Раньше у меня не было страха к охотничьим ружьям, сейчас при виде автомата, ружья, мне страшно. Даже если я слышу вертолеты, у меня все внутри екает.

С.В.: Как вы думаете, что помогало выжить?

Э.А.: У нас у всех, даже детей было ощущение, что всё будет хорошо. Такого панического страха не было, мы всё равно верили. Помню момент, когда в середине войны несколько человек из папиной группы пришли домой. Прошел слух, что Ардзинба убили. Тогда кто-то сказал, если его нет в живых, мы проиграем, что мы будем делать без него, я это четко запомнила. Помню, как паника началась, как быстренько все собрались, и ушли.

С.В.: Какая реакция была лично у вас?

Э.А.: Из-за Владислава Григорьевича Ардзинба?

С.В.: Да.

Э.А.: Я же тогда не понимала масштаба его личности, просто это врезалось в память, потому что все так насторожились, собирались во дворе.

С.В.: Что первое вам приходит в голову, когда вы слышите слово война?

Э.А.: Когда я слышу слово война, страх – без шума, без звука, когда всё стоит, как я объяснить не могу. Всё застыло, слово правильное.

С.В.: О чём вы мечтали во время войны, были у вас мечты?

Э.А.: Мечты свои я не помню. Жалко, что я свою тетрадь не сохранила, потеряла. Когда в доме уже не живешь – всё теряется.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

Э.А.: Лично для меня горький.

С.В.: А запах имеет война?

Э.А.: Имеет свой запах, свой звук. Стекла дрожали с утра до ночи, когда снаряды падали. Потом, наверное, привыкаешь, не обращаешь внимания.

С.В.: А после войны, после того как освободили Абхазию, часто вас преследовали эти звуки?

Э.А.: Да.

С.В.: Как долго?

Э.А.: Можно сказать, и сейчас страшно. Когда что-то взрывается, у меня сразу ассоциации с войной, почему-то долгое время меня не отпускало, это я четко помню. Каждый шорох, я же тогда была ребёнком. Сейчас я войны точно не переживу, если, не дай бог, начнется.

С.В.: Вы часто вспоминаете о войне?

Э.А.: Часто, конечно.

С.В.: Что сегодня вам не дает покоя?

Э.А.: Сегодня у меня ощущение, что она не закончена, но такой войны не будет. Такого как раньше не будет, потому что люди не объединятся так.

С.В.: Вы можете сказать, что ваша жизнь разделилась на до и после войны?

Э.А.: Конечно, жизнь поменялась у нас: до войны жизнь совсем другая была, после войны трудно было.

С.В.: Какое для вас было самое радостное событие во время войны?

Э.А.: Радости не помню. Всё время ожидания чего-то, ожидание, когда она закончится. Мы, дети, до конца не осознаём, но вокруг ведь взрослые люди, и их переживания и тревоги всё равно чувствуем. Я очень хорошо помню, когда нам дали свет, мы так радовались, прыгали во дворе. Телевизор включили и услышали песню Саиды Делба. Помню, как все заплакали. Ее фотография была на фоне неба. К нам заходили и поздравляли, а мы сидели и плакали. Когда стали повзрослее, узнали, что ее нет в живых.

Помню, как-то ночью со двора кто-то позвал, света не было, и я вышла со свечкой. Я от испуга забежала домой и говорю бабушке, что меня, по-моему, папа звал. А бабушка мне сказала, это ты соскучилась по нему, тебе показалось. И она начала плакать. В это время зашел папа. Это было поздно ночью, смотрим, все соседи наши прибежали.

С.В.: Если бы у вас была возможность обратиться к детям войны, что бы вы им хотели пожелать, вашему поколению?

Э.А.: Война страшна, лучше если ее вообще не будет. Но раз нам пришлось такое пережить, мы должны сделать так, чтобы больше не было этой войны, и не дай бог, её вновь пережить. Война оставляет свои страхи.

С.В.: То есть у вас страхи остались?

Э.А.: Да.

С.В.: Вас тянет обратно домой?

Э.А.: Да, вы знаете, мы, когда все в школу пошли, папы не стало. Мама до годовщины находилась в селе. Как-то мы приехали

домой, а нас трое сестер и брат. Раньше нас встречали бабушка с дедушкой, сейчас их нет, папа, мама, то есть была полная семья. А тут мы приехали, а мамы не было, она пошла к соседям. Мы сели и начали рыдать. Брат позвонил маме и говорит: «Я тебя прошу, когда мы приходим, будь здесь, никуда не уходи».

Дом там, где ты родился, где ты вырос. И туда тянет.

С.В.: Отца после войны не стало?

Э.А.: Да. Он от инфаркта умер, мы в Сухуме живём, но всегда говорим, поедem домой.

С.В.: На выходные ездите?

Э.А.: Да, конечно.

С.В.: А мама там?

Э.А.: Мама с нами, но дом не хотим оставлять, ощущение дома там. Целое лето мы находимся там.

С.В.: Спасибо большое.

03.10.2018 г.

ЛЮСАНА ГУНИЯ,
менеджер по работе с дилерами,
ЗАО «АКВАФОН-GSM»

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

Л.Г.: Меня зовут Гуния Люсана Ивановна. Мне 35 лет, я закончила Абхазский государственный университет. По специальности преподаватель английского языка, но получилось так, что я не работаю по своей специальности. Я два года только поработала по специальности. Затем устроилась в компанию «Аквафон» и на протяжении 13 лет работаю менеджером по работе с дилерами.

Война – самое страшное для меня. Она врезалась мне в память, и никогда оттуда не уйдет. Сейчас, когда она снится, это значит самый страшный сон, не дай бог повторения. Все самые худшие воспоминания связаны с войной.

С.В.: Сколько вам было лет, когда началась война?

Л.Г.: 10 лет.

С.В.: Где она вас застала, вы помните первый день войны?

Л.Г.: Обычно все каникулы я проводила у бабушки с дедушкой. Но в этот раз получилось так, что папа соскучился и забрал меня пораньше домой. Был совершенно обычный день. Единственное, у нас в доме находились гости, они были партнерами отца по бизнесу, один китаец, а другой узбек. Был самый обычный день, и тут появились вертолеты. Сразу стало понятно, что что-то случилось. Какая-то тишина в доме царила. Паники особенной не было, конечно, было понятно: что-то страшное произошло. Папа попросил включить телевизор. Включили, новости не заставили себя долго ждать. Там появилась новость о том, что грузинские войска вторглись на территорию Абхазии. Помню, как папа строго сказал, чтобы быстро собирались, в том числе и гости. Мама им помогла собрать свои чемоданы, а мы в

том, в чем были, ничего с собой не взяли, кроме документов. С трудом уместились в папиной шестерке.

С.В.: А где вы жили?

Л.Г.: Мы тогда жили в поселке Дранде, и вот переулок, когда выезжаешь из нашего дома, он ведет к главной трассе. Перед нами встал выбор: куда ехать, направо или налево. А у нас – гости в машине. Я помню этот момент, когда папа минуты три наверное стоял, а перед нами проезжали танки. Они все ехали в Сухум тогда уже, а мы стояли прямо посреди дороги и не знали, если поехать налево, то это означает в сторону Сухума, можно было и из страны уехать, а если направо, то это означало, что мы едем в деревню к своим, в Маркулу, Очамчырский район. Было принято решение, что мы поедem к своим, и вот мы поехали навстречу танкам. Я как сейчас помню эти лица людей, сидевших на танках. Такие довольные все, счастливые. Сюда заезжали с автоматами, и в очках. Доехали мы до села Адзюбжи, это недалеко от Дранды, здесь жили знакомые – друзья наших родителей. И тогда уже стало как-то напряженнее, тяжелее ехать по трассе. Папа решил завернуть в это село и переждать немножко. А гостей своих папа «Икарусом» отправил на Псоу, чтобы они могли, как можно быстрее уехать из страны. А мы завернули к друзьям родителей. Помню, как там собиралось мужское население, все кто мог. Папа с этими мужиками сразу ушел. Через некоторое время они вернулись со снаряжением. Оказывается, один из танков не справился с поворотом и перевернулся. Они оттуда забрали все снаряжение, которое было внутри. Я не знаю, что было с грузинами. Когда стало темнеть, было понятно, что началась война, что нельзя ехать в Маркулу. Мы все же тронулись и поехали из Адзюбжи в Маркулу. Когда доехали до Маркулы, все население стояло в центре. Они удивились, когда нас увидели, не понимали, как мы добрались. На самом деле, на трассе было ужасно. Одни танки, они не заканчивались, машин легковых вообще не было, в ту сторону только мы ехали, и причем так быстро доехали.

С.В.: Что вы испытывали в этот момент?

Л.Г.: Страх. Просто, не понимала до конца, что происходит, я видела, что все очень серьезно, по выражению лица папы,

мамы было видно, что ничего хорошего. И так, мы доехали до деревни. В нашей деревне был поселок, в котором жили только грузины. Они пытались не пропустить нас в деревню. Пытались остановить, но мы как-то прорвались. Это я прекрасно помню.

С.В.: А кто в деревне находился, с кем вы жили?

Л.Г.: В деревне была бабушка, прабабушка, дядя, много было родственников в деревне. Война на всех сказалась. Сейчас там никого нет в живых, все умерли.

С.В.: Чем вы питались?

Л.Г.: Мама с тетей шутили. Мы как будто знали, что начнется война. У нас был полный подвал закуток, компоты и варенья, какие-то заготовки были. Обычно каждый год все это было, а тут как-то их было особенно больше. И мы не испытывали такого голода, не успели, потому что это было начало, первые месяцы войны. Потом мы оказались в Ткуарчале, потому что папа начал воевать в группе «Скорпион». Сначала он был в Маркуле, потом перешел в группу «Скорпион», а чтобы быть рядом с ним, мы переехали в Ткуарчал. У нас много родственников, но мы там не жили, нам там выделили квартиру. Мы там и оставались.

С.В.: Как долго вы там находились? И что там происходило?

Л.Г.: В деревне в начале войны не так было заметно, что война, голод, холод. А вот в городе Ткуарчале это было особенно заметно, потому что там было больше русских, живших на производстве. С деревней у них никакой связи не было, не было доходов. Вот голод испытывали русские. Я помню, у нас была русская соседка, муж у нее умер. Мы ей все время помогали, делились тем, что у нас было. Помню, как она к нам приходила погреться у печки. И соседей было очень много нуждающихся. Но тем не менее люди друг другу помогали, как-то поддерживали друг друга. Паники такой особой не было в начале.

С.В.: А чего больше всего не хватало?

Л.Г.: Того, что мы не могли вернуться домой. Выехали так, будто через час вернемся. Нам не хватало нашего дома, вещей. Скучали уже по дому, конечно.

С.В.: Как приобретали вещи?

Л.Г.: Я не знаю, помогали нам. Всегда что-то было, видимо, наши двоюродные и троюродные, те, кто жил в Ткуарчале, помогали нам.

С.В.: Помните ли вы бомбежки?

Л.Г.: У нас на автомате уже было, как только появлялись вертолеты – мы бежали. Никто никого не ждал, бежали в лес. Просто в лес, там не было бомбоубежища, а просто лес, мы там скрывались. Конечно, это было опасно. Но почему-то все бежали в лес, и взрослые, и дети.

Помню, как один раз во дворе играли то ли в ловитки, то ли в прятки. Стояла хорошая погода, середина дня, наверное, была. И внезапно как гром среди ясного неба появился вертолет, прямо над нашим двором. Я помню, мы смотрим вверх, а он так близко пролетает. Я помню даже лицо пилота, даже взгляды пересеклись, настолько они были близко. Тот, кто сидел рядом с пилотом, держал оружие в руках, но не стрелял, и даже в этот момент он ничего не скидывал. Такое ощущение было, что он даже сжалился.

С.В.: Было вам страшно?

Л.Г.: Конечно было, потому что это было так внезапно. Мы не успели спрятаться, они появились над головой и нам повезло, они ничего не скинули. Обычно они бомбили.

С.В.: Несмотря на то что шла война вы оставались детьми. Как вы проводили время в деревне, потом в Ткуарчале? Можете описать один из таких дней.

Л.Г.: Мы жили взрослой жизнью, жизнью наших мам и пап. Мы видели все переживания. Мне кажется, я помню, когда папа последний раз пошел в наступление. Это было 25 октября 1992 года. Эта ночь была особенной. Это была последняя наша встреча, последнее наше прощание. Мы привыкли, что он приходил, уходил, а в ту ночь он вернулся, всех поцеловал и ушел. Я помню, как он по лестнице спускался. Ушел, и это был последний раз. И в ту ночь очень плохая погода была. Просто лило как из ведра. Мы знали, что он пошел в наступление – освобождать город Очамчыру, и эта погода подпортила все, конечно. Всю ночь я слышала, как мама крутится и не спит, я тоже не спала, но при этом виду не подавала. Мама даже не поняла, что я не спала. Это

было 25 октября, и на второй день не было никаких новостей. Только через день нам сказали, что они в Очамчыре попали в кольцо, их схватили. Сначала сказали, что убили, а потом сказали, что взяли в плен. Было очень много версий, не забуду эти переживания. Это был переломный момент моего детства. Детство сломалось и перешло во взрослую жизнь. Потом, естественно, не вернулось. После войны мы были детьми, но уже не детьми, только лишь по возрасту, а по сознанию, восприятию того, что происходит, все было уже по-взрослому. Мне кажется, мы рано повзрослели.

С.В.: Можете сказать, что ваше детство было украдено?

Л.Г.: Сломлено. Сказать, что до 10 лет я понимала, что такое счастье, будучи ребенком, тяжело. Но сегодня я могу сказать, что я действительно была самым счастливым ребенком. Но в одночасье все изменилось, как и для многих других детей.

С.В.: Как вы думаете, что помогало выжить?

Л.Г.: Единство, все были едины, родственники и не родственники. Нас всех объединял страх, то, что нас могут уничтожить всех. Наверное, единство, вера в то, что все будет хорошо, могло нам.

С.В.: А какой-то самый запоминающийся момент?

Л.Г.: Связан с первым днем войны. И со днем гибели папы. Это был для меня страшный день. Мы ведь находились в Ткуарчале, трупы привозили из Очамчыры в больницу. А мы жили у больницы в Ткуарчале. Мы жили совсем рядом с больницей, в первой пятиэтажке. Помню, мы находились дома, зазвонил телефон, мама взяла трубку, и уже по ее разговору я поняла, что все. Самое ужасное, что могло случиться – случилось. Мама, не сказав ни слова, босиком побежала в больницу. Соседи, которые там живут, говорят, никогда не забудем, как Маила бежала, и вы за ней.

С.В.: У вас остались страхи военные?

Л.Г.: Да, конечно.

С.В.: Часто вам снится война?

Л.Г.: Да. Начало, будто началась война.

С.В.: Какой образ у войны?

Л.Г.: Это были молодые, как бы это ни звучало, симпатичные мужчины. Такие жизнерадостные, они шли сюда, как будто не

воевать, а на курорт. Они в очках были, при этом в руках автоматы держали. Помню, как они на танках сидели, помню того же самого человека в вертолете.

С.В.: Что первое приходит в голову, когда вы слышите слово «война»?

Л.Г.: Передо мной встает что-то серое, черное. Это черный, потому что все были одеты в траур. Все серое, черное, унылые лица, несчастные.

С.В.: Как вы думаете, в какой момент это поменялось?

Л.Г.: Это поменялось не сразу, конечно, после войны. У меня в семье долгое время носили траур. Все просили снять, но заставить нельзя. Когда человек носит траур, тяжело очень. Наверное, десять лет как мы немного отошли. До сих пор у нас остались следы, у всех. Будто война была вчера.

С.В.: Как вы думаете, какое лицо у войны?

Л.Г.: Самое мерзкое, самое ужасное. Этого никогда никому не пожелаешь. Особенно жалко участников войны. Так же как и взрослые, дети являются участниками, так как у них отбирается детство. Из-за того, что какие-то политики принимают решения начать войну. Затеяли войну, сколько судеб сломлено, как взрослых, так и детей. До сих пор отпечаток у всех нас, у нашего поколения. Не дай бог, чтобы дети сегодняшние поняли, что это.

С.В.: Можете сказать, что ваша жизнь разделилась на до и после?

Л.Г.: Да, конечно. Это был переломный момент, было все сломлено. Мы начинали жить заново. Я помню эти трудности, через которые маме пришлось пройти, потому что она была очень молодая, но не без помощи конечно, родственников, слава богу, все помогают.

С.В.: Кто ваш герой?

Л.Г.: В первую очередь мой отец. Мой папа для меня герой, пусть у него нет звания Героя Абхазии. У него орден Леона. Вообще не показатель для меня, все, кто пошел на войну, за храбрость, за мужество – все герои.

С.В.: Если бы у вас сегодня была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы хотели пожелать?

Л.Г.: Конечно, не хочу, чтобы это все забывалось, в то же время не хочу жить прошлым. Постоянно вспоминать об этом тяжело, так как угнетает очень. Забывать тоже нельзя. Надо передавать, рассказывать тем, кому интересно. Никому ты не навяжешь, как сложно было тебе. Ну, есть, слава богу, понимающие, интересующиеся люди, молодое поколение, кому интересно. Хочу, чтобы ценили то, что получили такой ценой.

С.В.: Помните День Победы?

Л.Г.: С ноября мы находились в Гудауте. Помню какое-то светлое пятно, много залпов, залпы снарядов и новости об освобождении Сухума. Всем было понятно, что это уже предвестник победы. Стояли на балконе и смотрели в сторону Сухума. У всех были слезы и у меня в том числе, мы все плакали, все дети плакали. Я лично плакала. Наконец все это закончилось и мы вернемся домой. И в тоже время у меня всегда в голове был папа, который мечтал увидеть победу, сделать все, чтобы поскорее приблизить ее, но, к сожалению, не суждено было ему этого увидеть.

С.В.: Увидели вы.

Л.Г.: Да.

С.В.: Спасибо вам большое!

05.09.2018 г.

ЭЛИСО САНГУЛИЯ,
младший научный сотрудник
отдела этнологии АБИГИ

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

Э.С.: Добрый день. Я Сангулия Элисо Вячеславовна, 1982 года рождения, родилась в городе Сухуме.

С.В.: То есть ваши детские воспоминания связаны с вашим селом?

Э.С.: Да.

С.В.: Сколько вам было лет, когда началась война?

Э.С.: 10, в январе исполнилось 11.

С.В.: Где и когда вы услышали, что война началась, и как вы это восприняли?

Э.С.: Это было летом, меня всегда отправляли к бабушке в село Гуп, это недалеко от Ткуарчала, я находилась там. Это было, по-моему, ближе к вечеру, уже темнело. Мы спустились, я была у бабушки, со мной была двоюродная сестра. Ей было лет пять-шесть, и вот я помню, как все взрослые бежали куда-то в центр села. Бежали, бежали и мимо, пробегая, говорили, война, война. Сестра, которая была рядом со мной, начала плакать. Я взяла ее за руку, понимаешь, чтобы как-то поддержать.

С.В.: Никого не было рядом с вами? Какие ощущения у вас были?

Э.С.: Бабушка жила одна в Гупе, и нас, детей, туда отправляли на три месяца. Брат и сестра находились дома, отец был в отпуске. У отца числа 20-го заканчивался отпуск. Меня должны были забрать домой, несколько дней ведь оставалось. Ты меня спрашивала про ощущения, в тот день, когда началась война, я сразу же вспомнила родителей, я была одна. Я не знаю, где была бабушка в тот момент, помню лишь хаос, все куда-то бежали, и кричали, война, война. Мы слышали слово «война», но не знали, что это такое.

С.В.: Вы не понимали, что такое война, но вы испытывали страх?

Э.С.: Да, поняла, когда сестра начала плакать. Я поняла, что мне нельзя плакать. Помню, что взяла ее на руки, а дальше не помню.

Я находилась у бабушки до конца августа. Тетя моя с дочкой жили в Очамчыре. Я помню, к вечеру тетя пришла пешком со своей подругой из Очамчыры в Гуп. Помню, как бабушка ругалась, как одна она могла прийти. А что оставалось делать? Меня забрали где-то в сентябре, отец приехал за мной и увез в Члоу. Средством передвижения тогда был трактор, там ещё люди какие-то сидели из Ткуарчала. Отец развозил бойцов на тракторе. Когда я приехала домой, там уже находились мои двоюродные. Они жили в селе Цхинцкар. Были также родственники из Тамыша, из Гагры. Потом часть родственников уехала, и остались только две семьи. До конца войны мы все вместе находились. Я помню еще тот момент, когда до нас дошли слухи о гибели нашей тети в Цхинцкаре. На самом деле у них дом сожгли, и вот я помню, как она поднималась с одним чемоданом в руке. Мы ее там встречали.

С.В.: Какой для вас был самый страшный эпизод во время войны?

Э.С.: Для начала опишу наш дом в селе. Дом стоит на возвышенности. Выходишь из дома, и видишь панораму от села Кындыга до Маркулского поворота, видишь всю полосу моря. Видно лишь открытое пространство, ни деревьев, ничего нет. Только ровный, большой двор. Мы видели, как вертолеты летали, как обстреливали, как бомбили Тамыш «Градом», из какого вида оружия. То есть все это происходило у нас на глазах. Видели, особенно, ночью. Как-то была такая яркая, солнечная погода. А в тот день убили парня, отец с матерью на тракторе поехали на похороны. Когда они ехали, их настиг вертолет. Мама рассказывала, как он над ними висел в воздухе. Мама рассказывала, как ее трясло. Мы были дома. Нас было шестеро детей, и наша тетя. Мы не услышали, как неожиданно появился вертолет. Мы все в одной куче находились в зале, и одновременно выбежали на улицу. Но я выбежала прямо во двор,

а дети спрятались. Вертолет навис над моей головой, никуда не денешься. Он висел в воздухе, на уровне чуть ли не первого этажа. Там сидел парень, как в этих американских боевиках, выставив ногу. Он один сзади сидел. Могу даже его описать, молодой парень, лет тридцати-тридцати пяти. Я настолько четко помню его лицо, красавец был такой. Молодой парень с голливудской улыбкой, трехдневная щетина у него не большая. Сидит, смотрит, и автомат у него на ноге. В дом заглядывал, дверь была открыта, он заглядывал и смотрел, кто выйдет, а кто нет. И все это время оставался надо мной. Что сделаешь, я стою и смотрю на него, а он смотрит и смеется. Тетя начала звать, иди сюда, иди сюда. Но я не могу, вертолет над головой висит. Он долго так висел, смотрел вокруг дома, увидел, что никто не выходит из дома, и полетел дальше. В этот момент мой двоюродный брат, он постарше был, где-то лет 13-14, подбегает, хватает меня. И мы стали бежать, думая, куда. Везде открытое пространство, ни одного деревца вокруг. А чтобы укрыться, надо бежать в лес, дальше, мы бы не успели. Пока вертолет облетал вокруг дома, мы побежали к остальным. Он вернулся на то же место, и завис. Как я сказала, нас было шестеро детей, и тетя наша. Он смотрел на нас и смеялся. Тетя собрала нас сзади себя, и всех закрыла собой.

С.В.: Они улетели?

Э.С.: Тетя, говорит, детей не трогай, не трогай, а он смеялся. Еще два раз облетели дом и улетели в сторону Очамчыры.

С.В.: Они мужчин искали?

Э.С.: Да, наверное, смотрели кто там, что там. В начале войны только у нас был телевизор, то есть народ собирался у нас. Отец ведь развозил бойцов, они все собирались у нас. И когда дом обстреляли, сказали, что штаб у нас в доме. Ведь у нас еще беженцы находились.

С.В.: То есть они по наводке туда прилетали?

Э.С.: Всегда пролетали над нашим домом, пролетали постоянно. Так было, пока Кочару не освободили. Постоянно к нам прилетали. Но это один из эпизодов, который я четко запомнила. Если бы могла я бы нарисовала портрет этого парня. Настолько я его запомнила.

С.В.: Что вы испытали в этот момент? Был у вас страх?

Э.С.: Нет, абсолютно ничего. Знаешь, стоишь вот так, над тобой висит вертолет, и парень с автоматом смотрит на тебя. За всю войну, я не помню, чтобы я испытала чувство страха. Мне кажется, в тот день, когда началась война, и я стояла одна с маленькой сестрой, я просто выросла. Я не помню, чтобы за всю войну я заплакала, или испугалась. Боялась сестра.

У нас находилась младшая дочь тети. Ей тоже было 5 лет. У неё истерика начиналась, она биться начинала, мы знали, что она боится. Когда обстрел начинался, ее хватали и бежали. А так, чтобы я боялась, такого не было. Такое чувство, когда я смотрела на того военного, у меня была какая-то пустота, знаешь, ничего не чувствовала, ничего.

С.В.: Вы говорите, вас было шестеро детей в доме?

Э.С.: Это те, которые постоянно там находились, другие уходили, приходили, беженцев много было постоянно.

С.В.: У вас было чем питаться?

Э.С.: Кукуруза ведь сырая была, мы ее сушили на солнышке, а потом пропускали через мясорубку. Лепёшки делали, мамалыгу варили, мы и чай пили без сахара. Если бы мне кто-то сказал, что я буду чай пить без сахара, я бы никогда не поверила в это. Мы туда бросали лимон, соль. Мы ведь детьми были.

С.В.: Чего вам не хватало во время войны?

Э.С.: Хлеба, сахара.

С.В.: Вы помните, когда первый раз поели хлеб, сахар? Что вы в этот момент почувствовали?

Э.С.: Помню, конечно. Это произошло во время войны. Как-то ночью отец приехал с бойцами домой. А у нас такой большой двор. Они подъехали к дому, меня позвал Мерцхулава Дуду (так мы его называли). Он умер уже после войны. Когда он меня позвал, я к нему подбежала, и он передал небольшой кулёчек. Когда зашла в дом и открыла этот кулёчек, увидела в нем сахар. Это было такое счастье, вы даже представить себе не можете. Там было граммов 100 сахара.

С.В.: Часто вспоминаете этот вкус сахара?

Э.С.: Конечно. Все мы хотели выпить чай. А нас было так много. Конечно, старшие отказались пить. Мы нашли котёл, воду налили, чай насыпали и этот драгоценный сахар.

С.В.: А хлеб?

Э.С.: Хлеб не помню, когда я попробовала. Во время войны хлеба вообще не было. Я лишь помню, что очень хотела почувствовать запах хлеба, даже не есть. В нашем доме постоянно были люди, и надо было думать, чем питаться. Бывало, что мы даже не успевали кушать, убегали, когда начинался обстрел. Бывало, что были голодными целыми днями.

С.В.: Когда обстрелы были, где вы прятались? Помните первую бомбежку?

Э.С.: Перемирие объявили, даже мужчины были дома, сидели на первом этаже. С утра шел сильный ливень. Мы с сестрой, той самой маленькой, сидели наверху на втором этаже, во что-то играли. У нас же в сёлах двухэтажные дома, огромная лестница, балкон большой, и мы находились в этой части дома. Неожиданно мы услышали свист. От этого свиста был такой страшный шум. Стекла вылетели, весь дом трясся. То есть снаряд пролетел рядом с домом и упал неожиданно. Мы не ждали этого, так как было перемирие. Помню, крик мамы, она звала нас. Она вспомнила, что мы находились наверху, и побежала за нами. Пока она бежала, снаряды летели один за другим, мимо дома. Рядом девочка кинулась мне на шею, у нее началась истерика. Она упала, я держала ее, а мама в это время дергала дверь. Мы, видимо, закрылись изнутри. Кое-как мы открыли дверь, а снаряды продолжали лететь. Когда она ворвалась в комнату, закричала: «Бегите!». Отец по дому бегал, искал, кто-нибудь остался или нет. Сказал, чтобы бежали назад двора. Позади дома, чуть дальше, находился лес. Во время войны сделали такое убежище, чтобы мы могли там укрываться. Запомнила женщину-соседку Джопуа, которая стала кричать: «Убили, убили!». Никогда не забуду ее вопли, крики. Отец позвал ее и говорит что мы живы. А она его не слышала, она была в шоке, продолжала кричать, бегать вокруг дома. Отец успел ее схватить и укрыться. Однако, когда упал очередной снаряд, она продолжала кричать. Папа ее поругал, остановись, сказал, детей не пугай. Кое-как добежали до этого укрытия. Сидели там долго, обстрел был страшный. Один за другим снаряды летели, и все мимо. Один-единственный снаряд упал рядом с домом. В этот момент, я это упустила, на том

месте, где упал этот снаряд, стоял минуты две мой отец. Отца откинуло взрывной волной, его накрыло землей. Наши машины полностью землёй были закрыты. Его спасло то, что земля была мягкая от дождя. Мы до сих пор не засыпали эту яму. Там яма в 5 метров. Осколки до сих пор там лежат, мы их даже не трогали.

С.В.: Какие ощущения у вас были в этот момент?

Э.С.: Это не самый страшный, но самый яркий эпизод, который я запомнила, потому что такого не было за всю войну, такого не было и после.

Для меня самый страшный эпизод был в селе Гупе. Я любила туда ездить в детстве, любила смотреть на ночной Ткуарчал. Несколько дней, что мы находились там, было спокойно, но на четвертый, либо пятый день! Это было жаркое лето, бабушка вышла за ворота дома. А мы вчетвером сидели под ореховым деревом, и неожиданно начали бить «Градом» по Ткуарчалу. Горы, и такое эхо доносится, этот шум. Бабушка не могла с места сдвинуться, она стояла и кричала: «Не бойтесь, я здесь». Мы ее звали: бабушка, иди сюда, иди сюда, а она не могла. Это был ад, я не знаю. Грохот этот. Было страшно. За всю войну, по-моему, два раза слышала «Град» так близко.

С.В.: Часто вспоминаете?

Э.С.: Да, было страшно. Мы все сели, девочки начали истерить. А бабушка оттуда кричала, не бойтесь, не бойтесь. Она не могла к нам подойти, и мы тоже не могли сдвинуться с места. Мы все обнялись, сидели и смотрели. Самое страшное было от этого шума: мычание коров, лай собак, крики людей, грохот снарядов. Это эхо ужасное от грохота. И в один миг вот это всё прекращается, стрельба закончилась, мертвая тишина настала. Мертвая тишина, и мы замерли. В этот момент я думала: неужели всё, весь город в один миг вымер, и никого не осталось. Такая вот мёртвая тишина стояла. Мы думали, что все умерли, и никто не остался. Было страшно от той тишины.

С.В.: Несмотря на то что вы постоянно видели все это, вы продолжали оставаться детьми, во что вы играли, и играли ли вы вообще?

Э.С.: Ну, конечно, мы играли, бегали.

С.В.: Как вы проводили дни, если было спокойно?

Э.С.: Нас отправляли утром ближе к убежищу, к укрытию. Мы там находились, строили дома какие-то. Зимой на санках катались. Помнится, даже воровать фрукты ходили к соседке. Она не давала их нам даже во время войны.

С.В.: А вы помните Новый год?

Э.С.: Ой, Новый год, как не помню! Снег же выпал в тот год, мне по пояс был. Весь этаж первый был закрыт снегом. Мы ведь были детьми, хотели Нового года, праздника. Мы вчетвером, маленькие и постарше дети, взяли топор, пошли рубить мимозу. До ёлки мы бы не дошли. Мы с сестричкой мелкой взяли за «хвост» это деревце, старшие рубили. Они срубили ветку мимозы, и мы притащили домой. Мы ее поставили вместо елки. Тетя нам испекла бисквитный торт, я не знаю, откуда она муку взяла. Может, у нас где-то что-то оставалось. Это было деликатесом, это был самый вкусный торт, который я ела за всю свою жизнь.

С.В.: У вас остались какие-нибудь тёплые воспоминания?

Э.С.: Ты знаешь, наверное, когда мы собираемся с двоюродными сестрами, нет дня, чтобы мы не говорили о войне. Но есть вещи, которые мы вспоминаем с юмором. Вспоминаем, потому что было много и смешных моментов.

С.В.: Вы можете назвать себя ребёнком войны, считаете ли вы, что были лишены детства?

Э.С.: Да, скорее всего да. После войны все было перекрыто. Что такое «нет», я узнала во время войны. Не было ни света, ни воды, ни конфет, ни сахара.

С.В.: Вы задумывались когда-нибудь, что война отразилась на вас, на становлении вас как личности?

Э.С.: Ты знаешь, нет, наверное.

С.В.: Остались ли у вас какие-нибудь страхи военные?

Э.С.: Конечно, остались.

С.В.: Что у вас сегодня ассоциируется с войной?

Э.С.: Я не люблю ездить в то село, в тот дом. Потому что всё сразу вспоминается. Потому что там следы, в дом попал снаряд, всё полуобожжённое. Дом пострадал, весь покрыт трещинами, не люблю туда ездить.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

Э.С.: Очень горький.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

Э.С.: Почти каждый день.

С.В.: О чём бы вы хотели рассказать молодёжи, что вам не даёт покоя?

Э.С.: Как тебе сказать, люди, которые падают духом, которые опускают руки.

С.В.: Считаете ли вы, что из-за войны или благодаря войне вы стали сильной?

Э.С.: Да, я стала взрослой, я очень сильный человек.

С.В.: Что бы вы хотели пожелать детям войны, нашему поколению?

Э.С.: Я бы хотела, чтобы они забыли всё это, но они не забудут, это на всю жизнь.

С.В.: Спасибо.

Э.С.: Свою жизнь нельзя забыть, как сказала Адиле Аббас-Оглы.

14.12.2017 г.

Джансух Лазба,

советник Полномочного Представительства
Республики Абхазия в Турецкой Республике

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

Д.Л.: Джансух Лазба. Мой отец Руслан Лазба, а мама – Людмила Тания.

С.В.: Расскажите о себе, чем занимаетесь?

Д.Л.: В настоящее время с семьей проживаю в городе Новом Афоне. Я родился 2 декабря 1983 года, в пять лет пошел в Новоафонскую школу. Две семьи – наша и дядина, жили в одном доме. Перед войной папа начал строить дом, и не достроил, не успел. Началась война, брат погиб. Некоторые события, связанные с войной, конечно, запомнились. И они были скорбные.

С.В.: Где вы находились, когда началась война?

И.Д.: Когда война началась, мы находились дома, в Афоне. Это были каникулы, август, все мы играли во дворе. Кто чем занимался. Помню папа как раз занимался строительством, и в этот день он руководил процессом стройки. Мастера укладывали большую уличную лестницу в доме.

Запомнил панику, беготню. Все были в шоке, суэта началась. Все время войны мы находились в Абхазии. Я имею ввиду себя, старшего брата, младшую сестру, дядину семью – трое сестер, брат их младший: Нана, Мадина, Кристина, Астамур. Бывали моменты, когда нам приходилось покидать Афон. Один из таких ярких моментов запомнил, когда мы находились дома, это был вечер уже, и такие отдаленные глухие звуки слышались. Сначала подумали, что это гром. Оказывается, начинался обстрел со стороны Гумисты, обстрел Нового Афона.

Помню такую картину. Нас, детей, завели в подвал с бабушкой (папина мама). Родители, суэта, вещи стали все собирать. И как раз в подвал забежал Гурик Трапш, это сосед наш.

Он говорит папиному младшему брату Беслану, который был дома после смены на позициях: «Бесик, Бесик, надо уводить детей!». Мы все собрались, выбежали в сторону железнодорожного туннеля, расположенный недалеко от нашего дома в Апсарской горе на Анакопийской крепости. Помню, когда начали кричать: «Ложитесь!». Нас положили на землю. Слышу звон, яркие огни пролетали над нами. Оказывается, это снаряды над нами пролетали, а нам интересно ведь было. Взрослые на нас лежат, укрывают собой, а мы все выглядываем и смотрим, как все это происходит. Как все это красиво было, ночь, и много огней пролетало над нами. В итоге мы добежали до этого туннеля и находились там несколько часов. Очень много было людей, помню, так было душно там. Во время строительства этого туннеля сохранилось подсобное помещение, встроенное в гору. Мы там и находились. Воду нам приносили. Помню, папа приехал на машине и всех детей забрал с мамой и тетей. Мы уехали в Дурипш в тот вечер, к маме домой. Мама наша родом из Дурипш. Таниевцы там живут, там мы находились несколько дней, пока здесь не успокоилось, потом вернулись в Афон. Помню период, когда мы жили в нашем родовом селе, в доме у прадеда – у Ибрагима Лазба в Анхуе. Нас там было 18 детей, были люди пожилые и в возрасте. В общей сложности 31 человек. Апсуа куаскиа там стоит, дому более 80 лет. Мы туда ездим часто, там наше родовое кладбище, дядя похоронен, бабушка, дедушка, все родные из нашего дома.

Мы, видимо, в детстве не понимали всю ситуацию. Нам было весело, интересна смена обстановки, много детей, игры разные. Помню, когда мы не помещались на кроватях, нас, детей, располагали на полу. И мы штабелем там лежали. Мы почти месяц там находились.

Помню, как мимо нашего дома проезжала техника абхазских войск. Недалеко от нашего дома была объездная дорога. Осенью была слякоть. Папа разрешил проезжать по территории нашего участка. Мы с балкона наблюдали, как проезжала техника, и бойцы нам махали. Это то, что я запомнил.

У нас по соседству, в доме у Вани Аргун было очень много детей. Мы друг к другу ходили. Помню, как мы в орешнике у них

играли, и нас позвали взрослые. Мы зашли в такую длинную комнату, стоял длинный стол, две длинные скамьи, уже подали мамалыгу, и такой пар поднимался. Было много детей, мы все дружно пообедали. Этот момент на всю жизнь запомнился.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало из еды?

Д.Л.: Фруктов было изобилие, сказать, что мы были голодные, было бы неправильно с моей стороны. Родители сделали так, чтобы мы не испытывали недостатка в еде. Прокормить 18 детей было, конечно, нелегко.

... Помню случай один. Как-то мама меня поругала, я на нее обиделся. Сказал ей: «Все, я уеду в Афон». Так, решил я пойти пешком из деревни в Афон. По дороге, помню, кукурузное поле, я там спрятался. Слышу мамин голос. Она со двора вышла, и по дороге меня ищет, и зовет. ... Я помню мамин сладкий голос, она с такой печалью звала меня. Это сейчас начинаю понимать, уже повзрослев. Она меня зовет, а я не откликаюсь. Только когда я услышал, что она плачет, я вышел. Когда я подошел, еще больше хотела поругать, потом обняла, и говорит: «Не уходи больше так, туда нельзя».

... У нас была очень дружная улица, все мы собирались, были сплоченные. Да и в послевоенное время также было. Помню такой момент. Мы находились на речке, ребята, кто постарше был, рыбу ловили, а мы наблюдали за этим процессом. Подъехала машина «ГАЗ-66», она была полная людьми, помню, двое мужчин сидели с автоматами и направили на тех, кто был за бортом. Машина подъехала, за рулем был афонский дядя Миша Джалилов, папин друг. Дядя Миша, помню, с нами поздоровался и попросил нас отойти в сторону. Не смотрите, сказал он нам, а мы не поняли, нам было интересно. Мы ведь дети, нам было интересно, что там происходит. Машину на бугорок поставили. Когда открыли борт, весь борт машины был в крови, оттуда кровь стекала (это пленные были, это мы потом уже узнали). На речку они заехали, чтобы смыть кровь, кто-то хотел сбежать, и они его застрелили. Помню, было очень много крови.

С.В.: Что вы в этот момент испытывали?

Д.Л.: Было жутко, страшно...

С.В.: Вернемся к первому дню войны. Как вы восприняли весть о начале войны? Какие ощущения у вас были?

Д.Л.: Четко помню суету, телевизор, объявление. Семья узнала о войне по телевизору. Позже эта новость распространилась, а то, что это война, мы слышали и по взрывам снарядов. На территории приусадебного участка нашего дома есть небольшая возвышенность, туда можно было подняться и увидеть, что происходило вдалеке – в Сухуме, Эшере. Было много дыма. В тот момент мы не понимали, что эти снаряды могут сюда долететь. Потом сами в войнушки играли, гранатами у нас были мандарины, апельсины. Тема войны, войнушек продолжалась несколько лет.

Помню четко такой момент: когда над Афоном пролетел вражеский самолет, взрослые приняли решение установить против самолетов зенитную установку. Она также располагалась близко к нашему дому. Когда мы в саду играли, могли без разрешения родителей пойти к военным. Бывало, они могли попросить воду, либо посылали за сигаретами, фрукты приносили, а они нам в знак благодарности разрешали стрелять из автомата. Естественно, автомат был в их руках. Нам, как мальчикам, было интересно. Нам разрешали на этой зенитке кататься (она так крутится). А она стояла над морем, откуда открывался красивый пейзаж.

С.В.: Бывало ли вам страшно?

Д.Л. Было страшно, когда мы в туннель бежали во время обстрела. Потом мне стало страшно, когда мы с отцом возвращались с места, где была зенитная установка, и неожиданно раздалась такие выстрелы, я помню тот страх до сих пор. В море упали снаряды. Папа меня обнял, и мы под дерево легли. А я пытался выглянуть, посмотреть. Оказывается, помимо зенитной установки, установили еще и локатор, он определяет на расстоянии, когда самолёт приближается. Вероятно, об этом узнали, буквально несколько сотен метров осталось, чтобы до него долететь. Из-за этого локатора в окружении нашего дома несколько раз был обстрел. После очередного обстрела стекла в нашем доме повыбивало.

Был период, когда я жил в Абгархуке, у маминой двоюродной сестры. Как я вначале говорил, у нас две семьи. Нас семе-

ро детей было. Родители не хотели тревожить родственников, чтоб всех в одну семью отправить, они нас распределили по родственникам. Мне удостоилось проживание в семье Смыр – маминой двоюродной сестры. Мне запомнилось, как я вернулся оттуда в Афон.

Навсегда запомнил эту картину. Во двор зашел мамин брат, а взрослые в сторонке говорили, он подошел ко мне и говорит, что надо поехать домой. Я был так счастлив, что поеду домой. А, оказывается, папин младший брат погиб. Во время операции по освобождению Каман 5 июля 1993 года. Буквально за полтора месяца до победы. И мамин брат приехал меня забрать. Я запомнил такую ситуацию. Когда мы подъехали к воротам, он до последнего не мог мне об этом сказать, так как было тяжело. У нас большой дедовский дом, и был он разделен на две семьи. После войны папа достроил, и мы перешли в свой дом. А в этом доме двоюродный брат живет с мамой. Сестра замужем.

Приезжаю домой, много людей. У меня боль, скорбь, слезы на глазах при воспоминаниях об этом дне. Когда я ехал домой, во мне было столько радости, но когда приехал, увидел дома такую картину. Мама, помню, выбежала из дому, когда узнала, что меня привезли, обняла меня и мы пошли наверх.

С.В.: Вы можете сказать, что для вас война началась именно в этот день?

Д.Л.: Да, наверное. Именно понимание, что война приносит горе, пришло в тот день.

Помню такую картину. Когда я забежал в ванную, тетя – супруга погибшего, полоскала в ванной окровавленные вещи дяди. Вся ванна была в крови. Мама ее обняла, и говорит: «Оставь, я сделаю». Аж все сжимается внутри, когда это вспоминаю. Нас, детей, в комнате собрали, а мы, прижавшись, сидели рядом друг с другом, все вокруг плакали.

Бабушка наша Капитолина Мсуратовна Айба, родом из села Отхары, несмотря на свой возраст очень часто пешком ходила в Анхуа к дяде на кладбище. Помню, как во дворе после похорон бабушка оплакивала сына своего. А мы, дети, садились рядом и начинали тоже плакать. В этот момент мы понимали, что что-то нехорошее происходит. И что война – это не войнушки.

С.В.: Задумывались ли вы о том, в какой момент вы повзрослели, и можно ли это связать с войной?

Д.Л.: Безусловно. Я уверен, что те события, те моменты, которые мы пережили во время войны, мы стали воспринимать намного серьезнее. В период войны дети быстрее взрослеют, быстрее начинают воспринимать. Я думаю, кто рос в войну, у них больше сострадания к чему-то тяжелому, к каким-то сложным жизненным обстоятельствам.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

Д.Л.: Да, я сказал бы, часто. Сталкиваюсь с двоюродным младшим братом, и понимаю, что его отец погиб во время войны. Наш отец сумел сделать так, чтобы мы не разделяли друг друга на двоюродных, мы – родные. Это героический поступок, он сумел сделать так, чтобы они не чувствовали себя без отца. Вот, смотрю на брата и думаю, если бы отец был жив, насколько было бы ему легче. Любую символику, связанную с войной, вижу и картины войны появляются.

Вспомнил сейчас момент, когда сбили грузинский самолет, и он упал неподалеку от побережья Афона. Была такая суета. Мы, дети, также побежали на горку, я сейчас не помню, как мы об этом узнали, но мы сидели, наблюдали на горе, как прилетел вертолет, и хотел спасти летчика, а он выпрыгнул. Его афонский Алик Чмель сбил, со стороны вокзала он стрелял. Нам интересно было, как вертолет над водой поднимался, спускался, и брызги от него на воде. Помню, как собрали гильзы. Одно время делали отверстие на пуле и вешали, как талисман.

С.В.: Самый запоминающийся момент во время войны?

Д.Л.: Из печальных, это когда я зашел во двор, и узнал о смерти дяди. Помню, как тихо зашел в комнату и сел рядом с сестрами, с братьями. Все молчали.

Даже не разговаривали друг с другом в тот момент. Я понимал ту ситуацию. Я даже не стал никого тревожить. Просто сел, и мы друг к другу прижались.

Из радостных событий, когда Бесик (мы его называли папа Бесик, он был мастером спорта СССР по вольной борьбе, до войны заканчивал субтропический институт) привез нам полные корзинки (их было несколько штук) клубники из Эшеры. Они с

друзьями, оказывается, когда на передовой находились, увидели случайно участок с клубникой. Когда у него возможность появилась, он привез клубнику. Это было яркое, радостное событие.

Помню, когда мы находились в Дурипше, он туда приехал, мы очень скучали. Не забуду эти объятия, теплоту, которая исходила от него.

С.В.: Задумывались ли вы о том, что война повлияла на вас, как на личность?

Д.Л.: Думаю, что послевоенные трудности, особенно материальные повлияли. Хотя родители не оставляли нас голодными. Я часто задумываюсь, смогу ли я сделать в будущем то, что сделали мои родители для своей семьи. **Это герои.** Ведь, сколько нужно иметь силы, чтобы не упасть духом. Папа столько пережил. Естественно, нам помогли родственники, друзья, и им за это огромная благодарность.

Послевоенные блокадные годы. Мы с мамой ездили на границу, с друзьями ездили на границу продавать мандарины (у нас недалеко от дома был цитрусовый сад, и папа часть этого сада арендовал). Мы, дети, собирались и ездили продавать. В 1996 году я поехал учиться в Цандрыпш. Я учился в колледже. До 6 класса в Новоафонской школе учился, а потом уже в Цандрыпше. Я думаю, из-за того, что я учился там, я особо не испытал трудностей. Там ведь общежитие было, столовая. И особо я не ощутил недостатков, или, откровенно говоря, недоедания. Всем было, конечно, тяжело. Помню студенческое время, когда мы сами зарабатывали и могли кого-то угостить.

С.В.: С чем ассоциируется война сегодня?

Д.Л.: Люди в военной форме, техника. И я сразу вспоминаю, когда вижу модель машины «ГАЗ-66», этих пленных, именно тот момент, когда открылся борт машины, и оттуда полилась кровь. Когда я вижу вертолет над морем, вспоминаю войну.

Когда проезжаю Гумистинский мост, у меня постоянно какие-то воспоминания. Смотрю на эти монументы, и сразу вспоминаю. Часть воспоминаний о войне связаны именно с этим мостом.

С.В.: В вашей семье принято говорить о войне?

Д.Л.: Родители, чтобы не травмировать нас, особенно дядину семью, не часто говорили о войне. Как-то пытались отвлечь нас

другими темами. У нас очень дружная большая семья. Я очень горжусь братьями, сестрами, родителями. У нас портрет дяди на почетном месте. В мыслях у всех каждый день есть воспоминания.

С.В.: Какое лицо у войны?

Д.Л.: Злое.

С.В.: Какой вкус у войны?

Д.Л.: Неприятный.

С.В.: Что сегодня не дает вам покоя?

Д.Л.: Потеря дяди.

С.В.: Что бы вы хотели пожелать детям войны, вашему поколению?

Д.Л.: Говорить на родном абхазском языке с детьми и чтить память тех, кто сложил голову за свободу. В тот период мы и не понимали многое. А сейчас повзрослели, и понимаем. Хотел бы посоветовать, чтобы мы сумели сохранить то, ради чего боролись наши старшие.

Один из моментов, которым я хочу поделиться, это очень личное. Я помню послевоенное, блокадное время, когда мы ездили на границу, стояли в очереди, в холод. Мама меня взяла с собой, и мне было очень интересно. Я помню, как мы стояли на мосту, долгое время не могли перейти, и я замерз. Я помню, как мама надевала куртку, я подошел к ней, обнял ее, а руки оказались внутри куртки. И мне стало так тепло. Этот момент невозможно сейчас описать. Я очень замерз, и оттого, что замерз, побежал к ней. И помню, как она об ручку тачки облокотилась, и обняла меня. Мне было тогда 11 лет. И так несколько лет я ездил с мамой. На выходные папа меня тоже брал с собой. Папа доезжал на машине, а маме приходилось переходить границу. То, что мужчины не могли переходить границу, было для них психологическим стрессом.

Один из радостных моментов был, когда с границы домой приносили всякие вкусняшки. Эта выдержка, сдержанность именно тогда и выработалась. Я до самого дома ничего не трогал, пока мы не приедем и вместе за стол не сядем. Эти моменты как-то запомнились. Это было тяжелое послевоенное время.

21.08.2018 г.

Гудиса Возба,

сотрудник Сухумского физико-технического
института, СФТИ

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

Г.В.: Меня зовут Гудиса Возба. Родился в городе Сухуме, в творческой семье. Окончил абхазскую горскую 10-ю школу им. Нестора Лакоба, затем поступил в Абхазский государственный университет. С 1982 года с малого возраста начал заниматься искусством – танцами в государственном ансамбле «Шаратын» им. Эдуарда Бебия. Сегодня – отец двоих детей.

С.В.: Какой факультет окончили?

Г.В.: Факультет агроинженерный, специальность технолога.

С.В.: Сколько вам было лет, когда началась война?

Г.В.: Мне было 9 лет.

С.В.: Как вы узнали о начале войны?

Г.В.: Первые выстрелы прозвучали на Красном мосту. Никто толком не понимал, что происходит. Это сейчас в 9–10 лет дети не просто понимают, что такое война, о многом знают благодаря интернету. А тогда ведь жизнь была сложнее. Мы живем в районе Турбазы в городе Сухуме. Шла перестрелка, наши абхазы стреляли с Фуникулера. Боев сильных не было, но выстрелы были. Тогда, к большому сожалению, родителей моих не было дома, ни мамы, ни папы. За мной и сестрой смотрела наша тетя. Мы были втроем. Мы играли во дворе, но тетя нас сразу позвала. Мы находились дома, когда к нам на улицу ворвались «мхедрионовцы». За какие-то считанные часы все поменялось. Они прятались в нашем доме, мародёрничали.

Помню, как они зашли домой, поставили нас к стенке. Начали нас спрашивать, кто дома, что дома, какие ценности, оружие (у отца два ружья было) и т. д., машина. Домой зашли, все перевернули. Мы плачем, не можем понять, в чем дело. Пару выстре-

лов в доме произвели. Собрались соседи. Первыми к нам зашли, затем в абхазскую семью, которая жила через дом. Там лежал молодой парень после операции (из больницы выписался), зашли к ним в дом и стали все переворачивать. Когда узнали, что это абхазец, он лежал на втором этаже, с первого этажа пару выстрелов произвели. Я не помню, ранили его или нет, был и такой момент. Мы все это видели. Забрали машину, все ценности. Мы плакали, нам было страшно.

Тогда не было такого понятия: грузин либо абхаз, армянин, русский, еврей, грек. Мы все вместе жили, со всеми детьми дружили. В каждый дом заходили, нас кашей кормили, конфетами угощали. Мы никогда не смотрели, что кто-то хороший или плохой. Такого воспитания у нас не было. Первое время соседи к нам относились очень хорошо, наоборот, говорили, что вы делаете, защищали, оберегали. А многие наши соседи были грузинской национальности. Они пытались нас защитить. К счастью, все обошлось. Просто, все, что ценное в доме было, забрали.

С.В.: Как долго вы оставались в доме?

Г.В.: В сентябре мы выехали отсюда, соседи помогли нам выехать. В то время ансамбль «Шаратын» на гастролях находился в Турции. Я уже тогда танцевал. Я даже не знаю, почему я тогда не поехал с ними на гастроли. Отец, мать и весь коллектив приехали сюда. По-моему, в Очамчыру, а потом оттуда в Сухум, было очень сложно. Кое-как добрались до дому. Когда родители приехали, немного почувствовали силу.

Шла война. Нас всех, детей, женщин отправили отсюда. Были такие моменты, я это прекрасно помню, когда к отцу подъезжали, и из дому увозили. Допрашивали, он ведь только с гастролей вернулся, все узнавали.

С.В.: Кого отправили?

Г.В.: Сестру, маму, брата и сестру двоюродных с тетей в Сочи.

С.В.: Какой для вас был самый страшный эпизод?

Г.В.: Вся война была страшной, но самое страшное было, когда мы находились дома. Первые выстрелы, когда «мхедрионовцы» с автоматами зашли домой и поставили нас к стенке. Мы тогда в глаза не видели автоматы. Мы в детстве в войнушки играли, но живую все это не видели.

Соседи тоже разделились: кто-то поддерживал войну, кто-то оспаривал эти моменты. Я никогда этого не забуду. Для меня это останется каким-то сном, каким-то мгновением. Это тяжелый сон для меня.

С.В.: Чем вы питались?

Г.В.: Когда мы выехали за пределы нашей республики, ни мать, ни тетя практически ничего не имели. Ни на хлеб, ни на одежду. Они, как сегодня помню, какие-то булочки пекли, пироги, выходили на рынок. В то время было очень тяжело.

Я говорил вначале, что у нас творческая семья, кто бы где ни находился, мы всегда радовались всем жизненным моментам. А там приходилось стоять, и булочки продавать. Как-то выжидали. После освобождения Гагры, когда уже в Абхазию можно было заехать, мы один день в Сочи не остались. Сразу заехали в Абхазию, и всю войну находились в Гудауте.

С.В.: Помните первую бомбежку?

Г.В.: Помню, как в Гудауте это произошло. Неподдалеку от нас находилась больница. Мы маленькие были, но всю дорогу находились там. Видели, как привозили раненых, кровь, крики, трупы, много чего неприятного. Были маленькие, но мы по-своему хотели помочь.

С.В.: Какое воспоминание у вас самое радостное?

Г.В.: Был батальон ансамбля «Шаратын», который возглавлял Руслан Кулава. Я не могу этого забыть. Когда с позиции они приходили домой, когда взрослые люди поднимали нам дух, и говорили, что совсем немного остается, и вы вернетесь домой. Для нас это было праздником. Мы радовались этим моментам. Когда старшие говорили, все будет хорошо, мы верили им. И она, победа, к нам ко всем пришла.

С.В.: Вы помните день освобождения Сухума, как вы это восприняли?

Г.В.: Помню Мартовское наступление, когда потеряли много наших дядь, родителей, тогда был большой траур. Очень многие по соседству кричали, орали, очень сложно этот день перенесли. Когда освобождение столицы было, естественно, радость была, но и горе было. Так как и в этот день многих потеряли. Всех подробностей не помню, это мое маленькое воспоминание. Бук-

вально считанные дни прошли после освобождения, когда мы приехали домой. Первым поехал отец, посмотрел, а потом нас привез домой.

С.В.: Помните первый день, когда вы оказались в городе, какие у вас чувства и ощущения были?

Г.В.: На каждом шагу трупы видел, свиньи к ним подходили, даже неприятно сейчас эти моменты озвучивать. Но это я все видел, и было очень тяжело. А потом, наверное, мы привыкли. Сразу ведь их никто не убирал, как лежали, так и лежали. Неизвестно было, наши это или враги, тяжело опознать было. И все это мы застали, было тяжело.

С.В.: Остались у вас страхи военные?

Г.В.: Для меня все это как сон, какое-то мгновение. Мы этого никогда не забудем. Но дай бог, чтобы не только у нас, но и во всем мире никогда не было выстрелов. А только радость.

С.В.: Часто вам снились сны о войне?

Г.В.: Нет.

С.В.: Что первое приходит вам в голову, когда вы слышите слово «война»?

Г.В.: О войне точно ничего приятного не скажешь. Конечно, могу пожелать счастье народу нашей страны, чтоб процветала страна, царил мир во всем мире.

С.В.: Есть теплые воспоминания о войне?

Г.В.: Я любил, когда наши приходили с позиций, я ходил к ним, мы автомат могли подержать, как говорил вам выше, они дух могли нам поднять.

С.В.: О чем мечтали во время войны, были какие-нибудь мечты, чего вы очень хотели?

Г.В.: Мы были детьми, больше всего мы хотели победы, побыстрее домой вернуться. В основном, конечно, был голод, холод. Хотелось чего-нибудь вкусного, сладкого.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

Г.В.: Сладким не назовешь, порохом пахнет.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

Г.В.: Конечно.

С.В.: Как вы думаете, какое лицо у войны?

Г.В.: Страх, потери, гибель.

С.В.: Что вам сегодня не дает покоя, связанное с войной?

Г.В.: То, что мы, дети войны, повидали, нам хватило. Пусть сегодняшние дети, подрастающее поколение, вообще не имеет представления, о том, что такое война. Войну, конечно, мы не забудем, она останется в истории. Только здоровья могу пожелать.

С.В.: Считаете ли вы, что ваше детство было украдено?

Г.В.: Конечно, однозначно.

С.В.: Считаете ли вы себя ребенком войны?

Г.В.: Да.

С.В.: Можете ли вы сказать, что ваша жизнь поделилась на до и после войны?

Г.В.: Да.

С.В.: Вы задумывались о том, в какой момент повзрослели?

Г.В.: Мы повзрослели еще во время войны, потому что война не выбирает возраста. Были дети 10, 13, 14 лет, которые стояли рядом и подавали воду, патроны, рожки наполняли, и многое другое делали.

19.07.2018 г.

Эсма Гургулия,

зав. кафедрой истории и теории
международных отношений Абхазского
государственного университета

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

Э.Г.: Гургулия Эсма Аполлоновна.

С.В.: Чем занимаетесь?

Э.Г.: В данное время работаю в институте в отделе источниковедения, также работаю заведующей кафедры международных отношений АГУ.

С.В.: Так как наша тема касается непосредственно войны, хотелось бы узнать, сколько вам было лет, когда началась война, и где она вас застала?

Э.Г.: Когда война началась, мне как раз исполнилось девять лет. 13 августа мы вернулись из Пицунды, отдохали с мамой и с родственниками. Вернулись, поехали к бабушке в Ткуарчал, непосредственно там война нас и застала. Утром мы должны были возвращаться обратно – мы на одну ночь поехали. Дядя нам позвонил и сообщил, что началась война. Честно говоря, мы как-то даже не поверили, что это правда. Потому что о войне мы читали, в войнушки играли, смотрели фильмы, но никак не могли подумать, что это случится с нами, что мы это увидим своими глазами, настолько прочувствуем. Страх остался, к сожалению, на всю жизнь. Даже по сей день бывают моменты, когда мне все это снится, и я просыпаюсь. И как-то осознаю, что сегодня этого не произойдет, но это, какой-то предвестник для меня. Когда мне снится война, что-то нехорошее должно случиться. И вот этот страх, что я от кого-то убегаю, что кто-то меня сейчас поймает, убьет, застрелит, – остался.

С.В.: То есть сны о войне до сих пор видите?

Э.Г.: Да, несмотря на то что столько лет прошло.

С.В.: Кто-то из вашей семьи участвовал в войне?

Э.Г.: Да, непосредственно мой папа, он – герой войны, он всю войну находился в селе Кутоле, оперировал там постоянно.

С.В.: Он врач?

Э.Г.: Да, он врач. Были даже моменты, когда он кому-то отрезал пилой ногу, какие-то страшные вещи, я иногда даже не хочу слушать.

С.В.: Он вам рассказывал о каких-то моментах, которые происходили?

Э.Г.: Не часто, я сама не хочу, потому что мне больно слушать и вообще говорить об этом. Всю войну мы находились в Ткуарчале, там жили мои бабушка и дядя. С начала и до окончания войны. Мы уехали оттуда в октябре или ноябре 1993 года.

С.В.: А почему у вас не получалось выбраться оттуда?

Э.Г.: Было несколько моментов, когда мамин брат, дядя мой, несколько раз собирал вещи и хотел нас отправить на вертолете, но мама не соглашалась. Она не могла оставить своего единственного брата и маму, уехать непонятно куда, она всегда была против. В один момент она вроде склонилась к отъезду. Но после событий 14 декабря, отказалась на отрез.

С.В.: Могли бы рассказать, как проходили ваши дни?

Э.Г.: Вначале мы думали, ну в принципе, как и все, что сегодня-завтра это все закончится, что это не такая война, которая затянется, и что мы потеряем столько своих родных и близких. Потом, с течением времени, было, конечно, страшно, когда начали бомбить город. Когда он находился в блокаде, никто не мог нормально ни заехать, ни выехать. Взрослые как-то старались оберегать детей, но не получалось, так как падали бомбы. Я помню даже, как-то мы пошли к соседским детям играть, поиграли, и к обеду вернулись домой, а вечером нас начали бомбить. Мы жили на возвышенности, и все бомбы падали в нашу сторону. В один из дней, когда мы вернулись от соседей, крик стоял ужасный. Оказывается, наш ровесник-мальчик выглянул посмотреть, куда падает бомба, и на него упала одна бомба. Это было жутко, конечно, мы пару часов были вместе, а тут – это был сильный удар для нас всех.

Дядя нам вырыл окоп, и мы все там прятались.

С.В.: Сколько людей в этом доме жило?

Э.Г.: В этом доме изначально жили моя бабушка и дядя, у него тогда еще не было семьи, но буквально через неделю или две приехали наши родственники из Джигарды. Целая семья, они находились на линии фронта, и уже не могли там оставаться. И поэтому, со всеми своими коробами, как говорится, со своим хозяйством, приехали к нам. И это все время находились у нас. Потом очень часто к нам приходили ребята с фронта, чтобы покушать. Мой дядя Одик Аджинджал во время войны находился в Турции, и когда услышал, что началась война, он с нашими соотечественниками на барже высадился в Тамыше. Им же надо было где-то находиться после того как они возвращались с фронта. Так они обосновались в садике, который находился недалеко от нас. У них никого не было, им есть было нечего, и мама со всеми женщинами ходила по соседям, собирала еду для них. Они часто к нам поднимались, вот это осталось в памяти. И как-то они у нас находились, началась бомбежка, и бомба упала прямо за нашей калиткой. Я помню это состояние, страх такой. Все стекла вылетают, и дым везде столбом. Я думала тогда, все, конец. Я маму тогда схватила и говорю на абхазском: «Мы умрем мама, мы умрем». И тогда она мне сказала: «Нет, не бойся». Надо было ведь найти силы, чтобы как-то успокоить ребенка. Но этот страх отложился. И второй момент, когда в очередной раз начался обстрел, мы бежали к соседям, у них был большой двухэтажный дом, а под домом – подвал. Всех детей собирали в этот подвал. И вот началось. Мы все бежали, а чтобы до них добраться, надо было подняться на подъем, а они жили через два дома. Но все равно нам надо было пройти. Пока мы бежали по этому подъему, вертолет так низко над нами пролетал, что мы даже ветер почувствовали от пропеллера. Мама мне начала говорить, не оглядывайся, не смотри назад, но я же ребенок, мне интересно было. Когда я посмотрела, я даже увидела в каске пилота, который сидел в вертолете. В этот раз бомбили вертолеты. Если бы он захотел, в этот момент выбросил бы что-нибудь на нас, но он подальше отлетел, и потом стал бомбить. Было жутко.

С.В.: Вы впервые видели людей в военной форме? Какие у вас были ощущения?

Э.Г.: Я видела своих, которые приходили к нам, и было чувство какой-то защищенности. Несмотря на то что были эти страхи, я нисколько не сомневалась, что все будет хорошо. Наверное, они же и вселяли в меня вот эту веру, что они нас защитят, что мы выиграем, что у нас хорошее будущее будет. Но в тот момент, в ту секунду, мне кажется, все дети повзрослели, когда это все воочию увидели.

С.В.: Вы считаете, что в этот период вы стали старше?

Э.Г.: Во время войны и после войны – это уже не детство было, уже по-другому на все смотрели.

С.В.: Какой эпизод еще вспоминаете?

Э.Г.: Когда сказали, что убили папу. Как ребенок я не хотела в это верить, я отвлекалась. Но к вечеру мне настолько стало больно и страшно, что я весь вечер плакала и не могла остановиться. Было очень страшно.

С.В.: Как у вас проходили будни, чем вы питались? Чем вы занимались?

Э.Г.: Первое время у всех все было, какие-то запасы, но когда эти запасы закончились, помогали из деревни родственники: кукурузой, фасолью. Дети же не всегда это есть хотели, детям хотелось чего-то сладкого. Тот же чай мы пили без сахара, конфет не было, хлеба не было. Помню, пекли из кукурузной муки амггал, туда клали шкурку апельсина, чтобы какой-то вкус был. Была ведь гуманитарная помощь, родители все собирались и пытались между всеми детьми разделить.

С.В.: Вас много детей в семье было?

Э.Г.: В семье нет, из детей только я была. Все мы были очень сплоченными. В такие моменты все становятся сплоченными, становятся ближе, все делят. Я помню, месяца два по ложке сахара нам каждый день давали, чтобы чай пить, а потом уже и этого не было. О конфетах и речи не могло быть.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало?

Э.Г.: В тот момент хотелось какой-то свободы, а в плане еды, мы даже не задумывались.

С.В.: Вы ощущали чувство голода каждый день?

Э.Г.: Нет, наши родители старались, они могли не поесть, но мы всегда были сытые. Я не могу сказать, что мы голодные ложились спать, такого не было.

С.В.: Какой вкус у войны, с чем у вас ассоциируется война? Чего вам больше всего хотелось из еды?

Э.Г.: Наверное, сладостей все-таки. А еще я помню такой момент, когда только война началась, у наших же ребят не было оружия. Они ходили и собирали банки из-под колы, также золото собирали на обмен. Оказывается из них потом делали какие-то взрывчатки.

С.В.: Когда первый раз услышали бомбежку, можете описать свои чувства, ощущения?

Э.Г.: Это было что-то ужасное, это даже не передать словами, настолько было страшно, что все, сейчас жизнь оборвется, и дальше ничего не будет.

С.В.: Это в девятилетнем возрасте об этом думали?

Э.Г.: Да, потому что дым стоял столбом, везде что-то падало, грохотало, убивали, это было жутко.

С.В.: Было состояние постоянного страха?

Э.Г.: Страх не покидал вообще. Во всяком случае я старалась не показывать дома, что мне страшно, мы старались отвлекаться. С детьми играли, но опять-таки в военные игры, в медсестру вот.

С.В.: Какое событие было для вас самым страшным?

Э.Г.: Скорее всего, 14 декабря. Было много знакомых, соседей. Вроде вчера были вместе, и в один момент все оборвалось.

С.В.: Бывали радостные моменты, или постоянно в таком угнетенном состоянии находились?

Э.Г.: Нет, в постоянном угнетении мы не находились, я бы сказала, радовались, когда слышали, что какое-то село освободили. Детской радости мы не испытывали.

С.В.: О чем мечтали?

Э.Г.: Мечтала о победе, может это и банально, мечтала, когда это все закончится, чтобы началась прежняя жизнь и мы вернулись домой. Но, к сожалению, все как-то не так сложилось, как мы себе представляли.

С.В.: А чем вы занимались, будучи ребенком, что вы делали?

Э.Г.: Мы играли, я писала стихи, рассказы.

С.В.: Сохранились они?

Э.Г.: Где-то у мамы есть.

С.В.: Рассказы, стихи?

Э.Г.: Да. Постоянно же кто-то приезжал, кто-то уезжал на вертолетах, да и вот с Инной (сестра) мы переписывались, писали письма друг другу.

С.В.: Что вам помогало выжить, родным вашим, маме?

Э.Г.: Вера, наверное, вера в победу, любовь к своей семье, к окружающим. Только вера, больше ничего.

С.В.: Что вам первое приходит в голову, когда вы слышите слово «война».

Э.Г.: Я всегда вспоминаю свое состояние, обстановку, в которой я находилась, когда началась война. И как-то сразу мне приходит на ум, как убивают.

С.В.: Было ли принято говорить в вашей семье о войне после этих событий?

Э.Г.: Мы всегда говорили о ней.

С.В.: Сегодня говорите?

Э.Г.: Да. Я даже детям рассказываю, потому что дети должны знать.

С.В.: Что?

Э.Г.: Какие-то моменты, даже бытовые, как мы во время войны будучи детьми выживали, что мы делали, как мы на это смотрели.

С.В.: Как вы думаете, для чего это нужно?

Э.Г.: Чтобы дети знали через что мы прошли, чтобы они знали, что это было, это история. Не дай бог, чтобы они это пережили.

С.В.: Есть ли какие-то теплые воспоминания о войне?

Э.Г.: Нет, все отрицательное.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

Э.Г.: Да.

С.В.: Какой вкус у войны?

Э.Г.: Страшный, ужасный, горький.

С.В.: О чем сегодня хочется сказать молодежи, что вам не дает покоя?

Э.Г.: Все, что сделали наши ребята, через что прошли, чтобы это все не забывалось, чтобы это было не зря, чтобы все они были достойными, получали образование и стремились к чему-то.

С.В.: Считаете ли вы себя ребенком войны?

Э.Г.: Да.

С.В.: Считаете ли вы, что ваше детство было украдено?

Э.Г.: Да, безусловно.

С.В.: А что бы вы хотели пожелать детям войны, своему поколению?

Э.Г.: Чтобы дни войны не отравляли жизнь.

С.В. Задумывались ли вы, что война отразилась на вас, как на личности?

Э.Г.: Безусловно, да. Я думаю, что и на характер мой война наложила свой отпечаток. Иногда есть моменты, когда я хочу что-то сказать и сделать, но потом я в себе это подавляю. Война подавила мой характер. Может, я была бы другая, если бы не война. Даже элементарные какие-то моменты, я чего-то хотела, но не могла маме лишний раз сказать после войны. Сказать не могла, что хочу, настаивать не могла, потому что я видела, что это невозможно. И все это отразилось на моем характере.

С.В.: Думаете ли вы, что у вас произошла некая переоценка ценностей?

Э.Г.: Думаю, что да. Несмотря на то что мы были детьми, я уже сказала, мы резко повзрослели, и на многие вещи стали смотреть по-другому. Я потеряла двоюродных братьев – Алхаса Шакрыл, Абзагуа Гургулия.

С.В.: Если бы у вас сегодня была возможность обратиться к представителям грузинского народа, что бы вы хотели им сказать?

Э.Г.: Не знаю. У меня очень много родственников грузин, поэтому я не могу ко всему народу относиться отрицательно, у нас и абхазы были, которые хуже грузин себя вели. Хочу, чтобы все жили в мире и согласии. Не бывает плохих народов, бывают плохие люди.

08.02.2018 г.

Стихи,
написанные Эсмой Гургулия в 8 лет.
Ткуарчал 1992–93 гг.

Ҳаҗсадгьыл

Ҳаҗсынтәыла -
    Ҳаҗсадгьыл уара,
Ҳаҗсынтәыла -
    Ҳхақәитра уара.
Зыда ххәартәм ҳара,
Ҳаҗсынтәыла -
    Ҳагацаа ухамырхырц
Ртаҳуп Аҗсынра!
Аибашьра гәгәа цоит.
Ҳаҗсадгьыл иреигьу
Аҗеицәа тахоит.
Абыскак анкартәа аҗсуаа ршьа
Аиааира агароуп Аҗсынра!
Акәа, Акәа иузыкарцазеи?

Аза

Иаауеит атанкқәа
Ҳаршьуа цьыршьоит,
Аха ирзыкайом акгьы.
Шәцала җхьака, ҳаҷкәынцәа,
Шәеицәамхан азәгьы!
15.10.92 г.

Акәа

Акәа, Акәа иузыкарцазеи?
Иузаарцазеи агацаа?
Умиған, Акәа
Иаачха, Акәа
Иалалоит ҳа ҳтәқәа!

Абри ажәеинраала зөит
Марттәи аибашьцәа
ирықәымҗиаз, ажәылараан.

Ахы

Шәыҗшы, шәыҗшы
Иаауа ахы
Идәықәицыз ҳага.
Шәымиған,
Игәдышәйә шәаргьы
Дышәшы ҳага
Иниәырцәа зегьы
Ҳара ҳазшьуа
Ҳаҗсадгьыл ҳахызбаауа алақәа.

10.10.92 г.

Ткәарчал

Сықалақь гәакьа Ткәарчал
Сахыз иахьсызҳаз аброуп
Уааныжьны ҳамцароуп,
Ткәарчал,
Ҳарт зегьы ҳалцны ҳар,
Ирыхчода уара уғар?!

05.11.92 г.

Аҳәынцәраҗшь

Аҳәынцәраҗшь, Аҳәынцәраҗшь
Ушәоума уара?
Ахысгақәа андәықәырцәо
    ҳагацаа?
Уҗырны абомба рылажьны уаа,
Уи ада җсыхәа рымам инырцәа!

01.01.93 г.

Аҗсны

Ҳтәыла җица
Аҗсны уара,

*Угэы удырхыт ҳағацәә.
Ргэы рсырхьуеит са схатә
Нас ирбап закәу хьаау иамоу
Изладсырхьуа уара иудыруеит
Аха иуасхәдоит уажә сара.
Уажэы сцоит сара Қырттәыла
Шевардназе изызуа убап.*

07.02.92 г.

Ҳақсадгьыл

*Ҳақсадгьыл иақәлеит ағацәә
Шәааи ҳаидгылап аңсацәә
Иргәыдышәйала шәаменеузакәә
Иҳачҳап аиааиранза!*

05.01.93.

Ҳақсадгьыл

*Ҳақсадгьыл иақәлеит ахағацәә
Акгыы зымбацыз агазақәә
Уи Шеви хеилага
Инирцәеит игазацәә.*

05.01.93 г.

Ақәа

*Тамшь ирыдыркылеит
Абаржа ҳа ҳтәқәә
Шәааи ҳаидгылап Аңсацәә
Сишәыҳдоит ирышәымтәан
Ақәа ңица.*

05.01.93 г.

Аңсны

*Сара бзиа избоит абаҳча,
Сара бзиа избоит Аңсны,
Бзиа ишызбо Аңсынтәыла
Зегьы бзиа ижәбоит Аңсны
Уахынла аеїәақәә қаңхоит,
Ҷынла амра ңхоит илашоит.
Ашьыжьымтәан аїар
шәахәдоит.*

Хәылбыхчала хьшәашәарахоит.

03.12.92 г.

Аңсуаа

*Аңсуаа рычкәынцәә!
Шәеиха еибашьра!
Ицеит, Аңсуаа рычкәынцәә,
Ирғагылеит ҳағацәә.*

03.12.92.

Аңсны

*Аңсны лаша Ҳаңсынтәыла
Ушәхақәә гәақуеит,
Иқәыңсычхауеит адгьыл
Ирбоит ушгәақуа Ҳаңсны.
Аха икарцарызеи
Иазкуам адунеи
Иуцхраарц ртахьыуп
Зегьы рыла.*

04.03.93 г.

Астанда Касландзия,

преподаватель кафедры уголовного права
Абхазского государственного университета,
следователь УВД г. Сухума

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

А.К.: Меня зовут Касландзия Аста Эдуардовна. В 1992 году, когда началась грузино-абхазская война, я отдыхала со своей тетей в городе Кисловодске, Российской Федерации. Приблизительно через два месяца с начала войны мы приехали уже сюда в Абхазию. Нас встретили знакомые нам люди, семья Хагба, которые пригласили нас к себе домой, проживать в селе Ачандаре Гудаутского района. Мне в это время было девять лет, конечно, я не могу сказать, что детально помню все, что связано с войной, но, конечно же, в основном помнится. Приблизительно три месяца я находилась в этой семье, не видела ни маму, ни папу. Мой папа Эдик Касландзия воевал. Мама находилась с моим старшим братом в очамчырской стороне. И, конечно же, были свои переживания, я очень близко к сердцу принимала все это, переживала по-своему. Но наверное, больше переживания я переносила после войны, потому что я выросла, некоторые моменты все четче становились в голове, и я понимала, какие трудности придется нам преодолеть вместе с моей мамой, потому что мой отец погиб в Мартовском наступлении. 16 марта его не стало. Очень было сложно, потому что мать моя осталась одна с двумя маленькими детьми, которых нужно ставить на ноги. Без какой-либо поддержки и со стороны государства к тому времени. Было тяжело. Очень было сложно наблюдать за людьми, которые все были одеты в черный цвет, у всех какое-то горе в семье, которое переживали. То есть даже когда встречались мои сверстники, у нас была тема одна, у кого кто погиб, никаких радостей в течение седьмого, восьмого класса, я не помню. Постоянно были

слезы. То после войны кто-то погибал, в результате этой войны было много подрывов на минах. Та же грузинская сторона устраивала различные убийства наших граждан, постоянно передо мной была эта черная полоса, которая никак не заканчивается. Но единственное, что было приятно, это общение между знакомыми, которые пытались помочь друг-другу, делились тем, что есть. Помнится один момент, никогда не смогу забыть. Моя мама – преподаватель географии, она преподавала в 15-й школе, и однажды, когда она пришла после уроков, она рассказала мне одну историю про мальчика, который упал в обморок, голодный обморок у него был. И мы с братом сразу же начали плакать, пожалели этого мальчика, собрали сумку еды, сказали, повези, пусть покушает. То есть мы были готовы отдать все, что у нас есть – главное, чтобы помочь. Может, на сегодняшний день нет таких взаимоотношений, слава богу, время стирает какие-то чувства, которые притупляются, но, конечно, память невозможно удалить, это невозможно забыть, может, когда-нибудь с течением времени. Мы не просто не сможем забыть, мы обязаны передать это следующему поколению, для того чтоб оно знало, ценило каждый прожитый день, что возможен другой исход, которого, надеюсь, не будет.

С.В.: Я хотела бы вернуться к первому дню войны. Вот вы говорите, что вы в Кисловодске находились. Как вы услышали о начале войны, как вы ее восприняли, понимали ли вы, что началась война?

А.К.: Мы как раз, помнится мне, пошли прогуляться по парку, и когда вернулись, включили телевизор, по новостям передали, что в Абхазии началась война. В силу своего возраста я не очень понимала, что произошло, но моя тетя, с кем я была на отдыхе, и ее подружки начали плакать. Я начала спрашивать, что случилось, почему же вы плачете? И они мне объяснили, в мягкой форме, чтобы я по своему не переживала. Началась война, но, не переживай, скоро все закончится, и мы вернемся домой, сказали они мне. Я начала переживать, что неужели мы одни останемся, вдруг всех убьют, так как еще ни мамы, ни папы, ни моего брата рядом нет. Я, конечно, стала переживать, мы каждый день ходили в парк, тогда же не было сотовой связи, ника-

ких телефонов. Так получилось, что в этом парке мы начали собираться со всеми абхазами, которые проживали именно в этот момент в Кисловодске. И в этом парке каждый выражал свое мнение, делился услышанным. И что мне очень понравилось, в доме, где мы жили, хозяйка, которая услышала, что у нас началась война, сказала, что не будет брать плату. Она начала нам помогать, говорила, живите столько, сколько нужно. То есть все возможности она нам предоставила, каждый проявлял участие так, как мог, и помогал нам. Через два месяца мы на корабле через Сочи приплыли в Гудауту.

С.В.: А вы знали, куда вы плывете, что вас там ждет?

А.К.: Мы не знали ничего абсолютно, ведь информация к нам попадала искаженная. Мы не знали, куда ехать. Единственный город, где мы жили, был Сухум, мы даже не знали, где все находятся. Мы ждали своей очереди, чтобы сесть на этот корабль, и в этот момент, хочу вам рассказать, нам даже спасли жизнь. Мы встретили знакомого моей тети – Одика Аджинджал, которому сказали, что едем в Сухум. Тогда он засмеялся громко, и сказал: «Да вы что, вы хотите прямо в руки к грузинам попасть!». И он, конечно, не разрешил, сказал, что очень опасно. Он нас отговорил, и мы уже с ним поехали в Гудауту, а оттуда попали в Ачандару.

С.В.: А какая-нибудь связь была с родителями, как вы узнали о судьбе ваших родителей?

А.К.: Так получалось, что все жители этого села, то есть все беженцы, которые находились в разных семьях, собирались и ездили в Бамбору. Оттуда вертолеты летали, там встречали, мы были в надежде, что кого-нибудь увидим, услышим. Если знали, что кто-то туда должен вылететь, то мы сообщали, что с нами все хорошо, чтобы они весточку передали. Помню, когда мы уже проживали в пансионате «Золотой берег» в городе Гудауте, я вышла из комнаты и увидела, как навстречу шла мама. От растерянности я не могла поверить своим глазам, вижу ли я действительно маму или мне так кажется. Она очень похудела на нервной почве, поэтому, я не могла ее сразу узнать. Это было для меня большой радостью.

С.В.: Вы можете это самым счастливым моментом назвать?

А.К.: То ощущение, которое я испытала в этот день – лучшее. Когда ты понимаешь, вот-вот оно же счастье.

С.В.: Значит, все остальное время после Ачандары вы находились в Гудауте?

А.К.: Нет, мы прожили там, наверное, приблизительно месяц. Затем с позиции пришел мой отец, и сказал, что их переводят в Пицунду, так как там проходит какое-то обучение. Насколько я запомнила, тогда готовили смертников, и мой отец был одним из тех, кто записал себя в этот список. Он нас перевез в город Гагру, мы находились до конца войны в пансионате «Искра».

С.В.: Вы осознавали то, куда отец идет?

А.К.: Была такая ситуация, когда мы понимали, что другого выхода нет. Я, наверное, воспринимала это с позиции своей матери, своего отца. И поэтому я считала, что они делают правильно. То есть мама не говорила, не иди, она спрашивала, когда вы идете. Она интересовалась тем, каким исход может быть. Она ни разу за все это время не пыталась даже отговаривать его. Единственный вопрос, который она ему задала, я помню: «Ты не боишься, что ты нас потеряешь, что мы тебя потеряем». Он сказал: «Я вас очень сильно люблю, но глаза Владислава Ардзинба стоят перед моими глазами, и я должен выполнить свой долг. Я пойду за Владиславом Ардзинба воевать». Очень сложно это вспоминать, говорить об этих моментах, комок в горле.

С.В.: Посещало ли вас чувство страха?

А.К.: Нет. Настолько мы верили в слова моего отца. Он сказал, что его пуля не возьмет никогда. И я была уверена, что именно так оно и будет.

А.В.: Какое самое радостное воспоминание?

А.К.: Помню, у меня был день рождения. Это было зимой, выпал огромный снег, а мы остались в летних вещах, в босножках. Когда выпал снег, я не могла даже пойти во двор. Нам выдали гуманитарную помощь, резиновые сапоги. Я была так счастлива, что я сама могу выйти во двор, походить по двору. Это было для меня детское счастье. Я с детства любила кукол, почти до восьмого класса играла в них. Мне еще подарили куклу, которую я назвала Дауром, моему счастью не было предела.

С.В.: Снились ли вам сны о войне?

А.К.: Я очень редко вижу сны, но когда я вижу сны – они сбываются. Перед войной мне снился один и тот же сон постоянно. Почему-то в этом сне за мной шла женщина, и отрубала мне какие-то конечности. С войной мне перестали сниться эти сны, ушел отец из жизни, может, с этим было связано.

С.В.: Во время войны посещали школу?

А.К.: Перед войной я закрыла третий класс, должна была пойти в четвертый. Во время войны, когда мы еще жили в Ачандаре, мы убрали школу, собирались пойти туда, но потом переехали в Гудауту, затем в Гагру. И так закончился учебный год, в наших переездах. После войны я пошла уже в четвертый класс, пропустила год, и дальше продолжила обучение.

С.В.: Что вам первое приходит в голову, когда вы слышите слово «война»?

А.К. Хочется плакать. Настолько появился у нас страх, что война отбирает жизни, очень сложно даже вспоминать об этом. И страх, что повторится это, остался на всю жизнь. Мама моя стала очень бояться за нас, каждый час звонит, спрашивает: «Где вы?». Сегодня, хотя уже прошло столько лет мирной жизни, есть страх, что кто-то уйдет из этой жизни. Мы намучены этим горем, мы знаем, что это такое.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало во время войны?

А.К.: Мы хотели хотя бы фотографий. У нас ничего не было. Когда уже вернулись, слава Богу, несколько фотографий сохранилось.

С.В.: Есть у вас теплые воспоминания о войне?

А.К.: Не могу сказать, для меня война – это комок в горле, больше ничего.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

А.К.: Горечь.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

А.К.: Да. О войне принято вспоминать, наверное, в дни смерти, наступления. Я вспоминаю почему-то в дни победы больше, когда люди радуются. Я чувствую себя эгоисткой, что чувствую этот вкус победы, а мой отец не смог, и таких много.

С.В.: Можете описать один день из войны, который вам запомнился?

А.К.: Я помню, когда папа первый раз пришел. Он всегда был у меня таким добрым, улыбающимся. А тут он был с отросшей бородой, я его даже не могла узнать, но я так радовалась, что он пришел, я его наконец-то увидела. Я три раза обошла дом, бежала как ненормальная, наверное, я не могла совладать со своими эмоциями, я так пыталась выразить свои чувства. Это был, наверное, самый счастливый момент, и еще когда мама приехала. Это было для меня большим счастьем.

С.В. У вас были какие-нибудь игры? Во что вы играли с братом?

А.К. Играли. Я играла всегда, я играла даже тогда, когда папа умер, я пыталась... Я такой человек, я не могу показывать на людях слезы. Если я переживаю, этого никто не должен видеть. Я пыталась игрой как-то эти слезы компенсировать. Я, конечно, играла в куклы, но мы с братом также играли в войнушки, убивали друг друга, потом кто-то кого-нибудь спасал.

С.В.: Как долго играли в войнушки? После войны тоже продолжались эти игры?

А.К.: Конечно, после войны тоже продолжались эти игры. Может где-то, в какой-то части с моей профессией это и связано. Я защищаю нашу родину, работаю следователем УВД города Сухума. А мой брат – врач, спасает жизни людей.

С.В.: Вы задумывались когда-нибудь о том, что война оказала влияние на выбор вашей профессии?

А.К.: Наверное, сыграла роль в выборе моей профессии, хочется наверное, кого-нибудь защитить. Да, наверное, да. Раньше я не задумывалась, но сегодня вы подтолкнули меня к этой мысли.

С.В.: С чем у вас ассоциируется война, какой вкус у нее?

А.К.: Был один момент, для меня очень обидный во время войны. В пансионате, в котором мы проживали, нас, конечно, кормили. Я поднималась и, смотрю, стоит мужчина в возрасте. Он продавал хурму, я так захотела поесть ее, но у меня не было денег. У нас не было денег, чтобы купить. У меня такая детская злость была к нему, что мы, дети войны, которые живем в чужом месте, не можем поесть это. Он сорвал у себя в огороде, и приносит к нам на продажу. Я не могла понять, почему он не идет куда-нибудь на рынок, ведь там мог купить кто-нибудь из мест-

ных. А он приносил тем, у кого не было денег, как будто дразнил нас. Не забуду никогда, в тот день, когда брат с мамой прилетели на вертолете, мы проходили мимо столовой. Он кинулся к стеклу, и начал кричать, там хлеб едят. Этот момент, конечно, я никогда не забуду.

С.В.: Что вам помогало выжить?

А.К.: Надежда, надежда, что это все временно, что завтра все будет по-другому.

С.В.: Вы верили в победу?

А.К.: Я была уверена. Мы были уверены, что победа будет, просто вопрос времени.

С.В.: Где вы услышали о Дне Победы, и как вы это восприняли?

А.К.: Я вышла на улицу в пансионате, там все ликовали, радовались. Я поднялась, маме сказала: «Мама, мама война закончилась». Она не обрадовалась, я не знаю почему – она начала плакать. Я подошла и спрашиваю: «Мама все радуются, почему ты плачешь?» А она ответила: «С кем мы вернемся домой?». То есть в этот момент у нас не было тела погибшего моего отца, мы только через десять месяцев после его смерти смогли его найти при раскопках. Мы каждый вечер, когда нам сказали, что он погиб, становились на колени и молили Господа, чтобы мы нашли хотя бы его тело.

С.В.: О чем бы вам сегодня хотелось рассказать молодежи?

А.К.: Цените каждый день, ведь завтра может и не быть.

С.В.: Что хотели бы сегодня пожелать детям войны, вашему поколению?

А.К.: Я желаю много улыбок, тех радостных улыбок, которых нам не хватало во время войны. Тот, кто прошел эту войну, у каждого из нас – осадок, который мы пронесем через всю жизнь, но, дай бог каждому из нас столько счастливых моментов в жизни, чтобы мы не возвращались к этим воспоминаниям.

С.В.: Аста, как вы думаете, какое лицо у войны?

А.К.: Оно безликое, каждый, наверное, представляет по-своему, но мне кажется, у неё нет лица, что это какая-то тень, которая еще не опознана никем.

С.В. Спасибо.

22.01.2018 г.

Марта Пачалия,
преподаватель кафедры прикладной
математики Абхазского государственного
университета

М.П.: Здравствуйте. Я Пачалия Марта Анатольевна. Преподаю на кафедре прикладной математики. Когда началась война, мне было девять лет. Это было летом. Я этот день помню очень хорошо. Я, мама и младший брат, которому на тот момент было год и семь месяцев, находились в селе Аацы Гудаутского района. Мы были в гостях, пришли погостить. Это была середина дня. С этого момента и начались ужасы.

С.В.: Вы понимали, что война началась?

М.П.: На тот момент, может, я весь этот ужас не очень понимала, уже в последующие дни все больше и больше. В тот день я думала, как война началась, так она и закончится. Но не представляла, честно говоря, что такой ужас будет.

С.В.: Можете рассказать о первом дне войны? Как его провели?

М.П.: Единственный момент, который я помню, что я не дома была, была с мамой, братом, и эта новость шокирующая была. Не столько для меня шокирующая, сколько, как окружающие к этому относятся. Для меня, честно говоря, не было такого шока от этой новости, шок был у меня от реакции других людей, взрослых. Я помню, как мы домой вернулись, все начали мужчин собирать, эти последующие дни я больше помню.

С.В.: Раньше вы слышали о войне?

М.П.: Дедушка воевал в Великую Отечественную войну. С его слов я знала, что это ужасно. Он был на войне, вообще думали, что он без вести пропал, но он вернулся. Сейчас я понимаю, что война – это ужас. На сегодняшний день, если ты спросишь у

меня, я пожелала бы мир во всем мире, сегодня четко понимаю, что это такое, а в тот момент как-то не очень.

С.В.: Кто-нибудь из вашей семьи ушел на войну?

М.П.: Да, папа воевал, и его четыре брата. Все они участники войны. У меня есть еще брат по отцу, ему было 17 лет, он тоже воевал. Он на тот момент был женат, и у него был двухмесячный ребенок, но он пошел на войну. Его жена и ребенок уехали как беженцы в Майкоп. Честно говоря, папа мог бы не пойти на войну, у него многодетная семья была. Говорили, у кого все братья воюют, один из них мог остаться. Но, конечно, как любой нормальный мужчина, посчитал своим долгом защиту родины, своей семьи. На сегодняшний день я горжусь, он правильно сделал. Слава богу, все родные вернулись живыми.

Я помню еще один яркий момент во время войны, месяц я не помню, но во время войны погиб папин брат. На его одежде написано было Пачулия, забрали его и похоронили у нас дома в деревне. Это был еще один ужас, который я запомнила четко. Привезли покойника, похоронили. Еще один ужас был, когда нашли его родителей, они выкопали его и забрали. Такие стрессовые моменты, я помню ярко, четко. Ужасы войны. Увидеть как хоронят, а потом выкапывают.

С.В.: Как вы жили, чем питались?

М.П.: Тут, наверное, я тебе ничего интересного не расскажу, у меня нет впечатлений, что не было еды. Такого я не помню, хотя нас было много людей в доме. Это были наши двоюродные. У папы четыре брата, все их дети были у нас. Нас в семье пять человек, у одного брата четверо детей, у другого брата трое детей, и у третьего – один ребенок. Так, нас было 13 детей и еще взрослые, все мамы – четверо женщин.

С.В.: Какой для вас был самый смешной эпизод? Был такой, который вы с улыбкой вспоминаете?

М.П.: Я помню в целом, что нам, детям, было весело, потому что было много детей, и все-таки нам интересно и дружно жилось на тот момент. Все это мы вспоминаем с теплотой, что мы все вместе находились.

С.В.: Можете сказать, что в какой-то степени вы ностальгируете по тому времени?

М.П.: Да, потому что все вместе находились и все друг друга понимали, и очень дружно жили. Именно поэтому. Я конечно, не могу сказать, что нас объединяла война. Невозможно такое сказать, но отношение даже между нами было какое-то другое. Конечно, и сейчас мы общаемся очень дружно, но когда ты живешь в одном доме, садишься за один стол, время проводишь с утра до вечера, это я с удовольствием вспоминаю. Хотелось бы, конечно, чтобы такие ощущения повторялись.

С.В.: Как вы думаете, в чем причина была?

М.П.: Я не могу сказать, что я понимала, что это тяжелое время, я понимала и ценила, что мы все вместе, но, может быть, и родители влияли и мамы говорили, не могу объяснить, но теплее общались все люди. Это касалось не только нас, я помню и отношение соседей, все делились друг с другом, что было хорошее. Вот это я помню, фрукты, что-то вкусное если есть у кого-то, все делились, ели вместе.

С.В.: Помните ли вы какие-нибудь перестрелки, бомбежки, что-нибудь запомнилось вам?

М.П.: Помню, когда бросали бомбы, в Афоне было хорошо слышно. Вокруг монастыря все падало, часто пытались уничтожить монастырь. Это мы слышали, и в тот момент нам было страшно. Еще помню, как вертолеты поднимались, и от этого нам было страшно. Тогда мы ощущали, что война идет, и мы слышали военные вертолеты, как падали бомбы.

С.В.: Вы могли бы один день описать или эпизод?

М.П.: Да, могу вспомнить, когда один раз пришла соседка, взрослая женщина. Сидела на лавочке, думаю, это был осенний теплый день. Мы все на улице находились, на лавочке сидели. И тут начали бомбить непрерывно. Помню, всех стали заводить в дом, потом стали говорить, что в дом нельзя, и нас спустили в подвал. А он у нас был не такой высокий. Не знали, куда идти: либо в открытое поле, либо под дерево. Это был какой-то яркий день. Мы не знали, что делать.

С.В.: Часто ли вы вспоминали бомбежки?

М.П.: После окончания активных боевых действий, знаешь, вспоминала, когда показывали боевые действия по телевизору. Мы часто писали в школе сочинения на военную тему. Я не думаю, что только мы, все писали. Каждый год вспоминали, и писали.

С.В.: Остались ли у вас какие-то страхи?

М.П.: Нет, я думаю. Я не чувствую ничего такого. Вот только звук вертолета, да, как только поднимается вертолет. Вообще, я очень люблю летать, свысока наблюдать что-то. Очень хочу, мечтаю полетать на вертолете, но страх у меня есть все-таки. Я не знаю, из-за войны, или вообще у меня страх есть, не могу сказать, может, и поэтому тоже.

С.В.: Война для вас, как один день или как один миг, который пролетел перед глазами?

М.П.: Мне кажется, я как будто ждала, все растянулось. Каждый день что-то происходило, и это было ужасно. Я видела, как старшие страдают, мамы, бабушки, и это не заканчивалось. Думала, ну когда же это закончится, когда же начнётся нормальная жизнь, как мы обычно жили. Я понимала, что все время плачут вокруг, и это не один день, и не один миг. Мне казалось, что это не заканчивается, наоборот, что очень долго длится.

С.В.: Что первое приходит вам в голову, когда слышите слово «война»?

М.П.: На сегодняшний день это ужас наверное, то, чего не должно быть в этой жизни. Если была бы моя воля, я бы исключила это слово вообще, откуда можно было бы. Мне кажется, это самое худшее, что может быть. Я считаю, что люди должны уметь договариваться за круглым столом. Войны не должно быть нигде. Я понимаю, что трудно бороться с природой, со стихийным бедствием, но войны если захотеть, не должно быть.

С.В.: Вы чувствовали, что вы повзрослели во время войны или нет?

М.П.: Да, да, правда.

С.В.: Когда именно?

М.П.: Наверное, после того, как ты видишь: один умер, второй, третий, и ты понимаешь, что сегодня человек есть, а завтра его нет, что жизнь коротка. Все, что мне раньше радость приносило, что понимала, ценности сразу поменялись. Ты больше начинаешь ценить жизнь. Хотя такого ужаса я не испытала, но смотрела на других и понимала, что самое ужасное, что может произойти, это смерть человека, а это из-за войны тогда происходило.

С.В.: Эти ценности остались у вас?

М.П.: Остались. Многому учит война. Ценности меняются у человека.

С.В.: Отразилась ли на вас война? Вы задумывались об этом?

М.П.: Не знаю, наверное, все-таки отразилась на мне война. Я не задумывалась, но, я думаю, что да. Человек, который увидел войну в девять лет, уже немало понимает. Я помню, до войны нас в классе было не так много человек, а во время войны было уже сорок человек. Мы продолжали учиться, но не могу сказать, что это была полноценная учеба, так как кто-то приходил, кто-то нет. Мало было учителей, класс был очень большой. Это еще один момент, когда понимаешь, какие перемены происходят.

С.В.: Чего вам не хватало в школе?

М.П.: Не хватало преподавателей, не было транспорта, ходили пешком. Если раньше нас возили, привозили, мы и в дождь, и в снег ходили пешком. По три километра в школу. Нехватка была учителей. Кто-то вообще не работал, если мужчины были, то они пошли на войну. В школе тоже, если это математика была, речь заходила о войне. Любой урок, и речь заходила о войне. Конечно, это была неполноценная учеба.

С.В.: Чувствовали ли вы злость?

М.П.: Конечно. Сегодня я понимаю, что не все грузины плохие. А тогда я думала, каждый грузин наш враг. В душе, прямо, хотелось, чтоб в один миг их не стало. Я думала, они все плохие. Почему они нам такое зло принесли? Это то, что я тогда ощущала.

С.В.: Когда ваша точка зрения поменялась?

М.П.: Со временем. Потом я уже поняла. Когда больше читаешь, развиваешься, общаешься, понимаешь, что нет плохой нации, есть плохие люди. Это политика. Это неправильно написанная история у них. Я уже понимаю, что и там есть хорошие люди, как и здесь. Но есть и плохие.

С.В.: Вы верили в победу?

М.П.: Да, однозначно. Я вообще не сомневалась. Я просто ждала, когда это закончится, побыстрее мне хотелось. Я была уверена, что все так же будет, как и раньше. Победа только за нами. Это я четко помню, даже не сомневалась. Все были уверены в этом.

С.В.: Вы помните, где вы находились, когда услышали о Дне Победы?

М.П.: Это один из самых счастливых дней. Находилась дома, в Сухуме, 27 сентября – освобождение Сухума, победа была близка. Это была настоящая победа. С каждым днем хорошие новости приходили. Постоянно что-то происходило, но эта весть победы, это ощущение неповторимое все-таки. Ощущения, которые я тогда испытала схожи с нашей победой в КОНИФА. Я поймала себя на мысли, что почти похожие чувства у меня были в тот день: когда я услышала о дне победы и победе в чемпионате КОНИФА. Конечно, это сравнить нельзя, но я поняла, что у меня были похожие ощущения.

С.В.: Вы часто вспоминаете о войне?

М.П.: Не так часто. Каждый раз, когда что-то не очень приятное, не очень хорошее слышишь, ты понимаешь, что надо вести себя иначе.

С.В.: Есть ли теплые воспоминания о войне?

М.П.: Только, что мы все вместе рядом были.

С.В. Вам сегодня этого не хватает?

М.П. Скорее всего, да. Послевоенное время было очень сложное. Ужасы раскрылись, после войны больше ощущали нехватку всего. Запасы закончились, и одежду тяжело был покупать, и обувь. Все-таки жизнь продолжалась, а как заработать, купить что-то, именно финансовая сторона была очень тяжелая. Папа уже не работал. Все занялись сельским хозяйством, а мама на Псоу ездила. Это было тяжелое время, тяжелее, чем во время войны. Даже после войны делились, еще несколько лет все старались помочь друг другу. Как только стали лучше жить, лучше стали зарабатывать, какие-то места появились рабочие, все изменилось незаметно, причем в худшую сторону.

С.В.: О чем сегодня хотелось бы рассказать молодежи?

М.П.: Никто ни с кем не должен воевать, это самое главное. Мир во всем мире. Люди должны доверять и с теплотой друг к другу относиться.

С.В.: Какое лицо у войны?

М.П.: Самое ужасное, карикатурное.

С.В.: Какой вкус у войны?

М.П.: Горький, очень горький.

МАДИНА ЧОЛОКУА, домохозяйка

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

М.Ч.: Чолокуа Мадина.

С.В.: Расскажите немного о себе.

М.Ч.: Родилась в Сухуме в 1984 году, окончила 14-ю среднюю школу. Работала в гуманитарной организации «Врачи без границ».

С.В.: Сколько вам было лет когда началась война?

М.Ч.: 8 лет.

С.В.: Где она вас застала, и как вы узнали о начале войны?

М.Ч.: В тот день мы с мамой шли из парикмахерской. Жили и живем на Турбазе в городе Сухуме. Когда подошли к дому, взрослые стали что-то говорить, будто что-то происходит, но будучи в маленьком возрасте, я не придавала этому значения. Дальше все смыто, я не помню, что в этот момент почувствовала. Это сейчас, когда я оглядываюсь назад, и вспоминаю как я шла по улице, сначала мне было спокойно.

С.В.: В какой момент все поменялось?

М.Ч.: Поменялось все спустя время, когда я стала оглядываться на те годы. Мне стало сейчас тревожно. Тогда я не чувствовала, что что-то происходит. Я не помню, что я чувствовала в тот момент. Сейчас мне тяжело.

С.В.: Где вы находились все время войны?

М.Ч.: В Сухуме. Я не помню никого, кто был рядом со мной, кроме мамы. Были люди вокруг, но никого не помню. Помню, что мама все время рядом была. Мама и я.

С.В.: Могли бы рассказать, какой для вас был самый страшный эпизод?

М.Ч.: Самый страшный эпизод был, когда в наш дом попала ракета, в соседний подъезд. Но мы, к счастью, в квартире не находились. Мы были в подвале. В нем мы провели 90 процен-

тов всего военного времени. Мы уже знали, когда будет затишье, когда будут бомбежки. Во время затишья мы поднимались в квартиру. Когда слышали, что кружат самолеты, значит, будут бомбить. И в этот момент мы всегда спускались в подвал.

С.В.: Чем вы питались?

М.Ч.: Я помню отчетливо трехлитровую банку яблочного повидла. Помню, что периодически к соседнему дому привозили хлеб.

Однажды, я помню, приехала машина, раздавали хлеб. Помню, я пошла взять хлеб. А там давали по одной буханке хлеба. Я взяла, вернулась, и думаю, пойду еще возьму. Когда я вернулась, я по взгляду мужчины поняла, что он меня узнал. Он еще посмотрел, ухмыльнулся. А я говорю, это не мне, это соседке. Она старая, не может прийти. Но он мне дал знать, что я вру. Я не помню, что мы ели, единственное, что запомнила, банку с повидлом.

С.В.: Где вы спали в подвале, у вас все было обустроено?

М.Ч.: Подвал у нас достаточно сухой и высокий, матрасы спустили из квартиры, но точно не кровати. Я помню бабушек, соседей, которые по ряду причин оставались одни дома, и никуда не уехали. Помню, как у нас кучками собирались в подвале. Штабелями, бывало, спали. Находились там до самого конца. Больше находились в подвалах. Света ведь не было. И мы старались, чтобы нас не видели гвардейцы. Мы всегда очень тихо сидели, лишний раз не шумели. И у нас подвальные окна были занавешены чем-то, фанеры поставили, вход в подвал с внутренней стороны завалили мусором, чтобы не было соблазна посмотреть, есть там кто-то или нет.

С.В.: Сколько вас было детей?

М.Ч.: Я помню двоих-троих. Но не помню их имена. Это кто-то был из соседей. Были старше меня, моего возраста никого не было... Я не помню, чтобы я плакала.

С.В.: Помните ли вы, чтобы вы во что-то играли?

М.Ч.: Нет, игр я не помню. Единственное, что я помню, мы однажды решили разрисовать наши стены в подвале. Чтобы как-то было веселее. А кто-то умел рисовать, сейчас даже не знаю, кто это был. Все эти рисунки до сих остались в подвале.

Нарисовали открытое окно, из которого видно море, пальмы, попугаи сидят, а на потолке у нас были звезды.

С.В.: Самый запоминающийся момент?

М.Ч.: Все было размеренно, как мне казалось, единственное, когда снаряд попал непосредственно в дом, из-за взрывной волны нашу подвальную дверь открыло (хотя дверь плотно была закрыта). Пыль вся зашла. Поняли, что где-то рядом упало после очередной бомбежки. В тот день, когда все стихло, мы вышли на улицу, и поняли что в дом попало, потому что была огромная дыра в соседнем подъезде, где-то на уровне второго этажа. И что я помню, двор был засыпан гильзами от оружия. Это я очень хорошо помню.

... Помню, когда наши в город вошли, уже было спокойно. Мы были дома с мамой, и у нас горела керосиновая лампочка. Света не было, кто-то позвал. Видно было, что свет горит, значит, в доме кто-то есть. Я помню, мама выглянула и с кем-то поговорила, и ей в окно передали пакет, тогда раздавали гуманитарную помощь, коричневым, плотным пакет. Я не помню, что там лежало, но запомнила «ММ-демс», который я первый раз в жизни увидела. Я не знала, откуда он был и кто принес, тогда я впервые его попробовала. Я даже не знаю, куда мы ходили в туалет все это время.

С.В.: Бывало такое, что вы сутками не выходили?

М.Ч.: Конечно, мы жили там. Мы редко поднимались домой в квартиру. В основном мы находились там. Я не помню, когда мы ели, и что мы ели.

С.В.: Какое событие для вас было самым страшным?

М.Ч.: Когда я впервые услышала выстрелы. Это было 14 августа, непосредственно в первый день войны. Мы, возвращаясь из парикмахерской, зашли к маминой родственнице, которая живет в соседнем 9-этажном доме. Я помню, что подъехали машины, и гвардейцы стали стрелять, помню, этот шум (я ведь выстрелов никогда не слышала раньше). В доме у тети Люды еще кто-то был, и тогда ощутилась паника. Ничто не предвещало, был яркий, солнечный день. Я помню, когда нас попросили лечь на пол, чтобы через окно шальные пули не попали. Это было очень тяжело. Я всегда думаю об этом. Мама была молодая, мо-

ложе, чем я сейчас. Она сильный человек, я даже не знаю, как она все это выдержала с ребенком на руках.

С.В.: Что помогало выжить?

М.Ч.: То, что мама была рядом. Я даже не знаю, что давало взрослым импульс жизни из-за дня в день. Если бы я была взрослой, я не знаю, как бы все это пережила. Это очень тяжело. Мы знали по времени, когда взрывы должны были происходить, мы спокойно к этому морально готовились.

С.В.: Бывало вам страшно?

М.Ч.: Сейчас не чувствую, как эмоционально переживала. Я уверена, что было страшно. Меня спасало, что мама была рядом.

С.В.: Что вам больше всего запомнилось?

М.Ч.: Когда дали свет после войны. Когда город взяли, мы перешли в квартиру, жили более или менее спокойно, и когда дали свет, я подумала, как ярко так жить. Я помню, какой гул стоял, людей-то было немного по соседству. Но когда дали свет, мне показалось, что весь свет кричал: «Ура!». Я очень хорошо помню голоса. Это было самое радостное послевоенное мгновение.

С.В.: Какой еще радостный момент был для вас во время войны?

М.Ч.: Я помню первый День Победы, после войны много стреляли. Даже первые года два-три, каждое 30 число стреляли. Потому что у многих еще оставалось оружие.

С.В.: Что первое приходит в голову, когда слышите слово «война»?

М.Ч.: Все моменты вспоминаются.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало во время войны?

М.Ч.: Быть там, где ты хочешь быть. Эти условия нас сковывали, одна комната, четыре стены постоянно, очень тяжело. Хотелось все время домой подняться.

С.В. Остались страхи военные?

М.Ч. Со временем нет, поначалу были. Именно возможность повторения. Так как ситуация бывала нестабильная. Английским занималась во время войны. Мама меня так отвлекала. Кто-то из соседей в подвале со мной занимался. Я помню, была тетрадка у меня, я там алфавит писала. В начале сентября, какой-то короткий период, мы в школу ходили во второй класс,

в 14-ю школу. Нас было мало, а потом ситуация ухудшилась, стало небезопасно. Помню, женщину-мегрелку, что-то она нам преподавала. Потом уже мы, естественно, никуда не ходили.

С.В.: С чем у вас ассоциируется война?

М.Ч.: Когда свет отключают.

С.В.: Какой вкус у войны?

М.Ч.: Трудно дышать, пыльно.

С.В.: Какое лицо у войны?

М.Ч.: Лицо размытое.

С.В.: О чем хочется рассказать молодежи, что не дает покоя?

М.Ч.: Обо всем этом. Таких историй, как у меня, полно. Мало тех, кого война хоть как-то не коснулась. Мне кажется, очень мало пропаганды ведется в этом направлении. У меня такое ощущение, что все стараются забыть. Забывать ни в коем случае нельзя, для того, чтобы это больше никогда не повторилось.

С.В.: Принято ли в вашей семье говорить о войне?

М.Ч.: Да, и я стараюсь со своими детьми говорить об этом, потому что они интересуются. Мы обязаны. Такое надо пережить только один раз в жизни, если уж случилось.

...Я помню, как после войны нам несколько лет давали гуманитарку, печенье и сухое молоко. Я помню этот вкус, и очень хочу его попробовать. Так как я жила ближе всех к школе, я каждое утро носила термос с горячей водой, чтобы мы могли это молоко разводить и пить. Это было самое вкусное печенье, которое я кушала в жизни. Прекрасно помню, как у нас в классах стояли дровяные печки.

С.В.: Считаете ли вы, что ваше детство было украдено?

М.Ч.: Не все, я не могу так сказать. У меня очень теплые воспоминания о детстве послевоенном, есть довоенный период.

С.В.: Сегодня, если бы была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, чтобы вы им хотели пожелать?

М.Ч.: Чтобы они больше никогда не прошли через это. Очень тяжело. Я рада, что была в том возрасте, который не позволил мне запомнить многое. Я не знаю, что бы было со мной сейчас, если бы я была старше в тот период.

24.08.2018 г.

Ахра Смыр,

глава издательского отдела
Священной Митрополии Абхазии

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

А.С.: Смыр Ахра Викторович.

С. В.: Немного расскажите о себе.

А.С.: Родился в 1984 году, жил в Нижней Эшере, Шицкуара. В июле мне исполнилось восемь лет, а в августе началась война.

Долгое время работал журналистом. В настоящее время, последние четыре года работаю в издательстве Священной Митрополии Абхазии, в Новом Афоне. Периодически публикую какие-то воспоминания, связанные с войной.

С.В.: Скажите пожалуйста, для вас лично война когда началась.

А.С.: Для меня лично началась 14 августа. Но я еще помню, совсем еще в детском возрасте события 1989 года. Помню, отец в них участвовал, был в Сухуме. Я помню, как было такое определенное разделение на тех, кто поддерживал Гамсахурдия, и кто не поддерживал. Были какие-то потасовки. В 90-м году я пошел в школу, в первый класс. Два класса отучился. Прекрасно помню предвоенные моменты, когда определялись абхазские, русские, грузинские сектора. У нас в школе абхазского сектора не было. Из-за нежелания находиться в грузинском секторе я пошел в русский, несмотря на то что грузинский язык на тот момент знал. Мачеха отца говорила на грузинском, так и выучил. В день начала войны 14 августа у нас в Эшере было небольшое ацаныхуара, все собрались во дворе наших родственников, там было семей десять, наверное. Из старших два-три человека отсутствовали. Все собрались в этот жаркий, самый обычный августовский день, ели мацони. И в этот момент подъехала желтая «Волга» нашего соседа Валерия Харбедея, и оттуда человек пять

вышло мужиков. Там и наши соседи тоже были. Говорят, война началась. Я помню, была какая-то суматоха. Машины со стороны Гудауты ехали в сторону Сухума. Бесконечные колонны машин. Ругань, какие-то разговоры. Помню, целой вереницей машины пытались прорваться на грузинскую сторону, оттуда на абхазскую...

С.В.: Было ли полное осознание того, что это началась война?

А.С.: Нет, о войне я знал. В детстве, помню, по телевизору смотрел фильмы про Великую Отечественную войну, там танки, самолеты, пушки. Полное осознание войны не появлялось до тех пор, покуда не появился первый погибший сосед. Я его знал, и тут я понимаю, что человека нет. Тогда появилось понимание, что что-то очень нехорошее происходит. Затем погиб мой дядя, мамин двоюродный брат. Это уже в середине войны. Тогда начал всерьез тревожиться о судьбе отца, о судьбе других близких людей, которые находились на войне. Осознание полное пришло, когда первых людей потеряли. Я понял, что все, этих людей нет. И то же самое может случиться с кем угодно. И вот тогда я понял, что все по-настоящему... Мы все были как одна большая семья. Было чувство какого-то тотального единения. Вот это я прекрасно помню. Такое чувство сопричастности и объединения было еще во время признания Абхазии в 2008 году, победы в КОНИФА.

С.В.: Можно сказать, что сегодня вы в какой-то степени ностальгируете по тем временам?

А.С.: Да, конечно. До 20 сентября у меня было детство, вплоть до того времени, когда погиб мой отец. С 20 сентября оно закончилось. Был для меня такой внутренний водораздел. И, естественно, я ностальгирую по тому времени. У нас был один общий враг. Было одно общее стремление. Все разговоры, все планы сводились к после войны. Т.е. была какая-то убежденность в Победе, хотя были и определенные опасения. Допустим, если брать Гагрское наступление, когда прорвались к границе, помню настроение папы. Он был совершенно такой воодушевленный. А после Январской операции, еще один наш родственник погиб в ней, это был уже совершенно другой человек, с другим настроением.

С.В.: Вы могли бы описать самый страшный эпизод, с которым вам пришлось столкнуться, который вам запомнился?

А.С.: Помню, как мы в Эшере находились. Когда начинались обстрелы, мы уезжали в Отхару, в мамин отчий дом, а когда было относительно спокойно, оставались в Эшере. И в один из таких дней было какое-то затишье. Мы с мамой пошли к нашим родственникам. Они живут в метрах 400 от нас. От нашего двора до ворот надо спуститься метров 70, и затем по дороге немножко в пригорок. Нам надо было пройти мандариновый совхоз через дорогу. Тогда была еще асфальтовая дорога, которой сейчас совершенно не стало. Вот и начался артобстрел. Причем он начался очень близко от нас.

С.В.: То есть целенаправленно?

А.С.: Целенаправленно, позади дома у нас на кукурузных полях периодически размещался артиллерийский расчет, и били по артиллеристам. Это были гаубицы, это было нечто очень страшное. А наш дом находился очень близко. Метров 200 в одну сторону, 200 метров в другую сторону. Мы не успели спуститься к воротам, бежать обратно домой смысла не было, и вниз спускаться смысла не было. Помню, был какой-то взрыв. В 50–60-ти метрах ниже по склону от нас что-то взорвалось. Нас с мамой раскидало в разные стороны. Я помню, я лежал на спине, кусок асфальта был вырван. Снаряд был шириной метров полтора. Мне показалось, что он катастрофически медленно летел, пролетел надо мной в сторону. Я просто видел, как с него сыпется какой-то гравий, какие-то мелкие кусочки. Он где-то там упал. Мама мне кричала: «Лежи, не шевелись!». Я лежал, не шевелился. Потому что вообще, если честно, и не смог бы пошевелиться. Затем, в какой-то момент, это прекратилось. А там, куда мы шли, был хорошо оборудованный подвал, достаточно безопасный. Мы добежали до этого подвала. Проходя по дороге, я увидел огромный котлован – это была воронка, образовавшаяся от взрыва. И вот тогда я перепугался очень.

Еще один эпизод, который мне запомнился, связан с обстрелами. У моей сестрички был день рождения 3 марта. Отец с друзьями вернулся с позиций. Все были расслабленные. Все порядке. На утро мой отец опять на позицию собирался. Мы уже

собирались ехать в Отхару. А утром был авианалет. Очень мощный. Опять-таки по этим артиллерийским расчетам стреляли. Домой не попало, слава Богу. Но я проснулся тогда от того, что оконную раму от взрывной волны выбило. Я проснулся, увидел стекла на постели, ничего не мог понять. Отец сказал: «Идите туда спокойно в комнату, куда осколки не попали, это не по нам, все в порядке, успокойтесь». Было страшно.

С.В.: А почему вы, зная, что в зоне риска находитесь, не переезжали в Отхару. Там было безопаснее?

А.С.: Да, там было безопаснее. Отец у нас воевал в первом батальоне во второй роте. И вся эта рота бывала у нас (стирались, умывались). То есть впечатление о войне – это непрерывно готовящаяся еда. Я знаю, что у других с едой проблемы были, у нас все кто с отцом воевал, как говорится, с миру по нитке скидывались, что-то приносили. Так что с едой проблем не было. И мама постоянно там находилась. И я с сестрами там был. Мы долго без родителей не могли.

С.В.: Сколько вас детей в семье?

А.С.: Нас было четверо.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало?

А.С.: Спокойствия, уверенности. Вначале уверенности, что все закончится, все хорошо будет, не было. Именно такой уверенности и спокойствия не хватало.

С.В.: Несмотря на то что были постоянные взрывы, бомбежки, все-таки вы оставались детьми. Играли ли вы во что-нибудь, или нет?

А.С.: У нас дома долгое время жили чеченцы, добровольцы, их было двое, потом один. Достаточно долгий период времени. Его звали Адам. Он меня научил чистить автоматы. С этого момента я начал чистить автоматы ребят, которые к нам приходили. И в качестве небольшой платы получал один-два патрона. Мне еще давали красивые патроны. Их снайпера не любили, считалось, по этим вспышкам их могут обнаружить.

С.В.: Это ваши игры были?

А.С. Это по факту было. Потом просил у кого-нибудь автомат, чтобы пострелять. Все мы, дети, во время войны научились стрелять.

Был даже один эпизод, связанный с моей сестрой Ликой. К сожалению, она позже из-за несчастного случая погибла. На тот момент ей было 13 лет. Приехал доброволец, называл себя казаком. Был одет с иголки. К тому времени я уже научился отличать настоящих воинов. Как правило, у них была совершенно убогая одежда, какой-то камуфляж, выцветшая, либо разорванная одежда. А те, кто изображал воюющих, были очень хорошо укомплектованы. Был спокойный, летний день. Это как раз было перед летним наступлением. У нас дома собралось человек 30. Все сидели во дворе, обсуждали что-то, все были расслабленными. И тут подходит тот казак. У него была винтовка, но почему-то с гранатометным оптическим прицелом. На нем, значит, были с обрезанными пальцами кожаные перчатки, новый камуфляж. Помню, как он долго хвастался, какой он шикарный снайпер. Адам, чеченец, долго его слушал, и говорит, давай куда-нибудь стрельнем. И показал на какой-то фрукт, он рос на дереве метров 50 не более того. Стрельни туда, говорит. Тот стрельнул один раз, два – не попал. Он начал говорить, что ему ветер мешают. Все начали смеяться. «Если надо будет стрелять в живого человека, тоже ветер будет мешать», – спросили его. И Адам сестре сказал: «Лика, принеси автомат». Она пошла домой и принесла его автомат. Адам говорит ей: «Стреляй». И указывает на тот же самый фрукт. Она стрельнула, и с первого раза попала. Это был такой смех.

И пока все смеялись, казак смог улизнуть. Вот такая смешная история была. Меня интересовало оружие, собирал патроны. И папа это заметил. У кого-то взял зарядный небольшой ящичек, и все туда складывать стал. В итоге такой небольшой арсенал бесполезных вещей собрал.

С.В.: Ахра, а какое самое радостное воспоминание? Есть такое?

А.С.: Это лето 1993 года. 14 июля у меня день рождения. Отец был на Узаабе, мама дома. Старшая сестра – в Эшере, а я – в Отхаре. И был я там достаточно давно. Две или три недели. И мне это так наскучило. И еще день рождения. Знаю, что всем не до моего дня рождения. Война. Абсолютно никакого настроения не было. Я спустился на речку, играл. И слышу, меня завет наш род-

ственник отхарский моего возраста: «Ахра, уабако?». Я пошел к дому, иду и смотрю, идет несколько человек сверху от трассы. Смотрю, папа, еще соседи какие-то. Он набрал трехлитровый баллон клубники или земляники, привез на мой день рождения. Для меня это было таким счастьем, что он вспомнил про мой день рождения. Я на седьмом небе был от счастья. Полтора месяца не прошло, как началось летнее наступление. После него папа приехал в Отхару. И вот тогда я его в какой-то момент даже не узнал, настолько он изменился. Я понял, что этот человек постарел буквально за неделю. Он приехал с потухшими глазами, совершенно черный. Его камуфляж четыре раза стирали, чтобы отстирать. Тогда из этого батальона очень много погибших было. И видимо, это по сознанию отца очень сильно ударило.

С.В.: Как вы думаете, это связано с гибелью близких людей?

А.С.: Я думаю, да. Я увидел одно из военных интервью Тали Джапуа. На несколько вопросов непосредственно отец отвечал. И я почувствовал горечь в его словах оттого, что пока одни воюют, другие занимаются, чем угодно, но не войной. Пока одни погибают, другие занимаются обогащением. Разговоры о том, что мы все возьмем, это показуха, в итоге погибают и страдают одни и те же. Вот этот момент проскользнул. То, что война всех касается, но всю ее тяжесть несут на себе те, кто меньше всего к этому на самом деле подготовлен. Я думаю, в основном из-за этого он изменился. И еще очень много погибших было.

С.В.: Ахра, как вы думаете, в какой момент вы повзрослели?

А.С.: Когда папы не стало. Я находился в Отхаре. Приехала старшая сестра, рыдающая, говорит: «Папа погиб». Я тогда понял, что все, точка.

С.В.: Это в сентябре было?

А.С.: Да, 20 сентября. Это было последнее наступление. Помню, 16 сентября я его последний раз видел. 16 сентября перемирие было объявлено. И он просто косил во дворе, тихо, спокойно. Тут мы смотрим: взлетел российский самолет, и он на наших глазах с черным дымом упал в море. Самолет до сих пор без вести пропавшим считается. Он утонул вместе с летчиком. Мы это обсуждали. Потом поехало очень много различной техники, ма-

шины, БМП, люди. И отец вышел на дорогу: «Сарггы сцаруп» (я тоже пойду), – сказал отец. Попросил нашего двоюродного брата отвезти нас в Отхару. Старшая сестра и мама дома остались. Я с двумя сестрами в Отхару поехал. И когда я вернулся домой, я увидел тело своего отца, я понял, что уже все. Через 9 дней после его гибели, освободили Сухум. И потянулись вереницей огромные колонны с трофеем. У нас по Эшерской дороге так много техники, машин с трофеем проезжало мимо дома. Это прекрасно помню. Отец всегда по этому поводу очень сильно ругался. Это изнанка, обратная сторона войны, от которой никуда не деться.

Год спустя, первое самостоятельно решение, которое я принял: поступить в «Башаран-колледж». Я уговорил свою маму меня туда перевести. Однако добираться из Цандрипша в Эшеру было очень сложно. И тогда я уговорил маму перевести меня в Сухумский лицей-интернат. С 16 лет я начал самостоятельную жизнь вести, сам себя обеспечивать. Это, видимо, из-за того, что было понимание, что помощи ждать не откуда.

С.В.: Вы верили в победу?

А.С.: Конечно.

С.В.: Страх был?

А.С.: Да. После войны лет пять боялся звука авиадвигателя, я вздрагивал.

С.В.: Что вам приходит первое в голову, когда слышите слово «война»?

А.С.: Сложно сказать. Визуально война – это автоматы и камуфляж. А эмоционально, это все-таки некий объединяющий порыв, с привкусом горечи.

С.В.: Есть теплые воспоминания, связанные с войной?

А.С.: Эта история с клубникой.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

А.С.: Горький.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

А.С.: Во-первых, вся жизнь разделилась на до и после войны. Во-вторых, это какие-то личные воспоминания. В-третьих, когда начинаешь какие-то вещи осмысливать, которые происходят, невольно пытаешься разобраться в предыстории, и все равно находишь начало в войне.

С.В.: Можно сказать, что война повлияла на вас, на становление вас как личности?

А.С.: Да, конечно. Она повлияла прямым образом на историю моей семьи. Она повлияла на дальнейшие события вплоть до того, что отца однополчанин стал нашим зятем... Сегодня я никого не осуждаю. Я понимаю, что требовать от человека храбрости – это безумно, невозможно. Люди не знали, что будет завтра. Люди не знали обернётся ли победа поражением. Единственное, что я из всего этого вынес, ни одна заслуга человека не может стать его оправданием. Если мы не осуждаем тех людей, кто смалодушничал, мы не имеем права оправдывать героев, которые после войны смогли позволить себе все, что угодно.

С.В.: Вы можете сказать, что ваше детство украдено?

А.С.: Даже ни настолько детство, сколько все остальное. Юность. Потому что дальше уже не жизнь, это уже режим выживания многие годы.

С.В.: Что позволяло выжить?

А.С. У меня один раз возникла идея эмиграции во Францию, собрал все документы, очень основательно к этому подготовился. Но мне неудобно перед отцом и перед остальными. Люди погибли, а ты взял – уехал.

С.В.: То есть это вас держало?

А.С.: Это и то, что ты уедешь, но от себя ты не уедешь. Если тебе не нравится тот набор услуг, который вокруг тебя, заработай больше денег, у тебя будут услуги лучше. Если тебе не нравится, что во дворе грязно, возьми и убери. Если тебе не нравится, что что-то не работает, то возьми и исправь.

С.В.: Что вы сегодня хотели бы пожелать детям войны, вашему поколению?

А.С.: Я хотел бы, чтобы у них было ощущение единения, сплоченности. Потому что все они чувствуют себя немножечко обделенными. Все до единого. И если люди будут говорить, что это не так, не поверю. Все себя чувствуют чуть-чуть обделенными. У каждого, что-то пошло не так.

С.В.: Спасибо большое.

А.С.: Не за что.

05.02.2018 г.

Элана Кортуа,

преподаватель кафедры педагогики и
методики начального образования Абхазского
государственного университета

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

Э.К.: Элана Кортуа. Родилась в Сухуме. Мне 33 года.

С.В.: Немного не могли бы рассказать о себе?

Э.К.: По образованию я психолог. Я закончила Сухумскую 10-ю школу, потом продолжила учебу в России в Обнинске, в университете атомной энергетики по специальности психология. В 2008 году вернулась в Сухум, работаю в университете, школе, сотрудничаю с организациями. В общем, активно занимаюсь психологической деятельностью в Абхазии: и практической, и теоретической.

С.В.: Давайте погорим о войне, скажите, сколько вам было лет, когда началась война, и где она вас застала?

Э.К.: Во время войны мне было 8 лет. Застала она нас на Ауадхаре. Каждый год мы семьей: мама, брат, тетя, сестра ездили туда отдыхать. И в 1992 году, если я не ошибаюсь, 10–11 августа нас папа отвез на Ауадхару и уехал в Сухум. Я очень четко помню этот день 14 августа. Я могу даже подробно описать.

Мы с утра пошли на речку. Я помню, мы купались, мама стирала. Даже помню это место, но сейчас там русло реки немножко поменялось. Только в моей памяти оно четко запечатлелось, я даже помню камень большой был, на котором мы сидели. Мы там любили загорать. Нас было много. Я помню, как прибежала моя тетя на речку, помню ее эмоционально возбужденное состояние. Она о чем-то говорила взрослым. Я поняла, что-то произошло, но не могла понять, что именно, звучали какие-то фразы, связанные с войной. Мама начала нас собирать, говорит, давайте быстро, поднимаемся в пансионат.

В этот момент я помню чётко свои чувства, ощущения. Это было очень волнительно, и как-то странно, непонятно. И ощущение того, что нехорошее происходит. Мы поднялись в пансионат, и там уже была суета. Не могу сказать, что это была паника, но люди уже были взбудоражены. Это я очень хорошо помню. Понятно стало, что началась война.

С.В.: Вы слышали когда-нибудь раньше об этом?

Э.К.: Я очень хорошо помню 1989 год. Произошли очень серьезные столкновения, я помню этих «звиадистов». Эти бесконечные митинги, которые они устраивали, такую историю, как забрасывали картошкой. И в 1989 году, нас, детей, собрали и вывезли. Я даже помню, как нас везли в Ачандару к родственникам моей сестры. Она замужем за Хагба. Когда мы проезжали Гумистинский мост, по дороге нам сказали, чтобы мы в машине прятались, чтобы нас видно не было. Но я не помню, с чем это было связано. Ассоциации с тем, что такое война, у меня уже были в сознании. 14 августа абсолютного понимания того, что такое война, не было, но ощущение страха, тревоги, было. И я точно помню, что с этого момента люди начали собираться и уезжать из Ауадхары. Мы ждали, когда отец приедет, начали собирать наши вещи. Чтобы как-то отвлечь, нас повели на детскую площадку. Как-то этот день прошел. Наступила ночь, но папа за нами не приехал, все меньше и меньше становилось людей. Тетя наша уезжала с детьми, и нам предложила. Перед нами встала дилемма, как быть. Мы не знали, приедет папа или нет. Где он? Маме предложили отправить брата вместе с тетей и ее детьми. Она не согласилась, сказала: «Нет, мои дети будут со мной». Они уехали, мы остались – я, мама, брат, родная сестра мамы и еще какие-то люди, которые отдыхали. Чтобы как-то отвлечь нас повели собирать то ли малину, то ли какие-то другие ягоды в сторону перевала Пыв. Помню, как мы шли по дороге, и нам навстречу спускался мужчина в военной форме, с ракетой. Мы не обменялись никакой информацией, ничем. После этой встречи мама сказала, что это, может быть, какой-то разведчик, или грузинский шпион.

С.В.: До этого вы не видели людей в военной форме?

Э.К.: Нет.

С.В.: Как вы это восприняли?

Э.К.: Было страшно, потому что этому придали очень большое значение мама и тетя. 16 августа, когда мы так и не дождались папу, мама приняла решение, что мы уедем на грузовике, который собирал оставшихся людей. Как сейчас помню, этот ужасный грузовик, накрытый черным брезентом. Нас забили в этот кузов, а было нас очень много, было невыносимо душно, меня укачивало всю дорогу. Мне было очень страшно. Доехали до Гудауты, никакой информации от папы не было. Мама в тот же день пошла в пресс-центр и начала работать в нем. Мама у меня Бения. Несколько дней мы находились у родственников, потом в другой семье. Потом меня и брата отправили к родной бабушке в село Джирхуа. Там была и моя тетя родная с дочками. Мама осталась работать в пресс-центре. В Джирхуа было очень много детворы, было весело, но мы продолжали пребывать в неведении о том, где находится папа.

С.В.: Как долго вы не знали о судьбе отца?

Э.К.: На тот момент, казалось, что очень долго. Две недели. Он две недели находился в плену. У мамы не было вообще никакой информации, она была уже уверена в том, что его нет в живых. Я помню очень хорошо этот день. Это было в Джирхуа. Я играла во дворе. Помню этот двор, помню спуск к воротам калитки. Смотрю, к калитке подошли двое мужчин в военной форме, один бородатый, в военной кепке. Я не поняла сперва, кто это, а потом смотрю – это папа. Я как побежала босиком по этому спуску (он был усыпан гравием) бежала и кричала: «Папаа!». Все выскочили из дома, начали кричать. Я помню, он дыню тогда нам принес.

С.В.: Можете назвать это самым счастливым моментом?

Э.К.: Нет, я не могу сказать, что это был самый счастливый момент, но это был один из самых запоминающихся моментов в моей жизни. Мы там находились месяц, может, чуть больше, но опять-таки казалось, что это очень долго. С одной стороны, нам было очень хорошо, потому что мы играли с детьми в какие-то игры. А с другой стороны, было очень тоскливо, потому что мы были без мамы, она к нам приезжала достаточно редко. Если спрашивать меня сейчас, как бы я это по времени оценила, я бы

сказала, что это было несколько месяцев. Это была очень интересная, важная школа жизни. Потому что нас там очень многому научили. Научили нас физическому труду, нас как-то хорошо к нему приобщили. Мы и воду носили, и помогали по хозяйству, и фрукты собирали, и траву выдергивали. Там кукурузное поле, я помню, как нас отправляли на это поле, каждому давали по ряду кукурузному, и мы должны были дергать траву.

С.В.: Как вы думаете, это помогло вам?

Э.К.: Да, конечно. Это очень серьезно. Это такие навыки, которые очень важны и нужны, хотя на тот момент нам казалось, что нас ненавидят, «над нами издеваются, нас эксплуатируют». Мы как-то объединились и страдали по этому поводу, а потом пришло осознание того, насколько это важно и насколько это необходимо в жизни каждому человеку. Мы такие «паркетные», городские дети, попали в деревенскую среду, в деревенский быт, и это очень классно, что нас приспособили к этой жизни.

Позже тетя собрала детей, и мы пешком из Джирхуа пошли в Дурипш. Это тоже было такое приключение для нас, пешком пойти из одного села в другое.

С.В.: Для вас это было игрой?

Э.К.: Это было очень интересно. Мы спустились в Дурипш уже к другим родственникам. Находились там какое-то время, это была осень, конец сентября – начало октября. Но я помню, что еще было теплое время года. После Дурипша, вдруг так получилось, что нам нужно было поехать в Гудауту. Я помню, что мы как-то разделились уже, оказались у другой нашей бабушки на Золотом берегу. А другая часть моих сестер, тетя, бабушка и еще тетя с дочкой жили в Гудауте, им дали дом. Мы пожили на Золотом берегу какое-то время, а потом переехали в Гудауту, где находится ближайшая часть моих родственников. На всю войну растянулось пребывание. С середины ноября мы уже жили в Гудауте, это было недалеко от первой школы. Как же это улица называлась. Улица Нартаа, очень хорошо помню этот дом. Это была гостиница частная. Нас было девять человек, взрослых, детей. Очень много воспоминаний связано с этим домом. Я помню, когда я приехала, в этом доме собака была, Чар ее звали. Это была сторожевая собака, но она меня встретила очень

дружелюбно. И тут я смотрю, это был крытый внутренний двор, там бильярдный стол, черепахи в бассейне. И как-то это все необычно, куча детей, моих сестер, много игрушек. В общем, мы стали жить в этом доме, наша мама продолжала работать. Нас устроили в эту первую школу, хотя это было формально. Очень много мы пропускали, и полноценного образовательного процесса не было. И я помню очень большое количество абхазов, ребят из Турции, добровольцев, очень часто приходили к нам в гости. Я помню, они всегда нам приносили «Сникерсы», «Баунти». Мы устраивали концерты, пели для них. Помню, рядом с нами были секционные дома, и там было большое количество детей. И как-то мы все были предоставлены сами себе, улице, потому что родителям было совершенно не до нас. Папа был на фронте, он приезжал редко. Когда он приезжал, это был праздник для нас.

С.В.: Вы ностальгируете по тому времени?

Э.К.: Я не могу сказать, что ностальгирую, но это очень приятные воспоминания, потому что нас было много детей, было очень весело.

Самое жуткое событие, связанное с периодом войны, – 14 декабря. Об этой трагедии – сбитом над Латой¹ вертолете, о жертвах постоянно говорили по Абхазскому телевидению. Белые простыни, обугленные тела, привезенные в гудаутский аэродром – эта страшная картина преследовала меня долгое время после войны. Я очень хорошо помню и Мартовское наступление, то есть я помню свои переживания, связанные с этим. Я помню как все это тяжело обсуждалось взрослыми, и как это отражалось на нас, детях. Я помню, как летали вертолеты. Когда я слышу звук вертолета, то у меня сразу очень неприятные воспоминания.

С.В.: Помните ли вы бомбежки?

Э.К.: Как не помню! Очень хорошо помню.

С.В.: Какие ощущения вы испытывали в этот момент?

---

¹ Латская трагедия – 14 декабря 1992 г. был сбит вертолет, который перевозил гуманитарную помощь из Ткуарчала в Гудауту, в результате чего погибли 82 человека, 20 из которых дети. «Те суровые дни. Хроника Отечественной войны... Сухум, 2008.С.202.

Э.К.: Ужасные, я помню этот свист перед тем, как бомба упала. Это, наверное был самый страшный звук в моей жизни. Я помню этот взрыв, в меня, в ногу, попал осколок (он долгое время хранился у мамы, потом не знаю куда делся). Но каким-то волшебным образом, ничего со мной не произошло. Я помню эту суету, которая была после взрыва бомбы. Моя тетя родная, педагог английского языка, дома занималась репетиторством, с ней в этот момент были ученики. Я помню, после взрыва мы выскочили во двор. Тетя вперед пропускает своих учеников, бежит за ними, вся белая. Это от взрыва на нее посыпалась штукатурка.

Расстояние от нашего дома до того места, где это произошло, было большим. Все происходило непосредственно на улице за пределами нашего двора. Я помню, после этого взрыва, кресты начали клеить на стекла, скотчем. Мы из подвала выгребали воду, чтобы было где спрятаться в случае повторения.

С.В.: Как вы думаете, в какой момент вы повзрослели?

Э.К.: Я не могу сказать, что взросление было связано с войной, но я точно знаю, что война сыграла очень большую роль, конечно, негативную в моей жизни. Она оказала большое влияние на то, что со мной происходило уже после войны. Я помню повторяющиеся сны, связанные с войной, страшные. Очень часто снились. Наверное, до 19 лет.

С.В.: А какие сны?

Э.К.: Это было связано с тем, что на нас нападают, что нам надо куда-то убежать, нам нужно прятаться, нас бомбят, летают вертолеты, самолеты. И все это происходит ночью.

С.В.: Страхи остались у вас после войны?

Э.К.: Честно говоря, я думала, что их нет, но я могу сейчас привести ситуацию, связанную с днем признания Абхазии в 2008 году. Тогда у меня был очень сильный эмоциональный срыв, психологический. Мы не в курсе были, что в этот день будет признание. Я помню, мы были на море, вернулись с сестрой, а она живет в районе рынка. Когда началась стрельба, она выбежала на балкон, забегает обратно. На ней лица нет, она мне говорит: «Знаешь там люди бегут». И у меня, и у нее случился очень серьезный эмоциональный срыв. Она говорит, началась

война. Она берет телефон, и не может дозвониться, ведь в этот момент все пытались друг другу позвонить и поздравить, а у нас была истерика. Сестра закрыла дверь на все замки, говорит: «Я боюсь, что сюда сейчас поднимутся гвардейцы. Элана, одевайся нам надо что-то сейчас придумать». А я бросилась на пол и начала кричать, что я больше не могу, больше не хочу, я не смогу выдержать войну второй раз. Наверное, глубоко этот страх сидит. Это был 2008 год. А потом над нами шутили, что кроме меня, моей сестры Мадины и отдыхающих, все были в курсе, что это было признание независимости Абхазии.

С.В.: Какой самый страшный эпизод был во время войны?

Э.К.: Самый жуткий, я говорила, связан с событиями 14 декабря. Еще один момент связан с бомбежкой. Было много опасений, что что-то может случиться с отцом. У меня дядя погиб во время войны, папин двоюродный брат. Один из братьев, у кого мы находились какое-то время в Дурипше, Батал Шулумба. Я помню, когда его убили, приехали и сказали нам об этом. Это был очень сложный момент. Помню, когда во время войны, выпал большой снег. Мы получали хлеб по талонам. Нас было четверо детей в семье: я, брат двоюродный, дети двоюродной сестры. Нас поделили на пары. Брат со старшей двоюродной сестрой, а я – с младшей ходили получать хлеб, ходили в большой снег. Это было ужасно. У нас не было одежды, у нас не было обуви, а мы вынуждены были по пояс в этом снегу идти в центр города. Было так сложно добраться до этого хлеба, получить этот хлеб, вернуться назад. А еще я помню, когда мы в Джирхуе находились, мне сообщили, что я должна с утра с какой-то теткой ехать куда-то за хлебом. Мне казалось, что меня ненавидят (смеется). Я помню, как мы питались во время войны.

С.В.: Чего не хватало, чего хотелось очень?

Э.К.: Я помню, в этом доме, в котором мы жили, он же был сделан под гостиницу, была большая кухня, где для меня все пахло столовой. Там были большие раковины, как в столовых, огромные, глубокие, там стояли две большие плиты. Словом, там все пахло столовой. Мне не нравилось, как готовят. Все было ужасно, и все это надо было делить на всех нас. Мы не голодали. Но эта однообразная еда, какие-то каши, тушенка, не помню с

чем она была, может, с макаронами, с рисом. Я это все ненавидела. Помню, когда мама приготовила эклеры, это был праздник.

С.В.: Часто вспоминаете эти эклеры?

Э.К.: Не часто, но бывает. Я помню, мы умудрились на 8 марта собраться всей детворой и сделать торт (это очень громко звучит) для своих мам. Нас человек 10 было. Мы испекли один корж, и он был деревянным. Достав из духовки, мы обильно его мазали сливочным маслом, потому что где-то видели, что так делают. Достали второй корж, он оказался чуть-чуть мягче. Одна из моих сестер сказала, что мы сделали первый корж неправильно, его надо помыть (смеется). Мы открыли кран, и мыли водой корж. Вообще какой-то кошмар. На 8 марта мы торжественно заявили, что мы сделали сюрприз, конечно, наши мамы были очень тронуты, они очень обрадовались. Это был совсем не торт, но в памяти осталась очень забавная история.

С.В.: Были радостные моменты ?

Э.К.: Конечно, было много моментов. Я помню, как мы носились по всей Гудауте толпой: детвора разного возраста, в том числе из секционных домов, о которых я говорила. Мы обливались водой, у нас было насыщенное времяпрепровождение.

С.В.: Считаете ли вы, что ваше детство потеряно?

Э.К.: Отчасти да, потому что в послевоенный период было очень много ограничений. Не было, например, каруселей. До войны мы ходили в кафе «Пингвин», я помню мороженое, которое там ели, я помню, прогулки по набережной «Чертово колесо», другие аттракционы. А после войны не было этого. Было много грустных моментов, связанных с потерями, с общей картиной города. Я помню, очень сложно было прийти домой после войны, в тот дом, где я прожила восемь лет, пусть осознанные будут четыре года. И когда ты возвращаешься в этот дом, он весь пустой, раскуроченный, валяются фотографии на полу, очень неприятно.

С.В.: Какие у вас ощущения были?

Э.К.: Очень неприятные, очень грустные.

С.В.: Как вы думаете, что помогало выжить вашим родителям?

Э.К.: Наверное то, что мы были у них – дети, которых надо несмотря ни на что поддерживать. И потом то, что война завершена, являлось очень серьезным позитивным моментом, хотя было много сложностей.

С.В.: После окончания активных боевых действий, говорили ли в вашей семье о войне?

Э.К.: Мне кажется, говорили, да, тема войны обсуждалась и нами, детьми, тоже.

С.В.: Во что вы играли?

Э.К.: Мы играли в казаки-разбойники, мы играли в выбивалки. В войнушки мы не играли. Это были очень активные, веселые игры.

С.В.: Бывали моменты, когда вам было страшно?

Э.К.: Бывало, конечно.

С.В.: Помните один из таких моментов?

Э.К.: Страшно было, когда мы узнали новость о начале войны. Эти чувства, эти эмоции, я очень хорошо помню. Как это было страшно от неопределенности.

С.В.: Чем вам запомнился День Победы?

Э.К.: Я не помню его в 1993 году. Я его помню уже в 1994 году. Я помню стадион, как это было приятно, весело, предвкушение этого праздника. Было что-то невероятно радостное.

С.В.: Что вам приходит в голову, когда вы слышите слово «война»?

Э.К.: Страх.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало во время войны?

Э.К.: Думаю, маминой заботы.

С.В.: Есть теплые воспоминания о войне?

Э.К.: Много.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

Э.К.: Гнилой.

С.В.: Часто вспоминаете о ней?

Э.К.: Сейчас уже реже.

С.В.: С чем у вас ассоциируется война?

Э.К.: С чем-то очень холодным и серым.

С.В.: Считаете вы себя ребенком войны?

Э.К.: Однозначно, да.

С.В.: Что хотели бы пожелать детям войны?

Э.К.: Таким же как я? Наверное, преодолеть все травмы, связанные с войной.

С.В.: Задумывались ли вы о том, что выбор вашей профессии был непосредственно связан с войной?

Э.К.: Отчасти. Она же оказала на меня влияние как на личность, на мое состояние, мои переживания, а это привело к тому, что я выбрала эту профессию.

26.01.2018 г.

Мадина Ханагуа,

менеджер по работе с корреспондентскими
счетами КБ «Амра-Банк»

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

М.Х.: Меня зовут Мадина. Когда началась война мне было 7 лет. Я закончила первый класс. Это был август, я была в предвкушении, что пойду во второй класс, но, к сожалению, не случилось. Я помню тот день, это было в пятницу, помню, потому что папа с утра нас собрал, сказал, что в Ткуарчал к дяде поедете. Мама собрала нам вещи на два дня. Кто знал, что мы застрянем там на всю войну. У меня был попугайчик, которого я так любила, и мне пришлось его оставить. Брат мой родной находился у тёти в селе Кындыге. Папа оставил меня, сестру и маму в Ткуарчале и уехал. Я помню, мы играли с двоюродными братьями, с сёстрами. Забежали домой, и я увидела лица мамы, тети. Они были взволнованы, смотрели неотрывно в телевизор. Мы ещё возмущались, что на нас никто внимания не обращает, мы творим, что хотим. Помню лишь отрывки войны, выстрелы, взволнованные разговоры. Нам – лишь бы поиграть, побегать. Потом, естественно, мы тоже осознали, что началась война.

С.В.: Сколько вас было человек в квартире?

М.Х.: Мы жили у дяди, затем через полгода перешли в другой дом. Вначале мы особо не ощущали тягот, не могу сказать, что мы голодали. С одеждой у нас были проблемы, потому что мама с собой ничего не взяла. Естественно, сёстры, братья поделились с нами. Становилось всё тяжелее и тяжелее, ощущалась нехватка еды.

С.В.: В какой момент вы осознали, что началась война, что-то плохое происходило?

М.Х.: Мне кажется, сразу осознали. Я самая младшая из всех моих сестер.

Мы домой в Сухум попасть не могли, так как все дороги были перекрыты, и, во-первых, было опасно ехать. Папу мы практически не видели, он приезжал, уезжал. Как вы знаете, Ткуарчал был в блокаде, нас бомбили. Я чётко не помню, в какой период это всё началось, но я помню, что мы прятались по подвалам. Когда мы слышали звук, сразу бежали в подвал, там прятались. Я помню грохот.

С.В.: Как часто?

М.Х.: В Ткуарчале это часто происходило, потому что его не могли взять. И могли лишь с воздуха бомбить.

С.В.: Какой для вас самый страшный эпизод был во время войны?

М.Х.: Я любила ходить с папой, чтобы он не делал: колол дрова, пилил. И вот однажды, когда мы находились у казармы, внезапно самолёт в небе появился. Папа меня сразу в охапку схватил и бросил меня в кучу дров. Близко, почти рядом с нашим домом, упала бомба. Я помню этот оглушительный звук. Я оглохла, кажется, на мгновение. Это было очень страшно, у нас стёкла выбило. Я помню этот ужасный момент.

С.В.: Что вы часто вспоминаете?

М.Х.: Я стараюсь не вспоминать. Я даже в Ткуарчал особо не люблю ездить из-за того, что страшное время провела там. Я не люблю Ткуарчал, естественно, он нас спас, но всё равно какой-то осадок остался.

С.В.: То есть, когда вы приезжаете туда, вы автоматически вспоминаете о событиях?

М.Х.: Вспоминаю, естественно, тем более этот дом. Когда там находишься, вспоминаешь какие-то моменты.

С.В.: Как вы проводили свои будни? Несмотря на то что шла война, вы продолжали оставаться детьми, во что играли?

М.Х.: Естественно, мы играли. Играли в резиночки, в семь стеклышек. Когда по радио объявляли, что будут бомбить, нас заставляли по два-три часа сидеть в подвале. По соседству был большой дом и, помню, там был такой капитальный подвал. Мы бежали и там сидели. Иногда бомбили, когда мы не ожидали, даже не успевали никуда добежать.

С.В.: Что было для вас самым страшным?

М.Х.: Помню момент, когда мама как-то смогла попасть в Сухум в нашу квартиру. Успела взять какие-то зимние наши вещи, золото, наши крестики.

С.В.: Это через какое время?

М.Х.: Я не помню, может, через полгода, может, через два-три месяца. Но с риском для жизни с какой-то женщиной, которая ей помогла поехать. Во время войны собирали на нужды военным, кто что мог. Мама отдала золотую цепочку. Видать, слух прошёлся, что мама привезла золото, и в ту же ночь к нам забралась вооружённые в масках. Я помню эту ночь. Я даже не вылезла из кровати, укрылась одеялом. Я всё слышала, мама сразу всё отдала.

С.В.: А что говорили?

М.Х.: Говорили, что убьют нас всех, сказали, что они знают о золоте. Не было ни отца, ни брата. Мы одни были. Мама, ничего не сказав, отдала всё золото. Мало того, что они взяли золото, они ещё наш сыр копченый взяли, какие-то вещи отца. Мама просила крестики не забирать, но они и их забрали. Через какое-то время мы узнали, кто это были. Было очень страшно, и маме было страшно. Я представляю, что мама пережила в это время. Причём, они говорили, что заберут нас. Шла война, а они занимались этим. Это был самый жуткий момент, который я запомнила. И, конечно, бомбежки. Было страшно.

С.В.: Во время бомбежек что вы испытывали?

М.Х.: Естественно, страх, мы боялись, что в нас могут попасть.

С.В.: Вы всегда, когда начинались бомбежки, бежали в подвал?

М.Х.: Да, в подвал. Иногда мы оставались у другой нашей двоюродной сестры. Она жила в центре Ткуарчала, в многоэтажном доме. Там тоже были подвалы. Одним утром мы услышали, как летят самолеты, мама нас укутала в одеяло (мы были в майках, трусиках) и побежала вниз по лестнице. Была зима, не было времени одеваться. Я даже сейчас помню этот звук. Это сильно врезалось в память. Естественно, мы бы не успели, если бы попала в этот дом бомба. Мы сидели в подвале, пока не прекратилось все. Мы пытались выбраться из Ткуарчала, по-

лететь в Гудауту. Сколько раз мы собирались на стадионе, чтобы улететь. Но там были такие толпы, что мы не успевали, никак не могли попасть.

С.В.: Сколько попыток было у вас?

М.Х.: Я помню, пять-шесть раз мы точно пытались, но не смогли. А после того как эта страшная трагедия случилась, сбили вертолет 14 декабря, мы попытки бросили. Было жутко, страшно. Все родственники нам помогали. Моя тётя, папина сестра родная, жила в Гупе. У неё мы тоже часто оставались. Каждый помогал, кто чем мог. Наши родители делали всё, чтобы мы не ощущали голода.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало во время войны?

М.Х.: Мною будет сказано по-детски, но я очень скучала по своим друзьям, по дому. Меня тянуло домой, я каждый раз у мамы спрашивала, когда это закончится.

С.В.: В какой момент вы задумались, и задумывались ли вы о таком понятии как смерть? Вообще возникали у вас такие мысли?

М.Х.: Я сейчас точно не могу сказать, наверное, возникали в те моменты, когда мы сидели в подвале. Знаете, я была ребенком, может, я всё как-то в игровой форме воспринимала. Хотя были жуткие моменты. Я уверена, что моей сестре и брату было намного страшнее, чем мне. Мама пыталась отгородить от всего плохого.

С.В.: Часто вспоминали о войне после войны?

М.Х.: После войны мы о ней и не забывали. Потому что всё напоминало. После войны было очень сложно родителям. Закончилась война, мы сразу приехали в Сухум, в пустую квартиру. Она была полностью очищена, ни вещей, ничего. Даже фотографий у нас не осталось. Все потеряли, жизнь начиналась с нуля.

С.В.: Вы можете сказать, что ваша жизнь поделилась на до и после войны?

М.Х.: Да, конечно.

С.В.: Задумывались ли вы о том, в какой момент вы повзрослели и связано ли было это с войной? Какой вы вышли из войны, вышли ли вы ребенком, или уже подростком?

М.Х.: Не могу сказать, что я прямо повзрослела. Мы также встречались с довоенными друзьями. Мы также играли каждый вечер. У нас раньше не было ни интернета, ни телевидения. Мы постоянно находились во дворе.

С.В.: Были у вас какие-нибудь мечты, о чём вы мечтали?

М.Х.: Естественно, мы мечтали, чтобы поскорее это всё закончилось. Я помню, когда мы пошли в школу после войны.

С.В.: Есть какие-нибудь тёплые воспоминания о войне?

М.Х.: Я помню, что любила ездить к бабушке. Раньше мы не так часто ездили, а тут было много свободного времени. Я вспоминаю с теплом такие моменты, когда все мы были рядом. Может, нас ещё больше сплотила война. Все друг другу помогали.

С.В.: Лицо какое у войны?

М.Х.: Страшное, жуткое.

С.В.: Есть радостное воспоминание о войне?

М.Х.: Я помню, когда мама поехала домой за вещами, было страшно. Когда она вернулась, было радостно. Такое чувство радости редко испытываешь. Мы были очень рады, что она вернулась.

С.В.: Помните День Победы?

М.Х.: Да, конечно.

С.В.: Как вы узнали об этом?

М.Х.: Мы находились в Ткуарчале. Все стреляли, у всех была радость. На лице у всех было счастье. Я помню этот день очень хорошо. Мне даже было страшно от того, что столько стреляли.

С.В.: Если бы у вас была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы им хотели пожелать?

М.Х.: Я бы хотела пожелать, чтобы они не забывали это всё. Воспоминания каждого ребёнка очень ценны. Хочу пожелать хорошей жизни, чтобы они больше никогда не испытали такой страх. Чтобы всегда было мирное небо над головой. Самое главное, чтобы все были живы, здоровы и счастливы.

С.В.: Спасибо большое.

24.08.2018 г.

Амра Джопуа,
домохозяйка

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

А.Д.: Меня зовут Амра Джопуа. Мне 33 года, во время войны было 7 лет. В 7 лет ребёнок не понимает, что это такое. Мы жили в селе Члоу. Моя бабушка жила в Кутоле и младший брат находился там. Я единственная младшая сестра. Мы с мамой пешком пошли в село Кутол.

С.В.: Откуда?

А.Д.: Из села Члоу. Мы там близко жили, может километра 3–4 надо было пройти. Было очень много военных людей.

С.В.: Скажи, где вы узнали о первом дне войны?

А.Д.: В селе.

С.В.: В каком?

А.Д.: Члоу. Сосед сказал нам о начале войны. Мама сказала, что надо забрать брата, который один с бабушкой находился...

С.В.: Вы тогда понимали, что началась война, вы осознавали, что это для вас ?

А.Д.: Нет, я думаю, что не осознавала. Я не понимала, что это такое, но, я думаю, я поняла, когда мы уже пришли в Кутол с мамой, и ждали брата. По соседству жила семья, в которой собирали всех женщин и детей, а оттуда уже вывозили. Мама меня оставила там, чтобы найти брата с бабушкой. В этот момент эти люди уехали. Меня одну оставили во дворе, как сейчас помню. Я знала дорогу к бабушке. Иду, а мама мне навстречу идёт с братом. Она удивилась, почему я была там.

В итоге мы там застряли. Я, бабушка, мама, мой брат и двоюродный брат. Моему брату было 11 лет, другому двоюродному 12-13 лет. Помню, как мы прятались в лесу. Днём мы в доме не находились, потому что стреляли ужасно. И это происходило постоянно. Кроме того, грузины ходили, проверяли, кто живет

в домах. Ночью мы приходили, и мама закрывала окна покрывалом, чтобы никто не догадался, что мы там находимся. Потому что даже если ты свечку зажигаешь, они видели, и начинали стрелять. Я ещё помню, дожди были сильные, мама нас накрывала каким-то целлофаном, чтобы мы не намокли, и мы сидели днём в лесу.

С.В.: То есть вы каждый день ходили в лес?

А.Д.: Да, каждое утро. Мы рано утром вставали, пока ещё темно, потому что никто не знал, что мы там находимся. Иногда мальчиков мама прятала в коровнике. Наверху в сено прятала. Мальчики уже не совсем детьми были, а подростками. Наши как-то взяли Кутол. Все вокруг горело. Помню, как мы ночью вышли, и горел кукурузник. Мой брат от счастья прыгал, думал, что мы можем вернуться домой. Наутро мы встали рано и мама нас повела в Джгярдю. Ее родная сестра там жила.

С.В.: Пешком?

А.Д.: Пешком. Я помню, всю дорогу мне закрывали глаза, потому что вокруг лежали мёртвые.

С.В.: Трупы?

А.Д.: Да, трупы были. Всю дорогу мне закрывали глаза.

С.В.: Там было более безопасно?

А.Д.: В Кутоле таких перестрелок нет было. Помню, когда моя бабушка умерла во время войны. Я помню день похорон, помню, как мы шли на кладбище и началась стрельба, летали вертолеты. Говорили, что оставили покойника, до того было страшно, невозможно было, настолько обстреливали. Так я запомнила бабушкины похороны. А так я помню, как мы постоянно прятались в окопах. Дети знали, что при обстрелах надо бежать туда.

С.В.: И как долго вы находились в этой деревне?

А.Д.: У бабушки в Кутоле неделю где-то.

С.В.: То есть каждый день, каждое раннее утро вы уходили в лес, и сколько времени вы там находились?

А.Д.: До темна.

С.В.: Что вы там делали, мама какую-то еду брала с собой?

А.Д.: Да. В деревне они хорошо жили. У нас на неделю точно было что поесть. Даже одно утро, я помню, мы чуть позже пошли в лес, где прятались. Помню, начали стрелять, наверное,

услышали, может, кто-то сказал, что мы там находимся. Мы шли через орешник, нагнувшись, почти ползком. На меня мой брат упал, чтобы пули мимо пролетели меня. Когда он упал, мне показалось, что его убили. Раньше я слышала выстрелы, если только в деревне какая-то свадьба была.

С.В.: И солдат вы в первый раз увидели?

А.Д.: Когда мы шли к бабушке, я увидела их первый раз в военной форме.

С.В.: Они вам что-нибудь говорили?

А.Д.: Не хотели пропускать, говорили, что там опасно. Мы окольными путями дошли до бабушкиного дома, там уже сидели.

С.В.: А где были ваши другие братья?

А.Д.: Мой старший и средний братья были в Члоу. Старшему брату было лет 16-17, и он пошёл на войну. Но об это мама узнала, когда мы вернулись из Кутола в Члоу. А папа наш был в Очамчыре. Его вообще в заложники взяли. Затем его обменяли. Когда он пришел домой, я его не узнала. Его не было где-то месяцев пять, может и больше, он был обросший, поэтому я его не узнала. Я помню, он сел, протянул мне руки, а я не подошла. Это не мой папа, подумала я, потому что я его другим запомнила в начале войне.

С.В.: Могли бы вы сказать, какой для вас был самый страшный эпизод во время войны?

А.Д.: Самое страшное было во время войны, когда умерла моя мама. Она умерла в 1993 году. Когда я была с мамой, я не понимала значение войны. Я стала это понимать, когда мамы уже не стало (плачет).

С.В.: То есть с окончанием войны это произошло?

А.Д.: Она умерла в мае 1993 года.

С.В.: Часто вам снятся сны о войне?

А.Д.: Да, я помню после войны папа очень долго мучился, что я могла во сне кричать. Это долго продолжалось, но со временем прошло.

С.В.: Как вы думаете, что помогало выжить?

А.Д.: Мне лично то, что родные были рядом. Я думаю, семилетний ребёнок особо не понимает этого. Сейчас я понимаю, когда у меня у самой дети, взрослым было намного тяжелее.

С.В.: Считаете ли вы, что вы повзрослели во время войны?

А.Д.: Да.

С.В.: Считаете ли вы, что ваше детство было украдено?

А.Д.: Я думаю, да. Я долгое время думала, что из-за войны моя мама умерла, потому что мне казалось, была бы помощь, она выжила бы.

С.В.: Она заболела?

А.Д.: У неё кровоизлияние было.

С.В.: На нервной почве?

А.Д.: Да, в этот день все были дома. Нам говорили ей нервничать нельзя. У неё всегда со здоровьем были проблемы, давление. Мы все находились у бабушки в Кутоле, так как не могли оставить ее одну дома. В это время даже старший брат пришёл домой на несколько дней. Ей внезапно стало плохо. Она лежала 14 дней и потом умерла.

С.В.: В деревне лежала?

А.Д.: Да, нельзя было вести куда-то. Приходила медсестра. Я помню, каждый день с ней сидела медсестра, какие-то капельницы делали ей. Она не узнавала никого, но я верила, что она видит меня, и понимает. Как-то я подошла к ней, а у меня были косы большие.

Наш дедушка жил в селе Члоу, возле нашего дома очень близко. Был такой случай, может, и смешной, нам было смешно, потому что мы детьми были. Как-то град обычный пошел, и мы все выбежали на улицу, дед начал кричать, это грузины что-то кидают, не бегайте там. Он боялся, вдруг это не град, а какое-то лекарство. Когда были выстрелы, конечно, было страшно.

У деда (папиного отца) было очень много беженцев из Очамчыры. Помню, зал большой, туда стелили матрасы, покрывала, чтобы было, где спать.

С.В.: Чем вы питались, было чем питаться?

А.Д.: Было, потому что в деревне у дедушки, где мы жили, большое хозяйство. Не было хлеба, но мамалыгу нам каждый день варили.

С.В.: Когда вы попали в село Члоу?

А.Д.: Когда снег большой пошёл, мы были уже в Члоу. Даже к дедушке пойти мы не могли, потому что такой снег лежал. Бе-

женцы с нами находились, нам иногда негде было спать, мы ложились на пол. Детей было очень много.

С.В.: А как себя вели дети?

А.Д.: Очень многие были спокойными, а те, кто был постарше, 14-15 лет, не хотели с нами играть.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

А.Д.: Я думаю, детьми мы не почувствовали, что это такое. Я начала понимать лишь тогда, когда мамы не стало рядом. Все не так стало, все поменялось.

С.В.: Что первое вам приходит в голову, когда вы слышите слово «война»?

А.Д.: Мама.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

А.Д.: Почти каждый день маму вспоминаю.

С.В.: Как вы думаете, какое лицо у войны?

А.Д.: Лицо я не знаю, с чем сравнить, просто для меня в тот день, когда мама умерла, казалось, что это и есть война.

С.В.: Если бы у вас сегодня была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы им хотели пожелать?

А.Д.: Чтобы их родители были с ними рядом.

06.08.2018 г.

Татьяна Хишба,

ведущий экономист кредитно-депозитного
отдела КБ «Сухум-Банк»

С.В.: Представьтесь, пожалуйста.

Х.Ш.: Меня зовут Татьяна Хишба.

С.В.: Расскажите немного о себе, чем вы сегодня занимаетесь?

Х.Т.: Сегодня я работаю в коммерческом банке «Сухум-Банк». В кредитно-депозитном отделе ведущий экономист.

С.В.: Какого года рождения, где родились?

Х.Т.: Родилась я в городе Гагре в 1985 году, проживала в городе Сухуме в районе Турбазы, училась в 14-й средней школе, потом в Абхазском государственном университете. Теперь работаю в банке.

С.В.: Скажите, сколько вам было лет, когда началась война, и где она вас застала? Каким вам запомнился первый день войны?

Х.Т.: Мне было семь с половиной лет. Был август, все готовились к школе. Я должна было пойти во 2-й класс. В этот день 14 августа я находилась у своей подружки, которая жила по соседству, через забор. Была первая половина дня, и мы во что-то играли, как обычно. Что-то услышали, хлопок или выстрелы, но мы были детьми, естественно, мы не поняли что это. Забежала в комнату в панике старшая сестра подружки. Она постарше была, она всё понимала, начала кричать. Мы испугались, включили телевизор и услышали, что началась война. Мы начали плакать, я сразу поняла, что это такое. Потом я побежала домой, естественно, суматоха, говорят на Турбазе в районе Красного моста стоят танки. Мама начала беспокоиться, переживать, что старшая сестра находится не с нами, она находилась у тети в Гагре. Так всё и началось. Каждый день я

не помню. Два месяца мы находились дома, нам приходилось ночевать не у себя дома. Мы ходили к соседям, потому что мы боялись, что к нам придут из-за того, что мы абхазцы, заберут или убьют или ещё что-то. Потом отец ушел на фронт, а мы с мамой, с сестрой уехали. Мы уехали, а отца родители остались в нашем доме. Всю войну они были там, и сейчас живут. Был сильный шторм, мы поплыли на корабле в Поты, а потом в Батум. Там долго находиться нам нельзя было, потому что везде были грузины-беженцы. Моя бабушка – грузинка, а дедушка-армянин. Мы держались как-то за счет маминых родителей. Потом срочно выехали из Батуми, то есть поплыли на корабле из Батуми в Дагомыс. Так мы оказались в Гагре. Но это была уже весна.

С.В.: А как вы узнавали о судьбе своей сестры в Гагре?

Т.Х.: Как-то созванивались. Помню, как мама ходила, звонила. Из Гагры сестру повезли в Калдахуару, потому что там было безопаснее. Когда закончилась война, она с родной тетей вернулась в Гагру.

С.В.: Как долго вы в Батуми находились?

Т.Х.: Мы находились где-то с конца октября до начала июня. Мы в принципе, немало там находились.

С.В.: Что вы помните, какое отношение было к вам, какие моменты запомнились?

Т.Х.: Сначала было нормально, в школу пошли, чтобы год не пропускать. Но уже в середине войны узнали, что наш отец воюет. Естественно, он абхаз, воюет за свою Родину. Отношение сразу изменилось, стало плохим. Маму начали спрашивать: «А где ваш муж?».

Мама и не скрывала в принципе, а что скрывать. Мама говорила, так случилось, мы не знали, куда бежать, куда пришлось, туда и побежали, я спасала своих детей. Когда мы приехали в Гагру, нас встретил отец. Он был в форме, с бородой. У него был батальон в Гечрыпше.

С.В.: Как зовут отца?

Т.Х.: Дмитрий. Я к нему не подошла, потому что я его испугалась. У него была борода, а он никогда с бородой не ходил. Я его запомнила другим, гладко выбритым.

Я не помню, чтобы мы голодали. Нам хлеб давали, и дядя что-то приносил. Когда было Июльское наступление, мой отец не заехал к нам домой, он не попрощался. А мы жили у трассы в Гагре. Он просто проехал мимо, мы ждали, думали, что он зайдет. До этого мой родной дядя погиб, который с ним в батальоне был, его племянник тоже погиб. Такие события один за другим происходили. Прошло Июльское наступление, а его нет, ни живым, ни мертвым. Помню, как пришел человек, с которым папа в батальоне находился, я помню момент, как он стоял в прихожей.

Он в дом не зашел, а позвал тётю и маму. Он дал маме обручальное кольцо моего папы и часы, и сказал, что отцу там стало плохо, у него поднялась сильная температура, он не смог с ними идти, но попросил, чтобы забрали его на обратном пути. У него до этого было ранение в голову, он плохо видел, но все равно пошел на войну. Когда вернулись, его не нашли, ни живым, ни мертвым. Искали его и братья, и племянники, все. Не нашли. Мы очень долго ждали, надеялись, сдавали анализы ДНК, помнишь, когда выкапывали погибших людей. А так, конечно, война наложила свой отпечаток и на нас. Было страшно. Представь, мама осталась одна с тремя детьми, молодая, ей 33 года, а уже трое детей. Самое страшное было, что папа не вернулся. Сильный страх был. Что с нами будет мы не знали, надеялись на победу.

С.В.: Вы задумывались о том, в какой момент вы повзростели?

Т.Х.: Даже не знаю, может, в тот момент мы все и повзростели, когда война закончилась, когда мы вернулись в свои дома, когда мы все оглянулись и поняли, что вообще с нами случилось, что такое горе. Никого не обошла эта война. В каждом доме случилось какое-то горе. Я помню, какими мы были дружными, сплоченными. Мы как взрослые рассуждали. Мы как-то друг другу помогали, воду носили. Не могу сказать, что голодали, но многого не хватало. То, чего мы хотели, у нас не было, но мы к этому привыкли. До сих пор, может, какой-то комплекс сидит, что чего-то недостает, это из детства.

С.В.: Вернемся к первым дням войны. Как долго находились в Сухуме, что помните?

Т.Х.: Два месяца мы находились в Сухуме. Атмосфера была напряженная. Я помню, мы были у себя дома, пришёл наш сосед-грузин. Так у меня появился первый страх. Когда он зашел, он был в военной форме, с автоматом, на груди у него были патроны – такие разноцветные почему-то. Это мне запомнилось. Он стоял как-то странно, и он пришел нас не защищать, а, наоборот, знаешь, с какой-то угрозой. После его прихода, кстати, мы перестали дома ночевать. К русским почему-то ходили, надеялись на то, что к русским не зайдут, что их не тронут, мы у них прятались. Мы успели уехать до бомбёжек, но выстрелы застали, было очень страшно. Мы все спали в одной комнате. Мама прятала золото в куклу, и говорила, держи куклу. Такие моменты я помню.

С.В.: Это время, что вы находились в Сухуме, у вас было чем питаться?

Т.Х.: Я плохо помню. Мы не голодали, что-то было. Дедушка мой что-то приносил, он ветеран Великой Отечественной войны был.

С.В.: Что для вас самым страшным было в первые дни, месяцы войны, помните?

Т.Х.: Помню, как всё это началось. Страшно было выходить на улицу, я даже за калитку боялась выйти, потому что нам всё время говорили, не выходите. Даже к себе во двор боялась иногда выйти, потому что вдруг выстрелит кто-то, вдруг что-то упадет. Я боялась, когда люди проходили мимо дома. Они ещё так заглядывали в военных формах во двор. Мама тоже боялась, мы же маленькие, мало ли кто зайдёт. Может, схватит, украдет или убьет, кто его знает, это же война, всякое могло быть. Страхи были сильные.

С.В.: В какой момент пришло осознание того, что это плохо, люди погибают?

Т.Х.: Когда мы находились в Гагре, и когда умер родной брат моего дяди, когда его племянник умер. Я видела как братья 16–17-летние шли на войну. Для нас-то они были взрослые, мне ведь было 7 лет. А когда они приходили с позиций, то рассказывали всякие вещи. Я помню, в доме у нас в Гагре лежали патроны, гранаты. Мы даже каким-то образом пы-

тались с ними играть. Когда увидели, помню, нас сильно поругали.

С.В.: Какой для вас был самый запоминающийся момент во время войны?

Т.Х.: Много можно сказать, я помню. Когда мы уезжали отсюда (Сухум. – Автор.) в Батуми, я помню, как мы шли по набережной.

С.В.: Расскажите, пожалуйста, подробно.

Т.Х.: Мы шли пешком по набережной к морпорту. Это был октябрь. Я помню хорошо, я шла сзади с мамой. Мама меня держала, какие-то сумки у меня были, и мой дедушка, мамин папа, шел впереди. На плечах держал сумку, он был человек в возрасте. Он не понимал, что происходит, он не знал, что ему делать. Я помню, знаешь, даже его напуганное лицо, его взгляд. Он шёл, я всё время за ним шла, чтобы его из виду не потерять. Я его очень любила. Когда мы сели на корабль, мне очень запомнился шторм, он был ужасным, мне было плохо всю дорогу, меня рвало. И наконец-то мы добрались. Эти моменты запоминающиеся.

С.В.: Много людей уезжало?

Т.Х.: Да, много было людей, прямо друг на друге сидели.

С.В.: Помните свои чувства, ощущения? Вы понимали, что уезжаете из родного дома, было такое осознание или нет?

Т.Х.: Что я уезжаю, не понимала до конца. Помню, нас постоянно успокаивали. Но, понимаешь, потому что мы были детьми, с нами была мама, мамыны, родители я ощущала их силу, поддержку, с ними чувствовала свою безопасность. Они не давали слабину рядом с нами, не было истерик, они держались, чтобы нас не напугать. Я даже помню, они говорили: «Перед детьми не надо говорить, не надо пугать».

С.В.: Вам бывало страшно? Когда вы первый страх ощутили?

Т.Х.: Трудно сказать, первый страх, наверное, был в первый день войны. Мы плакали, было страшно. Страх был, знаешь, когда пришли сказать, что папы нет. Помню, как бабушка и мама говорили, хоть без рук, ног, но пусть живой придет. А я же была ребенком, я все слышала, я боялась. Этого я совсем не хотела видеть, отца без ног, или без рук. Сейчас, конечно, хоть без ног,

рук лишь бы он жил. Это, наверное, такое откровенное, то что я говорю, но уже столько лет прошло. Я, правда, не хотела, думала, почему бабушка так говорит, почему они так говорят. Я злилась, у меня была паника. Я представляла, а вдруг его сейчас реально привезут, а он весь покалеченный, и как я смогу к нему подойти, как я буду. Я никак не хотела его видеть в таком состоянии.

С.В.: О чём вы мечтали во время войны?

Т.Х.: Конечно же, вернуться домой, я всегда представляла свой двор. Когда говорили – загадай желание, я всегда загадывала желание, чтобы закончилась война и мы **вернулись домой**.

С.В.: Помните этот первый день, когда вы оказались дома, какие у вас были ощущения?

Т.Х.: Мы приехали на машине, нас дядя привёз, мы собрали вещи. Помню, всё в багажник сложили, ехали из Гагры сюда. Я помню, когда мы ехали, на трассе везде стёкла валялись, такая разруха. Мы на третий день после войны домой вернулись, 3 октября. Мы ехали, было так страшно. Потом мы заехали в Новый район, там маминых родителей квартира была, чтобы посмотреть, что всё в порядке, что ее никто не занял. Бабушка с дедушкой, папины родители, всю войну были у нас дома. И когда кончилась война, их тетя привезла в Гагру. Два-три дня мы побыли, и все вместе вернулись. Так мы пришли домой, а в доме у нас на стеклах скотч наклеен был от бомбежек. Когда мы вернулись, все по другому было. Бабушка с дедушкой во время войны как-то спасались, то в одной комнате жили, то в другой. Во дворе какие-то канистры стояли, они воду собирали. Я хорошо помню, бабушка бедная говорила, что наши заколочки хранила, из дома ничего не исчезло.

С.В.: Каким вы увидели Сухум?

Т.Х.: Разрушенным. Я, знаешь, ещё какой момент помню. На Гумистинский мост въезжали, когда из Эшеры спускаешься, все вокруг было разрушено. Когда мы заехали на нашу улицу на Турбазе, побежали к нашим соседям сразу, а там были совсем другие люди. Потом побежали к семье Адлейба, помню, как мы обнимались, целовались. Такие моменты были.

С.В.: Были ли какие-то радостные моменты, если были, то какие?

Т.Х.: То, что кончилась война, это был радостный момент, несмотря на то что для нас она закончилась с огромной потерей. В то же время, были слёзы и горе, и радость. Всё было. Помню, когда сказали, что война закончилась, брат 16-летний взял какое-то ружье и начал стрелять.

С.В.: Вы понимали, что это в честь победы?

Т.Х.: Я помню, что все плакали, и тётя очень сильно плакала. Она стала разливать ликер. Он стоял у фотографий погибших. Она разливала по стаканчикам и очень сильно плакала.

С.В.: Это 27-го или 30-го?

Т.Х.: Это было, по-моему, 30-го.

С.В.: А вы действительно верили, что отца не стало или у вас была надежда?

Т.Х.: Надежда была, мы всегда говорили, надежда умирает последней. Ты знаешь, где-то год мы жили в какой-то надежде, что всё-таки он придет. Но где-то в глубине души я понимала, что он не придет. Думала, он в плену. Хотя мы были детьми, мы знали уже, что такое плен. До сих пор мы не знаем, что с ним произошло. Говорят, там был обрыв, это было в Шроме, он мог туда упасть, потому что ему было очень плохо. Кто-то говорит, может в речке утонул. Не нашли, следа просто нет. А потом я перестала верить. Когда уже дедушка умер, сделали на кладбище портрет отца без могилы. Признали, что его нет, что он умер.

С.В.: Это через какое время?

Т.Х.: Дедушка умер в 1996 году, через 3 года.

С.В.: Бомбежки вы не видели?

Т.Х.: Ты знаешь, нет, не попали. Потому что мы уехали до этого, а приехали – в Гагре уже ничего не было. Мы там жили мирно.

С.В.: Как вы думаете, что помогало выжить?

Т.Х.: Дух помогал выжить нам.

С.В.: Остались у вас какие-нибудь страхи военные?

Т.Х.: Да, остались. Если звуки стрельбы, меня прямо тряска начинает. Даже когда в 2008 году была угроза, что у нас что-то начнется, я два-три дня сидела у телевизора, даже не ела. Хотя я взрослая, я уже работала, но у меня был такой страх. Я начинала себе представлять, тогда мы были детьми, а что мы будем делать сейчас. Я не представляла, куда бежать, что делать. Ещё знаешь,

какой был сильный страх. Если не дай бог, что-то начнётся, то пойдут воевать мои братья, мои ровесники, мои друзья. Пони-маешь, я вообще не представляла себе этого. Я не представляла, как они пойдут на смерть. И когда их видела, они собирались на Турбазе, я плакать начинала. У меня истерика была.

С.В.: Что вам приходит в голову, когда вы слышите слово «война»?

Т.Х. Война это смерть, это болезнь, это угроза, это разруха. Всё плохое что есть, в этом слове .

С.В.: Как вы думаете, у войны есть вкус, и какой вообще вкус, запах?

Т.Х.: Запах уничтожения, смерти людей, я не знаю.

С.В.: Вы задумывались о том, какой вышли из войны, вышли ли вы ребенком с этой войны, или уже другим человеком?

Т.Х.: Да нет, я думаю, ребёнком. Мне уже было 8 лет, когда война закончилась.

С.В.: Поменялись ваши интересы? Что вы делали? Что потом было?

Т.Х.: Потом как-то мы старались, наверное, быть детьми, мы ходили в школу. Мы старались себе делать это детство, были и детские у нас игры, всё это было. И комплексы, мне кажется, у нас были, связанные именно с войной. Мы полностью раскрыться не могли, раскрепоститься, мы всё время чего-то боялись, зажатые были. Я по себе сужу. Может, все дети разные, и все характеры разные, но я помню, что была всё равно какая-то зажатая, какие-то страхи были. Боялась даже когда громко разговаривали мужчины, был страх, что кто-то ругается, дерется.

С.В.: В какой момент изменилось всё?

Т.Х.: Думаю, школу закончила. Знаешь, осознанность приходит с возрастом, когда и жизнь у нас поменялась в лучшую сторону. Немного мы ожили, движение какое-то в стране пошло, выезжать куда-то стали, что-то видеть. Ну, наверное, уже лет десять, как полностью отходить стала. Это глубоко где-то сидит.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

Т.Х.: Не хочу. Естественно, первое время, кроме войны, мы ни о чём не говорили. А сейчас я не хочу особо вспоминать. Ког-

да кто-то начинает вспоминать, я даже не особо хочу слушать. Потому что это очень болезненная тема для нас, для меня. Очень тяжело, не хочу.

С.В.: Что сегодня вам не дает покоя, связанное с войной?

Т.Х.: Вопрос, почему такое вообще произошло, почему с нами это вообще произошло? Можно ли было этого избежать или нельзя? Хотя многие говорят, что это было неизбежно. На сегодняшний день, если бы не было войны, конечно, у нас жизнь была бы совершенно другая.

С.В.: Вы задумывались о том, что вы могли бы стать другим человеком?

Т.Х.: Да, конечно. Всё было бы по-другому, я думаю, и семья была бы и отец в первую очередь.

С.В.: С чем у вас ассоциировалась и сегодня ассоциируется война?

Т.Х.: Ну опять-таки с разрухой, со смертью, болезнью.

С.В.: А если, например, из еды, чего вам не хватало?

Т.Х.: В детстве почему-то всегда не хватало конфет, шоколадок. Мы бананы очень сильно любили. Нас ведь было трое в семье, и вот я помню, если кто-то принесет или мама купит один банан, мы его делили на три части. То есть мы все делили на три части. Хотелось, конечно, больше, ну съели и, слава богу.

С.В.: Сегодня у вас осталось это?

Т.Х.: Ты, знаешь, у меня это где-то осталось, хотя, слава богу, всего вдоволь есть. Я каждый день благодарю бога, говорю спасибо за то, что у нас есть. Наверное, это отголоски войны, потому что нынешние дети ничего не ценят. Слава богу, у них всё есть, им родители всё дают, а мы, грубо говоря, каждый кусок хлеба ценим.

С.В.: Считаете себя ребёнком войны?

Т.Х.: Да.

С.В.: Если бы у вас сегодня была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы им хотели пожелать?

Т.Х.: Чтобы, во-первых, никто и никогда этого не пережил. Не дай бог пережить то, что пережили наши родители. Это вообще страшно. Ты представляешь, они с маленькими детьми, их

состояние. Чтобы эта война послужила уроком всем нам, чтобы мы смогли достойно воспитать детей.

С.В.: Какой у вас сегодня образ женщины-героини?

Т.Х.: Женщины-героини, по сути, это наши женщины – мамы. Они пережили всё это, поставили нас на ноги. Знаешь, после войны было тяжело вырастить всех нас, выучить, дать высшее образование. Это женщина, которая четырех сыновей похоронила. (Тамара Авидзба - Езугбая. – Авт.)

С.В.: Вы можете сказать, что ваша жизнь поделилась на до и после войны?

Т.Х.: Больше. Моя семья поделилась на до и после. Если бы не война, не ушли бы рано мои дедушка с бабушкой. У моей бабушки, папиной мамы, из-за того, что ее сын не пришёл, отказали ноги на нервной почве. Она очень плохо ходила на костылях, и от этого, конечно, пошли дальше болезни. Ей было 62, когда ее не стало, хотя она была сильной женщиной. Мы остались без них – без отца, дедушек, бабушек. У нас была большая семья, и вдруг всего этого не стало. Мы остались одни.

С.В.: Задумывались ли вы о том, что война закалила вас?

Т.Х.: Да, хотя мы были детьми. Какой-то дух, какая-то устойчивость есть. Понимаю, что нельзя поддаваться панике, я себя сильнее ощущаю сейчас, чем раньше.

С.В.: Вы можете сказать, что дети войны – они другие?

Т.Х.: Да, думаю да. Другими глазами смотрят на мир, на происходящее. Более ценят то, что имеют. Вспомнила эпизод, когда взяли город Сухум, и грузины уходили. Бабушка рассказывала, как находясь во дворе нашего дома, увидела, что молодые ребята убегают, так как за ними шли наши абхазы. Она позвала их домой. А у нас такая большая лестница, а под лестницей небольшой склад. Она их там спрятала. Тут домой забежали бабушкины племянники Отырба, спрашивают на абхазском, не видела их? Нет говорит, не видела, здесь нет никого. Они ушли, она тихо-тихо посмотрела вокруг, есть ли кто, открыла дверь и выпустила их.

С.В.: Это было, когда она на тот момент о судьбе сына знала?

Т.Х.: Уже знала, что его нет.

С.В.: И это она вам рассказывала?

Т.Х.: Да, она потом нам рассказывала, как им там жилось. Как они прятались от бомбежек, что, бывало, и не ели. Она всегда говорила, мы из дома не уйдем, это дом моих внуков. Я буду его хранить для них. Мы приехали, она нам всё и сохранила, всё что было в доме.

10.10.2018 г.

Дмитрий Габелия,
писатель, журналист

С.В. Здравствуйте, пожалуйста, расскажите о себе.

Д.Г. Меня зовут Дмитрий Габелия. Я 1986 года рождения. Родился, вырос в селе Джале Очамчырского района. Родовое село – село Гуп. Я свои корни чувствую, и очень часто стараюсь попадать туда. Там уже никого практически нет, но очень тянет. Тема Гупа для меня – особенная тема. Во время Отечественной войны народа Абхазии мне было шесть лет, и находился я в селе Джале с родителями, бабушкой и дедушкой. Так получилось, практически с первых дней войны у нас оказались беженцы. Вся республиканская трасса, Сухум – Гал – Тамыш – все было занято. Близлежащие села очень сильно пострадали, также пострадало село Мыку, и из этого села наши родственники попали к нам. Две семьи. Также из села Маркула. В общем, они все находились у нас, а после Ануарху к нам переехала еще одна родственная семья из села Джгярды. Так у нас оказалось около 40 человек. Я, правда, не могу сказать, сколько – неделю, месяц, но я помню, когда не было света. Пользовались домашними самодельными лампами. Это была забота бабушки, она обеспечивала лампами. В общем, тьма-тьмущая. И самая большая проблема, чем накормить людей. Были кукуруза, скот. Дед всегда был зажиточный, и у нас всегда был крупнорогатый и мелкорогатый скот. Так что, мясо мамалыга, каша. Этого хватало. Было восемь детей, кажется. Мы электрическую мельницу переделали, и бабушка сидела с этими жерновами. Своими руками крутила эти жернова, бывало до утра. Ей было 74 года. Надо было накормить огромную семью в 40 человек. А камни до сих пор у нас сохранились, по 50 как минимум килограммов. Два жернова огромные. В общем, это заслуга бабушки, которая кукурузной мукой кормила нас всех. Очень хорошо помню, когда самолеты бомбили Ткуарчал.

Вообще, надо сказать, наш поселок практически был мегрельский, то есть Джал разделили на две части. Если не ошибаюсь, в 1977 году село разделили на две части: агыруа Джал, апсуа Джал, и мы оказались в агыруа Джал. Та школа, которая стояла там, считалась мегрельской, грузинской школой, а мама моя – музыкант, играла на национальных инструментах и преподавала музыку в школе. Мать мою зовут Кучуберия Рима Шалодиевна. Незадолго до войны ей директор школы сказал, ты – абхазка, иди работать в абхазскую школу. Абхазская школа в селе Акуаскья, это 7 километров туда и обратно.

К чему это говорю, наш поселок состоял из мегрелов и грузин. 16, 17 августа практически опустел наш поселок, все уехали. Поблизости у нас никого не осталось. Только соседи, которые очень далеко от нас жили, в 3–4 км. Кто-то из них пришел и сказал, что завтра будут бомбить Ткуарчал. Дедушка мой – Габелия Тахун Матвеевич (участник ВОВ, был награжден орденами, медалями), спросил, откуда известно об этой операции. Был ответ: есть информация. Все были предупреждены, надо уходить в лес. Одно дело уйти в лес, другое – насколько: на день, либо на два, на неделю. Никто об этом не мог знать и понять. И приняли решение, собрать все, что дома есть, самое ценное. А вдруг нам надолго придется остаться? С чемоданами мы ушли в лес.

Как раз мы пересекали поле, когда налетели самолеты. Всю ночь говорили, что будут бомбить, потому что незадолго до этого несколько бомб упало и на наше село. Была семья Иванба. В семье погибло несколько человек, в том числе и ребенок. Поэтому мы уже знали, что это такое. Взрослые понимали, что и на нас могут кинуть бомбу. Всю ночь мы были в лесу. Мы играли, пели песни какие-то. Так в лесу мы провели ночь. Хотели разжечь костер, но сказали, что не нужно. На второй день вернулись в село, но все свои вещи бросили в какой-то овраг. Думали, что еще вернемся. Поставили вопрос, отправить хотя бы детей в Гудауту, и начали думать, каким образом это сделать. В какой-то период решили часть людей отправить в Ткуарчал. Это десять-двенадцать человек, если не ошибаюсь, из тех, кто у нас был дома. Отправили в Ткуарчал, а там жили два моих родных дяди. Приехал наш дальний родственник и сказал, что Юра погиб. То есть мой

родной старший дядя. Идет война, но у нас свои традиции. Мы также все провели дома, открыли дверь, положили вещи и начали принимать людей, хотя тела покойного нет. В общем, его вещи похоронили. Где-то спустя месяц родная тетя из Гудауты прислала письмо, в котором было написано: «Не переживайте, он жив. Он находится у меня в Гудауте». Она была медсестрой, и там его узнала. В общем, дома слезы, но уже другие. И опять родственники собрались, кто мог, приехали. Начали дальше думать, что делать с могилой. Дед сказал: «Пусть он вернется домой, а там примет сам решение, что делать со своей могилой». Мой дедушка все время говорил, что помощь есть с Северного Кавказа, они помогут. Нас не оставят в беде и мы обязательно победим, говорил он. Этот мой дядя Габелия Юра Тархунович подорвался на мине, потерял ногу, глаз, ранило руку, но остался жив. Он ушел из жизни два года назад.

В детстве я слышал истории о Шалве Денисовиче Инал-ипа, о его супруге. Это были люди, о которых дед всегда рассказывал с таким удовольствием. Я как-то, по-своему тогда думал, что это какие-то полубоги. В поселке Агуаюра, где наше родовое имение, живут Зухбовцы. Это Сергея Ладовича Зухба род.

Фамилии Зухба, Инал-ипа, наша тесно общались, и когда о них рассказывали, я уже знал какие-то истории. Об Адгуре ничего не знал. Я помню тот день, когда пришел человек и говорит: «Тархуна, ты знаешь, вчера Шалвы Денисовича Инал-ипа сын погиб. Это было днем».

Вообще, у нас большой каштановый дом с большим балконом. Его строил еще дед. Там дед любил сидеть и смотреть вдаль. Когда он услышал такую весть, встал, вышел во двор. Взял посох, мундштук, и стал ходить по двору. Он несколько кругов сделал по двору, и вернулся в дом. Бабушка зашла, и спрашивает: «А что случилось, что тебя тревожит?». «Шалва ичкун дыпсит», – ответил он. Отца моего не было, он был в Маркуле. Дед с нами не говорил несколько дней, просто молчал все это время. Когда я подрос, начал интересоваться, кто был Адгур, кто был Шалва. Я закончил школу, поступил в Абхазский государственный университет на исторический факультет. Позже познакомился с Ардой Инал-ипа, я до сих пор интересуюсь такими людьми,

старюсь найти кого-то, кто воевал, кто был рядом с Адгуром Инал-ипа, с другими. Хотелось бы услышать, узнать, какие-то истории о них. Потому что отцы, родители, дорожили памятью этих людей, и это они нам передали.

С.В.: Если вернуться к первому дню войны, как вы узнали о её начале, какие у вас чувства были, понимали ли вы, что началась война?

Д.Г.: Первый день помню отчетливо, потому что в первый день уже были слезы. 14 августа на так называемом перекрестке Очамчыра – Ткуарчал погибли четыре человека: Нарсия, Гогия, Квициния и Валерий Квициния – родной племянник бабушки, ее родной сестры сын. Это случилось утром, к обеду мы уже знали, что погибли. Тогда все поняли, что это серьезно, это война.

С.В.: А вы понимали, что это война?

Д.Г.: Мне сложно сказать, понимал ли я тогда. Мы видели ордена, медали дедушки, он все время их доставал. Он рассказывал о войне своим товарищам, своего возраста. Они к нам приходили. Харчилава был у него друг из села Мыку, Пачулия из села Пакуашь – крепкие, добрые старики. Они приходили к нам, общались, и я с детства хотел послушать о чем они говорят. Я сидел в сторонке и слушал. Те тоже были участниками войны и делились воспоминаниями. Я понимал, что война – это жертвы, что человек на войне погибает.

С.В.: В какой момент поняли?

Д.Г. Я понял это после гибели семьи Иванба, хотя в первый день, как я уже сказал, и племянник бабушки погиб. Когда сказали, что их уже нет, мы поняли, что уже никогда не поиграем с Тимуром, не увидим ни его, ни мать, ни отца, ни деда. Мы поняли, что война уносит жизни, это мы уже начали понимать.

С.В. Могли бы вспомнить о самом страшном эпизоде во время войны?

Т.Г. Это было осенью. Прилетел как-то вертолет к нам, такое впечатление, что целенаправленно к нам летел. Во дворе у нас стояла огромная груша. Такое ощущение было, что он застыл на макушке. Дедушка на балконе сидел, с нами была еще старая соседка, она вышла с палкой и начала что-то говорить, а дед говорит, это враги, я вижу там флаг, не выходите. Мы все выбежали,

за нами выбежали женщины взрослые. Это было тогда, когда у нас были беженцы, около 40 человек. Я уверен, что отчетливо запомнил его глаза. Он просто смотрел сверху на нас, это было такое расстояние, когда можно было его видеть. Я видел его глаза, он смотрел в глаза, а мы на него. Так прошло не знаю, сколько времени. Такой холодный был взгляд, я это близко ощутил. Просто было очень интересно. Когда мы выбежали и увидели вертолет, мы испугались. Он улетел. В одном месте застыл, и опять женщины запаниковали дома. Он прилетел посмотреть сколько нас дома, сколько у нас людей, а нас было много. После этого мы пошли в подвал.

С.В. В подвал часто спускались?

Т.Г. Да, часто.

С.В. Чего вам больше всего не хватало?

Д.Г. Скорее всего, отца. Потому что он приходил ночью и уходил ночью. Практически его не видели. Очень часто сестра спрашивала, она была помладше, и все вспоминала папу. Мы как-то могли промолчать, а она постоянно плакала, звала отца. Даже ночью, она просыпалась и начинала звать отца.

С.В. Часто вспоминаете об отце?

Д.Г. Я его просто не забываю, ни на один день. Не забываю, потому что сам общаюсь с ветеранами, записываю. Очень редко, но бывает, когда я включаю диктофон и слышу их голоса, снова и снова рассказывают эти истории.

С.В.: Для чего вам это нужно?

Д.Г.: Я так думаю, что решил написать какую-то художественную вещь. И даже что-то начал лет пять назад.

С.В.: Несмотря на то что шла война, вы продолжали оставаться детьми, во что играли, как проводили дни?

Д.Г.: В войнушки играли, у нас еще была забава, мы брали пластмассу, которая плавится, поджигали его и держали в руках. Когда он плавится, шум производит, он падал. Мы находили муравейники и поджигали, эта привычка оставалась у меня до подросткового возраста.

С.В.: Что вам больше всего запомнилось из войны?

Д.Г.: Однажды ночью пришли наши ребята из Ткуарчала. Света не было, все сидели дома (деда они знали), их было око-

ло десяти человек. Они посидели у нас, когда уходили, сказали, твои соседи националисты. Они назвали фамилии. Дедушка с ними не ладил. Напротив нас жила семья, глава ее был в возрасте, за 60 уж точно, я его не помню, я помню детей, а он все время говорил, мы вам еще покажем, вашему Ардзинба, вот увидите, что будет, это уже в 1989 – 1990 годы. За несколько лет до войны этот конфликт продолжался, а дедушка с балкона кричал ему, они ругались. И бабушка все время дедушку успокаивала. Ребята, которые пришли к нам в ту ночь, сказали, мы будем сжигать все их дома. Я помню слова дедушки: «Ребята, дома, понятно, но это наша земля, мы всегда здесь жили, война закончится, кому-то этот дом тоже пригодится, наверное. У всех есть дети, у них тоже есть дети. Они ушли, а дома оставьте, не трогайте», – сказал дед. Ему ответили, да, хорошо, и ушли. Спустя час вдруг звуки, будто стреляют из ружья, ведь шифер, когда горит звук издает такой же. Мы все выбежали во двор, смотрим, вокруг огонь. Они подожгли все дома в ту ночь.

Когда я увидел огонь, это было зрелище, конечно. Мне как-то стало детей этих людей жалко, я помню у них были внуки внучки нашего возраста – Натия, Тимук, я их сразу вспомнил. Мы знали, что они ушли, а я начал думать, а, может, они дома. Это осталось, я очень четко это помню. Практически весь поселок горел. Я думал, а вдруг этот огонь и к нам перейдет.

С.В.: Вам было страшно?

Д.Г.: Да, было страшно. Дедушка потом сказал, это ребята, что у нас были. Они не свои, они наши. Они знают дядю Котика, дядю Юру.

С.В.: Помните первые бомбежки?

Д.Г.: Первые бомбежки помню, что были в нашем селе. Семья Иванба погибла. Когда бомбили Ткуарчал, до нас доносились звуки. Звук шел с одной стороны, а снаряд мог прилететь с другой.

С.В.: Вам снились сны о войне?

Д.Г.: Да, снились.

С.В.: Остались страхи военные?

Д.Г.: Есть, но уже сегодня, уже сейчас, когда мы имеем возможность осмыслить, что было, что могло быть. Конечно, и

сейчас страшно, и за семью, и за друзей, и за родственников, за общество, за наш малочисленный народ. Честно признаться, ситуация была очень рискованная для нас. Мы могли пострадать. Я верил в деда. Он говорил – мы победим, и верил.

С.В.: Вы часто бывали в подвале, как вы там находились, чем питались?

Д.Г.: С одной стороны, это винный погреб, с другой стороны, все домашние закрутки. Там все было под рукой. Еды хватало. И более того, приходили наши бойцы, и просили накормить военных. Один раз дед им дал бычка, они забрали его. Потом приходили другие люди, собирали золото. Они говорили: для того, чтобы закупить оружие. Бабушка дала им золото, и мама моя сказала: «Есть у меня золото, я для сына храню свое кольцо, но я вам отдам». И отдала его, до сих пор вспоминает.

С.В. Что вам первое приходит в голову, когда вы слышите слово «война»?

Д.Г. Это родные люди, дядя Юра, дядя Руслан, это Адгур Инал-ипа – герой моего детства, тем более сейчас. Все ребята герои, и бабушка моя тоже герой. Она прожила 88 лет, после 80-ти она полностью потеряла зрение. Всю войну она кормила нас и несколько семей. Она каждый вечер, помню, выходила на балкон, начинала обращаться к Всевышнему, и говорить. В целом у нее было 43 внушек и внуков. Каждого по имени называла, и просила Всевышнего, чтобы у всех было все хорошо, каждый вечер. А на новолуние это продолжалось полчаса или больше.

С.В.: О чем вы мечтали во время войны?

Д.Г.: Я мечтал Ткуарчал увидеть. Все говорили, Ткуарчал, и кто мог уходить, уходил в Ткуарчал. Я думал, Ткуарчал – это особое место, где хорошо как нигде. Мама моя как-то бабушке сказала, давай я отправлю детей в Гудауту к тете Амзе. А дедушка сказал, нет. Мы остались. Мы позже узнали, что в Ткуарчале голод, холод испытывали, что Ткуарчал реально страдал и ему надо было помогать.

С.В.: Какие наставления давал дедушка?

Д.Г.: Были ситуации, когда мама брала ачангур на балконе, начинала играть, петь, и настроение у всех поднималось. В эти вечера я сидел рядом с дедушкой, и он курил домашний табак

(мы сами выращивали), он просил меня разрезать табак. Мне кажется, он хотел чтобы я был с ним рядом, хотел пообщаться, поговорить. Я помню, в этот период он со мной много говорил. А так вообще он говорил мало. Он говорил: «Скажи своим сестрам, что папа вернется». Он вселял в нас надежду.

С.В.: Ностальгируете вы по тому времени?

Д.Г.: В какой-то степени, да. Все кроме отца были дома, все были живы. Много людей было дома, и был страх, но дом был живой. Сейчас там никого нет. Дед ушел в 2003 году из жизни, бабушка чуть позже, отец мой в возрасте 48 лет. Сестры мои вышли замуж, создали свои семьи. Я отучился, начал работать. Я маму оттуда забрал, чтобы одну не оставлять. Корни там, все чувства там, воспоминания детские, туда тянет, но в то же время знаю, что там пусто. Очень хорошо запомнил их тогда, когда были все вместе и жили сплоченно, организованно. Тогда в период войны организация была на высшем уровне в семье. Деда слушались все. Он говорил, дети будут слушаться вас, а вы меня. Когда я скажу в подвал идти, вы пойдете туда. Он все время сидел на балконе, и ни разу не спустился в подвал. Когда мы в лес ушли, он тоже там сидел. Никуда не уходил, ни на шаг. Для нас он был опорой, мы чувствовали, что у нас есть такой дед крепкий. И с помощью него у нас будет все хорошо. Правда, мы чувствовали безопасность рядом с ним.

С.В.: Какое лицо у войны?

Д.Г.: Сложно сказать.

С.В.: Считаете вы себя ребенком войны?

Д.Г.: Да, конечно.

С.В.: Задумывались ли вы о том, что война повлияла на вас как на личность?

Д.Г.: Да, не сомневаюсь в этом.

С.В.: В какой момент вы повзростели, связано ли это с войной?

Д.Г.: Да, я очень рано повзрослел. Я начал замечать, что думаю об очень взрослых вещах. Часто думал, не рано ли мне. Этот конфликт с собой возник. Не рано ли я вырос, не рано ли мне думать об этих вещах. Это и сейчас со мной. Мне и сейчас кажется, что мне гораздо больше, чем на самом деле.

С.В.: Если бы у вас была возможность обратиться к детям войны, что бы вы им хотели пожелать?

Д.Г.: Ученые как-то по своему полагают, что пройдет какой-то срок, максимум до 50 лет и уже эта война, эти воспоминания, эти люди и их дети будут совершенно другими. Я не хочу, чтобы мы в плане памяти стали другими, утеряли память. Каждый помнит, что он помнит, это дело каждого, но я хочу помнить о войне, все эти эпизоды. Я даже для себя записал, чтобы не забыть. Я с университета веду дневник, все записываю. Много всего, может, не помню, но в дневнике есть. Я ДОРОЖУ ЭТОЙ ПАМЯТЬЮ, пополняю и дополняю все время. Мы должны об этом знать и помнить, это история не империи, а малочисленного народа, который борется за свою свободу и будет бороться.

12.07.2018 г.

Артур Шакая,**главный специалист Фонда социального страхования и охраны труда Республики Абхазия**

А.Ш.: Меня зовут Артур Шакая. Я 1985 года рождения. Когда началась война, я окончил только первый класс, поехал к отцу в деревню в Цхинцкар (Лашкиндар). Поехал туда, потому что на каждого из нас дед выращивал по одной лошади. Я любил лошадей, и у меня была маленькая лошадь. Как обычно, отдыхали в деревне, купались с соседями на речке, собирали ежевику, все было хорошо. Бабушка позвала на обед, пришли домой. У нас во дворе росло такое большое дерево шелковицы, мой дед и дядя (отца родной брат младший), как сегодня помню, сидели под этим деревом. Там были еще три мои двоюродные сестры, один мой двоюродный брат, бабушка. Прибежал наш соседский парень и сказал о том, что началась война.

Ни один из них не поверил, говорили, что это невозможно. Но он убеждал в том, что танки на повороте. Через 20 – 30 минут стал слышен грохот. Дедушка нас быстренько собрал.

Бабушка решила повести нас подальше в другую деревню через лес, а я был босиком, потому что когда собирали вещи, не успели мою обувь положить. Бабушка моя бедная, забыла дорогу, мы в лесу остались до утра. Затем опять вернулись в дом, дед сказал, что надо идти в Гуаду. Нас всех посадили в автобус и повезли в Гуаду.

Моя старшая сестра и мой младший брат были у мамы в деревне в Члоу. А мать с отцом были в Сухуме. Когда нас отправили в Гуаду, мой дед (мамин отец) пришел по горам с Члоу в Гуаду, чтобы забрать меня. Забрал меня в село Члоу. Знал какие-то тропинки в лесу.

Нас было одиннадцать двоюродных братьев и сестер. Вообще нас в доме было 60 человек. В основном все родные, женщины и дети, были и соседи. Потом нас повезли в Арасадзыхь, когда нас туда везли, помню, сильный дождь шел. Мы полностью промокли, оттуда мы должны были уехать в какой-то город. Когда мы пришли промокшие, нас посадили перед камином, посушили, покормили мамалыгой с медом. Утром тем же покормили, и мы пошли в ту сторону, где вертолет должен был приземлиться. Когда мы пришли на место, там был полный хаос, разбросанные мандарины. Люди бедные пытались с собой что-нибудь взять, чтобы какая-то еда была. Я помню, как летчик не пускал мужиков, которые хотели улететь. Он кричал, вы куда идете, здесь наши братья гибнут, только женщины и дети. Мы в этот вертолет кое-как сели, и нас увезли.

С.В.: Куда вы улетели?

А.Ш.: В Гудауту, потом мы в Лыхны были, затем в Калдахуаре. Там мы находились у тети. Ее муж был директором школы, а она была учительницей. Затем нас увезли на Северный Кавказ. Все это время ни один из нас не знал, где наши родители. На протяжении восьми месяцев наши родители не знали, где мы находимся. Потом кое-как наш дядя передал нашему отцу, что мы живы, здоровы, и что находимся на Северном Кавказе. Мы там немного в школу ходили. У нас был двоюродный брат, ему было 12 лет, к сожалению, сейчас его нет в живых. Я помню, как он рвался на войну. Его мать, наша бабушка, караулила его, чтоб он не убежал. Один раз он убежал, его вернули. Он ходил, оставив фуры, которые везли колы, шоколадки, и говорил, вот мои братья маленькие такие, дайте хоть один этот ящик, чтобы они покушали. На тот момент мы находились в Черкесске. Мы все делили, у нас не было такого, мое или твое. Одевали то, что нам подходило. Потом нас привезли в Гагру, где-то под конец войны. В Гагре я снова пошел в первый класс, сказали, что я маленького роста, и не поверили в то, что я учился.

Помню, как дед говорил, что не знает, где сыновья находятся, что не может просто так сидеть. С ним жил его младший сын. Кто-то деду сказал: «Нет в живых твоих детей». Тогда он пошел на войну, и там его убили. Ему было 62 года. Отца младший брат

нашел его на берегу мертвым. Помню, как его похоронили с его любимыми нардами, позади дома. А после войны его перезахоронили на кладбище.

С.В. Какой для вас был самый страшный эпизод во время войны?

А.Ш. В силу своего возраста, я не осознавал, что такое страх, я не понимал, что это такое. Скучал по семье, не было ни родителей, ни старшей сестры рядом, ни брата. Мы воспитывались вместе, и в одно мгновение никого не оказалось рядом. Были мои двоюродные братья и сестры, и я от них все время ощущал теплоту. Я был самый младший, и когда накрывали на стол, сыр делили на маленькие кусочки, давали всем. Когда я этот кусочек съедал, мои старшие двоюродные сестры знали, что мне еще хочется, и каждая из них вытаскивала свой сыр и отдавала мне. Это я никогда не забуду...

Даже когда мы ходили за дровами, они старались, чтобы я поднял немного. Они отдавали себя полностью нам. Не было такого, чтобы кто-то подумал о себе. Все были равны, все хотели выжить, все хотели жить. Хотя страха не было у меня.

С.В.: Какой-нибудь эпизод помните?

А.Ш.: Когда мы находились в Члоу, взлетали «сушки», бабушка нам кричала: «В окопы!». Мы должны были гусиным шагом, вслед за бабушкой, идти в этот окоп. И не дай бог, кто-то влево или вправо пойдет, потому что для нас страшнее была бабушка (смеется), чем кто-то из них. Наша тетя (во время войны ей было лет 14) сказала, я поднимусь на дерево, посмотрю, что-нибудь летит или нет. Бабушка сказала, не стоит туда лезть, не лезь. Она не послушала, и залезла, а потом упала с этого дерева. Бабушка подбежала, и начала ее палкой бить. С тех пор мы знали, что бабушку нельзя «перепрыгивать». Бабушка всегда с собой нам давала орехи. Видать, для того, чтобы мы чистили и как-то отвлекались, грызли эти орехи в окопе.

С.В.: Для вас война игрой была, или чем-то, что вас очень беспокоило, тревожило? Какие чувства вы переживали?

А.Ш. Мне кажется, все-таки смешанные чувства. Я, наверное, слукавил бы, если сказал, что я ощущал ответственность, это была и игра, и в какой-то момент задумывался о том, что

происходит. Не было такого чувства, что мы потеряли все. Мы не понимали, нас настолько пытались огородить от этого всего.

Наша мать покупала нам кроссовки. Без этих кроссовок мы ни разу никуда не выходили. Эти кроссовки наша бабушка постоянно мыла, чтобы мы их чистыми надевали. Как-то, когда она их хотела посушить, они у нее сгорели. Мы не могли этого забыть. Помню, когда младший сын деда уходил на войну, дед говорил, подожди, может, войны еще нет, хотя прекрасно понимал, что надо идти. Помню, как в этот момент бабушка плакала. Бабушка, старшие сестры понимали, что происходит.

И в послевоенный период времени произошло немало событий в нашей семье. У нас практически все родственники подорвались на противотанковой мине: отца единственная родная сестра и племянник, и дядя отца, и сын тети. Много произошло, я помню своего двоюродного брата до войны, когда он приходил к нам домой. Он погиб, его нет.

С.В.: Несмотря на страшные моменты, вы продолжали оставаться ребенком, вас, детей, было очень много, как я понимаю, во что вы играли?

А.Ш.: Играли в войнушки. Нам даже взрослые иногда из какой-то жалости давали по одному патрону. А мы с всякими деревяшками ходили и играли в войнушку. После войны, когда мы пришли в школу, мы играли в казаков-разбойников, прятки.

С.В.: Что для вас было самое страшное во время войны? Вы задумывались об этом?

А.Ш.: Потерять отца и мать и больше никогда их не увидеть. Я помню, как моя мать говорила, будто что-то чувствовала, не хочу, чтобы он туда ехал. А я очень хотел. Раньше у своих дедушек и бабушек оставляли детей, так как бабушки воспитывали. Как только лето начиналось, нас отправляли в деревню. Я ездил к отцу в деревню, а моя сестра и брат ездили к матери в деревню. Потом менялись. Мой дед был очень теплым человеком, несмотря на то что он в сталинских лагерях сидел шесть с половиной лет. Их семь человек отправили, и двое только вернулись: он и наш сосед без ног. Дед суровую жизнь прошел.

С.В.: Он рассказывал про свою жизнь в лагере?

А.Ш.: Мне нет, мне потом бабушка рассказывала. Бабушка моя вообще рассказывала о том, как она вышла замуж, что она скакала на белой лошади, и он ее увидел где-то. Рассказывала, что ей было 16 лет (она ждала старшего сына), когда его забрали в сталинские лагеря. Когда дед пришел домой, сыну уже было пять лет. Наша жизнь заключалась в том, чтобы выходные настали, и мы могли поехать к бабушке и дедушке. Мы постоянно друг к другу ездили.

С.В. Можете рассказать о том, как вы шли по горам?

А.Ш. Когда дедушка пришел за мной, я не мог поверить в это. Он сказал мне, что я должен находиться со своим братом и сестрой. Мы с Гуады шли в Члоу. Я ему говорил, дадука я устал, давай передохнем, а он мне говорил, еще чуточку, еще пять минут. Мы утром вышли, а к вечеру нас добровольцы забрали и повезли домой. Когда я приехал туда, то увидел, что все были налысо стрижены. Вши были, поэтому всех подстригли, и меня тоже налысо подстригли.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало во время войны?

А.Ш.: Наша мать до войны привезла нам мопеды, а наш отец сказал, что мы будем кататься на них, когда немного повзрослеем. Мы все ждали, когда все это закончится, и мы сядем на мопеды. У нас на Маяке был дом, и мы жили прямо на берегу моря. Мы хотели до моря доехать, и вернуться обратно, как взрослые. Наша сестра старше нас на шесть лет, она не разрешала нам делать шаг вправо, либо влево. Мой младший брат, когда ложился спать, садился на колени и говорил: «Звезды, звезды сделайте пожалуйста, чтобы завтра мама и папа пришли». Он на небо смотрел, и звезды просил.

С.В.: О чем вы сегодня ностальгируете?

А.Ш.: Многих потеряли, и их никто сегодня не вернет. Тети не хватает, двоюродных братьев не хватает. Мы выросли. Может, и жизнь нас сделала немного суровыми. Какие-то обстоятельства вынуждают нас так вести себя, или поступать так в определеннный момент. Тогда было чувство любви и уважения к брату и сестре. Даже соседей не делили, они были родными. К сожалению, сегодня нам этого не хватает.

С.В.: Какой вкус у войны?

А.Ш.: Горький, очень горький, страшно горький.

С.В.: Считаете ли вы, что ваше детство потеряно?

А.Ш.: У нас все было стерто. Я думаю, очень многие такого же возраста, как и я, может помладше, либо постарше, если бы не было войны, были бы другими людьми. Я думаю, вся Абхазия была бы другой страной. Мы были бы вообще самой культурной нацией, которая живет на планете. Ожесточились, огрубели сердца людей.

С.В.: Даже детей, кому было по пять-шесть лет?

А.Ш.: Конечно, я считаю, что мы многого не увидели. Достаточно вспомнить, как мы пешком ходили в снег и холод. Я не могу сказать, что я стал жестоким, но могу сказать определённо – был бы другим человеком.

С.В.: Что пожелаете детям войны?

А.Ш.: Терпения, что-то делать, то поступать осмысленно. С более холодной головой подходить ко многим вопросам.

С.В.: После войны осталось ли у вас чувство страха?

А.Ш.: Страх остался, что если начнется война, будет очень тяжело. Но от войны, нет, не остался.

С.В.: Есть вещи, которые напоминают о войне сегодня?

А.Ш. Когда еду на кладбище к деду, тогда и вспоминаю о войне.

05.12.2017 г.

Аэлиа (Варелджян) Шакая,
врач-гепатолог

С.В: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

А.Ш.: Здравствуйте, меня зовут Аэлиа Шакая. Являюсь врачом...

С.В: Расскажите, пожалуйста, немного о себе, когда для вас началась война, сколько вам было лет, и что вы помните?

А.Ш.: Мне было на тот момент шесть лет. Я помню, как я играла во дворе... И как отец просто влетел к нам во двор, и силой погнал меня домой, стал на меня кричать, орать. Я на него обиделась, пыталась настоять на своем. Как это так! Я только вышла поиграть, и мне надо уже идти домой. Он побил меня, что я не иду, силой меня отправил, потому что у него был страх за меня. Потом нам вообще не разрешалось выходить на улицу. Мы сидели дома, детям сидеть дома – это каторга, особенно нам, которые 24 часа в сутки находились на улице. Я помню эти вертолеты, которые кружили над нашим домом. Я ничего не понимала, папа сразу отправил нас. Спустя какое-то время мы уже были в России, и тогда уже мама объясняла, с чем было связано такое поведение папы. Потому что папа нас в принципе ругал крайне редко. И поэтому для меня это было таким шоком. Помню, как папа нас вывозил.

С.В.: А где вы находились?

А.Ш.: Мы в Гантиади находились. Это получается где-то на границе с Псоу. И когда нашу машину обстреливали, он говорил нам, чтобы мы пригнулись, прятались, не высовывались в окно. Но детям ведь все равно интересно, и опять-таки, это тот редкий момент, когда папа мог повысить на нас голос, поругать нас. Ощущение, скажу, такое, когда ты не понимаешь, что происходит. Обычно, когда детей ругают – их ругают за что-то, за какое-то поведение, а тут родитель повышает на тебя голос, а

ты не понимаешь за что, вроде, ты ничего не сделал. С возрастом ты уже понимаешь те переживания, которые были на тот момент у наших родителей.

Кстати, я помню, когда мы приехали в Москву первый раз, это был ноябрь. И мы сошли с трапа самолёта. Столько снега я никогда в жизни своей не видела. Снега было по колено. Мы в Подмоскovie остановились. Там был пансионат, в котором мы жили несколько лет. И вот такое количество снега... Еще до войны, когда мы у бабушки с дедушкой находились, рано утром в 5, в 6 утра нас будили, мы с пакетами шли на горку и катались. А тут такое количество снега! Я себе не могла представить, что столько может быть снега. Вокруг все белое, холодно. И ты в чужом месте, в чужом доме. Когда ты ребенок, с интересом смотришь. Брат мой был постарше, почти пять лет у нас с ним разница. Ему, конечно, было сложнее, у него были друзья в Абхазии. Ребенку очень тяжело менять общество, чем старше, тем сложнее. Маленькому ребенку намного проще. Как я сказала, мы жили в пансионате, брат пошел в школу, а я еще была маленькая, в школу не ходила. Мы никого не знали, ничего не знали, сидели целый день с мамой в пансионате. Она учила меня вышивать, шить. Это было, наверное, одно из самых лучших времен. Мы 24 часа в сутки проводили вместе. И то, что я сейчас вышиваю, этому научилась во время войны. Наверное, если бы не было войны, я не умела бы это делать. Когда война закончилась, мы все ещё оставались в Москве, но приезжали в Абхазию каждое лето, и уезжали с полными сумками продуктов (зелень, сыр, куры и т.д.). Первые годы всегда была очень большая проблема перейти границу. Граница была закрыта. Там было столько людей. Дети плачут, взрослые ругаются. Помню, как мы с мамой часами стояли среди толпы на границе. Мама нам еще говорила, когда подойдем к этой сетке на границе, плачьте, просите, чтоб пропустили. Она нас поднимала, чтобы пока они не видели, мы могли перелезть через эту сетку на ту сторону. То есть получается, что мы прошли на ту сторону границы, и должны плакать, чтобы нашу маму к нам пропустили. А людей не волновало, что у тебя там билеты на руках, что ты возвращаешься. Мы всегда, если у нас на завтра были билеты, ехали заранее на границу.

С.В.: Когда лично для вас началась война? Была война на фронте, но она шла и в реальной жизни.

А.Ш.: Мне было шесть лет, когда мы попали в Москву. Уже в конце декабря мне исполнилось семь лет, а в январе меня уже отдали в школу в первый класс. В этой школе (поселок за Москвой) никакого дела не было до кавказцев. Мы были первые, потом мой папа еще привез наших близких друзей. Кого он смог вывезти, он всех забрал семьями. Но мы с братом были первые. Естественно, нас называли и «черножопыми» (извините), и как только не называли. Я девочка была, и мне было немножечко проще. А брат мой каждую неделю приходил с разбитым носом. Там старшеклассники постоянно его дразнили, постоянно лезли в драки. Позади школы у нас было футбольное поле. Вся школа собиралась вокруг, и он дрался. Учителя всегда поражались его воспитанию, маме говорили, что такого не видели. Когда учительница заходила, он всегда вставал, как у нас положено. Он был вежлив. Не такой, как другие дети. И ему это воспитание, мне кажется, в какой-то мере и мешало – он за это получал. Я помню, мама всегда говорила, ты хотя бы должен защищать свое лицо, прикрывать. Я помню, как мама ему показывала, что надо руками закрывать лицо. Она всегда говорила, у тебя и так нос большой, а теперь еще и разобьют, то что это будет. Ему приходилось драться.

С.В.: Как вы думаете, почему было такое отношение?

А.Ш.: Сложно сказать. Если у нас в школе появится человек афроамериканской внешности, то тоже, наверное, будет для нас каким-то другим.

С.В.: Но афроамериканец с другого континента, а тут ...

А.Ш.: Да, я понимаю, но мы тоже были для них как с другой планеты... Я помню, мама всегда нас девала в яркое, чтобы как-то скрасить наше пребывание в чужой стране. Помню, было родительское собрание, на котором родители возмущались тем, что нас одевают слишком хорошо, что мы выпячиваемся. Их это возмущало. На что мама говорила: «Вы знаете, я никогда не позволю одеть черное или коричневое»... Это мы не понимали, что такое война, а она пыталась сделать как-то, чтобы у нас были другие эмоции, другие позитивные воспоминания.

С.В.: Вы говорите, что после окончания войны вы первый раз летом приехали в Абхазию. Могли бы вспомнить какой-то эпизод, который запомнился? Вы увидели Абхазию другой? Какой она для вас предстала?

А.Ш.: Да, я почувствовала разницу. Когда едешь домой к бабушке и маме, по дороге есть платановая аллея – гордость наша, достопримечательность, можно сказать. По этой аллее были выстроены дома, и повсюду жили люди, а после войны все дома были сожжены, не было людей, пустота. Вот это я помню. На тот момент не совсем понимала, почему это именно так, но я помню именно эту картинку, что до войны все дома цвели, а тут возникли черно-белые пятна. Люди не радовались, почти в каждой семье был траур. Это общее состояние, переживания людей, все равно сказались.

С.В.: Как вы думаете, за этот год, что шла война, вы повзрослели? У вас произошла какая-то переоценка? Посмотрели другими глазами на мир? Что произошло?

А.Ш.: Мне сложно сказать. Когда поднимают тосты, пьют за детей, желают безоблачного неба над головой. До войны мы так и жили. Здесь был мир в полном смысле этого слова. Все, что можно туда вложить. Мы не могли себе представить, что мы можем быть изолированы от этого мира, что можем вообще перейти в другой город, в другую страну. И когда ты переезжаешь в другую страну, где ты абсолютно чужой человек для них, мало того, что ты не просто чужой человек, они не хотят тебя видеть у себя, это тяжело. То есть ты можешь быть чужим, но когда ты попадаешь к ним в первый раз, потом тебя принимают, ты постепенно начинаешь ощущать себя своим, тебе комфортно, а тут приходилось бороться за все. Когда мы в школе учились, нам мама всегда говорила, чтобы получить пятёрку, нам надо знать на десятку. С нас всегда спрашивали намного больше, чем со всех остальных. Конечно, спустя время дети находят общий язык, общие точки соприкосновения, общие интересы. Но первое время было очень тяжело.

С.В.: С чем у вас ассоциируется война?

А.Ш.: Больше со словом расставание.

С.В.: Лично для вас?

А.Ш.: Лично для меня. Я даже никогда не думала об этом. К счастью, у меня нет таких воспоминаний, которые отложили бы плохой или хороший отпечаток. Я всегда за это благодарю своего папу. Он смог вовремя нас изолировать от этого.

С.В.: У вас есть какой-нибудь посыл к молодому поколению?

А.Ш.: Да, я хочу, чтобы они ценили ту победу, которую достигли их старшие, братья, отцы, деды, дяди и так далее... В обычной жизни дети хоронят своих родителей, а на войне родители хоронят своих детей. И вот прошло 26 лет, а все равно родители продолжают хоронить своих детей. Это говорит о том, что война еще не закончилась. И мне очень хочется, чтобы молодежь понимала, ради чего это было сделано. Войну выиграли, но очень много надо сделать для того, чтобы эта война была выиграна не зря.

С.В.: Спасибо большое.

24.12.2017 г.

Дмитрий Авидзба,
историк-археолог, младший научный
сотрудник Абхазского института
гуманитарных исследований
имени Д.И. Гулиа АНА

С.В.: Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста.

Д.А.: Здравствуйте! Меня зовут Авидзба Дмитрий. Я младший научный сотрудник отдела археологии в Абхазском институте гуманитарных исследований. Сейчас мне 31 год. На момент войны мне было 5 лет. Первый день войны я помню достаточно смутно. Когда война началась, я находился в Гудауте. Помню, как мы с мамой гуляли по двору, и соседка прибежала, сказала: «Война началась!».

Я был ребенком, о войне знал, только по телевизору, показывали про ВОВ, особого понятия не имел, что это такое. Но, как мать мне рассказывала, на моих глазах слезы начали наворачиваться, то есть несмотря на то что я был ребенком, я понял, что что-то плохое произошло. Самое первое воспоминание о войне – это когда много, очень много машин по нашей улице проехало, машины были битком забиты людьми, молодыми ребятами. Помню, пыль на дороге стояла такая, как будто туман спустился с гор. Вот это мое первое воспоминание, в тот момент, наверное, я осознал, что произошло что-то действительно очень страшное. Потом... Потом, я помню, как к нам домой приехали мои дяди, братья моего отца, они что-то обсуждали. Через некоторое время все уехали. Я у матери спрашивал: «Куда они уехали?» Она говорила, что по делам уехали. Отца я очень долго не видел. Он один раз приехал на пару дней буквально, просто переночевать, и уехал. Это было где-то через несколько месяцев после начала войны, и я не знал, где он и что с ним до конца войны. Когда он вернулся, я помню, я его не узнал сразу, потому

что у него была большая густая борода, не мог понять, что это за дядя стоит на балконе.

... Я помню также, как мы с друзьями обсуждали то, что мы сделаем, если грузины все-таки прорвутся в Гудауту. Я должен уточнить, что всю войну находился в Гудауте, в центре города. Мы говорили, что из рогатки будем стрелять.

С.В.: У вас были какие-нибудь игры детские?

Д.А.: Да, да... это было, наверное, уже после освобождения Гагры. Помню, когда мой дядя приехал, у него был пулемет трофейный, он дал мне его подержать, правда, пострелять не дал (до сих пор обидно). После этого у нас были игры, у нас была песочница, и в песочнице было дерево, и мы представляли, как мы забираемся на это дерево, и ставим наверху флаг. Все время в войнушки играли. Если раньше играли в прятки, или в догонялки, то после начала войны, в основном, в стрелялки, в партизанов играли.

С.В.: У вас была какая-нибудь злость?

Д.А.: Знаешь, злости не было.

С.В.: А какие у вас детские ощущения были?

Д.А.: Сложно однозначно ответить на этот вопрос. Смешанные чувства были. Если честно, мы не до конца понимали, что произошло между абхазами и грузинами. То есть, став взрослым, я уже понял причину, а на тот момент это были мои соседи. У меня такая интернациональная улица была, почти все народности Советского Союза были представлены. У меня прямо через улицу жила семья грузин.

Кстати, помню, момент такой был. Перед началом войны в июне мы с соседским мальчиком-грузином играли, кто-то неосторожно толкнул или отнял игрушку у него. И когда он уходил домой, сказал: «Ну ничего, ничего! Скоро наши придут, и вам покажут!» Вот эту фразу я запомнил.

С.В.: Вам было тогда пять лет?

Д.А.: Да, мне тогда исполнилось пять лет. Об этой фразе я потом родителям сказал. Начало войны я помню. Это выступление по телевизору, когда объявили о том, что произошла агрессия со стороны Грузии. Я практически все время смотрел, что там по телевизору показывают, ничего не понимал, но смотрел. Слож-

но сказать, наверное, я понял, что такое война, когда мой дядя со стороны матери погиб в первом неудачном наступлении. Я его видел перед войной. Я помню, как он обещал меня покатать на своей машине. У него «BMW» была, и война началась. Мы поехали на похороны и я увидел, что он лежит, люди его оплакивают. Тогда пришло осознание, что война – это смерть.

С.В.: То есть с гибелью дяди вы полностью осознали...

Д.А.: Да, я понял, до глубины души осознал, что это такое. До его смерти война для меня была чем-то романтическим, знаете, приключение какое-то, как в сказке, да, сел на коня и поскакал в поисках приключений. А вот именно когда дядя погиб, я осознал, что это такое, что такое утрата, что такое боль, потому что видел его сына, старше меня был года на четыре, наверное, не больше. Я понял, что не дай бог, это может произойти и с моей семьей. Хотя и эта семья моя была ... А потом привезли детей из Очамчыры, мы с ними играли, но они были другими, не как мы.

С.В.: А чем они отличались?

Д.А.: Они с нами играли, были веселыми, но когда мы начинали играть в войнушки, менялись сразу, становились грустными. Они явно повидали больше, чем мы, и они не любили об этом говорить. Девочки, например, иногда плакали неожиданно ни с того ни с чего. И мы не понимали, в чем дело. Мальчики чуть более разговорчивы были, но все равно, они явно видели что-то такое, что их очень потрясло. В дом одного из моих троюродных братьев во время войны упал снаряд. Они не пострадали, были в дальней комнате, но от испуга он на всю жизнь остался заикой. Я помню, когда я с ним учился уже в школе, я у него спрашивал: «Это у тебя от рождения?», он говорил: «Нет, это произошло во время войны». То есть он до сих пор заикается. В школе тяжелее с ним было разговаривать, сейчас полегче.

С.В.: То есть вы чувствовали, что вы находились в некоей безопасности, нежели дети восточной части Абхазии? Или такого осознания не было?

Д.А.: Такого осознания не было. Я думал, что на всей территории Абхазии все дети, так же, как и я, находятся у себя дома. Плохое где-то далеко происходит... Все-таки когда ты ребенок, тебе, наверное, легче, даже если что-то шокирующее происходит...

Будучи ребенком, ты все это эмоционально воспринимаешь, но все равно, из этого состояния легче выходишь, чем взрослые. Взрослым гораздо тяжелее. И я был свидетелем, когда уже учился в третьем классе, как ветераны войны, будучи еще молодыми ребятами, тяжело переживали. Люди не пьющие, стали сильно пить.

С.В.: Чем вы питались во время войны?

Д.А.: Хороший вопрос... Я помню, у нас были земельные участки, свои овощи, фрукты. И соседи друг другу помогали. А когда война начала затягиваться, после освобождения Гагры, пошли первые миссии гуманитарной помощи. Помню, коробки со сладостями, и это делилось между соседями. Как мать говорила, это помощи особо не представляло, но была мука, чтобы выпечь хлеб. Все, что производилось в селах, отправлялось на фронт, и дома становилось еды гораздо меньше, но я этого не ощущал. Мать старалась, и вообще все родители старались, чтобы дети этого не почувствовали. Видимо, где-то себя ограничивали, а дети были сыты. Была взаимопомощь. Если у кого-то что-то было, то делились...

С.В.: Вы чувствуете ностальгию по тем временам?

Д.А.: Да, как ни странно, да. То есть не по самой войне, а вот по времени, когда, знаете, сопричастность была к чему-то. Даже это очень сложно объяснить. Абсолютно незнакомые тебе люди иногда подходили на улице и спрашивали: «Чем вам помочь? Куда вы идете? Давайте я вас подвезу». Я помню, когда машины просто останавливали и спрашивали бабушку: «Бабушка, куда Вам нужно? Давайте я Вас подвезу? Вам не тяжело с этими сумками?» С окончанием войны это практически прекратилось. Все прошло, понимания нет такого. Сейчас гораздо реже встречается. Во-первых, новое поколение выросло. Например, когда я в школе работал, видел уже другое поколение детей, которые уже не помнят этой войны. Для них это просто строчки в книге и кадры по телевизору. Я когда им говорил об этом, я это понимал, я это чувствовал. Для меня – это часть моей жизни, то есть они этого не понимали. И для меня это было удивительным явлением, просто дикостью какой-то.

Как так? Это ваши дяди, это ваши отцы, вы не понимаете то, о чем я вам говорю, почему вы также не чувствуете, как я? Вот

это было для меня странно. Но потом я понял. Это новое поколение. Это как для меня Великая Отечественная война, то же самое. Да, я как историк понимаю значение этого всего, но все равно я не могу почувствовать то же, что почувствовали дети того времени, очевидцы и участники того времени. Когда я уже подростком был, я понял дедушку, который не очень любил говорить о войне, но когда рассказывал, с какой болью он это рассказывал. И вот, будучи подростком, я уже понял, что для людей, которые видели это, и которые читали об этом, это абсолютно разные вещи.

С.В.: Вы думаете, об этом нужно говорить детям?

Д.А.: Да, об этом нужно говорить...

С.В.: А чему это должно учить детей?

Д.А.: Знаете, это часть нашего наследия. Я имею ввиду, наши воспоминания – это часть нашего наследия, которое мы должны передать детям и будущему поколению в целом. Важно это потому, что они должны понимать: всё что мы имеем сегодня, то есть в целом вот эту страну, этот дом, этот кабинет, эту технику и прочее заработано, действительно, кровью. Это заработано тяжким трудом, это заработано жизнью.

С.В.: А чему это будет учить?

Д.А.: Учить... хороший вопрос! Каждого, наверное, по-своему будет учить. Благодарности, прежде всего, ответственности. Все, что ты имеешь, это не данность какая-то, это, скорее, привилегия, которой ты обладаешь благодаря тому, что в своё время было твёрдо решено: «Нет, мы не примем чужой воли, нет, мы не откажемся от того, чтобы жить в собственной стране, нет, мы не дадим наши семьи в обиду!».

С.В.: Расскажите, пожалуйста, есть ли события, которые вы часто вспоминаете, какой-нибудь эпизод страшный, который вы не можете забыть?

Д.А.: Страшный. ...Пожалуй, это был момент, когда к нам приехал мой дядя, буквально на три дня, он у нас переночевал, что-то там рассказывал мне, потом уехал. Через неделю до нас дошли вести, что он погиб. Для меня это было очень страшным потрясением. Потому что еще до начала войны он часто приезжал, привозил мне постоянно какие-то игрушки. Я его за это

очень любил. И мультики со мной все время смотрел. И тут неожиданно это произошло, это очень сложно передать словами, это было подобно внутреннему опустошению. Что-то будто у тебя вырвали из груди, что-то очень значимое. Слава богу, это были просто слухи, они не подтвердились, но все равно я помню, что для меня даже эти ложные сведения были действительно потрясением как для ребенка. Вот это было страшно. Да. Это был самый жуткий эпизод, который я вспоминаю постоянно. То есть то, что в любой момент, любой из моих родных мог больше никогда не вернуться, и я бы его больше никогда не увидел. И он был бы просто фотографией в семейном альбоме и все.

С.В.: Есть что-то, что вы вспоминаете с улыбкой?

Д.А.: Да, был такой эпизод. Мои братья и сестры, которые потом были перевезены из Сухума, они жили у нас в Гудауте, в нашем доме. Я не знаю откуда, но мы где-то нашли грузинский флаг, бог знает откуда он там был. Я, как сейчас помню, мы там с ним бегали, разорвали на множество кусочков, бегали и отнимали друг у друга эти кусочки. Мы весь день так баловались. Не знаю, правда, откуда этот флаг был, может трофейный, кто его знает.

С.В.: За все это время вы чувствовали страх?

Д.А.: Страх, страх... Вы знаете, нет! С момента начала войны была какая-то уверенность, что все будет хорошо. То есть я, может быть, до конца не понимал, что такое война, но у меня было ощущение, что все наладится, что все будет хорошо. Может быть, это детское восприятие было, что всегда все истории заканчиваются хорошо. Но все-таки это было что-то другое, у меня была уверенность, что истина все-таки восторжествует. Как ребенок, я, конечно, так не думал, такими словами, но я понимал, что мы победим. То есть уже на тот момент, от начала войны до освобождения Гагры было какое-то разделение – мы и они. Если раньше такого разделения не было, то оно появилось уже через несколько месяцев. Страх не было. Может, это и хорошо.

С.В.: Какие у вас ощущения остались от войны?

Д.А.: От самой войны – странные. Другое слово не подберу. С одной стороны, как бы странно не звучало, наиболее яркие моменты моего детства. С другой стороны, наверное, наиболее

грустный период. Счастливый, потому что такое странное чувство эйфории, ощущение какой-то свободы что ли, что вот сейчас война закончится, и мы заживем как хотим. Что-то такое было по ощущениям. А грустно, потому что я осознал, что такое война, что кровь проливается где-то. Когда я увидел смерть настоящего, я уже понял, что это все не так, как в моей голове. Но все равно было ощущение, что это так должно быть. И было это чувство, знаете, что мы все как одна семья. Потому что абсолютно незнакомые люди, видя нас, как я уже говорил, далеко от дома нам могли сказать: «Мальчики, девочки, где вы живете? Уже поздно, давайте я вас доведу домой». Один раз мы вот так потерялись, и нас абсолютно посторонний человек спросил, где мы живем, и привел нас домой. Я был маленьким, но те, кто постарше, наверное, объяснили, где мы живем, рядом с кем мы живем, и он нас привел, мы почти на километр от дома отошли. То есть было ощущение, что мы были под защитой как дети.

С.В.: Чего вам не хватало больше всего во время войны?

Д.А.: До войны у нас очень-очень часто бывали гости. Почти всегда. И я помню, что у нашего зала и моей спальни одна стенка была, через неё я любил слушать рассказы взрослых. Этого не хватало очень, того, что жизнь кипит в доме все время.

С.В.: Как думаете, война забрала у вас детство?

Д.А.: Не сказать, что забрала, но она сделала меня, да и всех нас, гораздо взрослее. После войны, через лет шесть-семь, наверное, я помню, приезжать начали дети в лагерь. Мы с детьми, с ровесниками болтали о разном, и у меня были в голове мысли: «Вот насколько они еще дети». Мы о жизни уже знали чуточку больше, чем они. Нас интересовали не только мультики и игрушки.

С.В.: А что вас интересовало?

Д.А.: Уже другие темы. Мы уже думали, не про сказки, как взрослые мы уже думали о том, как помочь нашим родителям. Я помню, я вставал пораньше и всегда заправлял постель, чтобы матери не приходилось это делать. Помогал и отцу, и матери в чем-то. А эти дети говорили пустые для нас вещи, которые нас уже не интересовали. Мы чуточку взрослее стали, наверное, ответственнее. Не скажу за всех, но большая часть такая была.

С.В.: Что бы вы сегодня хотели пожелать новому поколению?

Д.А.: В первую очередь, интересоваться своим прошлым. Я говорю не только об истории страны, но и своей семьи. Ведь многие не знают, кто у них были прадедушки и прабабушки. Надо знать просто историю своей семьи, а потом и историю своей страны. Это наше наследие, действительно. Это то, чем мы отличаемся от всего мира. Надо помнить, кто мы и откуда мы, и через что мы прошли. Конечно, я очень хочу, чтобы они никогда не видели того, что видело поколение детей войны. Я надеюсь, что они никогда этого не увидят.

С.В.: Спасибо большое, Дима!

Д.А.: Вам спасибо.

Новости об освобождении Абхазии мы встретили очень поздно ночью. На улице было просто куча народу. Приехал мой дядя со стороны матери. Со стороны отца тоже дядя у нас гостил. Много мужчин было с оружием в руках, как сейчас помню. И все просто выбежали на улицу, и радовались. Вот это я помню. Все люди улыбались, давно я такого не видел. С начала войны я не помню, чтобы люди так радовались чему-то. Я тоже выбежал на улицу, мне было любопытно. И началась стрельба в воздух. И отовсюду буквально летели пули. Потом так каждый Новый год встречали. И тогда вспоминал этот эпизод. Тот самый момент, когда я увидел в небе столько огней от этих пуль. Все так радовались, и на душе в тот момент почему-то стало спокойно несмотря на то что отовсюду стреляли, из каждого угла, из крупных орудий. При этом было такое внутреннее умиротворение, что все закончилось. Вот этот эпизод я хорошо помню. И, помню, гремел из дому телевизор, передавали новость, что Абхазия полностью освобождена.

2017 г.

Шаридан Тыркба,

преподаватель кафедры истории и теории
международных отношений Абхазского
государственного университета

С.В.: Расскажите, пожалуйста, о себе.

Ш.Т.: Я Тыркба Шарида Витальевна, преподаватель кафедры истории и теории международных отношений, преподаватель английского языка уже 12 лет. Мама двоих детей.

С.В.: Скажите пожалуйста, сколько вам было лет, когда началась война?

Ш.Т.: Шесть лет. Мои родители решили, что я должна в школу пойти в семь лет, поэтому я еще была в детском саду, когда война началась. Детский сад стоит напротив моего дома, и поэтому по традиции я самая первая приходила, и самая последняя уходила, то есть воспитатели сами меня отводили домой, родители даже за мной не приходили. Помню день, когда началась война, родители начали приходить и забирать детей. Когда всех детей разобрали, меня воспитатель привела домой. Я помню, была девочка, которая плакала, что война началась, а мы еще над ней смеялись, что она говорит.

С.В.: Вы не понимали?

Ш.Т.: Были события 89 года, но я тогда была еще ребенком, еще младше, и не осознавала, что есть какие-то проблемы, которые могут привести к войне. А потом, когда меня привели домой, бабушка была дома. Я помню, как она плакала, потому что мама с папой были в Сухуме на работе, и она не знала, где они. Но они успели выехать оттуда, и сразу же приехали к нам. Я забыла сказать, что мы жили как бы между Гудаутой и Москвой. Мой папа был банкиром тогда, он был владельцем банка в Москве. Он приезжал в Абхазию периодически, ему нравилась хореография, вообще он закончил институт культуры. В кон-

це лета мы должны были уезжать в Москву. Папа нас отправил туда. У меня брат был астматиком, мы не могли жить в одном месте, надо было менять климат.

Помню, как мы с причала на катере прогулочном отплыли в Сочи. Помню, большое скопление людей. Мест вообще не было. Мы были с тетей, мамой. В Сочи мы расстались, тетя поехала в Нальчик, а мы – в Москву. Мы постоянно с бабушкой и дедушкой перезванивались. Бабушка и дедушка остались в Гудауте, папа ушел на войну. До освобождения Гагры мы все находились в Москве, потом моему брату стало хуже, надо было менять климат. Мама не могла с тремя детьми ездить, и папа меня привез в Гудауту, а они поехали на Украину к тете.

С.В.: То есть вы одна здесь находились?

Ш.Т.: С бабушкой и дедушкой. Дом наш никогда не пустовал. Очень много людей тогда было, папа же танцевал в Госансамбле. Все, кто с ним танцевал, привезли из Восточной Абхазии свои семьи к нам. Я этот период очень хорошо помню.

Когда была Великая Отечественная война, дедушке было всего семь лет. Его отец пропал без вести, и они – четыре брата – росли без отца. Когда началась война в Абхазии, ему уже было шестьдесят с хвостиком, и он был довольно старый, чтобы идти воевать. По-своему хотел помочь, то патрулировал берег в Гудауте, то в больнице помогал, выгружал раненых. Помню, как он рассказывал, что каждый вечер ходил и смотрел списки убитых, искал среди них своего единственного сына. Сегодня я мама, у меня сын. Даже не представляю каково это ждать, убьют ли твоего сына. Тогда я этого не понимала. Единственное, что я помню, был период, когда свет в Гудауте, хотя он был всегда, мы не включали, окна ночью были завешены.

С.В.: Почему?

Ш.Т.: Потому что боялись, что будут бомбить, а если освещено будет, то будут знать, куда бомбить, поэтому нам не разрешали. Единственное, лампы какие-то горели. Мы естественно, телевизор не включали, играли в шахматы, тогда я научилась играть в шахматы.

Я помню, что был период, когда бабушке сказали, что папу убили, а она в это не хотела верить. Она сказала: «Если мой

сын вернётся, я землю съем». И вдруг спустя месяц среди ночи какие-то звуки. Все были уверены, что папа погиб, потому что он отстал от своих, и никто не мог найти его. Когда папа пришел, она выбежала на улицу среди ночи, и начала землю кушать. Самое смешное, что собака у нас была, и она повсюду оставляла свое «добро», и бабушка попала именно в то место. Но она была настолько счастлива, и чтобы исполнить свой обет, съела это. Тогда я до конца не могла осознать, что значит потерять отца.

С.В.: Бывали моменты, когда вам было страшно?

Ш.Т.: Да, позже, наверное, ...

С.В.: Сколько вам было лет?

Ш.Т.: Мне в ноябре уже исполнилось семь лет, то есть я уже все осознавала происходящее. Когда папа был дома, он учил меня, какие стены крепче, где ложиться, если будут бомбить, и ты не успеваешь добежать до подвала. Подвал у нас был полностью оснащен, дедушка доски, кровати поставил, чтобы мы могли там находиться. Папа периодически ездил в Москву: там его друзья-абхазы собирали деньги и присылали гуманитарную помощь. У нас почему-то много фисташек было. Не знаю, как они закупали, давали муку, консервы, фисташки.

С.В.: То есть у вас эта помощь ассоциируется с фисташками?

Ш.Т.: Да, не знаю. Я помню, фисташек было много, и я постоянно их ела во время войны. У нас в доме было очень много людей. Помню, как мы с бабушкой где-то в час ночи шли, становились в очередь у хлебозавода, чтобы к утру, когда вынесут хлеб, мы могли на всех купить. И очень много людей таких было.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало?

Ш.Т.: Не знаю. Я была активным ребенком, и мне хотелось играть. А детей не было вокруг, детство резко закончилось среди лета, в разгар самого веселья, как-то неожиданно. Моему брату было два года, когда война началась. Когда бомбы сбросили на Гудауту для нас это было трагедией. Так как это было единственное место, куда не бросали бомбы. Мы вышли на балкон, когда стали кружить самолеты, видели как эти бомбы падали. Это было так страшно, но мой брат побежал, дедушкино ружье принес. Вы не бойтесь, говорит, я их застрелю.

Моя тетя родная жила в том районе, который бомбили. У нее маленький ребенок был, она успела за пятнадцать минут с коляской прибежать.

Я помню войну. Позади нас Фируза Отырба живет. Я помню, похоронили одного её сына. Через сорок дней, помню папа пришел, я очень обрадовалась, так как он редко бывал дома. Мне было странно, что он меня не обнял. Он позвал дедушку, и сообщил о гибели второго сына Фирузы. Папа его привез, и говорит: «Я не могу занести его, я не знаю, как туда пойти».

Много лет спустя, когда мы уже в пятом-шестом классе учились, стали носить одежду красного цвета. Моя учительница, которая сына потеряла, сказала: «Слава богу, мы сняли траур». Даже мы, будучи детьми, одевались в черное, не осознавая, что это черное. Все в черное были одеты очень много лет.

С.В.: Какие у вас были чувства, когда вы слышали, что где-то убивают?

Ш.Т.: Я помню, когда Латская трагедия произошла, я полностью не осознавала, насколько это ужасно. Дяди мои воевали, слава богу, остались живыми. Самый близкий друг моего отца был сиротой, все его опекали. Он погиб, погибли многие отцы моих одноклассников.

Во время войны я пошла в школу во втором семестре. Это было ужасно, потому что бабушка моя все уроки сидела и ждала, боялась, что вдруг начнут бомбить, чтобы быстро увести меня. Осадок от войны, переживания остались...

С.В.: Какой самый страшный эпизод был во время войны лично для вас?

Ш.Т.: Когда мы плыли в Сочи, и наш катер начали бомбить. Помню, что все легли, стали орать. Это было ужасно. Мы еще тогда полностью не осознавали, что война началась. Мы надеялись, что просто уезжаем.

Так случилось, что моя мама через пять лет после окончания войны стала одним из основателей Музея Боевой Славы им. Сергея Дбар¹. Мы всей семьей в этом участвовали. Все свое

¹ Государственный Музей Отечественной войны народа Абхазии был открыт в октябре 1994 года и носил название «Абазгия». К 10-летию Победы официально ему было присвоено имя Героя Абхазии Сергея Дбар.

детство я провела в этом музее, среди фотографий погибших. И сейчас понимаю, что очень многие осознанно пошли воевать. Я не знаю, какое надо мужество иметь, чтобы пойти воевать. Я не знаю, смогла бы я, будучи женщиной, пойти на войну.

С.В.: В какой момент вы осознали, что идет война?

Ш.Т.: Наверное, когда папы не было постоянно, в тот момент я не знала ничего о нем. Говорили, что папа погиб, его не было, он не возвращался. Дедушки постоянно не было, потому что он пытался помочь тем, кто воевал. Я была с бабушкой. И ещё – бесконечное количество людей. Я уже плакала, почему мы должны их кормить. Я же была ребенком, все вкусное хотела себе, бабушка давала им, потому что они и так пострадались.

Помню, как первые добровольцы пришли. Они сидели в Гудауте под часами. Они ведь пешком шли, были в потрепанных вещах, почти без обуви. Я помню, мы с бабушкой собрали все папины вещи, дедушкины вещи, мы ходили им раздавали, еще спрашивали их размер, чтобы что-то подобрать. И у нас в школе тогда проводили марафон, собирали деньги, я не знаю, было везде так или только у нас в школе. Бог меня пожалел, я была не такая сознательная, как сейчас.

С.В.: Есть ли какое-нибудь радостное воспоминание, связанное с войной?

Ш.Т.: Наверное, когда я вернулась в Абхазию. За мной папа приехал в Москву. Мне тогда, казалось, что мама меня бросает. Двоих братьев увозила на Украину, а я должна была ехать домой, на войну. А за мной приехал папа, я была настолько счастлива, что я с папой поехала. Я уже сейчас понимаю, что мама тогда не могла меня забрать. Когда я папу в аэропорту увидела, это самое счастливое воспоминание. Давно его не видела к этому моменту уже.

С.В.: Чем вам запомнился День Победы?

Ш.Т.: Люди стреляли из автоматов, пистолетов, были салюты. настолько было красиво, что мы среди ночи выбежали в переулок, все плакали от счастья.

С.В.: Часто вам снятся или снились сны о войне?

Ш.Т.: Нет, мне повезло, я не видела ужасов войны, похорон. Мой папа рассказывал, что на его глазах разорвало его близкого

друга. Он до сих пор переживает это все, как с этим можно жить, ведь никакой реабилитации не проводилось, никакие психологи не работали с ними. Как они пережили это все.

С.В.: В вашей семье принято говорить о войне?

Ш.Т.: Папа мне часто рассказывает, мама у меня этим жила. На этой почве заболела, потому что этот музей был ее домом. Она жила жизнями погибших, матери, которые потеряли сыновей, приходили именно туда, плакали, и она с ними переживала их боль. Я помню, как мои родители могли по полгода зарплату не получать, и не бросать работу. Сегодня меня не заставишь работать без денег, видимо, мы другие. Они безвозмездно много лет работали. К сожалению, мы не такие.

С.В.: Почему, как вы думаете?

Ш.Т.: Мирная жизнь. Мне кажется, мы, абхазы, нуждаемся в каком-то внешнем враге, тогда мы можем объединиться и жить дружно. Я помню нас, до войны и после. Мы потихоньку начали все продавать: машину, холодильник. Помню, как нам надо было идти в школу, а денег не было, а у папы был пистолет (ему когда-то дарили), и вот, тогда он его продал. Так нас троих отправили в школу. Сегодня мой сын уже в пять лет требует телефон, я серьезно подумываю, чтобы ему его купить, но зачем ребенку телефон?

С.В.: Что первое приходит в голову, когда слышите слово «война»?

Ш.Т.: Наша семья. Наша семья большая была, мы всегда жили с бабушкой, дедушкой, папой, мамой, братьями, и вдруг во время войны наша большая семья разрозненной оказалась. Было страшно остаться в таком количестве.

С.В.: Есть теплые воспоминания о войне?

Ш.Т.: Есть. Многие люди тогда приходили к нам. Многие до сих пор тепло относятся к нам, а одного из них дедушка даже названным сыном сделал. Мы на все праздники ездим друг к другу, стараемся, по крайней мере, насколько это возможно.

С.В.: Значит, вы сохранили связи с теми людьми?

Ш.Т.: Да, да. Все равно у нас самый важный праздник – хичхуама, они всегда приезжают к нам всей семьей, в этом году с внуками уже были. Приятно видеть. После войны один сын у

них умер, это была большая трагедия и для моих родителей в том числе, потому что настолько они близкие.

С.В.: А кто это?

Ш.Т.: Это Гарик Сангулия, он танцевал раньше с папой. Они всей семьей приезжают к нам. Очень приятно, я рада, что наши дети дружат.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

Ш.Т.: У меня это связано с фисташками. А если говорить о цвете, это черный. Его все носили, все. У меня война ассоциируется с голосом тети Фирузы, которая во время войны потеряла двоих сыновей и мужа. Она садилась у себя на балконе и плакала, она до сих пор плачет, уже столько лет прошло.

С.В.: Вы часто вспоминаете о войне?

Ш.Т.: Да, наверное, потому что мы часто с детьми гуляем, а у нас за домом футбольное поле есть. Там над полем висит плакат с фотографиями погибших. Мои дети каждый раз спрашивают, кто это, и мы с ними обсуждаем. Или за детским садиком сейчас сарай, а раньше там пленных держали.

С.В.: Можете ли вы сказать, что у вас было детство украдено, либо, что вы лишились детства?

Ш.Т.: Да, конечно. Помню, я была суперактивной везде, всегда участвовала в школьных мероприятиях, посвященных войне, и я не помню никаких увеселительных мероприятий.

С.В.: Что сегодня не дает вам покоя, и что бы вы хотели сказать молодежи?

Ш.Т.: У меня мама много лет работала в школе, она преподавала абхазский язык в русских школах, она говорила: «Я всегда захожу в класс и начинаю с того, когда началась война, и я сегодня удивлена, что многие дети не знают дату начала, конца войны или основные наступления». Если честно, я иногда удивляюсь. Как можно не знать, если все твои родные, твои родители прямо или косвенно прошли через это.

С.В.: Что бы вы хотели пожелать детям войны, вашему поколению?

Ш.Т.: Иногда смотрю на себя, на моих ровесников, и понимаю, что мы другие, не потому, что мы в другое время росли или не было каких-то новых технологий, это, конечно, тоже важно.

Сегодня больше возможностей у школьников, студентов. Мы не знали, что такое ксероксы, мы все переписывали, у нас учебников практически не было. Мы ходили друг к другу занимались, но, видимо, то, что мы понимали, что у нас может чего-то не быть, что мы пережили войну, что она может повториться, и у нас чего-то не будет, может, эта боязнь заставляла нас пробиваться. А сейчас лживое полностью представление о том, что все в порядке. Я всегда мечтала учиться где-то чему-то, куда-то поехать, что-то увидеть. Сейчас дети не такие, я удивляюсь, когда люди говорят, я никуда не хочу ехать, думаю, как ты можешь не увидеть это. Мне кажется, мы совершенно другие, мне кажется, война оставила след, в какой-то степени и положительный. Мне кажется, послевоенные дети самые пробивные оказались, самые успешные, что ли.

С.В.: Спасибо большое.

02.05.2018 г.

Владимир Джоджуа,
главный специалист в Государственном
комитете по молодежной политике
Республики Абхазия

С.В.: Здравствуйте. Представьтесь, пожалуйста.

В.Д.: Здравствуйте, меня зовут Владимир. Когда началась война, мы жили в Сухуме, мне было 5 лет, но в сентябре исполнилось 6. Скажу сразу, что я родился в смешанной семье, мой отец мегрел, а мама абхазка. Но, к сожалению, и сегодня, и в советское время, мегрелы считались грузинами. И я считался грузином, хотя я сам себя им не считаю. Война застала меня у бабушки. Родительский дом был на Яштухе (Трапезия).

Я очень отчетливо помню, в этот момент играл во дворе, причём играл в войнушки. Там ещё находились моя двоюродная сестра и соседский ребёнок. Тут мы слышали, что-то происходит, какие-то взрывы, грохот. Вот это я тоже очень отчетливо помню, что-то гремит, взрывается. Но сначала я это воспринял, как нечто отдалённое, хотя слышал, как взрослые кричат: «Война, война!». Но при этом я не испугался, не знаю почему. Может, потому что я не знал, что это такое. Наоборот, даже обрадовался, стрелять начали, во дворе бегать, потом не помню. Помню, как приехал мой отец на автомобиле, тогда у него была шестерка красная. Он забрал меня и мою двоюродную сестру. Она вообще в Петербурге жила, но на тот момент с мамой на отдыхе находилась.

С.В.: Когда началось?

В.Д.: Я помню, как мы приехали в Сухумский порт. Я не могу вспомнить, о чём я тогда думал, помню свои эмоции. Я был не то что напуган, а в каком-то ступоре был. Это была нереальная картина. Я ее отчётливо помню, не то что порт, все дороги прилегающие были заполнены людьми. Абсолютно нет нигде свободного метра, везде люди, какие-то крики, ор. Все куда-то

толпятся. Не знаю, как это сделал мой отец, но он нас протащил через всю эту толпу. Я помню, как пароход был переполнен. Он был настолько переполнен, что вода захлестывала палубу. И каким-то чудом, каким-то образом меня, маму, сестру мою родную, брата двоюродного посадил на этот пароход. Почему пароход? Я помню, я даже радовался, что на пароходе покатаюсь. Но впоследствии, когда мы уже плыли, я чётко помню, как дяде было плохо, 18-летнему брату отца. Сегодня его уже нет в живых. Всю дорогу его тошнило. Кстати, его не пускали на пароход. Он прыгнул в воду, и уже из воды взобрался на пароход. Вот это я помню, его не пускали, его отталкивали.

С.В.: Почему?

В.Д.: Потому что он не хотел воевать. Он знал, что его потащат на войну. Он ведь тоже был мегрел. Не хотел брать в руки оружие, он убежал от этого. Он спортсменом был, профессиональной борьбой занимался.

С.В.: А почему не пускали?

В.Д.: Я не знаю, почему не пускали. Может быть, только детей, женщин в первую очередь на пароход сажали.

Мы приплыли в Сочи, я помню. Я помню самолёт, я помню, как мама меня там успокаивала, что мы сейчас летим в гости. Я тогда еще не осознавал, что я покидаю свой дом, свой край, навсегда или на какой-то долгий срок. Мне тогда казалось, что это что-то временное. Мы приехали в Москву. Я не помню, когда мне пришлось осознание того, что в Абхазии идет война. Когда мы уже приехали в Москву, мы первый год жили у моей бабушки, мамы отца. Всю свою жизнь она проработала проводницей Сухум – Москва. Ее подруга, которая с ней работала, тоже приехала к ней с мужем. И мы всей своей компанией целый год жили у неё на квартире. Настолько гостеприимная семья была, что ни разу никто не услышал, пора вам уходить. Наоборот, эта женщина – тётя Маша, работала. Помню, даже игрушки какие-то приносила, чтобы как-то развлечь.

В сентябре отмечают День города в Москве. Был салют, и первый раз, когда услышал салют, я очень испугался, спрятался под стол и начал кричать: «Мама, мама здесь началась война!». Я помню, мама забежала в комнату, вытащила, успокоила, и гово-

рит, что это салют. Наоборот, подвела к окну, показала мне, что ничего страшного не происходит.

Мы также столкнулись с проблемой, я помню, в школе нас не хотели принимать на учёбу. Моя мама, бедная, хотела отдать меня в школу. Директор пошел навстречу, тоже человек оказался хороший, принял меня и мою двоюродную сестру Лейлу. Когда уже отец приехал, мы переехали в коммуналку. На большее тогда возможности не было. Я перешел в другую школу. Помню, я столкнулся в классе с проблемой национализма. Учительница, которая преподавала во втором классе, называла меня «черножопый». Когда я учился дома в Сухуме домой приносил в первом классе одни пятёрки, а там я мог по шесть, по семь двоек принести. Она мне за всё что угодно могла поставить двойку. Любой какой-то шум в классе, я был виноват, если рядом со мной кто-то кому-то что-то сказал, я был виноват. Меня обвиняли во всех грехах, это был второй класс. Эмоционально я не помню было мне тяжело, или нет. Моя бабушка (заслуженный учитель Абхазии, 32 года преподавала), помню, пришла в школу, и так сильно отчитала эту учительницу. Потом я перешел в другую школу, это уже моя третья школа была.

С.В.: А почему, как вы думаете, было такое отношение?

В.Д.: Не знаю, но, я думаю, только люди малообразованные воспринимают другие национальности враждебно. Потом я никогда в жизни с этим не сталкивался в Москве. Так вот, я учился в четвертой школе, в ней я задержался подольше, с 4 по 9 класс. Там вообще была изумительная школа. Как раз тогда первая чеченская война была, приехало много чеченцев. Может быть, так повезло, в этой четвёртой школе появилось много национальностей. Многонациональная школа получилась. Там и хорваты учились, и югославы, и армяне, и абхазы, и грузины. Между прочим, в этой школе абхазы с грузинами были самые близкие.

Самый тяжелый период для меня был послевоенный, мама через год привезла меня домой. Это я тоже помню. Я помню, мы заезжаем к нам во двор, помню, как тогда бегал ... Брат Миша, я не знаю почему, но мне это запомнилось, сидел на турнике. Мы вышли из маршрутки, и когда мы шли, нас кто-то окликнул. Я

был очень рад, но тогда я почувствовал, что вернулся в другой город, не знаю почему.

С.В.: В свой или в чужой?

В.Д.: Я не могу передать ощущение. Это было моё, но другое. Окружение, которое было, осталось. В основной массе наш двор не поменялся. Кто был, тот и остался. Не было чужих или пришедших, и поэтому всё-таки эта атмосфера сохранилась... Я весь год думал о том, чтобы поехать в Сухум, с нетерпением ждал лета. И вот благодаря моей маме, которая несмотря на все трудности, летом меня сюда привозила, с мая по сентябрь я находился здесь.

С.В.: Спустя 22 года вы приехали в Абхазию ?

В.Д.: Да.

С.В.: Почему?

В.Д.: Наверное потому, что всё-таки то чувство, что я живу не дома, меня не покидало никогда. И работа повлияла, наверное. В Москве я столкнулся с тем, что начали относиться, по крайней мере, на уровне госструктур к нерусским очень претенциозно. У меня в Москве есть хорошие близкие друзья, с которыми я очень много времени проводил. За всю историю моей дружбы в Москве я ни в ком не разочаровывался. Отношение всегда было доброе.

С.В.: Как вы думаете, как на вас война повлияла?

В.Д.: Конечно, она изменила всю мою жизнь. Я не могу сказать, какой бы была моя жизнь, но была бы явно другой. Война повлияла не только на меня, на весь народ, который проживал в Абхазии. Конечно, я считаю что это было страшное кошунство начинать войну здесь. На тот момент грузинское руководство допустило колоссальную ошибку не только по отношению к абхазскому народу, но и к грузинскому народу, потому что взять и оторвать от своего народа такой близкий для себя народ, я тоже считаю очень пагубным. Такого делать было нельзя...

На меня лично повлияла война, я считаю, наверное, в том, что у меня сегодня совершенно другое отношение к войне. То есть я, как никто другой, ощутил на себе, что это такое. Не в том, что я прошел войну, а в том, что она может принести. И, наверное, люди, которые этого не испытывали, имеют какое-то идеализированное отношение. Я бы сегодня всячески старался, имея такую возможность, предотвратить такую войну, а не начать.

С.В.: Как вы всё-таки пережили войну, будучи ребенком из смешанной семьи?

В.Д.: Меня всегда расстраивало то, что мой отец не мог приехать сюда (Абхазия. – **Автор**). Хотя он не воевал, он всячески помогал соседям, кого-то вывести. Когда грузины оккупировали Сухум, он мог вывезти в багажнике своей машины кого-нибудь из соседей. Но почему-то, он впервые приехал сюда в 2002 году, а в 2007 году родители перебрались насовсем. Когда папы не было здесь (Сухум. – **Автор**), мне всё время не хватало его. Мне всё время хотелось на море сходить с отцом, искупаться, поплавать. А его не было. Меня это немножко обижало. Потом моя мама вынуждена была брать для меня всё время пропуск, мне, ребенку, несмотря на то что в моём паспорте не стояла национальность, и я физически не мог воевать во время войны...

Но здесь, в Абхазии, что самое главное, я никогда не чувствовал к себе какое-то плохое отношение. Я не ощущал на себе какое-то негативное отношение.

С.В.: Вы не жалеете, что вы переехали?

В.Д.: Пока нет. Не знаю, как будет в будущем. Я боялся, когда я возвращался, всё-таки Москва и Сухум – разные города. По количеству людей, по ритму жизни. Я боялся, что я буду скучать по тому образу жизни, по тому ритму московскому. Но мне понравилось, я себя чувствую по-другому.

С.В.: Если бы у вас сейчас была возможность обратиться к грузинскому народу, что бы вы хотели сказать?

В.Д.: Я бы посоветовал как можно скорее на государственном уровне признать свою ошибку за содеянное в девяносто втором году. Чем быстрее это сделают, тем быстрее наладится какое-то положительное взаимоотношение, на высшем государственном уровне. Конечно, совместное проживание невозможно. Пока жива память о тех, кто погиб. А дружбу между народами надо восстанавливать. Что мешает грузинским властям признать современное или, я не могу понять. Я бы хотел посоветовать грузинской молодежи не быть однополярными людьми, стараться смотреть со всех сторон на жизнь, стараться искать различные источники информации.

05.05.2016 г.

Валентин Давтян,

заместитель начальника ОВД по Сухумскому району, начальник следственной группы

С.В.: Представьтесь, расскажите немного о себе.

В.Д.: Давтян Валик Тариелович. Родился 22 мая в 1986 году. Закончил Сухумскую 14-ю среднюю школу, потом Абхазский госуниверситет, юридический факультет, специальность: юриспруденция. Пошел работать в милицию.

С.В.: Скажите, пожалуйста, сколько вам было лет, когда началась война, и где она вас застала?

В.Д.: Мне более шести лет было, находился в Сухуме, возле Красного моста, в садике «Колокольчик». Было то ли утро, то ли обед, все дети сидели за столами. Помню, директор зашла, она была в слезах. Запомнил ее фразу: «Танки в городе, танки едут, война». Потом другие женщины плакать начали, паника началась. А детей-то куча была в садике, все дети на местах были. Прошло немного времени, уже были слышны выстрелы. Улица от Красного моста наверх – Кирова.

От Конституционного суда есть еще два-три здания, они горели. Вертолеты пошли, взрывы были. Потом какие-то солдаты заскочили на территорию садика со стороны телевышки. Стрельба началась, стекла посыпались.

С.В.: Все дети там были?

В.Д.: Да. Всех на пол положили. Потом в какой-то момент тишина была, наши родители заезжали, забирали нас в это время. Ближе к вечеру отец забрал меня. Так получилось, папа и я были в центре города у какой-то родственницы, не могли никуда выехать, а мама с братом была на квартире на Турбазе напротив МВО. Танки ездили, помню, по улице Гоголя. Я не знаю, сколько дней так было.

С.В.: Вы не знали, что с мамой и братом?

В.Д.: Нет. Не знаю, я ребенком был, связь была или нет, не знаю.

С.В.: В тот момент, когда вы находились в садике, как вели себя ваши воспитательницы, что происходило, помните?

В.Д.: Рыдали все, все взрослые, но никто не ушел.

С.В.: Что вам говорили, может, где-то спрятаться? Чувство страха было у вас?

В.Д.: Не помню вообще. Родителей ждал, папа приехал, забрал. Несколько дней находились в городе. Потом у нас была «девятка», на этой машине мы с папой забрали маму, брата папиного, двоюродного брата, ему было лет четырнадцать и дедушку. Вот мы все вместе поехали в Дранду, затем в Шаумяновку. Помню, как на каждом отрезке дороги стояли грузины. Где-то в районе Синопа остановили машину, кто-то узнал папу. Папа тогда работал замначальника коммунального хозяйства города. Тот, кто узнал, очень недоброжелательно налетел на отца. Говорит, кайфуете, машину новую загнали, и пистолет в грудь наставил, мы расплакались. Когда мы расплакались, другой грузин говорит ему: «Дети в машине, что ты делаешь», – и отодвинул пистолет от папы. Он пошел, красные яблоки нам принес. Ссора была сильная, за машину, как я понял. Потом дедушка мой покойный говорит: «Заплачу, нас проведите, там, где ваши стоят». Заплатили, провели, в итоге мы оказались в деревне. В деревне, когда грузины заезжали, помню, как мы убегали в лес. С нами уже тетя с дядей были, из Сызрани сестра была, младенец девяносто первого года рождения. В нашей деревне насилия такого не было, потому что каждый день люди платили дань золотом. Почему, не знаю, в памяти осталась цифра 14 с каждого дома, с каждого двора в день собирали 14 граммов.

С.В.: 14 чего?

В.Д.: 14 граммов золота. Я лично сам помню, как у соседа во дворе люди выстраивались, с такими весами стояли, принес золото, пошел, принес, пошел.

С.В.: А кто не приносил?

В.Д.: Не было такого, чтобы не приносили, потому что тогда деревню разнесли бы как Лабру.

С.В.: И как долго это продолжалось?

В.Д.: Не знаю сколько дней было, но где-то недели две. Потом, кажется, какое-то перемирие было, женщин и детей вывезли. Колонной выезжали, помню, что доехали до Гумистинского моста, он был заминированный, и по нему не поехали. Мы Гумисту речку проплыли вброд.

С.В.: Вы – дети, тоже?

В.Д.: Мужчины вместе с машиной заходили в воду и проталкивали машину. Помню момент, когда брат (ему было три года) вырвался у мамы из рук. Побежал солдат наш, еле успел, так как бежал прямо на мину.

С.В.: Валик, какой самый страшный эпизод был для тебя лично?

В.Д.: Когда отцу пистолет приставили к груди, как будто сейчас было, такие моменты, хотя маленький был, проскакивают.

С.В.: Часто вспоминаете?

В.Д.: Сейчас нет. Знаешь, вспоминалось – когда отца не было, когда мы в России находились, они здесь находились.

С.В.: Когда война началась, как долго, в Сухуме, находились?

В.Д.: Может быть, дня три-четыре как война началась, потом недели две-три там в деревне, но не больше. Не помню, никогда не задавался такими вопросами.

С.В.: Обстрелы помните?

В.Д.: Помню взрывы – вот здесь, на Турбазе, стрельбу в городе. В деревне обстрелов не было, но стрельба, грохот были. Из-за того, что деревня дань платила, деревню не тронули.

С.В.: А чем вы питались эти пятнадцать дней, помните?

В.Д.: В этой деревне все было посажено, бабушка покойная все имела, огород.

С.В.: Когда вы уехали отсюда, как вам жилось там?

В.Д.: Я в Сызрани находился, в первый класс в Сызрани пошел. Помню, как папе телеграмма пришла, возвращайтесь, надо восстанавливать Сухум. Администрация работала, старые работники нашли его, вот так вернулись в 1994 году.

С.В.: Есть ли какие-нибудь воспоминания радостные, связанные с военным временем?

В.Д.: Когда отец приехал, и когда домой вернулись и находились с бабушкой.

С.В.: Вам снились сны о войне?

В.Д.: Они постоянно снятся.

С.В.: По сей день?

В.Д.: Да, я не знаю, может, у меня психика поплыла.

С.В.: Какие-нибудь страхи остались?

В.Д.: Страхи?

С.В.: В послевоенное время?

В.Д.: Сейчас уже нет, но в 1998-м, в 2001 годах, когда известные события были тогда серьезные страхи были.

С.В.: Задумывались ли вы о том, что война повлияла на выбор вашей профессии?

В.Д.: Нет. Я не знаю почему, папа хотел всегда, чтобы я поступил на юридический факультет. И я вот случайно оказался в милиции.

С.В.: Нравится, наверное?

В.Д.: Если не нравится, там выдержать нереально. Мы каждый день жалуемся на работу, когда не нравится, люди уходят. Я восемь лет работаю в милиции, и меня почему-то уже в пенсионеры записали...

С.В.: Задумывались ли вы о том, что во время войны повзрослели?

В.Д.: Нет, не задумывался, но вот сейчас, когда вопрос задаешь. Моему сыну сейчас семь лет. В Сызрани, когда мы были, мне было 7 лет, и я пошел в школу. Мою сестру, которой был годик, со мной оставляли, а родители уходили работать. Наверное, как-то это все серьезно повлияло, если, значит, они так были уверены, что я за ребенком прослежу, посмотрю в семь лет. Сейчас нет, сейчас если я годовалого ребенка со своим сыном оставлю, они дом взорвут.

С.В.: Что первое вам приходит в голову, когда вы слышите слово «война»?

В.Д.: Где оружие, почему я не знаю. Моменты сразу проскакивают в глазах, что было, именно почему-то Красный мост, садик.

С.В.: Какое лицо у войны?

В.Д.: Слезы.

С.В.: Считаете ли вы себя ребенком войны?

В.Д.: Да. Раньше за столом за нас не раз поднимали, поднимали за детей войны в нашем лице, всегда так было. В нашем возрасте – 5-6 лет, все понимали дети.

С.В.: Если бы у вас была возможность обратиться к младшему поколению, что бы вы хотели им пожелать?

В.Д.: Чтобы вспомнили своих старших и сделали все, чтобы те люди, которые сложили свои головы, не сожалели там наверху. К сожалению, очень часто приходится по работе сталкиваться со всем этим. Очень некрасивая картина. Это опять же наши ровесники, но они забыли все. Хочется пожелать, чтобы они образумились все, открыли глаза. К добру не приведет все это. Много примеров, просто перечислить тяжело это.

С.В.: Как думаете, война сломила детей войны?

В.Д.: Нет, научила жить и научила взростеть. Почему-то в последнее время люди все это забыли.

С.В.: А нужно об этом говорить?

В.Д.: Да, обязательно.

С.В.: Зачем?

В.Д.: Чтобы люди помнили и знали через что прошли их родители, потому что дети нашего возраста прошли через все, да, но тяжестей на себе они не особо испытали. Родители нам всё приносили, нас кормили, нас одевали, обували. Вся тяжесть прошла через наших родителей.

С.В.: Спасибо.

25.06.2018 г.

Ромео Черкезия,

начальник правового отдела Министерства
труда, занятости и социального
обеспечения Республики Абхазия

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

Р.Ч.: Черкезия Ромео Роинович, 1988 года рождения. На период войны было 5 лет.

С.В.: Расскажите немного о себе, чем занимаетесь?

Р.Ч.: По образованию юрист, работаю по профессии.

С.В.: Где вы находились, когда началась война? Помните первый день войны?

Р.Ч.: Не могу точно сказать, первый день или второй. Я проводил каникулы в деревне Агубедия, а жил я в Очамчыре. Возраст не позволял определить, какой это был день войны. Было не тепло, помню, в свитерах были. Началась с трельба, вертолеты, шум, бомбежки.

С.В.: До этого когда-нибудь военных видели?

Р.Ч.: Нет, не помню.

С.В.: Когда пришло осознание того, что это война, и что это плохо?

Р.Ч.: Стрельба и взрывы были для меня чуточку непонятны. Когда видел вертолеты, мне было очень страшно. Они пролетали очень низко.

С.В.: С кем вы находились в Агубедии?

Р.Ч.: Мать, сестра, дедушка, бабушка, дяди, тети.

С.В.: То есть никто из жителей не хотел покидать территорию?

Р.Ч.: На сегодняшний день понимаю, но тогда не понимал. Осталось где-то 10 семей.

С.В.: Можете рассказать о самом запоминающемся моменте из того периода?

Р.Ч.: Их было несколько, если честно, может, я сегодня рассказываю, как это понимаю сегодня. Тогда я не понимал, почему дедушка вырыл окоп. Естественно, у него времени много не было. Не знаю, кто ему помог. Окоп был неглубокий, был покрыт железным цинкаром, и был у него проход. Когда слышали звук вертолетов, мы все вместе бежали в окоп, и там сидели. Нас предупреждали, что сегодня, возможно будет бомбежка. И мы заранее бежали в окоп.

С.В.: Как долго там сидели?

Р.Ч.: Очень долго, часами, не пять минут, и не десять. В разные сутки времени. Это было то ночью, то днем, чаще ночью. Помимо этого, сам окоп, этот мандариновый сад, был посередине почти. Сегодня я понимаю для чего это, чтоб не было заметно. Был такой момент. Так как сестра моя была маленькая, 1990 года рождения, мать взяла ее на руки, а меня не могла взять. Много женщин было в страхе, все бежали, а окоп был такой узкий, и все пытались туда быстро пролезть.

С.В.: Сколько там помещалось людей?

Р.Ч.: Я могу сказать, сколько нас было. Нас было около 14–15 человек в этом окопе. Но надо было нагнуться, так как там мандариновый сад был, и ветки торчали везде. Тетя моя бедная, взяла меня за руку. А я же не могу в таком возрасте побегать быстрее нее, или успеть за ней. Она взяла меня за руку и бежит, я не успеваю за ней, и каждая ветка была моя. Все думали, что я трус, я плакал от того, что столько раз получал ветками по лицу, до тех пор пока меня дотащили до окопа. Я помню, в самом окопе мы умудрялись смеяться. В роду все низкого роста, но мои отец и мама высокие, то есть она не помещалась в окопе, и не могла сесть, и над ней все смеялись. Даже там умудрялись смеяться, бедный дедушка говорил, не смейтесь, мы даже плакать переставали, потому что говорили, что услышат, но сегодня понимаю, что это было невозможно. И по несколько часов мы сидели там. Потом выходил дедушка, все проверял, и после него могли и мы выходить. Наши ребята стояли в 200 метрах. Там была такая сопка, и было видно наши дома. Им было видно, как нас бомбили.

Мы в домах не могли находиться, потому что дома прямо на виду были. Сразу стреляли в дом. Потом каким-то образом, я не

знаю как это случилось, я сам этот момент не помню, они в огород закинули несколько снарядов и в окоп. У дяди был двухэтажный дом. Подвал был очень низкий. По сей день этот подвал есть. Когда начиналась стрельба, бомбежки мы прятались и там.

С.В.: Бывало такое, что вы там сутками сидели?

Р.Ч.: Сутками, что сидели, не могу вспомнить, в силу возраста. Помню, что приходилось очень долго сидеть там. Ни еды, ничего, даже воду было тяжело достать. Мы перемещались по всей деревне. Бывало такое, что они могли два-три дня вести обстрел дома. Старшие говорили, что здесь нельзя находиться, давайте в другой дом. Так как там густонаселенная деревня, домов хватало. Затем мы находились у соседей.

Самый для меня сложный момент был, когда мы прятались долгое время и очень проголодались. В этот раз мы были в дедушкином доме. Он был двухэтажный, на втором этаже у бабушки хранились закрутки.

Дядя спустился и говорит, давайте я вам помогу. Он говорит мне, пойдём, сейчас у нас затишье. На второй этаж поднимемся, хоть одну банку спустишь. Хотя не знаю, для чего он меня туда потащил, в моем возрасте одну банку максимум мог взять и то литровую. А этот дом прямо на виду был. Это был, наверное самый ужасный момент. Мы поднялись на второй этаж, как сегодня помню, и только мы успели зайти в зал, начался обстрел дома. Он бросил меня на пол, сверху на меня лег, и все. Стекла попадали, упала люстра прямо рядом с нами. Насколько сегодня знаю, отец увидел, как наш дом обстреливают, и наши начали в них стрелять. Мы долго там лежали. Дядя на несколько ступенек меня спустил, и кинул меня во двор. Он кинул меня в одну сторону, а сам отпрыгнул в другую сторону. Я плакал, рыдал. Мне было страшно. Было очень страшно. Может, что такое смерть, я не понимал, но был сильный страх, что вокруг все ломается, эти звуки. Это не был автомат, это был пулемет. Он намного страшнее звучит на слух. Я помню даже, когда дядя меня оттуда тащил. Перестали обстреливать.

Потом тети, мама чуть не убили его. И после этого нас специально перевели в другой дом, в другое место к соседям. К чему говорю, еды не было вообще. Детям сладкого хотелось, как се-

годня любому ребенку, чего-то хотелось. И мамалыгу, фасоль не могли постоянно кушать. Так и этого уже не было.

Помню очень хорошо один момент. Дурили меня, но меня это успокаивало. Была пустая банка с высохшим по краям вареньем. Мама все наливала кипяток, размешивала, и получался компот. Не было ни сахара, ничего. Мамалыгу варили, верх снимали, и так нам каша получалась. Вот мы ее кукурузную и ели. Без ничего была, никакого вкуса не было.

Потом я больше начал видеть военных, ребята начали собираться, за этой сопкой был домик. Они посменно там находились, одна группа спускалась пообедать, другая ночевать. Они котлами варили еду. Я там среди них бегал (они сегодня меня помнят), они мне там рожки давали, пули, автомат поддержать.

... Помню свою сестру двоюродную, не знаю почему. У нее был яркий свиторочек такой, красного цвета. С этой сопки же наши дома было видно. Она с одной сопки ходила до другой, на нее кричали. Она пойдет к себе домой, что-нибудь возьмет, если что-то можно взять. Вообще, если они видели, что кто-то передвигается, могли начать обстрел.

С.В.: Вы в основном ночью передвигались?

Р.Ч.: Да. Эти передвижения мало помню. Помню, отец спустился, на «ГАЗ-52» или 53, на тот период для меня большая машина. Дедушка с маминой стороны живёт в селе Река. Помню, по рассказам старших, что решили нас забрать туда, где было меньше обстрела. У нас стало ещё опаснее находиться. Дом дедушки тоже был как на ладони, двухэтажный дом, большой подвал. Подвал ужасный, потому что расстояние до него большое. Позже дом полностью был уничтожен, столько снарядов в него попало. Я долго от страха плакал. Единственное, что меня успокоило, когда дедушка мне подарил маленького жеребенка. Во дворе стояло дерево алычи. Он привязал его к дереву. Издали я видел жеребенка, и хотел всегда с ним поиграть. Но кто бы меня пустил туда! Видимо, я так ныл, что разрешили. Дедушка держал жеребёнка с одной стороны, он же не ручной был, я играл. В этот момент пуля попала в лоб лошади. Дед рассказывал, что там его жизнь остановилась. Я сначала ничего не понял. Дедушка схватил меня, и – в мандарины. Там была вырыта водосточ-

ная яма, оттуда меня он потащил, мы ползли и обратно в дом смогли попасть.

Я вижу, как лошадь лежит мертвая, и с ней ничего нельзя сделать. Плач, истерика. Я уверен, если они хотели бы убить дедушку, то убили бы. Сегодня понимаю, только снайпер мог это сделать. Наши по сопке передвигались с трудом.

С.В.: Получается, вы все это время находились в подвалах?

Р.Ч.: В доме находится не получалось, потому что постоянно были обстрелы. Это была такая смешанная деревня. И грузины жили, и абхазы. В их дома не получалось попасть. Мой дядя попытался попасть, его в плен взяли. В плену был, потом обмен сделали. Мы постоянно находились в состоянии страха.

С.В.: Были моменты без перестрелок?

Р.Ч.: Такие моменты тоже были. Наверное, на слуху у многих Патрахуца. Она к Агубедии относится. Мы как-то недолго находились там у родственника. А это место находится под горой. Дом закрыт, и вообще его не видно со стороны. Там мы прыгали, бегали по двору, там нас смело выпускали. Нам нечем было заняться, так как у нас не было игрушек. Было холодно. Нам пришлось оттуда уйти, потому что там солнце держится, где то 2-3 часа. Справа гора, слева. Находишься, как в котловане. Солнце почти не попадает. Вечная проблема, как сегодня помню, это еда.

С.В.: О чем мечтали, что очень хотели есть, и чего вам не хватало?

Р.Ч.: Сладкого.

С.В.: Помните, когда первый раз попробовали?

Р.Ч.: Первое сладкое, которое попробовал, это круглые печенья. Уже после войны. Отец, наверное, хотел как-то заполнить этот промежуток, когда у нас этого не было. Я не знаю, откуда он его брал, постоянно привозил. Именно вкус этого печенья, я помню, даже у мамы спрашиваю, неужели у нее сегодня нет. Они были круглые, очень необычные, темно-коричневого цвета, и внутри была какая-то начинка. Я как сегодня помню, синяя упаковка была. Вкуснее этого я в жизни не пробовал. Этот вкус никогда не забуду.

... Во время снега нам пришлось вернуться обратно в дедушкин дом. В этот дом мы не зашли, так как в крышу попал снаряд,

мы зашли в соседний. Было очень много ребят, которые к нам спускались. Было очень холодно, и они приходили в этот дом. Места не было, как сегодня помню.

С.В.: Получается, всю войну вы кочевали по Агубедии?

Р.Ч.: Да.

С.В.: Какой для вас был самый страшный эпизод во время войны?

Р.Ч.: Самый страшный эпизод, это когда был обстрел дома. Звук вертолетов был самый ужасный звук в моей жизни. Крики женщин, кто-то не мог успокоиться. Люди разные, страх на каждого по разному действует. Не знаю, может, когда мне 7–10 лет было, я начал понимать, как это страшно. Когда очередной раз мы бежали, я голову поднял, и увидел этот вертолет. Он пролетел прямо над деревом. Я его четко помню. Даже сегодня могу сказать, с какой стороны он вылетел. От звуков вертолета мне было очень страшно.

С.В.: Остались страхи военные?

Р.Ч.: Не боится только дурак. Страшно было всегда, я боялся всегда больших взрывов. Это сегодня я понимаю, при взрыве ты беспомощен, ничем себе не можешь помочь.

В армию я пошел добровольно, служил в Галском районе, там поменял 11 застав. На всех точках служил. И сразу почувствовал, что такое стрельба, на себе перенес, когда в тебя стреляют, хотят тебя убить, а ты беспомощный. Через это я прошел. И туда я пошёл не то чтобы страх перебороть, а просто сказал, что я должен.

С.В.: Задумывались ли вы о том, в какой момент вы повзрослели, и повлияла ли на ваше взросление война?

Р.Ч.: Сама война на меня не повлияла, на меня повлияли последствия войны. Война закончилась. Оказывается, во время войны у нас было все хорошо. После войны все стало плохо. У нас не было ничего. Дети хотят игрушки, никаких игрушек не было. Мы специально одевали куртки, где много карманов, и собирали пули. Мы все вместе ходили, хотя нас предупреждали, что может быть много мин. Я помню, как мы сами находили мины, кричали и звали старших. А потом взрослые взрывали. Мы находили череп на сопке, в кустах находили черепа людей.

Мы собирали гильзы. Есть зеленые гильзы и золотистые, которые считались дефицитными. Для нас это были игрушки...

Еще нам более старшие делали автомат из дощечек. Надо было камеру от колес резать, ее натягиваешь, посередине палка, натягиваешь и держишь. Наши пальцы были всегда черные. Это были наши игрушки.

С.В.: Сегодня смогли бы это сделать?

Р.Ч.: Да, почему бы и нет.

С.В.: Как долго это продолжалось?

Р.Ч.: Это продолжалось долго, потому что пришлось пойти в школу в Агубедии. Отец работал в Гале, и мы находились там. Два класса проучился в Агубедийской школе. Но чтобы вы понимали, мы от опасности далеко не ушли, потому что отец потом работал в милиции после охраны границы. Там мы постоянно находились. Напротив милиции стоял дом, и мы поселились там. Где-то месяц мы находились в этом доме. Дом был огромный. Спальня наша прямо на здание милиции смотрела. А рядом пустой дом сгоревший стоял. Отец спал в милиции, он должен был дежурить. Он пришел домой как-то раз, как сегодня помню. Он лег рядом со мной, я начал ныть. Самое интересное, оказывается, рядом, в соседнем доме, сидели бандформирования. Они несколько снарядов из гранатометов запустили в милицию, на третий этаж.

С.В.: Это в каком году было?

Р.Ч.: Это был 1995 год. Отец сразу побежал туда. К чему говорю, мы находились там в послевоенное время. На каникулы ездили в Гал. Мы по гаражам бегали, однажды мой палец гаражной дверью прищемили, и ноготь вылетел.

Страх был от того, что три раза отца ранили. У нас дома всегда были военные. Не было такого, чтоб мы спокойно находились в одном месте, как цыгане перемещались в разные места.

Мою бабушку убили в перестрелке. Это произошло в Агубедии. Тогда было много партизан, часто людей крали. У папы было три ранения, его уговаривали переехать в Сухум, все оставить, но он не соглашался. Мамин младший брат хотел чем-то заняться, и папу просил дать ему какое-нибудь дело. Отец не хотел, чтобы он там с оружием стоял, потому что опас-

но было. Отец дал ему «пазик», чтоб он ездил на автобусе Гал – Агубедия...

Есть такая деревня – Саберио в Галском районе, а там поселок Черали. Ребята, которые работали с отцом, решили посидеть в закускойной. С ними был мой дядя. По дороге в закускую этих ребят расстреляли. Как сегодня помню, как дядю привезли. Ему было всего лишь 25 лет. Этот момент хорошо помню, это был 1996 год.

После этого стали возникать мысли переехать в Сухум. К этому времени у отца было третье ранение, он ходил на костылях. Когда он встал на ноги, все равно ушел на зачистку Латы (там «Лесные братья»¹ были). Он в УВД тогда работал. В их группе было 70 человек. Он сказал, вернусь, поедем в Сухум. Мы уже вещи упаковали. Но не получилось, как он хотел, его убили. Естественно, мы потом переехали, в 1998 году.

С.В.: Вы рассказывали о том, что во время войны не хватало еды, бывало такое, что вы ничего не ели сутками?

Р.Ч.: Бывало, что голодные ложились. Даже мама рассказывала. Сейчас поспи, и я принесу, говорила, чтобы немного могли отвлечься. Я помню, как дети плакали, кушать хотели. Я в еде не особо капризный. Кукурузу, мамалыгу поесть, это радость была. Хлеб вообще не помню.

С.В.: Что помогало выжить?

Р.Ч.: То, что все вместе были. Я уверен, если бы мы были каждый по отдельности, нам было бы тяжелее. Все братья сестры, дяди, тети были вместе. Нам, детям, я не знаю, что помогало выживать, нашим страшим, что братья видели друг друга. Если бы мы были в другом месте, например, в Гудауте, было бы сложно узнавать о судьбе родных.

С.В.: Был ли у вас радостный момент во время войны?

Р.Ч.: Жеребёнка подарили, я безумно радовался ему, но его убили. Радостный момент был, когда мой брат подарил мне ве-

---

¹ «Лесные братья» – незаконное вооруженное формирование, состоящее из этнических грузин, находившихся в лесах Мегрелии, что поблизости от границы с Абхазией. Главной целью было: дестабилизация обстановки в зоне конфликта, проведение диверсий и терактов. Основатель бандформирования – Дато Шенгелия.

лосипед. Но кататься было негде, так как горная деревня была. Во-первых, небезопасно. Для меня важно было то, что я на нем буду кататься. Однако по факту получилось, что я на нем не катался. Я радовался людям в форме, когда мне давали оружие потрогать. Может, потому, что я их видел, и мне становилось спокойно.

Ночью было очень страшно. Страх вертолетов. Или когда мы сидели в подвале и попадали снаряды. Не то что я плакал, тут уже взрослые плакали, ждали, что вот-вот все умрут. Это было постоянно, и было страшно...

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

Р.Ч.: Вспоминаю о войне, когда вижу несправедливость.

С.В.: Что первое приходит вам в голову, когда вы слышите слово «война»?

Р.Ч.: Первое и самое главное, как уберечь семью, родных.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

Р.Ч.: Вкус смерти, страха.

С.В.: Какое лицо у войны?

Р.Ч.: Самое страшное. Кто хочет войны? Я не знаю таких людей.

С.В.: Что сегодня не дает вам покоя?

Р.Ч.: Потери. Столько у нас героев, молодых ребят настоящих (был неравный бой), они через это прошли.

С.В.: Можете сказать, что война повлияла на выбор вашей профессии?

Р.Ч.: Всю жизнь мечтал стать хирургом, но война повлияла. Хирургом не стал, потому что если бы у меня был отец, я мог бы уехать, отучиться, и все у меня было бы нормально. Как я мать и сестру оставлю? В доме нет старшего, мужика. Просто мне пришлось рано работать. Это все последствия войны.

С.В.: Вы можете сказать, что ваша жизнь разделилась на до и после войны?

Р.Ч.: Каждый из нас в послевоенное время и по сей день ощущает последствия войны. Тяготы, заботы. Уверен, если бы не война, у нас бы была более беззаботная жизнь.

С.В.: Если бы сегодня у вас была возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы им хотели пожелать?

Р.Ч.: У нас война не закончилась. В некоторых странах война закончилась, и они лучше живут, чем до войны. У нас наоборот. Кто помнит период до 2002 года. Мы все выросли, и многие поменялись. Мне кажется, не поменялось процентов 20. Многие старшие тоже изменились, многих жизнь изменила, у кого-то возможности изменились. Всем детям войны хочется пожелать, чтобы они помнили, какими были наши старшие, чтобы помнили, что у нас было. Какие были все сплоченные после войны. Никто не смотрел, кто что имеет, что одевает, что обувает. Я реально это помню, и чтобы они это вспомнили. Конечно, вернуть всё невозможно. Вычеркнуть все невозможно.

19.11.2018 г.

Давид Цужба,

начальник молодежного отдела
в Государственном комитете по молодежной
политике Республики Абхазия

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста, расскажите о себе.

Д.Ц.: Дато Цужба, творческий человек. На сегодняшний день работаю в Государственном комитете по молодежной политике.

С.В.: Сколько вам было лет, когда началась война?

Д.Ц.: Когда началась война, мне было пять лет.

С.В.: Где она вас застала, где вы находились?

Д.Ц.: Когда война началась, мы в Гудауте находились, у моих бабушки и дедушки.

С.В.: Когда вы услышали слово «война», как вы это восприняли, и вообще вы понимали, что это?

Д.Ц.: Я в тот момент не понимал, но я понял, что что-то не так. Мы живем в Гудауте в девятиэтажном доме. Когда серены слышали, когда бомбежка была, нас выводили.

С.В.: Первый день войны можете описать?

Д.Ц.: Первый день войны мне очень сложно описать, я особо его не помню. Потом нас всех увезли в Дурипш.

С.В.: Сколько вас в семье было детей?

Д.Ц.: Нас два родных брата, еще двоюродные, троюродные братья. Я помню, тогда задавал вопрос, а где мой дядя, где мой старший брат. Они уехали, скоро приедут, так нам говорили, я помню. Конечно, нас уводили постоянно, когда родственники, соседи кого-то привозили, я видел скопления людей. Я не понимал, что это такое, но сейчас-то я понимаю, что это были похороны. Естественно, мы же совсем маленькие были. Отчетливо помнится послевоенное время, конечно, все негативы. Помню момент, когда мы пошли в школу в сентябре.

С.В.: Где? Вы в Сухуме уже находились?

Д.Ц.: Нет, в Гудауте мы находились. Мы пошли в Бамборскую школу, мама моя пошла преподавать. Я пошел в школу в семь лет, мой брат пошел в шесть лет. Половина моего класса были детьми десантников. Рядом был военный городок. Если сейчас ты в школу заходишь, стоит завхоз или охранник, а тогда стояли люди с автоматами в голубых касках. Это мне отчетливо запомнилось.

С.В.: А какие у вас были ощущения?

Д.Ц.: Вначале не понимали, думали в войнушки играют. Помню, рисовали размер ноги, чтобы привезти нам обувь, чтобы мы могли ходить в школу. В неделю один или два раза к нам приезжала из Сочи машина «Жигули», шестерка, и она привозила то, что здесь не продавалось, сметану, колбасу, йогурты, киндер-сюрпризы. Это была для нас большая радость, потому что нигде ничего не было, нигде ничего не найдешь. Эти моменты отчетливо помню.

С.В.: Чего вам не хватало в школе, хватало ли учебников?

Д.Ц.: Тогда было интереснее учиться, чем сейчас. Сейчас, кажется, людям неинтересно, они большую часть времени проводят в соцсетях. Мы, помню, совсем мальчишками были, и рядом с нами был консервный завод, по нему бегали, это опасно было. Сейчас я смотрю, мои дети, не дай бог, будут бегать по таким местам, я с ума сошел бы, наверное. Тогда ничего не боялись, было живое общение. Мы играли в футбол, мы на физкультуру ходили. Сейчас у нас прогуливают уроки очень часто, ходят на дополнительные занятия. Дайте детям быть детьми, повзрослеть они всегда успеют. Меня насильно тогда со второго класса отправили в музыкальную школу. Я хотел с ребятами где-то в футбол поиграть, а меня на музыку отправили. Всегда не хватало времени насытиться этим моментом. В 1997–1998 годах мы увидели первых туристов. Это тоже был для нас шок, они сюда приехали отдыхать. Мы, помню, в военный санаторий ходили в теннис играть. Я помню, очень сложно было тогда маме достать ракетку для меня и моего брата. Это сейчас они доступны и недорого стоят, но тогда это был ужас, очень дорого было. Я, как сейчас помню, полторы тысячи или тысячу восемьсот – это

были колоссальные деньги. Мы ходили в военный санаторий, чтобы играть.

С.В.: Дато, а если вернуться к событиям военных лет, есть какие-то моменты, которые вы запомнили и часто вспоминаете, какой-то, может, страшный эпизод в вашей жизни во время войны?

Д.Ц.: Страшный эпизод я помню, мне хорошо запомнилась именно бомбежка, звуки этих самолетов очень мне запомнились. Постоянно смотрим военную хронику перед праздниками – это люди не должны забывать, смотришь, начинаешь вспоминать себя маленьким и видишь, что происходило. Хотя мы были маленькие, мы все равно что-то помним, эти события. Помним, как было сложно после войны. Дети, которые не видели всего этого, должны знать, что сделали наши старшие для того, чтобы они спокойно жили, могли спокойно развиваться. Тогда мы были детьми, многое не понимали. Мы ходили друг к другу домой. И у каждого в определенном уголке – фотографии родственников, которые сложили головы во время войны за страну, ты потом это начинаешь понимать, больше начинаешь осознавать все эти события.

С.В.: Как это на вас влияло, задумывались?

Д.Ц.: Я на тот момент особо не задумывался, я видел, что было грустно моим родственникам. Они плакали, это я очень хорошо помню, но от нас они пытались это скрыть, конечно, чтобы мы не обращали внимания, чтобы психику нашу не травмировать.

С.В.: Дато, несмотря ни на что вы все-таки оставались детьми, во что вы играли?

Д.Ц.: Во что только мы не играли. В красное знамя, в казаки-разбойники, в классики, в выбивалы. Я не знаю, мне кажется, я с детства был творческим человеком. Мы устраивали концерты, когда мы были в 5-6 классах. У нас реально было целое общество людей, которые друг другу помогают. Мы организовали концерт нашим родителям. Приходили со всего города, чтобы посмотреть на то, что происходит. Тогда, после войны, это было редкостью.

С.В.: Можете сказать, что в какой-то степени ностальгируете по этому времени?

Д.Ц.: Конечно, тогда были моменты общения, которых сейчас нет, которые ты сейчас не найдешь. Ввиду определенных обстоятельств, сейчас жизнь диктует другое, и хочешь не хочешь ты плывешь по нему. Ты не можешь это поменять, ты себя поменяешь, вокруг один-два человека поменяются и будут общаться. Ты сам хочешь не хочешь подстроишься под этого человека, ты должен подстроиться под определенный стиль жизни, потому что иначе ты не выживешь, мне кажется, люди сейчас более жестокими стали.

С.В.: В силу чего?

Д.Ц.: Не знаю, сейчас все на деньгах, раньше можно было много чего без денег сделать, сейчас апара, рызегь апара ртахуп, есть, конечно, от этого плюсы, есть, конечно, от этого минусы, раньше люди без денег жили и жили очень хорошо. На сегодняшний день те же люди продолжают жить без денег, говорят, нет работы, я не верю в это, работа есть всегда, но сможешь ли ты себя заставить пойти работать, если ты никогда не работал. Почему моя мама работала? Она ничего не получала толком в школе. Она всегда нам говорила, наша нация должна быть образованная. Сейчас, говорят, вот этот учитель обидел моего сына, а тогда нам говорили по-другому, эти люди ничего не получают – все для вас, поэтому вы должны отнестись к этому с пониманием. Не было такого, как сейчас – с ума люди сходят за выпускные вечера, просто я не знаю, кризис в стране ... У меня дедушка работал, и в месяц один раз он мне покупал футбольный мяч. Я приносил его, и мы все вместе играли, но его долго не хватало, мы ждали, когда мне дедушка или мама купят мяч. Такие моменты были. Было просто человеческое общение после войны.

С.В.: Дато, какое самое радостное воспоминание, связанное с днями войны?

Д.Ц.: Да, я помню, то ли это был День Победы, то ли был День освобождения Сухума. Но, я помню, все радовались. Запомнил отрывки фраз, когда война закончится, мы все будем танцевать.

С.В.: Дато, бывало ли вам страшно?

Д.Ц.: Во время войны?

С.В.: Да.

Д.Ц.: Я, может, не понимал этих моментов. Единственное, мне было страшно, когда были бомбежки. Я это запомнил хорошо.

С.В.: Дато, снились вам сны о войне?

Д.Ц.: Да, будто я в окопах сижу.

С.В.: И сегодня тоже?

Д.Ц.: Да, естественно. Они бывают редко. Я же хорошо помню события 2008 года, когда мы все хотели записаться добровольцами, но нас не взяли, пацанами были.

С.В.: Сколько лет вам было?

Д.Ц.: В 2008 году нам было 20–21 год. Сказали нам, пока вы не нужны. Иногда бывают такие сны, будто всю ночь воевал.

С.В.: Дато, о чем вы мечтали? Были какие-нибудь мечты в детстве во время войны?

Д.Ц.: В детстве, я помню, у меня все мечты были связаны с теннисом. Я профессионально играл в теннис. Мне хотелось хорошей экипировки, кроссовок...

С.В.: Дато, вы думали о том, что война повлияла на становление вас как личности?

Д.Ц.: На сто процентов. Ты, наверное, не знаешь всю мою историю, отец у меня грузин. Во время войны они с мамой разошлись. Когда война началась, мой отец уехал из Сухума, его родные сухумчане все были. Он поехал в Сухум, вывез всех своих в Тбилиси. Спасибо ему за то, что он не принимал участие во всех этих событиях. Спасибо маме большое, что она не позволила меня тогда забрать. Меня воспитали Цушбовцы, дали фамилию Цушба. Причем не сразу, они сказали, когда я достигну совершеннолетнего возраста, тогда и решу, менять фамилию или нет. А что меня связывает с отцом? Меня Цушбовцы воспитали. И конечно, это все повлияло на мое воспитание, апсуа школ салгеит, университет, армию, теперь работаю. Когда представляем страну за границей, то под абхазским флагом, за страну готовы голову отдать свою. Я вырос без отца. Дед заменил мне отца, все мои дяди, родственники. Слово «папа» я не помню, чтобы я говорил. Я не знаю, где он находится, жив ли он вообще. Мы не общаемся, но сейчас у меня двое сыновей, и я понял, что дети должны жить с родителями. У ребенка будет закладываться формула, мама с папой. Они будут серьезнее относиться в будущем к сво-

ему выбору, к своей половинке. Я понимаю сейчас, как должно быть. Я уже понимаю, есть горький опыт. Понимаю, что должны быть оба родителя, и стараюсь не допускать тех ошибок, которые были тогда. Конечно, военное время, может, и закалило нас.

С.В.: Задумывались ли вы о том, в какой момент вы повзрослели? Можно сказать, что именно война повлияла на это?

Д.Ц.: Да, просто тогда хотелось жить лучше. Школу закончили, я видел, как сложно было, самому приходилось зарабатывать деньги. Только поступил в университет, я начал зарабатывать свои честные деньги, пошел работать экскурсоводом. Тогда было два варианта: либо ты работаешь, либо ты криминалом занимаешься. Мне честная работа была по душе, меня воспитывали именно в таких традициях. Легких денег не бывает. Пока ты не вспотеешь, ты не заработаешь. Начал зарабатывать свои деньги, я мог себе позволить летом поехать в Сочи, одеться на весь год. Мама мне всегда помогала, пока мы в университете учились. С каждым годом становилось все легче, страна тоже крепла. Работы нет, говорят, работа есть всегда, работа есть везде. Где только я себя не попробовал, и человек, который хочет работать, заработает.

С.В.: Дато, остались ли у вас страхи какие-нибудь?

Д.Ц.: Нет, чего бояться после такого. Единственное, что есть на сегодняшний день, ты всегда переживаешь за своих родных, близких, за родственников. А то, что у нас что-то может пойти не так, начнется война – возьмём оружие, будем воевать.

С.В.: С чем у вас ассоциируется война?

Д.Ц.: Война у меня ассоциируется с кровью, насилием, болью. В мире сейчас все по другому, войны разные – экономические, информационные. Я определенный период работал в Сочи, ездил каждый день из Сухума в Сочи работать, из Сухума или из Гудауты. В Сочи работали ребята из Донецка. Я спрашиваю, а что вы уехали? Они говорят: мы не хотим воевать. Это же ваш дом, это же ваша земля, как так, почему вы бросили все. А у нас ведь ребята пошли добровольцами воевать. У них другая ментальность, а мы ведь, как единое целое объединились. Нас либо очень хороший повод, либо очень плохой повод объединяет.

С.В.: Дато, какой вкус у войны?

Д.Ц.: Она не вкусная, но для кого-то – мать родная.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

Д.Ц.: Знаешь, каждый раз вспоминаю, когда видишь кадры, видишь всю эту военную хронику, еще когда заходишь в фейсбук, грузинские сми или прогрузинские под абхазскими псевдонимами видишь, что пишут... Все сразу вспоминать начинаешь.

С.В.: Как вы думаете, какое лицо у войны?

Д.Ц.: Лицо войны. Я буду, наверное, тогда прямо говорить. Смотрела фильм «Терминатор»? С одной стороны, лицо уродливое, а с другой – симпатичное. Смотря, как к тебе повернется. У войны двойное лицо.

С.В.: Можете вы назвать себя ребенком войны?

Д.Ц.: Да, конечно.

С.В.: Сегодня если бы у вас была возможность обратиться к вашему поколению, чтобы вы хотели им пожелать?

Д.Ц.: Терпения, трудолюбия больше всего. Потому что искреннее счастье они будут получать тогда, когда будут трудиться на благо себя и своей семьи. Хочу пожелать ребятам терпения и продуктивности в их начинаниях, а все остальное будет: и здоровье, и счастье, и благополучие. Все будет именно оттуда.

С.В.: Спасибо, Дато.

Д.Ц.: Спасибо.

20.06.2018 г.

Астанда Хашба,

преподаватель кафедры экономической
теории Абхазского государственного
университета

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

А.Х.: Здравствуйте, Хашба Астанда. Преподаватель кафедры экономической теории.

С.В.: Расскажите немного о себе.

А.Х.: Я родилась в городе Ткуарчале в 1988 году. Когда мне было 4 года, началась война. У меня ощущения такие, что на тот период я была не четырехлетним ребенком, а уже взрослым, осознанным ребёнком. То есть я понимала все происходящее вокруг, пыталась где-то помочь родителям. У меня был младший брат, который на два года был младше меня, и я вела себя как взрослая, наравне с мамой.

С.В.: Как и когда вы узнали, что началась война, и вообще, вы понимали, что такое война?

А.Х.: Я помню только голос мамы, которая крикнула, что началась война. Это и картина, когда все наши соседи стали куда-то бежать. Мы стали прятаться. Мы жили, как всем известно, в блокадном городе Ткуарчале. Снаряды летали повсюду, и мы не знали, упадут ли они на нас. Была ситуация, когда вечером мама готовила нас ко сну, и она решила не поднимать нас на второй этаж, оставить на первом этаже, чтобы мы были под присмотром. И в это время буквально за дверью упал снаряд. И, естественно, выбило окна. И это было счастье, что мама как-то интуитивно почувствовала, что нас надо оставить на первом этаже. То есть воспоминаний о войне очень много и ситуации, когда все соседи были такие сплоченные. Папу не помню вообще, потому что он всегда находился на позициях, мама всегда была с нами. Помню, по соседству с нами жила семья, и был там дедуш-

ка. Начался обстрел, а мы играли в их дворе, и он нам приказал забежать домой и лечь под кровать. Были он, его два внука и нас двое. Когда пришла наша мама, она не могла нас долго найти, а мы все это время лежали под кроватью с этим дедушкой. Сейчас это смешно. Помню, как мы переживали, мы еле уместились, но потом время прошло, и нас благополучно оттуда подняли. Было много ситуаций.

С.В.: Вы все это время находились в Ткуарчале?

А.Х.: Да, от начала до конца.

С.В.: Могли бы вы рассказать о самом страшном эпизоде?

А.Х.: Самый страшный, когда на какой-то период папа решил маму и нас – двоих детей отправить к нашим родственникам, которые жили в горном селе в Сулукаре. Не знаю, как сейчас называется. Но так получилось, что он не смог нас туда отвезти, и мы сами пошли. Мы шли по горной местности, мама поражается, как я помогала нести коляску, и ни разу не заплакала. А это было далеко. Это были километры. Я помню, что пешком идти было безопаснее.

Самая страшная картина передо мной была, когда мы пришли к нашим родственникам, и в одну ночь я проснулась, потому что пришли грабители. Их было человека четыре, наверное. Кто-то ещё внизу ждал. Мы находились на втором этаже, и двое из них поднялись на второй этаж, но оказывается, они маму утешали, говорили, что нас знают, и чтобы она не переживала, говорили: не переживайте, с вашими детьми ничего не будет. Я их не видела, но слышала голоса. При этом я видела вокруг разбросанные вещи.

С.В.: Тогда вы испытывали страх?

А.Х.: Не могу сказать, что я всегда жила в этом страхе. Естественно, мы как дети играли и отвлекались. Мы часто испытывали страх, прятались в подвале. Мама нас сразу в убежище просила зайти. Мой брат даже стал заикаться. Слава богу, у него это не осталось. Это прошло со временем.

С.В.: Находясь там, чем вы питались?

А.Х.: Я помню, что не голодали. Знаю, что мамины родители жили в 10 километрах от Ткуарчала, в селе Гупе по проезжай части. Они шли пешком, приносили нам еду. Они присылали

крупу, муку кукурузную, то есть помогали, чем могли. Потом мы получали гуманитарную помощь. Я так помню, что мы не голодали, мама пыталась как-то это распределить.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало? Вы задумывались об этом?

А.Х.: Нет, никогда. На тот период мне ничего не хотелось.

С.В.: С кем вы жили, кроме своего брата и матери?

А.Х.: Отец, мать и мой брат, но к нам пришла моя двоюродная сестра с ребенком. То есть они этот период находились у нас.

С.В.: Почему вы все это время находились там, вы не хотели оставлять отца и поэтому не переехали в другое место, более безопасное?

А.Х.: Я не знаю почему, не спрашивала. Я думаю, мама не оставила бы папу. Может, и невозможно было. Я не могу об этом сейчас сказать.

С.В.: Вы были детишками, ваше детство продолжалось, во что вы играли и играли ли вы вообще?

А.Х.: Смешно. Была война, но мы все равно играли в войнушки почему-то.

С.В.: Могли бы вы описать один день из тех дней войны, который запомнился, который часто вспоминаете?

А.Х.: Все, о чем я говорю, периодически вспоминаю и понимаю, как было нелегко нам, но при этом, мы не жаловались, не могли сказать, что нам чего-то не хватает. Была война, было сложно, но в то же время это сплотило нас. Мы помогали друг другу и все живущие на улице нашей были вместе. Если у кого-то еда была, мы вместе садились за стол. Мама постоянно угощала соседских детей.

С.В.: Как вы думаете, почему были такие сплоченные?

А.Х.: Моя мама понимала, что чужим детям сложно наравне с нами. Она обделяла себя едой, но при этом она не могла не дать кусочек того же амгяла нашим соседским детям. Было ужасное время. Но в сегодняшней ситуации мы больше жалуемся, у нас больше потребностей.

С.В.: Помните ли вы бомбежки?

А.Х.: Да, помню, как пролетали самолеты. Просто летит самолет и ты не знаешь, какая у него траектория, и в какой мо-

мент он будет бросать снаряды. С божьей помощью нам удавалось выживать в таких ситуациях.

С.В.: Какое воспоминание у вас самое радостное?

А.Х.: Может, это чуть некрасиво, но нам было смешно, когда наш сосед нас постоянно прятал, и родители находили нас под столами, под кроватью.

С.В.: Как вы думаете, что помогало выжить?

А.Х.: Та же война. Иначе невозможно было. Вокруг война, но если ты еще и морально как-то себя убиваешь, то ты не выживешь.

С.В.: Для вас война как один день, или как целая вечность?

А.Х.: Я не могу назвать вечностью.

С.В.: Что вам приходит в голову, когда вы слышите слово «война»?

А.Х.: Ужас, потому что ни один ребенок не должен испытывать этих ощущений. Понятно, что и на взрослых война оказывает такое сильное влияние, но на детей она действует по-особенному.

Есть теплые воспоминания, когда папа приносил (может, это смешно) паек, так тогда назывался, и он состоял из всяких печенюшек, каких-то приправ, сухого молока. Для нас это было так радостно, казалось, мелочью, но в той ситуации на нас это влияло.

С.В.: Помните этот вкус? Часто вспоминаете?

С.В.: Да

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

А.Х.: Горечи, разочарования, обиды. И ты понимаешь, что ты не в состоянии ничего поделать, и просто вынужден принять.

С.В.: Взрослые при вас говорили о войне, эта тема обсуждалась?

А.Х.: Помню, что мама всегда утешала. Говорила, все нормально, самолеты просто пролетают, но при этом пыталась не упускать нас из виду.

С.В.: Часто вспоминаете о войне?

А.Х.: Не так часто. Сегодня кто-то правдами и неправдами пытается вернуться к той войне, и привязать, что есть с войной. Нужно начинать с себя, нельзя во всех случаях считать виновником войну. Понятно, что многие потеряли своих родных, но нельзя связывать материальные блага с войной.

С.В.: Что хочется рассказать молодежи и что не дает покоя?

А.Х.: Каждый человек должен начинать с себя, и думать над тем, что сделал. Нужно задаваться вопросом и отвечать на него, что сделал я, и что я могу сделать. Если я буду первоклассным преподавателем, и стремиться к этому, то я считаю, что сделала это. И если каждый будет заниматься своим делом, то мы добьемся успехов.

С.В. Можно сказать, что ваше детство потеряно?

А.Х. ... Не могу сказать, что было потеряно. Детство было, но нельзя сказать, что было счастливым.

С.В. Что бы вы сегодня хотели пожелать детям войны?

А.Х. Идти вперед и делать друг другу добро. Если каждый будет так думать, будут счастливы все.

Нам было очень сложно в материальном плане, потому что работы у родителей не было, мы не голодали, мы выживали. Я удивляюсь, как наши родители, имея такие ограниченные возможности, смогли дать нам то, что они нам давали. То есть не обделять нас, чтобы мы были не хуже кого-то, то есть мы были одеты, обуты... Может, у кого-то были деньги, но нам было сложно. За это я бесконечно благодарна своим родителям.

Будучи семилетним ребенком, я убирала, помогала, и это была помощь родителям. Родители дали нам все...

10.09.2019 г.

Аснат Авидзба,

к.ф.н., преподаватель кафедры
истории и теории международных
отношений Абхазского
государственного университета

С.В.: Здравствуйте, представьтесь пожалуйста.

А.А.: Я Авидзба Аснат.

С.В.: Аснат, где вы работаете? Чем занимаетесь?

А.А.: Я преподаю в АГУ.

С.В.: Хотелось бы узнать, когда лично для вас началась война?

А.А.: Когда война началась, мне было 4 года, конечно же, полной хронологии событий у меня нет в памяти, но какие-то моменты отпечатались, и до сих пор, можно сказать, живут.

С.В.: А вы можете описать первый день? Как вы услышали, что началась война, что для вас это было?

А.А.: Нет, мы просто понимали по реакции родителей, возникла какая-то напряженность, беспокойство. Когда началась война, мы два месяца находились в Эшере. То есть два месяца с момента начала войны, с момента военных действий мы были еще в стране. Мы слышали вертолеты, которые производили обстрелы, и каждый раз после этого прятались в подвале. И даже после окончания войны очень долгое время, когда пролетал какой-то самолет или вертолет, мы по инерции с братом прятались под стол, это у нас отпечаток остался такой.

С.В.: У вас чувство страха было?

А.А.: Самая главная эмоция, чувство, которое было во время войны и после, это страх, страх потерять в первую очередь маму, потому что, когда ты ребенок, основная связь у тебя с матерью. Естественно, потерять родных, близких – это самый ужасный страх был. Этот страх долгое время сохранился.

С.В.: А вы можете вспомнить какой-нибудь эпизод, который запечатлелся и часто вспоминаете?

А.А.: Я помню эпизод, когда мы переправлялись на катере, и внезапно начался обстрел.

С.В.: Это где было?

А.А.: Это было, наверное, в Сочи, через Сочи тогда переправляли. Я была на руках у дяди, который потом мне рассказывал, что я ему казалась очень тяжелой, и он еле меня нес на руках. Я помню девушку на борту, которой стало плохо, и она упала в обморок, какие-то отрывочные воспоминания.

С.В.: И вы об этом вспоминаете часто, вам страшно было? Какие ощущения у вас были?

А.А.: Было страшно за то, что я могу там потеряться, что меня где-то могут забыть. Такие чисто эгоистические с одной стороны страхи, но вполне естественные для ребенка, мне кажется.

С.В.: Что часто вспоминаете?

А.А.: Часто вспоминаю какие-то тяготы, лишения, которые были, а я, кстати, помню один момент, когда мы уже переехали к маминной родне.

С.В.: Куда?

А.А.: В аул Красный, сперва мы приехали в Новочеркасск, там была очень тяжелая жизнь, мы жили в общежитии, потом решили, что целесообразней переехать в село, потому что там все-таки хозяйство. Помню, как я прыгала на кровати, и кричала: «Республика Абхазия, Республика Абхазия». Это до сих пор вспоминают мои родственники. Это было первое проявление публичного патриотизма в моей жизни, и последнее, наверное.

С.В.: А вот эти два месяца, что вы находились в Эшере, что-нибудь есть такое, что хотелось бы рассказать нам? Чем питались? Чего не хватало?

А.А.: У нас было очень много скота, дедушка у нас был очень хозяйственный, он кормил все военные части, он предоставлял им водку, вино, все что можно было сделать. Бабушка тоже была очень хлебосольная, поэтому каких-то ущемлений в плане еды не было. Просто общая угнетенность всегда чувствовалась в воздухе. Я помню момент, когда мой брат обменял свой кожаный баскетбольный мяч, об этом, кстати, писали в газетах. Ему

папа привез из Москвы (папа тогда только защитился) кожаный баскетбольный мяч. А так как началась война, и для мальчиков это естественное желание – защищать свою семью, он обменял этот кожаный мяч на пулю у российского офицера, и это было, мне кажется, символично.

С.В.: Можете рассказать о каком-нибудь самом смешном эпизоде? Несмотря на то что шла война вы оставались детьми, во что играли?

А.А.: Смешного ничего не помню, но я помню, как мы играли в самолетики. Это очень банально, может, потом я вспомню.

С.В.: А ваш брат старший?

А.А.: Он старше меня на четыре года. Ему было восемь лет.

С.В.: После войны вы говорили о войне?

А.А.: Да, конечно. Мы, как и все остальные, говорим до и после войны ...

С.В.: Можете сказать, что ваша жизнь разделилась на до и после войны?

А.А.: Мне, кажется, не только моя, но и всех жителей Абхазии.

С.В.: Лично ваша?

А. А.: Наверняка, да.

С.В.: Задумывались ли вы о том, что война изменила вас как личность?

А.А.: На эмоциональном уровне, может быть, она мне дала больше уверенности в завтрашнем дне, стабильности какой-то. А так, я никогда не задумывалась, кем бы я была, если бы не война.

С.В.: Что еще можете рассказать?

А.А.: Я помню, как после войны (тогда мы топили печки) каждое утро папа поднимал меня, и так как печка была только в одной комнате, и соответственно было тепло только в одной комнате, этот путь он пытался быстро проделать, чтобы я не почувствовала холода. Я помню, безусловно, гуманитарную помощь, которую оказывали в школах. Помню, как родители пытались устроиться на любую работу, лишь бы прокормить двоих детей, все тяготы, лишения, которые, мне кажется, естественны для войны. Но несмотря на это, все мы были едины, чувствовалась близость, горе чужого было и наше горе.

С.В.: Вы запомнили День Победы? Как вы его восприняли?

А.А.: Я не помню День Победы, что очень странно. Потому что была уже старше, и гораздо быстрее запомнила бы. Но начало войны я помню больше, чем конец.

С.В.: Что вам очень хотелось во время войны, чего вам не хватало из еды?

А.А.: Каких то таких детских вещей, например, шоколада.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

А.А.: Может быть, это вкус чурека (амгвала), который часто делали.

С.В.: Часто ли снились вам сны о войне?

А.А.: Нет.

С.В.: Если у вас сейчас была бы возможность обратиться к детям войны, к вашему поколению, что бы вы хотели им пожелать?

А.А.: Я бы хотела им пожелать, чтобы они ценили каждый день, делали свою работу. Не важно кто где работает, всегда должна быть максимальная чистота и они должны чувствовать, что выполняют свой долг. Мне кажется это очень важно!

С.В.: Спасибо.

А.А.: Вам спасибо.

22.03.2018 г.

Джумбер Гуния,
экскурсовод туристической фирмы
ООО «Апсуа Тур – Экскурсии»

С.В. Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

Д.Г. Здравствуйте! Меня зовут Джумбер, мне 28 лет. Родился 22 октября в 1989 году. О войне я помню, конечно, не так много, в силу того, что мне было три года, когда началась война. Основные мои воспоминания связаны с тем, как грузины бомбили наши села. Жил я в селе Маркула, а родился в г. Ткуарчале...

С.В. Расскажите о первом дне, когда вы услышали о войне?

Д.Г. О войне... этого я не помню...

С.В. А когда пришло осознание того, что война идет? И пришло ли оно вообще?

Д.Г. Я думаю и не приходило. Я тогда не понимал этого. Вообще, мои родители из одного села Маркула, но из его разных концов, то есть их дома расположены далеко друг от друга. Както мы находились у Зарандиавцев несколько дней – мама моя Зарандия – а потом вернулись в отцовский дом в Абааху (это поселок в Маркуле). Так, мы с мамой шли в сторону поселка Абааху по чайной плантации. Помню, как сейчас, что началась бомбардировка. Тогда нас, насколько я знаю, грузинская авиация бомбила, Су-24, скорее всего. Бабушка, когда услышала, что началась бомбардировка, побежала за нами. А старший брат, который до этого стащил для чего-то напильник у деда, подумал, что она бежит за напильником, и выбросил этот напильник. Я помню, как мне было страшно тогда. Мама мне говорила, что у меня глаза из орбит выходили, когда начиналась бомбардировка. В основном, мы находились дома в Абааху. Когда начиналась бомбардировка, не помню, это бомбила грузинская авиация или это артиллерия была, но мы прятались в гроте. Недалеко от

нашего дома есть грот. После я этот грот не видел, то есть в сознательном возрасте я его не видел.

С.В. Вы воспринимали это как игру? Чем это для вас было?

Д.Г. Может, как игру воспринимал, но когда начиналась бомбардировка, я отчетливо помню, что мне было страшно. Понимал ли я, что меня убьет, не понимал, но мама говорила, что на лице было написано, что мне было очень страшно.

С.В. Несмотря на столь ранний возраст, есть ли эпизод, который запомнился и часто вспоминаете?

Д.Г.: Я вот случай вспоминаю часто...

С.В.: Какой случай?

Д.Г.: Я уже рассказывал про чайную плантацию...

С.В.: Как вы бежали?

Д.Г. Да, началась бомбардировка, бабушка бежит за нами, чтобы нас вернуть, а мы бежим ей навстречу, мне страшно, маме страшно. А мама была со мной, со средним и старшим братьями, между нами год, то есть погодки мы. Потом, помню, как мы находились в Ткуарчале. Там жила моя прабабушка. Помню, как бомбили Ткуарчал. И помню, как мне опять же было страшно. Часто вспоминаю, как шли в Ткуарчал из Маркулы.

С.В. Пешком?

Д.Г. Да, когда не было транспорта, конечно же, шли пешком. Была зима, это был декабрь уже. Выпал снег, и вот мы шли... Я сидел на плечах у отца.

Я хорошо помню еще один эпизод. Как мы какое-то время прятались в гроте, а потом, я помню, что мы прятались в бомбоубежище, под домом наших соседей. Наши соседи – это наши родственники, то есть это двоюродный брат моего отца, то есть это отчий дом для моего отца. А до того, как появилось бомбоубежище, мы бежали в сторону грота. Помню, у нас был такой забор (сетка), а там дыра была. И вот в один из дней, когда началась бомбардировка, я и мои братья прошли через эту дыру, и один из тех, кто нас сопровождал, не буду говорить имя, взрослый человек, ему за 60 было, и он тоже через эту дыру прошел. Хотя в обычной жизни он этого не сделал бы. Говорят же: «У страха глаза велики». Он, наверное, даже не почувствовал, что там такая дыра маленькая была, он проскользнул.

С.В. Ещё что-то помните?

Д.Г. Нет...

С.В. А после войны?

Д.Г. А после войны, я помню, что не хватало сладкого... Помню, как мы стояли в очереди за гуманитарной помощью. Красный крест¹ привозил гуманитарную помощь в центр села. Никогда не забуду вкус печенья и сухого молока.

С.В. Вы вспоминаете сегодня об этом?

Д.Г. Конечно вспоминаю. Еще и вещи привозили, в таких вот коробках.

С.В. Часто ли вы вспоминаете о войне?

Д.Г. Раньше чаще вспоминал о войне. А сейчас реже...

С.В. Какие-нибудь страхи остались после войны?

Д.Г. Я думаю, что да. Я думаю, что это повлияло на мою психику тоже. Мама говорила, что в психическом отношении я был очень неустойчивым. Это было на самом деле. Я не мог сдерживаться в каких-то случаях, ситуациях. Может быть, это было связано с войной. У нас же никакой реабилитации не велось. Хотя о какой реабилитации детей идет речь, если те, кто участвовал в войне, её не получили. А потом я же часто ездил к Зарандиа, к дедушке и бабушке, а там находился мой дядя. После 1989 года он не мог никак защищать свою родину, к сожалению, и он рассказывал мне много о войне. Я был очень любознательным в этом отношении. Я многое хотел знать о войне. Кто как себя проявил... И, наверное, знаете, из-за войны я относился к грузинам пренебрежительно. Националистически я был настроен какое-то время, я это помню.

С.В.: Даже в таком возрасте?

Д.Г.: После семи-восьми лет я уже стал понимать, размышлять. Со временем, как-то по-другому стал относиться к этому. Понял, что ни человека, ни нацию или народ нельзя обвинять в этом. Надо все-таки знать, что там предыстория другая была, и я неправильно говорил и поступал тогда, наверное, когда думал, что вся нация виновата. Помню, часто Сергей Васильевич Ба-

¹ Здесь и далее, респонденты, упоминая «Красный Крест» (Международный Комитет Красного Креста), на самом деле имеют ввиду международную организацию «Первичная помощь» (PU).

гапш в своих выступлениях говорил: «Не бывает плохих наций, бывают плохие люди». Вот так вот. Но это все-таки отпечаток войны, я думаю.

С.В.: Скажите, пожалуйста, вы когда-нибудь задумывались о том, что война как-то оказала влияние на выбор вашей профессии? Насколько я знаю, вы историк?

Д.Г.: Да. Я всегда интересовался историей. Историей страны, народов. Я даже, знаете, не задумывался об этом, война повлияла на это, или нет. Не могу сказать. Я просто сам по себе вообще любил читать, литературу художественную и интересовался историей.

С.В.: Что для вас война значила?

Д.Г.: Война? Значила тогда?

С.В.: Значила тогда и сегодня. Тогда, когда уже война закончилась, как я понимаю, вы не задумывались об этом. Но потом уже, к годам семи, к восьми...

Д.Г.: Я очень много общался со своим дядей. И он мне объяснял, что это национально-освободительная война. Я сам уже стал понимать, что грузины хотели нашу землю удержать, скажем так, а мы стремились к суверенитету своему. Все-таки я понимал, что это война справедливая. В нашем понимании, война справедливая, мы защищали свое отечество от оккупантов, это я понимал. Потому что все-таки я абхаз, и говорю на родном языке, а они нам мешали говорить на родном языке, ущемляли наши права, но я это стал понимать постепенно. Я все-таки, думаю, что повлияло это общение с дядей, а потом уже и книги.

С.В.: Вы со своими братьями говорили когда-нибудь об этом?

Д.Г.: Редко...

С.В.: Как вы думаете, чего вас лишила война?

Д.Г.: Детства, я думаю. Вот это да, точно. Она такой серьезный отпечаток наложила на меня и на мое детство.

С.В.: Какие трудности после войны были?

Д.Г.: Сладкого не хватало. Мы жили в деревне долгое время, помню, в школу ходили пешком несколько километров. Отец говорил, что он ходил дальше и больше. Он учился в селе Мыку. Он очень большое расстояние преодолевал, чтобы пойти в шко-

лу. Тяга к знаниям вела, наверное. У нас школа тоже неблизко была, если честно, а транспорта не было. Потом, конечно, когда отец начал работать, уже ситуация изменилась.

С.В.: Какая атмосфера в доме царила после войны?

Д.Г.: У нас большая семья: нас трое детей, отец, мать, бабушка, дедушка и сестры моего отца, их шестеро. У нас в Маркуле есть же чайные плантации. Помню, как они ходили чай собирать и приходили с большими мешками чая.

С.В.: Если бы у вас сегодня была возможность обратиться к тем, кто развязал эту войну, что бы Вы хотели сказать?

Д.Г.: Вы знаете, они думают, думали тогда и сейчас думают, некоторые из них до сих пор в живых, другими категориями, они же все таки политики. Они не задумывались о том, что будет ... Они думали, что придут сюда и быстро усмирят нас, и на этом война закончится. Они просчитались. Они развязали кровавую войну, в которой погибло очень много людей, в том числе и мирного населения. Погибло много людей и с одной, и с другой стороны. Они должны раскаяться, я думаю. А так, конечно, я думаю, что это чему-то их научило. Хотя после этого другие события были. В 1998 году, в 2001 году, я это хорошо помню.

С.В.: А уже в 1998 году вы осознавали, что это война?

Д.Г.: Наверное, все-таки да...

С.В.: В 2001 году?

Д.Г.: В 2001 году я точно воспринимал.

С.В.: А сколько вам уже было?

Д.Г.: Мне было 10 лет .

С.В.: В 10 лет вы понимали, что это война?

Д.Г.: Я понимал, что это война. А потом еще помню сирену.

С.В.: Какие ощущения были?

Д.Г.: Что это опять повторяется, что опять началась война. Но это же было, как бы, далеко от нас.

С.В.: Страхи остались какие-нибудь после войны?

Д.Г.: Сложно сказать... А что Вы имеете в виду?

С.В.: Гул, например, вертолета пролетающего...

Д.Г.: Нет, я привык. Гул вертолета не особо, если самолет, тогда да... Потому что нас все-таки бомбила грузинская авиация. Я имею в виду не вертолеты, я имею в виду бомбардировщи-

ки Су-24. Еще когда я ходил в школу после войны, то проходил через чайную плантацию, и у чайной плантации лежало то, что осталось от грузинского бомбардировщика, который сбили над Маркулой, СУ-24. Долгое время мы проходили мимо этого самолета, или того, что осталось от него, и всегда вспоминали о войне.

С.В.: Скажите пожалуйста, что бы вы хотели пожелать детям, молодежи, подрастающему поколению?

Д.Г.: Может, это будет звучать банально, но хотелось бы чистого неба над головой. Чтобы у них счастливое детство было.

С.В.: Что для вас счастливое детство?

Д.Г.: Счастливое детство быть в кругу семьи... Не испытывать определенные проблемы с едой, и иметь то, что должен иметь ребенок.

С.В.: Вы можете назвать себя ребенком войны?

Д.Г.: Да.

С.В.: Спасибо.

Д.Г.: Пожалуйста.

23.11.2017 г.

Геннадий Цулая,

младший научный сотрудник Абхазского
института гуманитарных исследований
имени Д.И. Гулиа АНА, сотрудник
Музея Боевой Славы им. В. Ардзинба

С.В.: Здравствуйте, представьтесь пожалуйста и расскажите о себе.

Г.Ц.: Добрый день, меня зовут Цулая Геннадий. Я младший научный сотрудник АБИГИ. В три года ты не думаешь о том, что это война. Сегодня мы по-другому все это воспринимаем, и когда вспоминаем об этом, у нас уже другой взгляд на все. Во время войны мы думали о том, как не оказаться под пулями. Когда заезжали танки на площади, чтобы не попасть под гусеницу. Помню, что 14 августа стояла солнечная погода.

С.В.: Сколько вам было лет?

Г.Ц.: Как я уже сказал, мне было три года, я 1989 года рождения. Когда я рассказываю свои воспоминания, иногда люди спрашивают, а как ты это запомнил? Когда было махаджирство в 1877–1878 годах, Дмитрию Иосифовичу Гулиа было три года, и он это хорошо запомнил, даже об этом написано в литературе. Была война. К примеру, если тебе принесут какой-то подарок в детстве, ты это можешь забыть, но когда падают снаряды и когда автомат строчит, когда люди кричат от страха, может, от страха я это все запомнил. Даже не знаю, как все это объяснить.

Когда началась война, мы жили в городе Очамчыре. Вообще, мы родом из Кутола. 13 августа 1992 года дядя с отцом поехали в Краснодар. А уже через день вернулись домой. Мы с мамой, и с двумя старшими братьями находились в городе Очамчыре. Мы жили в шестом районе, где сегодня военкомат находится. Жили мы на втором этаже. Помню, как пошли танки. Все вышли на трассу.

С.В.: Как вы услышали о войне?

Г.Ц.: Когда я услышал выстрел, испытал какое-то волнение. Мой средний брат находился в Кутоле. Бои шли в Очамчырском районе, в селах Тамш, Кутол, Лабра. Везде шла стрельба по трассе. Люди уже знали, что началась война, и начали всех детей вывозить в горные села, брата повезли в село Отап.

Мать пошла пешком. Сначала она доехала до Кутола, потом пешком пошла через Отап и забрала его. Она привезла брата в Очамчыру. Помню крики, выстрелы именно у нас на районе. Когда мама пошла за средним братом в Отап, мы со старшим остались у соседа грека.

С.В.: Когда к вам пришло полное сознание того, что это война?

Г.Ц.: Где-то в конце августа, в сентябре. Пока в городе было тихо, потому что там бои не шли. Там на площади дислоцировалась их техника. Впереди нашего дома – большой склад, там все вооружение было у них. До сих пор у меня дома лежат аптечка и вещмешок, который мы оттуда вытащили с братом, когда они оттуда ушли. Мы там игрались, когда были детьми. Сложно стало в конце сентября и начале октября, когда Гагру взяли. Вот тогда началась паника.

Чистки начались. Тогда мы почувствовали действительно, что война началась. Потом начались проблемы. Они начали разделять людей на русских, абхазцев и т.д. Деньги тогда обесценились, какие-то купоны были.

С.В.: Это в Очамчыре происходило?

Г.Ц.: Да, в городе Очамчыре. Когда они, допустим, хлеб привозили, они говорили, пускай вас Ельцин кормит. А у нас была соседка К.Н., если, вы с ней поговорите, она вам очень многое расскажет. Она тоже с нами находилась в оккупации. Ее муж был грузином, она с ним развелась из-за этого. Сын ее воевал на нашей стороне. Она говорила, что абхазка. Она пользовалась тем, что ее не трогали, потому что знали ее мужа, но она всегда говорила: «Вы рано или поздно уйдете отсюда». Прямо вот так. Они на танке стояли, хлеб раздавали, и она за хлебом приходила. И она нам хлеб брала всегда. Иногда хлеб был черный, иногда серый. Сколько дней лежал, я не знаю. Полбуханки, может,

давали. Не всегда был хлеб. Потом свет отключили. Уже ближе к зиме. Было холодно.

С.В.: Вы все это время находились в Очамчыре?

Г.Ц.: Нас пять-шесть раз на обмен вывозили, и не смогли вывезти. Только в шестой раз, 28 апреля, нас вывезли, поменяли.

С.В.: Вы это все помните?

Г.Ц.: Конечно, нас в Араду возили... У нас там были родственники. (в г.Очамчира) У меня фамилия Цулая, но мы абхазцы. Там были Цулаевцы, которые себя считали грузинами. Были там хорошие люди. Разные люди попадались. Были абхазцы, сейчас не хочу называть их фамилии, в нашем доме, которые с цветами встречали танки, мародёров приводили. Такие тоже случаи были, я хорошо помню. Их, правда, сейчас в живых нет никого.

С.В.: Каким вы помните весь этот период?

Г.Ц.: Помню, как мама брала посуду на рынок и меняла иногда на еду. Я помню, как один раз дали кости говядины. Сегодня мне не стыдно об этом говорить. Такая жизнь была. Помню, как кусочек сахара получали в синих обертках. Наверное, в две недели раз, может, это было. Его дробили по чуть-чуть. Света не было, лампа была. Кстати, где мы жили на втором этаже в Очамчыре, мама заклеила окна крестиком, чтобы когда снаряд взрывается стекла не выбивало. Одно окно сохранилось до сих пор с этим крестиком.

С.В.: Это специально сделала?

Г.Ц.: Да, это даже в 1941–1945 гг. делали. Кстати, у нас был сосед – ветеран той войны, и он нам сказал: так нужно делать.

С.В.: То есть, он вам давал советы?

Г.Ц.: Да, нам помогал.

С.В.: Что вы ещё запомнили?

Г.Ц.: Я помню, когда в Новый год выпал большой снег. Помню, как брат дрова пилил, а я носил. Доски, дверные рамки – все это сжигали. Буржуйки стояли у нас. Света не было, очень холодно было. Помню, как подожгли корабль «Кях Хаджарат». Мы до утра на балконе с братом сидели и видели, как этот корабль до утра горел. Фотография тоже есть в интернете. И тогда этот ветеран сказал, что сегодня они напились, и нужно было бы на них напасть.

С.В.: Вы справляли Новый год?

Г.Ц.: Да, мы елку поставили. Точно помню, что света не было. У нас были гирлянды, до сих пор они у меня дома сохранились, советские такие, пластмассовые. Это я до сих пор помню. Запах свежей елки, снег.

С.В.: Этот Новый год больше всего запомнился?

Г.Ц.: Соседи, знаете, как приходили? Скрытно соседи-мингрельцы, которые хорошо относились к нам, приносили что-то. У них был хлеб, они мешками его брали. Они знали, что мы голодаем, и приносили нам хлеб. Я помню, как кто-то стуженку принес один раз.

С.В.: Ну как, запомнили вкус ?

Г.Ц.: Конечно, как я забуду?! Что я запомнил, это окончание войны. Помню, как отец привез маргарин, масла не было. Хлеб горячий и маргарин. Вкус горячего хлеба никогда не забуду.

С.В.: В Очамчyre вы находились до апреля? Какой для вас был самый страшный эпизод?

Г.Ц.: Очень запомнил одну ночь, но не помню число, когда к нам пришли. Это было самое страшное. Когда Кочару освободили наши, они озлобленные ходили, начались чистки. Начали интересоваться, где абхазцы живут, может, чей-то родственник, может кого-то обменять или продать. То есть были готовы на все.

Однажды ночью к нам пришли два солдата, два гвардейца, а может быть, не гвардейцы, мы слышали, что они кочарцы, это точно. «Малыш» одного звали, 19 лет ему было.

И вот он зашел, а у меня брат старший (он инвалидом родился) испугался, ему стало плохо, у него сильные боли появились. Тогда ему было 13 лет, но после войны он скончался. Он долго не жил после этого.

Когда они зашли, он начал плакать. Я помню, как и я заплакал. Кто-то из них мне жвачку подарил «Турбо», помните, такая вот розовая. Они в масках были, и я испугался. Но потом они ушли. Хотели у нас что-нибудь забрать, а что у нас было? Телевизор «Березка» и мебель.

С.В.: То есть, какая-то гуманность была, думаете?

Г.Ц.: У этих нет, они, знаете, не были солдатами, они были мародёрами. Думали о том, что где украсть. Они просто зашли и увидели, что у нас нечего брать.

С.В.: А были соседи-грузины, которые вас поддержали, или, наоборот, доносили на вас?

Г.Ц.: Да, были. Я же говорю, была семья К... Они нас спасли. Помню, как один раз к нам в квартиру пришли семь гвардейцев колоться. И что интересно, свет был в тот день, телевизор смотрели, и там что-то про Ардзинба говорили, я это хорошо запомнил, и они смеялись. Даже слух был, что Ардзинба убит, какие-то слухи ходили. Мой брат больше помнит. Когда они сделали свои дела, они начали стрелять в доме, а потом и вовсе хотели выгнать нас из квартиры, квартиру забрать.

С.В.: И все это время вы находились там?

Г.Ц.: Двоюродный брат К... был грузинским гвардейцем. Он оказался порядочным человеком, он был настоящий солдат, не кололся. И он всех этих семерых выгнал, его, правда, потом убили.

С.В.: Свои же убили?

Г.Ц.: Во время войны его наши убили. В бою он погиб. В нашей квартире, потому что, когда мы ушли в апреле, видно, он там находился, может быть, потому что его вещи в нашей квартире остались. Там мы нашли целый ящик боеприпасов. Помню, как по соседству с нами была русская женщина. Однажды она умерла, и ее нашли на седьмой день по запаху. Русских пенсионеров было очень жалко.

С.В.: Им никто не помогал?

Г.Ц.: Пенсию они не получали, ничего они не получали, они голодали. От голода человек умер, от холода и голода. Прямо на площади у нас был кран. За водой мы тоже не ходили, потому что мы, когда спускались, всегда гвардейцы сидели в подъезде. Техника их стояла в гараже. Как-то шла старушка со своей 13-летней внучкой. А та была рослая, и они захотели ее изнашивать. Бабушка на колени встала, говорит, не трогайте ее. Потом начали стрелять вокруг, и в ведро попали, а от него рикошетом пуля попала в старушку, она умерла. А ее внучка побежала, брат средний мне рассказывал, и прыгнула с какого-то этажа.

С.В.: Это все у вас на глазах происходило?

Г.Ц.: Я, знаете, все это плохо помню. Но я помню крики эти. Средний брат хорошо все помнит.

С.В.: Бывало такое, что после войны крики постоянно сопровождали вас?

Г.Ц.: Я даже иногда один и тот же сон вижу.

С.В.: И сейчас снится?

Г.Ц.: Да, знаете, как мы во дворе бежим, мать кричит и зовет нас, а с вертолѐта спускаются люди как десантники. Вот эту вертушку хорошо помню. Самолет приближается. И один и тот же сон почему-то вижу.

С.В.: А вот этот звук вертолѐта...

Г.Ц.: Знаете, как? Как канонада. Знаете, у меня почему такие воспоминания, когда нас в Кутол привезли после обмена, нас очень сильно обстреляли из Лабры. «Алазани», есть такое оружие, когда стреляет, взрывается, такой, знаете, глухой звук, перепонки могут лопнуть, и что этого звука ты как контуженный становишься. Они нас прямо под домом, где мы находились, бомбили.

С.В.: Что для вас самое страшное было?

Г.Ц.: Все страшно было. Например, на обмен, когда нас везли. Мы не знали, куда повезут. Помню, как приплыл русский корабль и вывозили русское население. Маме предложили, но она не согласилась.

С.В.: Почему?

Г.Ц.: Я не знаю почему.

С.В.: Вы не спрашивали у нее?

Г.Ц.: Спрашивал, но она говорит: не знаю. Не знали, чем это закончится. Повезут нас, либо потопят.

С.В.: Страхи были?

Г.Ц.: Этот корабль должен был через Севастополь пойти.

С.В.: Как я понимаю, было много страшных моментов в Очамчыре. Но все же вы оставались ребенком, как вы проводили время, во что играли?

Г.Ц.: Мы в войнушки играли. Я помню, мы делали автоматы. С нами находились дальние родственники Леван и Равиль. Они грузины.

С.В.: То есть вы играли с грузинскими детьми?

Г.Ц.: Мы откуда знали, что они грузины.

С.В.: Во время войны?

Г.Ц.: Да, там жили. Во время войны не было такого понятия среди детей, у некоторых. Может, нас спасло и то, что было много наших однофамильцев-мегрелов. Мы из Кутола, дед мой, отец записаны абхазцами. Помню ситуацию, как родители нам помогали. Они возили нас на обмен. Хотели вывезти нас. Возили нас в Араду, через рацию выходили, но не было момента, постоянно что-то срывалось, или стрелять начинали. И вот последний раз, когда нас повезли, 28 апреля, как сейчас помню, мы были на зеленом «УАЗике», и привезли нас уже не в Араду, а в Лашкиндар.

Помню железную дорогу и как там гвардейцы стояли. У нас были две детские коляски. Как я уже говорил, брат старший инвалидом был, и там лекарства лежали.

Ситуация становилась все опаснее и опаснее. Отец не знал, где мы. Он уже думал, что нас нет в живых. Не было связи. Вышли на нас. Говорят нам, вот у вас 30 минут, перемирие, а надо было пройти 700 метров. Две коляски, у одной постоянно колесо отлетало, пять метров не пройдешь колесо слетало. Мать одну коляску держала. И отца ружье она взяла. В коляске, где лежали брата лекарства, ружье. Было опасно, так как мы проходили линию фронта.

С.В.: Вас остановили?

Г.Ц.: Никто не проверил. Еще помогло, что командир батальона куачарского – Резо Бериулава, работал с отцом до войны на хлебозаводе, он отца хорошо знал. «Фамилия твоя как?» – спрашивает он. «Цулая», – отвечаю. «Отца как зовут?». – «Славик». «Отец где?» – спрашивает. Мама ответила, что в Москве. «Когда туда приедете, передайте привет большой от Резо Бериулава», – сказал он. Пока мы ждали, он одного грузинского гвардейца отправил, чтоб принести нам хачапури и курицу. Я не знаю, как это, но он нам это дал в дорогу. И вот мы прошли 700 метров.

И тут начал стрелять какой-то пьяный, и откуда ни возьмись пошла стрельба. Пули свистели. А мы шли вниз по железной дороге. И этот экскаватор я помню, там бутылка водки стояла и рюмка. ... Мы видели, как нам махали белым флагом. Оказалось, что нас встречал «Малыш» Ашба. До сих пор жив. Ему было 14 лет...

С.В.: Он тоже воевал?

Г.Ц.: Да. Он нас встретил. Помню, как патрон мне подарил. В АКС, я помню, мы постреляли. Нас привезли на позицию в Лашкиндар.

С.В.: Помните свои ощущения?

Г.Ц.: Знаете, как будто что-то кончилось. Новый период начался в моей жизни. Уже мне 4-й год шел.

С.В.: Вы почувствовали, что за эти 8 месяцев выросли?

Г.Ц.: Да, я даже уже знал, что война идет... Новости я уже смотрел с интересом.

С.В.: То есть вы уже чувствовали разницу между добром и злом?

Г.Ц. Там, в Очамчыре, это чувствовалось очень скрыто,. Потому что открыто тебе никто не помогал, сами они боялись. Увидят и скажут, а ты куда несешь хлеб? Мы сами тут голодаем. Знаете, люди боялись, и все делали скрыто, тихо, шепотом. Вот так все было. Что добрые поступки были, тоже чувствовалось. Безусловно.

С.В.: Вы говорите, что в вашей жизни начался новый этап?

Г.Ц.: Когда мы находились там, мы слышали грузинскую речь. Абхазский вообще мы не слышали. И когда нас привез Мамыш на позицию, где были абхазцы, я стал чувствовать себя по-другому. Все они были добры, так как знали отца.

С.В.: Помните свою первую встречу?

Г.Ц.: Отец приехал на тракторе Т-25. С ним был Замби Тапагуа и еще были ребята из Гваденской группы. Когда сказали, что приехал отец, помню, как я побежал.

С.В.: Какой для вас самый счастливый момент?

Г.Ц.: Когда отца увидел. И еще, когда нам бабушка испекла амгьал кукурузный. Этот запах не забуду никогда. Знаете, конец апреля, такой теплый запах, все цветет, лягушки квакали тогда. Природа в это время необыкновенная. Тем более в деревне.

С.В.: Исходя из того, что вы сейчас говорите, война для каждого имеет свой вкус. Какой она вам запомнилась?

Г.Ц.: Знаете, у меня после этих событий, к сожалению, брат скончался и мать. Я считаю, что все это из-за войны произошло. Брата с его болезнью надо было вывозить на лечение каждый

год. А во время войны это не получалось делать, а еще, когда гвардейцы пришли к нам, страх также сказался на нем. Мама постоянно за ним смотрела, всю свою жизнь за него отдала, мне об этом неприятно говорить.

Но это война. Там, где война – кто-то погибает, кто-то выдерживает и живет дальше. И, наверное, не сложилась судьба наша. Наверное, были и люди, кому пришлось похуже... Я же знаю, приходили домой, расстреливали, сжигали, убивали, насильовали. У них посложнее судьба.

С.В.: Вот вы говорили о том, что вы запомнили вкус амгяла?

Г.Ц.: Конечно. Еще и хлеба. Когда война закончилась, амгяла не было, начали выпекать хлеб и раздавать людям. Никто за это деньги не брал. Люди были такие добрые, что могли отдать все. Все радовались...

С.В.: Где вы услышали о том, что вы освобождены?

Г.Ц.: Помню, как нас сильно обстреляли в Кутоле из Лабры. Стало опасно. В день они 30 тысяч снарядов выпустили по Кутолу, Джгярде. И отец нас вывез в Гуаду. В Июльском наступлении¹ у нас семеро соседей погибло. Дядя мой пришел – отца брат, у него перепонки лопнули, кровь шла.

В июне постоянно бомбежки были. Мы привыкли. Мы настолько привыкли, что мы могли по двору бегать, когда самолеты летали. И рассматривать...

С.В.: Когда сегодня вы слышите звук вертолета, что вы ощущаете ?

Г.Ц.: Сразу вспоминаю о войне. Никуда она от меня не уйдет. ... Знаете, у меня иногда сильные головные боли, все внутри сжимается. Ощущение, что рядом никого нет, и мне плохо становится...

С.В.: И это все последствия войны?

---

¹ Июльское наступление началось в ночь с 1 на 2 июля, с высадкой морского десанта в районе с. Тамыш. Десант, соединившись с подразделениями Восточного фронта, перекрыл трассу, ведущую в Сухум, не давая грузинской стороне в течение 7 дней перебросить подкрепление в оккупированный Сухум. В ходе боев десант и подразделения Восточного фронта потеряли 58 человек убитыми и около 200 ранеными.

Г.Ц.: Я не знаю. Наверное.

С.В.: Где вы слышали об окончании войны?

Г.Ц.: За нами приехали в село. Я даже помню, как нас вывозили. Была такая черная лошадь – Кукла её звали. Нас повезли в Гуаду. Там жила сестра бабушки. В этой семье было 40 человек беженцев. Они нас хорошо встретили, накормили. Я помню, когда еще Ардзинба был Президентом, как раз к 10-летию Победы, мама специально сделала объявление по телевизору, поблагодарила семью, которая нас приняла тогда. Они тоже всегда вспоминают об этом.

С.В.: Что вы никогда не сможете забыть?

Г.Ц.: Не знаю, многое... Как это можно забыть!

С.В.: Что бы вы хотели пожелать молодому поколению?

Г.Ц.: Я сам себя считаю молодым, пока мне 28 лет.

С.В.: Но наше поколение, поколение детей войны, отличается от нынешнего поколения?

Г.Ц.: Да, безусловно. Хорошо, что они не видели войну. Потому что если все войну увидят, наверное, большое общество будет. Но с другой стороны, они должны учиться на этом, по тем же рассказам, книгам, по тем материалам, которые сегодня есть, даже по рассказам своих родителей. Они не должны забывать то, что наш народ многое перенес. Наверное, из этого надо делать выводы, как дальше поступать, как строить государство.

С.В.: Чему вас научила война?

Г.Ц.: Тому, что ты должен всегда ожидать на самое худшее. Когда я служил в армии, ребята иногда могли выбросить хлеб. Я не разрешал. Потому что в то военное время, такого хлеба не было. Был плесневелый хлеб...

С.В.: То есть вы считаете, что те, которые пережили эту войну, по-другому относятся ко многим вещам?

Г.Ц.: Да, я замечаю... Сегодня какие-то другие ценности, может, я ошибаюсь. Я вижу, что у людей какие-то другие ценности, нежели наши абхазские, традиционные. Мы должны сохранить свое лицо. Многих я помню, были люди добрые очень, но потом они все изменились.

С.В.: Почему? С чем все это связано?

Г.Ц.: Наверное, это тоже, знаете, трагедия нашего народа. Может, и блокада повлияла. Наверное, они сломались, если простым языком говорить. Стали другими. А многие и не сломались.

У нас в деревне живут ветераны, которые воевали, которым было тогда по 20 лет, сегодня их послушаешь, действительно, начинаешь понимать, что война не закончилась... Надо этим людям помогать. Государство должно этим заниматься. Они на произвол судьбы брошены. Будто город и село – разные вещи. Будто мы в разных государствах живем. Понимаете, можно просто поехать и увидеть, чем люди занимаются, как они выживают. Все же заметно. Вот наша беда. А потом мы говорим о каких-то фантастических вещах...

С.В.: Спасибо.

12.09.2017 г.

Альбина Анкваб,

филолог, преподаватель филологического
факультета Абхазского государственного
университета

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

А.А.: Меня зовут Анкваб Альбина Эдуардовна. Родилась 6 марта 1989 года. Когда война началась в 1992 году, мне шел четвертый год. Мало что я помню. Я запомнила, как по телевизору выступал ведущий, и объявил, что началась война. Я помню, как вокруг телевизора все собрались. Все были напуганы и этот кадр по телевизору по сей день вспоминаю. Когда я раньше слышала шум вертолёта, мне было страшно. Когда я сама села в вертолет, поднялась в воздух, и почувствовала, что это такое, как может чувствовать себя человек, находясь на высоте птичьего полета, я страх потеряла, я перестала бояться. До этого момента я всегда боялась, когда слышала звук вертолёта.

С.В.: Когда страх прошел?

А.А.: Страх прошел, когда я была на 3–4 курсе. Это был 2009–2010 год. Когда я слышала этот шум, я думала, что началась война. Я сразу вспоминала о войне. В детстве, когда мы играли во дворе, мы же не все время дома сидели, вертолеты начинали летать, мы тут же бежали домой. Этот страх во мне всегда был. Я помню один день, это было, наверное, в январе. Почему я запомнила, в это время пекан собирают (село Джирхуа). Помню, мы пошли собирать эти орехи, и тут вертолеты стали кружить. Я помню, все дети (а нас было шестеро) бежали. Мы думали, что если мы в дом зайдём, ничего не случится. Помню этот страх. Хотя я маленькая была, я боялась, что что-то случится с моей сестрой. Я бежала впереди, она немного отставала, я останавливалась, чтобы она меня догнала. Сейчас это смешно, но в тот момент, я очень сильно испугалась. Я осознавала, что это плохо,

что это война, я тоже осознавала. Я осознавала, что это смерть. Мы в деревне постоянно ждали крик и плач женщин. Когда мы слышали крик женщин, мы понимали, что что-то не то, что кто-то умер, кто-то погиб, что это уже смерть. Я понимала, что этот крик имеет последствия. Я каждое утро, когда просыпалась, просила, лишь бы я не услышала этот крик. Даже после войны, до 13 лет, я боялась выходить из дому, когда кто-то у нас по соседству умирал. Потому что этот крик всегда был со мной, никуда не уходил. Когда женщины плакали, я всегда вспоминала эту войну. Я думала, что человек, который умер, встанет и пойдет за мной. Мне было страшно, даже если я крик слышала очень далеко, я боялась пойти...

С.В.: Эти страхи остались у вас?

А.А.: Нет. Эти страхи исчезли, когда я была где-то в 11 классе. Помню, как у нас по соседству умер парень, он погиб в горах. Мне пришлось пойти на эти похороны. В тот день я видела мертвого человека, молодого, крепкого. Ещё вчера этот человек приходил домой, красивый, умный, передать не могу, каким он был теплым человеком. В тот момент я начала понимать, что люди умирают, что они больше не возвращаются обратно. Я начала понимать, что мертвых не стоит бояться. Я начала понимать, что в жизни живые люди гораздо опаснее, чем мертвые. И постепенно этот страх ушел. С тех пор я не боюсь и могу спокойно пойти на похороны. Я понимаю, что это просто похороны, вот и все.

Если говорить о войне, что я запомнила? Я была маленькая, мне шел четвертый год. Это был июль 1993 года. Погиб наш родственник, звали его Славик Чкотуа. Мне сложно это описать, потому что он был для нас близким человеком. Я помню маму, отца. Я точно не помню, была ли это годовщина, или сорок дней, потому что памятник был готов. Маме пришлось брать меня с собой, потому что дома никого не оставалось, и никто не мог за мной присмотреть. В тот день там я увидела тропинку, но тропинку я увидела после того, как услышала голос матери (Славика Чкотуа. – **Авт.**), которая плакала. Я пошла по этой тропинке. Я, как сегодня помню эту тропинку, ведущую к могиле. Там за оградой была женщина. Для меня это был как маленький до-

мик, и в этом домике сидит женщина и плачет. По другому я не воспринимала это. Но от того, что она плакала, мне было больно. Я не знала, чем ей помочь, я просто зашла в этот домик, где была могила, и я села напротив. Она оплакивала своего сына. Она была вся в черном, просто на нее смотреть невозможно было. Глаза ее были красными, это я хорошо запомнила. По глазам этой женщины можно было увидеть только ее боль. Она сидела и плакала, а потом я посмотрела на могилу, она была засыпана цветными камушками. Они были круглые и немножко длинные. Не знаю как описать. Помню, когда лучи солнца туда попадали, они блестели, как жемчуг, как бриллиант блестели. Мне они понравились, я просто взяла, и начала играть с ними. А потом она начала гладить землю, я тоже начала так делать. Я не знаю, наверное, чтобы успокоить ее. Но мне было больно, от того что она плачет. Она говорит мне: «Посмотри на камушки, есть дырочка или нет?». Я взяла, посмотрела и сказала, что там нет дырки. Она говорит, если бы тут была дырка, я бы тебе цепочку сделала из этих камушек. Тогда я не восприняла это всерьез. Я даже обрадовалась, что у меня была бы цепочка. Сегодня я на многое смотрю по-другому. Я понимаю, в каком она была состоянии, только мать может быть в таком состоянии, мать, которая потеряла сына. Она уже не отличала, что хорошо, а что плохо. И эта картина. Может быть, когда-нибудь, я смогу об этом написать, но сегодня я не готова к этому. Об этом нужно писать, говорить, и передавать из поколения в поколение. Об этом нужно говорить нашим ровесникам, младшим, детям, чтобы они понимали, что война это плохо, что из-за войны страдают невинные люди, дети, что когда мать теряет своего ребенка, она теряет часть себя. И я могу сказать, что потихонечку я начала понимать и осознавать это. Может, даже я начала это рано понимать.

С.В.: Почему, как вы думаете, вы часто вспоминаете этот эпизод?

А.А. Мне сегодня сложно сказать почему, но тогда, может, я и почувствовала, что я чувствую сейчас, но неосознанно. Мне реально было 3-4 года, и когда я говорю об этом близким, они удивляются, как я могу это помнить. Но я об этом помню какими-то живыми картинками. Я даже помню, какой памя-

ник был, портрет этого человека. Настолько мне это запомнилось. Особенно мать, которая сидела на могиле, и плакала. Даже сегодня, когда я вижу фотографии матерей погибших, именно 1992, 1993, 1994 годов, я вижу образ этой женщины.

С.В.: Какие эпизоды вы еще вспоминаете, можете ли вы сказать, что это был самый страшный эпизод из вашего детства?

А.А.: Понимаешь, Саида, я не могу сказать, что это самое страшное, так как для меня это было игрой. Я не была там, где шла война, я не была там, где моим ровесникам приходилось сидеть дома, а рядом снаряды падали. Послевоенные годы больше помню.

Я считаю, что не нужно забывать войну. Я это понимаю, потому что с нами живет дядя, папин брат. Он 27 сентября 1993 года получил ранение в Шроме. У него было сломано правое плечо, контузия. Я вижу, как этот человек каждый день умирает. Люди, которые умерли во время войны, погибли, мы понимаем что их уже нет, а когда ты видишь человека каждый день, который страдает от боли, от воспоминаний, который все держит в себе, и тебе не говорит, молчит, или же запивает свое горе алкоголем, это и есть травма, это последствия войны. Это я вижу с самого детства. И когда говорят, война забыта или говорят, что мы уже должны забывать об этом, мне становится больно.

С.В.: Зачем помнить, для чего, ради чего?

А.А.: Чтобы мы всегда помнили, что это плохо, чтобы этого никогда не повторилось, чтобы мы понимали ради чего живем, чтобы не забывали тех ребят. Они хотели умирать? Нет, не хотели, они хотели жить, и я хочу их помнить. Что это победа просто так нам не досталась, не важно, по какой причине уже это началось. Может, это важно, но важно то, что мы их потеряли. Мы потеряли самых лучших, мы потеряли этих ребят не для того, чтобы нам сегодня было плохо, а для того, чтобы нам сегодня было хорошо, чтобы мы не забыли нашу культуру, язык, чтобы нас было много, чтобы мы построили нормальное государство, чтобы мы не потеряли свой очаг. Я это вижу, когда мой дядя молчит, и не говорит о войне. Сколько я себя помню, он ничего не говорит. Для него это необъяснимая боль. Помню, после войны был Дима Анк-

ваб. К сожалению, он один из тех, кто пострадал из-за этой войны, и психологически и морально. Если кто-то говорил об участниках войны плохо, его это задевало, он готов даже был убить. Так случилось, что из-за этого он пошел на преступление, то есть он убил человека. Он скрывался от милиции, прятался в лесу, и долгое время его не могли поймать. В один прекрасный день, я считаю, с одной стороны, прекрасный, потому что я увидела этого человека вживую. А с другой стороны, это очень печальный день, потому что я узнала об этом человеке и поняла, что таких людей много. Такие прекрасные люди пострадали. Мы сидим дома (ставили свечку), в доме было очень темно, я помню, шел очень сильный дождь, моя мама все время говорила, чтобы мы тихо разговаривали когда стоит свечка нельзя голос повышать. У нас стояла дровяная печка в зале, и мы все сидели вокруг этой печки тихо, что-то шептали. И такая тишина. Дверь была немного приоткрыта. И тут дверь резко открывается, заходит человек и говорит: «Добрый вечер». На пороге стоял высокий, стройный, красивый парень с бородой. Мы испугались, а отец с дядей не испугались. Они встали сразу, потому что не ожидали, что кто-то зайдет. И когда они его увидели, улыбнулись. Этот образ человека сохранился в моей памяти. Он с ног до головы был полностью в патронах, с оружием, автоматом, с гранатой и с ножами. Он выглядел как человек, который готов был воевать с кем-то. И вот он зашел, тихо, спокойно, свой автомат снимает и отдает папе. Его глаза были холодными, и одновременно такими теплыми. В его образе я увидела человека, который воевал, которого я никогда раньше не видела. Я всегда говорю, если бы я умела рисовать, я бы передала его образ. Так описать даже сложно. Настолько от него исходила теплота. После того как свечку убрали, все сели за стол. Никто ни о чем не спрашивал. Тихо сели мужчины ужинать. А мы сидели и смотрели на них. Они молчали, как будто они понимали друг друга взглядами. Это был тот первый раз, когда я его увидела...его боялись, я тоже его боялась до этого момента. Но после того как я его увидела, я перестала его бояться. Я начала следить, что делала моя мама ночью. Те, кто его знали, оставляли ему еду. Мама всегда оставляла еду. И он мог ночью приходить. Он абсолютно никому не мешал.

А потом был второй случай, когда он пришел днем. У нас в доме есть собаки, они не лаяли, они спокойно сидели. Он как-то пришел днем зимой. Мама всегда говорила, если кто-то придет, нужно накрывать на стол. Я по-своему накрыла. Я была дома, моя сестра и дядя. Я накрыла на стол. Мне было 4 года, на меня даже детей маленьких оставляли, уходили на работу, потому что нас нужно было кормить. Помню, как я сидела у печки, и дядя мне говорит, иди на кухню и закрой дверь. Я зашла на кухню, и мне пришлось закрыть дверь. Я ничего не слышала. У нас была кошка, и так случилось, что кошка захотела зайти в кухню, и дверь открыла. И тихонько я начала слушать, о чем они говорили. Но до меня доходили просто фразы. Я поняла, что у них есть о чем вспоминать. Я впервые в жизни увидела, как мужчины плачут. Для меня это было странно, потому что я не видела, чтобы мужчины плакали. Я слышала, что мужчины не плачут, я просто маленькая была. А тут эти двое сидели и как младенцы плакали. Они вспоминали, как я поняла, своих друзей, которые погибли. Я впервые увидела, как мой дядя плачет, я впервые увидела, как у взрослого мужчины слезы идут. Потом, когда я поняла, что они меня увидели, я сразу закрыла дверь. У него был такой взгляд, я видела то, что не должна была видеть. И эти моменты по сей день меня преследуют. Именно образ этого человека и образ матери. И эти два случая преследуют меня, когда речь идет о войне, даже когда я вижу их родственников, эти картинки всегда всплывают. Если бы этот человек получил психологическую помощь вовремя и мой дядя тоже, я бы не видела, как он каждый день умирает. Я сегодня понимаю, пусть боженька простит меня, инвалиды войны, те, которые после войны не смогли обрести себя, не сумели заново начать, не сумели жить, наверное, для них было бы лучше, чтоб они погибли, может быть, для семьи и для них самих. Потому что они реально страдают.

С.В.: Вы считаете, что война сломала их?

А.А.: Сломала, очень многих не сломала, многие продолжают жить, а многие просто не смогли приобрести семью. Некоторые даже не могут общаться со своими близкими. Они закрываются, например, мой дядя закрылся, мы не можем его открыть, не

получается. Он не только с нами не говорит о войне, ни с кем. Для него это запретная тема. Я надеюсь, когда-нибудь я сумею его разговорить ...

С.В.: Вы рассказали о тяжелых моментах вашей жизни. Несмотря ни на что, вы были ребенком, вы играли во что-нибудь?

А.А.: В войнушки... Я например не особо любила играть в детстве. Мне было комфортно сидеть со взрослыми...

С.В.: Был ли какой-нибудь смешной момент во время войны?

А.А.: После войны, во время – нет. Даже смешно сейчас, что я жива. До войны у моего дяди была машина – грузовой «ЗИЛ». Эта машина была испорчена, и стояла она у нас во дворе, двери были закрыты: их невозможно было открыть. Так случилось, что дядя у кого-то забрал гранаты. Я даже эти гранаты запомнила, форма лимона, но зеленого цвета, клетчатые были. Эти две гранаты были в бардачке. Мы не знали, что они лежат там. Там было самое безопасное место, в доме некуда было спрятать. И как-то мои братья, сестра и я стали играть в прятки, в ловитки. Я, брат и сестра двоюродная залезли под машину. Так случилось, что увидели отверстие. Оказывается, там не было мотора, а туда ребенок спокойно может забраться, и мы туда забрались. Мы зашли внутрь. Мы открыли этот бардачок, и видим две гранаты. Одна с кольцом. Я помню, как кто-то рассказывал, что кольцо с гранаты нельзя снимать, так как может взорваться.

Смотрю, мой брат играет этими гранатами. Я ему говорю, дай мне это, и я у него забрала. Вторую гранату забрала, где кольцо было снято. Я маленькая была, но знала, что ее нельзя бросать. Я реально тогда испугалась, но сегодня мне смешно. Боженька на нас посмотрел, и мы чудом остались в живых. Представьте себе, в любой момент могло взорваться.

С.В.: Как дальше вы решили вопрос с этой гранатой?

А.А.: Обрато мы положили, я не знаю, почему она не взорвалась.

С.В.: Вы сказали старшим?

А.А.: В тот день, конечно, не сказали, нас бы убили. Я обратно положила одну гранату, потихоньку положила вторую, у кото-

рой кольцо было снято. Выгнала всех сперва. Я понимала, что это плохо. Я поражаюсь, как она вообще не взорвалась. Затем и я вышла. Я строго-настрого, по-своему, сказала им, что туда нельзя заходить.

С.В.: Сколько вам было лет?

А.А.: Это было после войны, приблизительно 6–7 лет. Остальные меньше меня были. Как могла, я целый день охраняла своих младших братьев и сестер. А когда вечером были все дома, я пыталась это сказать, но не знала, как это сделать. Я понимала, что от мамы получу... Кое-как я маме рассказала, надо было ее видеть, она побледнела, почернела. Она на меня так накричала, я просто не могу передать, но я сказала, потому что должна была сказать. Потом она рассказала папе, папа – дяде, и дядя был в ужасе. Он так на нас посмотрел и сказал, чтобы туда близко не подходили. Вечером, когда было темно, оказывается, он забрал гранаты и отдал. На следующий день, мне ведь было интересно, я опять туда залезла, посмотрела, в бардачке они не лежали, я поняла, что он уже перепрятал. Тогда действительно поняла, что было опасно. Жив мой брат, моя сестра и остальные дети, которые вокруг этой машины играли. Эти гранаты я никогда не забуду, я увижу, и пойму, что это гранаты... Нас наказали, объяснили, что это неправильно, что мы не должны прикасаться к таким вещам, если где-то еще увидим.

С.В.: Какой вкус у войны?

А.А.: Во время войны мы были одним целым, я думаю, так было в каждой семье. Мне не хватает того периода, так как мы все были вместе. То есть мои двоюродные братья, сестра. Несмотря на то что мы были детьми, мне кажется, мы больше понимали друг друга. А сегодня этого чуть-чуть не хватает. Хотя братья и сестра любят друг друга, но именно этого запаха и вкуса любви, братской, между сестрами, между родителями и детьми было больше.

С.В.: Почему, как думаете?

А.А. Лично для меня? Я была старшая в семье, но я была маленькая. Родители, когда были дома, говорили, ты старшая, ты отвечаешь за них. ... Чувства ответственности, этого больше было. Это, к сожалению, сейчас отсутствует у многих. У абхазов

ведь не просто придумано, чтобы младшие к старшим прислушивались. Тогда, несмотря на то что я маленькая была, потому что старшая, они слушались...

С.В.: Как вы думаете, когда вы повзрослели?

А.А.: Я думаю, слишком рано, думаю с 7–8 лет. Может, потому что отмечали, что я старше и должна отвечать за них. Может, и это заставило меня чувствовать себя взрослее, чем остальные братья и сестра, и мне было уже неинтересно с ними.

Даже после войны мне было неинтересно. Мне не хотелось играть в игры, в которые они играли. Мне было комфортно со взрослыми...

С.В.: Чего вам не хватало в детстве?

А.А.: У нас в доме всегда была мамалыга, фасоль, соленье ... Я хорошо помню, как мой двоюродный братик захотел сыра, а в доме его не было, и он начал плакать. А его мама положила красный ахул в мамалыгу и говорит: «Вот тебе сыр». И он поел, он воспринял это как сыр, и поел. Не хватало молока, сыра. Я так и выросла. Когда началась война, родители потеряли рабочие места, многого не хватало. Сгущенки очень хотелось, помню. Помню, как сняла ленту этикетки вокруг банки, сделала дырку и выпила эту сгущенку. Обратно приклеила, и поставила в холодильник.

С.В.: Вы были лишены детства?

А.А.: Да. Я не могла играть с детьми. Сегодня, когда играют дети, я готова с ними играть. Моя сестра работает в детском саду, и когда я туда прихожу, я готова с ними играть, прыгать, танцевать. Этот отпечаток войны даже комплексы создаёт. Мне было некомфортно с детьми играть. Мне это было странно... Сегодня я раскрыла себя. Но когда я все это вспоминаю, задаю себе вопрос, смогли ли раскрыть свои крылья остальные? Я думаю, не все смогли.

С.В.: Что вы хотели бы пожелать сегодняшнему поколению?

А.А.: В первую очередь, чтобы никогда не было войны. Моим ровесникам хочу пожелать, чтобы они стали достойными родителями для своих детей, чтобы они сумели передать своим детям любовь к своему языку, истории, культуре, чтобы их дети смогли вырасти достойными памяти погибших ребят.

30.11.2017 г.

Камилла Лакербая,

руководитель детского центра «Wonder Kid»,
филиала хореографической школы
«Русский балет»

С.В.: Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

К.Л.: Меня зовут Лакербая Камилла.

С.В.: Расскажите, пожалуйста, немного о себе.

К.Л.: Мне 28 лет.

С.В.: Что закончили, где работаете, чем занимаетесь?

К.Л.: Закончила я Абхазский государственный университет. По образованию я специалист в области международных отношений. Официальная работа в Министерстве иностранных дел, занимаюсь также частным делом. Замужем, двое детей.

С.В.: Скажите пожалуйста, сколько вам было лет, когда началась война, и где она вас застала?

К.Л.: Мне было три года. Я родилась в декабре 1989, получается мне три исполнилось к концу 1992 года. Мы были в Сухуме, я не помню этот день, но моя мама отчетливо помнит выступление Ардзинба по телевидению. Я помню, когда мы оставили Сухум, и поехали в Гудауту с мамой и тетей. Я так отчетливо помню взрывы, вспышки.

С.В.: Взрывы где помните?

К.Л.: В отдалении они звучали, этот гул запомнила. Помню, как папа приехал весь бородатый за нами, он же приезжал периодически, что-то привозил.

С.В.: Как звали отца?

К.Л.: Даур Лакербая.

С.В.: Есть какие-то моменты, которые вам запомнились?

К.Л.: Да, есть момент до того, как мы уехали в Гудауту. Когда начался обстрел, мы были на пляже, потом поехали к тете на Новый район и пребывали там некоторое время. Я помню, как

зашли к нам грузинские гвардейцы, и начали расспрашивать меня. А где дядя? Где папа? Чем они занимаются? Естественно, в доме все женщины были. Это я сейчас уже анализирую. Все в страхе стояли молчали. А я просто, как ребенок трехлетний сказала, что папа в Гудауте, братья ушли, а дядя с ними. Вот это я отчетливо помню. Их было трое, и они были с автоматами.

С.В.: Было вам страшно, вы помните свои ощущения?

К.Л.: Не было вообще, не было страшно в тот момент. Сейчас бы я испугалась. Но, видимо, ребенок толком не понимает, что происходит, и не было страшно. Просто постоянно была какая-то суматоха.

С.В.: Во что вы играли, помните?

К.Л.: Помню, что у меня была маленькая машинка, и я играла в нее, и еще у меня был велосипед. Больше ничего я не помню из игрушек.

С.В.: Есть еще какие-то моменты, которые вам запомнились?

К.Л.: Я помню отчетливо, как мы возвращались домой. Помню, как мы приехали уже после окончания войны в Сухум, в нашу квартиру. Ее обокрали, пока нас не было, очень много вещей утащили. Кто это сделал – уже не понятно, либо с вражеской стороны, либо из местных мародёров. Но я отчетливо помню, как мама первым делом подошла к крану, чтобы проверить идет вода или нет. Вода долгое время не шла.

С.В.: Помните себя в шесть лет?

К.Л.: Да, в шесть лет я в школу пошла.

С.В.: В шесть лет вы в школу пошли, сопровождала ли вас война, что у вас в жизни происходило, часто ли поднималась тема войны?

К.Л.: Всегда сопровождала, потому что у нас два брата пропали.

С.В.: Не могли бы вы немного рассказать об этом.

К.Л.: Варлам Лакербая и Михаил Тарба были двоюродными братьями, близкими друзьями. Миша закончил 11 класс, а мой родной брат перешел в 11 класс. Варлам хорошо играл в футбол, его всегда выделяли как одного из лучших игроков на тот момент в Абхазии. Стрельцов и Давлатов пригласили его в юношескую сборную «Динамо» Москвы. Но вот началась война. Ребята

никому не сказав, сбежали на фронт. Один раз папа их нашел и вернул, но они опять сбежали. Их сразу отправили на Ахбюк.

С.В.: Как их приняли, сколько им было?

К.Л.: 17 лет было. Их не приняли вначале. Это потом нам стало известно, что их не принимали, сказали, что слишком молодые. Но они обратились в другое место, к другим генералам. То есть, они обманули, прибавили себе возраст, сказали, что им 20 и старше. Миша сам по себе был высоким, а Варлам еще был спортсменом. Он был очень крупного атлетического телосложения. Их документы, естественно, никто не проверял, и их взяли. На первом задании они толком не умели ни целиться, ни стрелять, не знали, как себя вести на войне. Об этом они только читали в книжках.

С.В.: Когда вам стало известно о том, что их не стало?

К.Л.: Не было известно. Было несколько версий: одна из них – что кто-то из вертолёта спасся, но они были в окружении, их могли взять в плен, другая – что они скрываются где-то в горах.

С.В.: А когда это было точно, помните?

К.Л.: 4 июля 1993-го. Мой второй сын родился 4 июля и его назвали Варламом.

С.В.: Когда вам стало известно, что произошло с братьями?

К.Л.: Они числились без вести пропавшими очень много лет. Ничего точно мы не знали об их судьбе. Несмотря на это, Варлам был удостоен ордена Леона и медали «За отвагу». В последние пять лет, как начала проводиться эксгумация останков погибших, вся наша семья надеялась на то, что мы сможем найти Варлама. И Варлам, и Миша оказались в братской могиле в парке Боевой Славы. Состоялись похороны. Сейчас у них у каждого своя могила. Несмотря на то, что Варламу было 17 лет, он выделялся в футбольном мире. В его честь был назван стадион на учхозе, в сторону Эшеры. Там постоянно проводятся турниры детей в его память. Наша семья от имени брата Варлама подготавливает кубки, награды детям.

С.В.: Скажите пожалуйста, когда стало известно о такой трагедии, помните ли вы, что испытали в этот момент? Вы понимали, вообще, что происходит?

К.Л.: Столько лет прошло. Папа говорил, что это невозможно, что они живы, где-то в плену. У него все еще была надежда. Но ког-

да стало известно, ему было тяжело, как и нам всем. Но тот факт, что ты можешь прийти на могилу, положить цветы, это многого стоит. Очень плохо это известие перенесла моя тетя – мать Миши.

С.В.: То есть была надежда, что он где-то живой?

К.Л.: Была, но мы с мамой и со старшим братом как-то смирились с тем, что его нет.

С.В.: Камилла, вам снились сны о войне?

К.Л.: Да, бывало. Как будто мы возвращаемся в то прошлое, и я часто вижу папу в Сухуме. Помню, как мы в студенчестве поехали в Нижний Новгород в международный лагерь. Мы ехали поездом, и у нас не было связи с родными. Помню наше ощущение беспокойства, кому-то из сверстников приснился сон, что началась война. По приезду мы узнали о событиях в Осетии в 2008 году. Мы очень переживали.

С.В.: Вы часто вспоминаете о войне?

К.Л.: Да, мы вспоминаем, потому что с братьями связано. Естественно, у нас дома фотографии и тетради их школьные сохранились. У моего брата просто куча грамот, медалей, кубков. Он везде был лучшим игроком, лучшим футболистом во всех турнирах.

С.В.: Как вы думаете, какое лицо у войны?

К.Л.: Обманчивое, потому что люди, которые не участвовали в войне, они не знают, что это такое. Я имею в виду молодых людей, которые представляют это в романтическом виде, как об этом написано в книжках, геройски, победоносно. На самом деле, это ужасно, потому что нет такого, что ты под чьим-то крылом находишься, или что-то случится, но не с тобой.

С.В.: Есть какие-то радостные воспоминания из военных лет, что-то помните?

К.Л.: Нет, не помню, я даже ребят не помню. Все по фотографиям, их я не помню. Я помню мгновения, вот эту встречу с гвардейцами я помню, как домой вернулись.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

К.Л.: Не знаю, явно неприятный, горький.

С.В.: Считаете ли вы себя ребёнком войны ?

К.Л.: Я себя считаю не столько ребенком войны, сколько послевоенным ребёнком. Потому что я помню наши игры после войны в этих сожженных домах, и то, как постоянно не было ни воды, ни света. Мы постоянно носили воду, носили бидонами

воду из какого-нибудь источника. Отчетливо помню гуманитарку, эти печенья. Ужас. Не дай Бог, чтобы мои дети испытали это.

С.В.: Вы можете сказать, что ваше детство украдено?

К.Л.: Нет, все равно хорошее у нас было детство. Зато у нас есть осознание того, что есть хорошее детство, и есть плохое. Какое оно не должно быть, теперь мы точно знаем. И несмотря на то, что тяжело было, у нас есть друзья, с которыми мы дружили и постоянно вместе были. Было, конечно, тяжело, у кого-то еды не было.

С.В.: Но при этом все были единым целым.

К.Л.: Да. Четыре года назад состоялось перезахоронение. Те, кто были на Ахбюке,¹ были идентифицированы. Там также был один человек, который погиб во время Мартовского наступления. Его не могли по каким-то причинам сразу идентифицировать. И, кстати, он единственный, у кого остались фрагменты одежды, потому что наши ребята сгорели. Получается, у них кроме костей, зубов ничего не осталось, а у него остались пуговицы, форма, которую он одевал.

С.В.: Известно, кто он?

К.Л.: Да, естественно. Все молодые были, от 17 до 20 лет. Отчетливо помню, что все руководство пришло на перезахоронение. Помню, слезы Рауля Хаджимба. Он просто сел и начал рыдать, так как все очень молодые были.

С.В.: Сколько их было?

К.Л.: Семь на тот момент. Но идентификация происходила поэтапно. Некоторые семьи взяли ребят на родовые кладбища, похоронили там, а мы решили, раз они все это время были в парке Славы, там и оставить.

С.В.: Камилла, что пожелаешь детям войны, нашему поколению?

К.Л.: Не знаю, что пожелать. Вынести максимум выводов, которые можно применить сейчас, чтобы о том, что дети пережили в войну, знали наши дети, то есть, чтобы они не думали, что все легко...

29.06.2018 г.

---

¹ Гора Ахбюк имела стратегическое значение при освобождении г.Сухума, Цугуровки, Каман и других районов Абхазии.

Лерик Квачахия,**заместитель директора по воспитательной
работе в очно-заочной средней школе
г. Сухума**

Л.К.: Здравствуйте, меня зовут Лерик Квачахия, родился в апреле 1990 года в городе Ткуарчале. Когда началась война, мне было полтора года. Военные события я, конечно, в силу возраста не помню, это естественно. Когда закончилась война, я был уже постарше, мне было два с половиной года. Война сохранилась в моей памяти на каком-то, я бы сказал, генетическом уровне. В 1994–1995 годы, помню, я боялся шума вертолета. Если летел вертолет, мне казалось, что это непременно грузинский вражеский вертолет. Поэтому я искал окопы, которых после войны было довольно много во всех селах Абхазии, я прятался там от этого вертолета. Запомнилась мне, конечно, блокада, которая была объявлена нам Россией и странами СНГ. Отец мой в силу этой политики не мог выезжать за пределы Абхазии. Я уже с 6–7 лет выезжал со своей матерью на автобусе на Псоу. Продавали наши фрукты и привозили в Абхазию все то, что не могло дать наше сельское хозяйство. Конечно же, времена были тяжелые для моей матери, для моего отца. Но я долгое время за пределы своего района не выезжал, и когда мы на этих старых «Икарусах» проезжали по всей Абхазии, разумеется, мне было интересно, я первый раз увидел нашу столицу, город Сухум, конечно, много было зданий разрушено. Однако тогда я для себя решил, что когда-нибудь я приеду в этот город и буду здесь жить. Это была моя детская мечта и она исполнилась. Я уже 10 лет являюсь жителем абхазской столицы. Конечно, интересны были и другие города Абхазии: Новый Афон, Гудаута, Гагра, все эти города мы проезжали в пути около 5 часов, тогда еще дороги были в плохом состоянии. Запомнил саму границу, сколько было очередей

на мосту через реку Псоу, сколько там было людей, запомнил, как порой по-хамски вели себя российские пограничники по отношению к населению Абхазии, т.е. не разбирали кто перед ними стоит.

С.В. Расскажите нам о каком-нибудь эпизоде, который вам запомнился, к примеру, один день на границе.

Л.К.: Да, таких дней было немало. На границе людей пропускали до определенного времени, затем шлагбаумом закрывали до утра. И так получилось, что мы стояли около двух часов на этом мосту, около 12 часов ночи, если не ошибаюсь, закрывали границу. И вот мы должны были уже пройти, но пограничник нам сказал: 12-00, мы вас не пропускаем. Конечно, мама начала возмущаться, мол, я тут с маленьким ребенком стою, нам срочно нужно сегодня товар реализовать, завтра утром поехать домой, однако не подействовали все ее уговоры, нам пришлось развернуться и утром опять встать в очередь.

С.В. Какие у вас были ощущения?

Л.К.: Ощущения были очень неприятные, мы хотели чтобы это все побыстрее закончилось. Тогда у меня остались неприятные впечатления от границы, от того, как по отношению к нам вели себя российские пограничники. Наверное, у них был приказ вести себя так по отношению к нам. Конечно, по этим людям нельзя судить о целой нации, но тогда-то я был ребенком, сделал вывод, что все русские такие. Наверное, это было неправильно с моей стороны, я это осмыслил позже, но тогда именно такие мысли были. По одному человеку я как бы сделал вывод о целом народе и целом государстве.

С.В.: В вашей семье говорили о войне?

Л.К.: Да, о ней не говорить было невозможно, потому что отец принимал участие в войне. Все тяготы по моему воспитанию легли на плечи моей матери. Она рассказывала, как часто наше село обстреливали с воздуха, как нам приходилось прятаться в окопах, как нередко пешком мы вынуждены были добираться до ее родового села, это село Гуп, тоже Очамчyrского района. Расстояние между нашими селами – около пяти километров. Мы по лесу, не по дороге, разумеется, добирались до того места, где проживали мой дедушка, мой дядя со стороны

матери – вынуждены были укрываться там. Мама говорит, что иногда мы добирались пешком до города Ткуарчала, он находился в блокаде, в городе не было продовольствия, поэтому, разумеется, целесообразней было находиться именно в селе. Отец воевал на Восточном фронте, но он об этом периоде рассказывать не очень любит, как то больше со слов матери я знаю про войну.

С.В.: В вашей семье есть еще кто-то из детей?

Л.К.: Сейчас нас двое братьев, второй брат родился после войны в 1995-м. Так что во время войны я был в семье единственным ребенком.

С.В.: Какое у вас было восприятие войны, как вы вообще понимали это слово – «война»?

Л.К.: Прежде всего у меня война ассоциировалась именно с военной техникой, то есть это были танки, это были вражеские вертолеты, это был какой-то внутренний страх, который сопровождал меня лет до девяти-десяти. Я, конечно, тогда еще понимал, что война уносит жизни, у нас, слава богу, все пережили войну, однако было немало родственников, которые погибли. Мне с самого раннего детства рассказывали о них, где они погибли, как их звали, чем занимались в мирное время, поэтому война ассоциировалась прежде всего с убийством, со всем негативным.

С.В.: Чего вам не хватало больше всего во время войны, блокады как ребенку?

Л.К.: Что нужно ребенку? Чтобы детство было беззаботным. Наверное, это все-таки мир. У нас не было тех благ, которые есть у современных детей, не было даже детских игрушек, чего уж там греха таить. Помню, как в 7-8 лет дедушка купил машинку, потом велосипед, и я был очень рад. Этого всего в самом раннем детстве, к сожалению, не только я, но и многие дети Абхазии были лишены. Помню, как раздавали гуманитарную помощь, и как мы с нетерпением ждали, когда же нам эту коробку принесут с Красным Крестом. Больше всего я любил там сахар-рафинад...

С.В.: И печенье с молоком.

Л.К.: Да, да, да, то есть было очень много вкусностей. Был такой период, что, к сожалению, на нашем рынке этот товар был дефицитным. Поэтому все ждали именно гуманитарную помощь.

С.В.: Помните первый день в школе?

Л.К.: Да, очень хорошо помню. Мама работала в школе, так что за несколько лет до того, как я пошел в школу, я уже умел читать, писать и считать, это все я знал. Помню свою первую учительницу Вартагава Татьяну Дорофеевну, очень хорошего опытного специалиста. Запомнил само состояние школы после войны, ремонта не было, зимой было холодно, в классах топили печку, там постоянно был дым.

С.В.: Были у вас учебники?

Л.К.: Помню, Анбан (Азбука. – Авт.) у нас был, в довольно потрепанном состоянии. Остальные учебники тоже были довольно старые, некоторые страницы даже были вырваны, мы как конспект записывали то, что нужно было нам выучить, потому что в книге этих страниц не было.

С.В.: Какой для вас был самый страшный эпизод во время этих событий?

Л.К.: Самый страшный эпизод случился в 1998 году. Казалось, ситуация более менее стабилизируется, но произошли известные события. Я помню, как к нам домой пришли из Министерства обороны, сказали о том, что проводится мобилизация среди мужского населения. Помню, как отец надел свою военную форму, и вновь ушел с оружием в руках. Для меня это, конечно, было стрессом, потому что я боялся, что отец не вернется оттуда. Мне было очень тяжело. Тогда я был в первом классе, еще летом умер дедушка, то есть было очень много таких негативных моментов. Именно это запомнилось мне.

С.В.: Бывало вам страшно?

Л.К.: Да, очень часто бывало страшно.

С.В.: Помните ли вы события 1998 года?

Л.К.: Да, помню. Учítывая то, откуда начиналось наступление, это было в 30–35 километрах от нашего села. Поэтому, конечно же, иногда выстрелы были слышны.

С.В.: Могли бы описать один из таких дней?

Л.К.: Запомнился тот день, когда мужчин нашего села мобилизовали. Помню, было очень рано, 6 или 7 часов утра. В доме все суетились. Когда был ребенком, любил поспать по утрам, однако я тоже встал. В нашем дворе увидел, что стоит несколько

машин, все соседи были в военной форме. У кого-то были автоматы Калашникова, у кого-то ружья, и конечно, мне было очень страшно. Прошло несколько часов, и все пошли к центру села, а потом уже направились к месту боевых действий. Хочется описать и атмосферу в доме, поведение женщин, моей покойной бабушки, моей матери, хотя они старались как-то прикрыть свой страх по отношению к тому, что происходит, я видел, насколько они беспокоятся, было страшно. Они видели войну и, разумеется, они боялись, что повторится то, что было. И в такой атмосфере не только этот день прошел, но и все последующие дни, пока отец не вернулся.

С.В.: Ваши детские ощущения какие были все это время?

Л.К.: Если отбросить все негативные моменты детства, было и хорошее, мы часто ходили к соседям, они к нам. Мы играли в прятки, в догонялки. Мы делали бумажные самолеты, бумажные корабли и запускали их.

С.В.: Вы играли в войнушки?

Л.К.: В войнушки мы стали играть чуть позже. Потом сами делали деревянные автоматы, каски, играли ими, то есть потихоньку страх стал отходить.

С.В.: Вы часто вспоминаете о войне или военных событиях?

Л.К.: Да, к этому приходится возвращаться довольно часто. Например, когда я посещаю деревню, вспоминаю сразу все эти события, которые происходили в тот период, или когда по работе читаю историю Абхазии, все связанное с войной, то, конечно, все эти события всплывают в памяти, я их как бы восстанавливаю и провожу параллель.

С.В.: Есть какие-нибудь теплые воспоминания о детстве?

Л.К.: Да, теплых воспоминаний много. Я уже говорил вам, что хотя тогда было сложно уехать на границу, не было маршруток, были старые автобусы, но мне это было интересно. Второе, почему я любил ездить на границу: мама на Казачьем рынке покупала мне разные сладости, лимонад, которых тогда у нас не было. Наше детство было другим. С развитием техники у детей появились иные приоритеты. У первоклашек уже есть мобильные телефоны, айфоны и все остальное. У нас всего этого не

было, у нас было настоящее детство. Мы ходили с утра до вечера, могли упасть в лужу, в грязь, мама не била, мама не ругала, то есть это было естественно. И вот именно такие моменты детства мне лично запомнились, то, как мы бежали по всему селу с соседскими детьми, как мы играли. Все наши игры остались в памяти, это очень теплые воспоминания.

С.В.: Как вы думаете, какой вкус у войны?

Л.К.: Горький.

С.В.: О чем бы вам хотелось рассказать более молодому поколению сегодня?

Л.К.: Я в школе работаю, поэтому, конечно делюсь с детьми своими впечатлениями.

С.В.: Вы преподаете?

Л.К.: Я замдиректора по воспитательной работе, это моя обязанность – проводить различные мероприятия, и, разумеется, многие из них связаны с войной. Подростающее поколение в силу определенных обстоятельств не имеет возможности сравнить свое детство с детством чуть более старшего поколения. Возможно, это обусловлено возрастом. Когда современные дети жалуются на то, что у них очень насыщенный график, школа, занятия для поступления и все остальное, то, конечно, неплохо было бы им напомнить о том, через что прошло старшее поколение.

С.В.: Вы считаете, что об этом нужно говорить и рассказывать?

Л.К.: Я думаю, да!

С.В.: Для чего?

Л.К.: Как бы плохо ни было тогда – это наша история, и мы не можем просто взять и забыть. Именно с этой целью проводятся все мероприятия в нашей республике, связанные с Днем Победы, мы поминаем наших героев и в день начала войны. Не зря вспоминаем тех, которые погибли в Мартовском наступлении, во время Латской трагедии. Нельзя забывать, это будет большой ошибкой.

С.В.: Вы задумывались когда-нибудь о том, что война как-то отразилась на вас, на становлении вас как личности?

Л.К.: Я думаю, да. Когда мы заканчивали школу, все поступали в высшее учебное заведение. Сегодня я вижу, как ведут

себя выпускники, то есть экзамены для них это очень большой стресс, дело доходит до истерик, дети плачут, когда они не могут ответить. У нас такого не было, мы были более подготовлены, для нас экзамены при поступлении в АГУ не были проблемой. В этом плане, наверное, мы были более целеустремленными и готовыми к этой жизни. Явилось ли это следствием войны и послевоенного периода, учитывая, сколько было проблем, думаю, да.

С.В.: Считаете ли вы себя ребенком войны?

Л.К.: Да, естественно.

С.В.: Что бы вы хотели пожелать сегодняшним детям войны, вашему поколению?

Л.К.: Самое главное, чтобы те события, которые были в нашей истории, никогда больше не повторялись. Для этого есть предпосылки, наконец, мы обрели свободу. Надеюсь, что наш народ образумится и будет помнить об этой войне, из поколения в поколение. Самая главная наша задача это – не возвращаться к прошлому, а думать все-таки о будущем. Потому что государство нужно строить, у нас просто огромная масса нерешенных проблем, и, я думаю, что всю свою энергию нужно отдать на строительство независимого Абхазского государства.

С.В.: Спасибо большое.

Л.К.: Вам спасибо.

13.12.2017 г.

Аслан Габелая,
преподаватель кафедры археологии,
истории и этнологии Абхазского
государственного университета

С.В.: Расскажите о себе.

А.Г.: Габелая Аслан Суликоевич, родился 14 августа 1991 года в крестьянской семье, в селе Тамыше (Ануаарху) Очамчырского района. Среднюю школу окончил в 2008 году, Абхазский госуниверситет, исторический факультет – в 2014 году. После окончания магистратуры поступил в аспирантуру в АГУ и окончил ее в 2017 году.

С.В.: Что вы помните о войне? Помните ли вы что-нибудь о ней?

А.Г.: О войне в целом практически ничего не помню. Старшие в основном мне рассказывали, исходя из их воспоминаний, я могу себе представить, какое это было тяжелое время. Я помню какие-то фрагменты с 1997 года. К сожалению, помню, как было тяжело и в школе, и в семье, и в обществе в целом. И как было тяжело не только мне, но и одноклассникам. К сожалению, не самые позитивные эмоции связаны с этим периодом.

С.В.: Что вам старшие рассказывали о войне?

А.Г.: Рассказывали, как было тяжело, как погибали парни молодые. Одно дело, когда погибают уже взрослые, защищая свое отечество, отчизну. Другое дело, когда погибают молодые совсем ребята. Запомнилось, как рассказывали соседи о том, что здесь, в селе, жил парень. Ему 17 лет было, он воевал и, к сожалению, погиб. И таких ведь и в нашем селе, и по всей Абхазии было очень много. Уже, будучи взрослым, начинаешь это все переосмысливать, делать какой-то анализ и ставить себя на их место. К сожалению, с этим очень сложно смириться, что такие

молодые ребята сложили свои головы, и сделали они это во имя нашей победы, независимости.

С.В.: Расскажите пожалуйста, помните ли вы события 1998 года?

А.Г.: Я помню то общество, которое меня окружало. Я помню, что всем было сложно. Во-первых, сложно с точки зрения экономической составляющей, да и в материально-финансовом плане. Помню именно тот момент, когда старшие говорили, что очень сложно жить в условиях блокады. Очень сложно было преодолевать границу на российской стороне. И в основном наши матери, в том числе и наши соседки, занимались именно этим в послевоенное время. Продавали цитрусовые, какие-то фрукты. Очень тяжело жилось в таких условиях.

С.В.: А вы лично, что помните?

А.Г.: Помню, как пошел в первый класс. Было очень сложно, не хватало ручек, учебников, тетрадей. Помню, как я ждал того момента, когда мне купят портфель. Когда у меня появится собственный портфель. И, слава богу, может, мне в какой-то степени повезло, что моя мама достала портфель. Хотелось все время рисовать, а альбома, к сожалению, не было первое время, именно когда я пошел в первый класс.

С.В.: А какую школу вы посещали?

А.Г.: Я пошел в первый класс в Тамышскую среднюю школу имени Дмитрия Гулиа.

С.В.: Что вам больше всего запомнилось из школьных лет?

А.Г.: Из школьных лет то, что в классе было холодно. И мы несмотря на то что были детьми, помогали учителям, преподавателям доставать дрова, топить печки и так далее. То есть главная наша задача утром – прийти в школу и растопить печку, чтобы уже как-то выжить в этих адских условиях, потому что зимой все же было холодно.

С.В.: Аслан, чего вам не хватало во время этих событий?

А.Г.: Мне не хватало практически всех тех детских вещей, о которых мечтает каждый ребенок. Да, может быть, я тогда не сознавал, но были детские желания, детская мечта: иметь побольше игрушек, побольше интересных книг, побольше сказок,

побольше мультфильмов. У нас практически не было электричества, да и телевизора не было, поэтому я не мог себе позволить посмотреть хотя бы какой-нибудь мультик, или прочитать какую-нибудь сказку, потому что с книгами тоже было плохо. Мне не хватало каких-то ярких, позитивных эмоций. И именно со стороны окружающих, потому что понятно было, что везде было сложно. Всем было трудно, и все протекало очень тяжело. Моменты были только черно-белые.

С.В.: Могли бы вы описать один из своих дней?

А.Г.: Помню, как мы жили в сложных условиях в селе Тамыше (Ануаарху) в послевоенный период. Помню, как мы с братом ходили гулять в лес, хотя нельзя было, потому что там могли быть мины. Помню день, как я уговаривал брата пойти в лес и прогуляться с собакой. В очередной раз пошли, несмотря на то что старшие нам запрещали. Помню, как мы пошли в дом по соседству, недалеко от нас, там был камин из кирпича.

С.В.: Это когда происходило? Когда это было?

А.Г.: Это было где-то в 1998–1999 году. Мы были совсем маленькими. Я помню, как мы вошли в этот сгоревший дом. Брат мой обнаружил мину, тогда мы не понимали, что это пехотная мина. Мы принесли эту мину домой и даже умудрились с ней играть. Когда старшие увидели, пришли в ужас. Мина была боеспособная.

С.В.: То есть она в любую секунду могла взорваться?

А.Г.: Да. Нам очень-очень повезло.

С.В.: Какой самый страшный эпизод вы могли бы вспомнить из детства?

А.Г.: Опять все воспоминания послевоенные связаны с той обстановкой, которая складывалась. Еще старшие нам рассказывали, что высоковольтные линии привлекали диверсантов, которые проникали тогда в Республику Абхазия не с благими намерениями, понятно. Я помню, что рядом с нашим домом проходила именно такая линия.

Периодически приходилось нам испытывать какие-то шокирующие моменты. Когда обнаружилось, что появились диверсанты в соседнем селе, мы уходили к соседям. Помню, как собирались бабушки, дедушки, женщины, дети в одном доме

по соседству. А старшие после войны имели оружие. Они собирались и ходили в разведку, такие моменты хорошо помню. Сейчас, когда я рассказываю это, может быть, не так страшно. Но когда ты ребенок, и когда ты не понимаешь, что происходит, тебе приходится прятаться где-то, сидеть тихо, ты тогда это воспринимаешь по-другому.

С.В.: Чем это для вас тогда было?

А.Г.: Тогда я не мог найти ответа на вопрос, что происходит. Поначалу я это воспринимал как должное, но потом, когда все сидели тихо, когда говорили нам, что сюда могут зайти бандформирования, могут даже убить, мне, как остальным детям, было страшно. Мы испытывали, естественно, боязнь.

С.В.: Во что вы играли, будучи ребенком?

А.Г.: Вся наша игра сводилась к военной тематике, все наши игры с братом, с соседскими ребятами, друзьями. Мы постоянно играли в войнушки.

С.В.: Как долго?

А.Г.: Я вам скажу, что достаточно. Пока мы в пятом классе не стали ходить в секцию баскетбола.

С.В.: Вы задумывались о том, что война повлияла на выбор вашей профессии?

А.Г.: Может быть, в каком-то плане. Будучи ребенком, я задавал вопросы: почему так произошло? Почему была война? Мне это было интересно, потому что все моменты моей жизни связаны именно с той трагедией, которую испытывала Абхазия во время войны и после войны. Почему так много сгоревших домов, почему столько заброшенных домов, почему столько кладбищ, почему так много людей погибло, почему отец мой пропал без вести во время войны? На все эти вопросы в основном я получал ответы от старших. К примеру, как грузины сюда вошли под предлогом охраны железной дороги. Помню, что много вопросов задавал учительнице в школе, которая нам преподавала историю. Где-то в классе восьмом я уже стал интересоваться историей, в основном историей Абхазии. Я не могу сказать, что стал изучать ее, но мне это стало интересно. А потом уже решил для себя, что я должен как гражданин своей страны знать хорошо свою историю, чтобы в будущем

своим детям и ровесникам рассказывать её очень объективно и правильно.

С.В.: Аслан, вы не могли бы описать самый запоминающийся момент на тот период для вас?

А.Г.: Именно после войны?

С.В.: 1998–2000 годы, то, что вы запомнили и сегодня вспоминаете?

А.Г.: Я запомнил, как мы часто ездили к бабушке в Ткуарчал. Там проживало очень много родственников по материнской линии, и после войны мы ездили туда. Помню, большие красные «Икарусы» и женщин в черном, в черных косынках. Это в памяти осталось навсегда. Черный цвет у меня в глазах. И этот траурный вид до сих пор в голове.

С.В.: Как вы думаете, у войны есть вкус?

А.Г.: Только один вкус, очень страшный, горький. Несмотря на весь отрицательный исход в плане гибели людей, мы завоевали победу, и она дает нам сегодня возможность жить, развиваться и чувствовать себя в безопасности. Когда я вижу детишек, которые сегодня гуляют по городу, или в селе бегают, радуются, играют в футбол, сколько у них мячей, сколько разного и интересного, поневоле сопоставляю с нашим детством, и становлюсь счастливым.

С.В.: Какие самые теплые воспоминания?

А.Г.: Несмотря на то что было тяжело, дети всегда найдут позитивный момент, позитивную нотку. Я помню, как к нам тепло относились все: и преподаватели, и соседи. Была такая теплота, было тепло со всех сторон. Все окружали заботой. Я помню, как преподаватели провожали нас после уроков практически до дома, когда было опасно. Это запомнилось ярко, потому что ты чувствовал теплоту, несмотря на то что вокруг хаос, несмотря на то что вокруг много сожженных домов, много заброшенных домов, много всего разрушенного. Ты чувствовал, что рядом с тобой человек, который может рядом встать, защитит, подсказать, направить. Еще я помню, как нас отправили в секцию баскетбола с братом. Это тоже такой радостный момент, потому что мы все-таки стали заниматься спортом, гоняли мяч. Для нас тогда это было очень здорово и хорошо.

С.В.: Вы ностальгируете в какой-то степени по тому времени или нет?

А.Г.: Дело в том, что ты будешь ностальгировать, ты будешь вспоминать и ты захочешь снова побывать в том пространстве, где тебе было хорошо, все было ярко. Конечно, побывать именно там, в том времени, я не хотел бы.

С.В.: У вас остались какие-нибудь детские страхи?

А.Г.: Детские страхи я испытывал. Страх того, что у моих одноклассников были отцы дома, а у меня нет. Дома были только брат, мама, тетя. Я боялся того, что нет отца, придут бандформирования и некому будет нас защитить. Сегодня нет. С детства стал чувствовать ответственность, которая была на мне, потому что я был старше, а брат чуть младше. Я понимал, что нужно как-то держать себя в руках. Мама говорила, чтобы мы с братом всегда были вместе, если обидят брата, чтобы я заступился, или если обидят меня, чтобы он заступился. Мы воспитывались именно так, в таком духе мы практически закалялись. Сегодня в жизни все эти вещи мне очень помогают. Потому что если ты в свое время пережил такое, потом тебе будет легче. Это очень тяжелый урок, если ты его освоил, то это обязательно тебе поможет во всем.

С.В.: Как вы думаете, Аслан, в какой момент вы повзрослели?

А.Г.: Исходя из того, что я выше рассказывал, что у меня не было отца, и я всегда должен был быть ответственным в семье, ещё будучи ребенком, мне кажется, я с детства взрослый, во всяком случае, окружающие меня люди тогда и сейчас так говорят.

С.В.: Вы помните свои ощущения, когда сказали: все, война закончилась? Нет, ни бандформирований, никого, город чист, Абхазия свободна.

А.Г.: Конечно да, я стал более взрослым, стал мыслить по-другому, стал понимать, что здесь у нас есть солдаты, есть армия, которая тебя защитит, появились миротворцы. Тогда я понял, что война практически завершена. А когда стали разрешать гулять, ходить в лес, куда-то на речку, я уже понял, что никакой опасности нет, хотя опасность всегда есть.

С.В.: Аслан, вы рассказывали о том, что вам не хватало многого. Из еды чего вы очень хотели, чего вам недоставало?

А.Г.: Из еды – конфет. К примеру, мама поехала на Псоу с цитрусами, чтобы их продать. Мы были уверены на 99% в том, что она нам привезет долгожданные конфеты. Были такие маленькие конфеты-«подушки», кажется, разного цвета. Я помню, до сих пор мы с братом вспоминаем этот вкус. Я до сих пор помню эти конфеты.

С.В.: Аслан, вы сегодня могли бы назвать себя ребенком войны?

А.Г.: Конечно, я родился именно 14 августа 1991 года. Через год после моего рождения началась война. Поэтому я считаю, что я ребенок войны. Хотя, может быть, в какой-то степени мне повезло, что во время войны я не понимал, что происходит, как например, понимал потом в 1997–1998 году.

С.В.: Вы часто вспоминаете о войне, о 90-х годах?

А.Г.: Да. Да, конечно, часто. Практически каждый день, какие-то фрагменты. Я думаю, что эти фрагменты будут со мной всю жизнь. Я специально об этом не думаю, никогда не было, чтобы я сидел и думал об этом. Просто ты идешь и видишь, как детишки бегают, и ты сразу начинаешь вспоминать какие-то моменты. Или элементарно, ты к своим родственникам в город Ткуарчал едешь, и видишь вокруг до сих пор сожженные дома. Очамчыра в каком состоянии – мы все знаем. И опять же появляются мысли, вспоминаешь, как именно после войны ездил туда, и с ужасом смотрел на то, что окружало.

С.В.: Аслан, что бы вы хотели пожелать сегодня детям войны?

А.Г.: Я хочу пожелать всем мужества, чтобы у всех детей того периода, которые уже взрослые, реализовались все задуманные планы, чтобы они достигли всего самостоятельно. У тех детей, которые прошли тот сложный путь, думаю, все получится. Я им желаю только мира и добра.

С.В.: Спасибо, Аслан.

А.Г.: Спасибо вам!

12.12.2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора - составителя.....	3
<i>Щеглова Т.К.</i> Устная история (oral history) и военная антропология: точки взаимодействия в материалах интервью «детей войны»	45
Илона Цкуа – с. Эшера (16 лет) ¹	52
Илона Ханагуа – Ткуарчал (15 лет).....	56
Анжела Чантурия – Ткуарчал (15 лет)	61
Лаша Лакрба – Гудаута (14 лет).....	68
Эсма Пилия – с.Акуаскъа (14 лет).....	76
Аста Марухба – Новый Афон, Санкт-Петербург (14 лет).....	82
Даур Кове – Гудаута (13 лет).....	91
Лолита Пилия – с.Акуаскъа (13 лет).....	104
Илона Джопуа – с.Джгярда (13 лет).....	112
Софья Джопуа – с. Кочара (12 лет).....	118
Мадина Джопуа – Ткуарчал (12 лет).....	126
Тимур Амичба – Сухум, Адлер, Гагра (12 лет).....	139
Руслан (Бабасик) Шакая – Гудаута (12 лет).....	155
Мадина Возба – Сухум, Гудаута (12 лет).....	163
Илона Барциц – Гудаута (12 лет).....	172
Алхас Каджая – с. Агара (11 лет).....	178
Алхас Манаргия – Ткуарчал (11 лет).....	185
Миша Аджба – Сухум (11 лет).....	195
Ада Адлейба – Ткуарчал (11 лет).....	200
Вероника Джопуа – Гудаута (11 лет).....	209
Тимур Аршба – Ткуарчал (11 лет).....	218
Алиса Матга – с.Лыхны (11 лет).....	227
Изольда Берулава – Сухум, Батум, Гудаута (10 лет).....	237
Кристина Квициния – с. Агара (10 лет).....	248
Элисо Ажиба – с. Гуада (10 лет).....	254
Люсана Гуния – с. Маркула (10 лет).....	260
Элисо Сангулия – с. Гуп (10 лет).....	267
Джансух Лазба – Новый Афон (9 лет).....	275

¹ Указан возраст детей на момент начала грузино-абхазской войны.

Гудиса Возба – Гудаута (9 лет).....	283
Эсма Гургулия – Ткуарчал (9 лет).....	288
Астанда Касландзия – Пицунда (9 лет).....	297
Марта Пачалия – с. Аацы (9 лет).....	304
Мадина Чолокуа – Сухум (8 лет).....	310
Ахра Смыр – с. Эшера (8 лет).....	315
Элана Кортуа – Гудаута (8 лет).....	323
Мадина Ханагуа – Ткуарчал (7 лет).....	333
Амра Джопуа – с. Кутол (7 лет).....	338
Татьяна Хишба – Сухум, Батум, Гудаута (7 лет).....	343
Дмитрий Габелия – с. Джал (6 лет).....	354
Артур Шакая – с. Гуада (6 лет).....	363
Аэлита (Варелджян) Шакая – Гагра (6 лет).....	369
Дмитрий Авидзба – Гудаута (6 лет).....	374
Щаридан Тыркба – Гудаута (6 лет).....	382
Владимир Джоджуа – Сухум, Москва (6 лет).....	390
Валентин Давтян – Сухум, Сызрань (6 лет).....	395
Ромео Черкезия – с. Агубедия (5 лет).....	400
Давид Цужба – Гудаута (5 лет).....	410
Астанда Хашба – Ткуарчал (4 года).....	417
Асмат Авидзба – с. Эшера (4 года).....	422
Джумбер Гуния – с. Маркула (3 года).....	426
Геннадий Цулая – Очамчыра (3 года).....	432
Альбина Анкваб – с. Джирхуа (3 года).....	443
Камилла Лакербая – Сухум (3 года).....	452
Лерик Квачихия – Ткуарчал (2 года).....	457
Аслан Габелая – Тамыш (2 года).....	464

Корректор М. Габуня

Компьютерный набор Е. Гегия

Компьютерная верстка Н. Гунба

Технический редактор Н. Гунба

Дизайн обложки С. Садзба

(На снимке Даур Цицхаладзе, 4 года. Фото И. Чкадуа. Ткуарчал. 1993 г.)